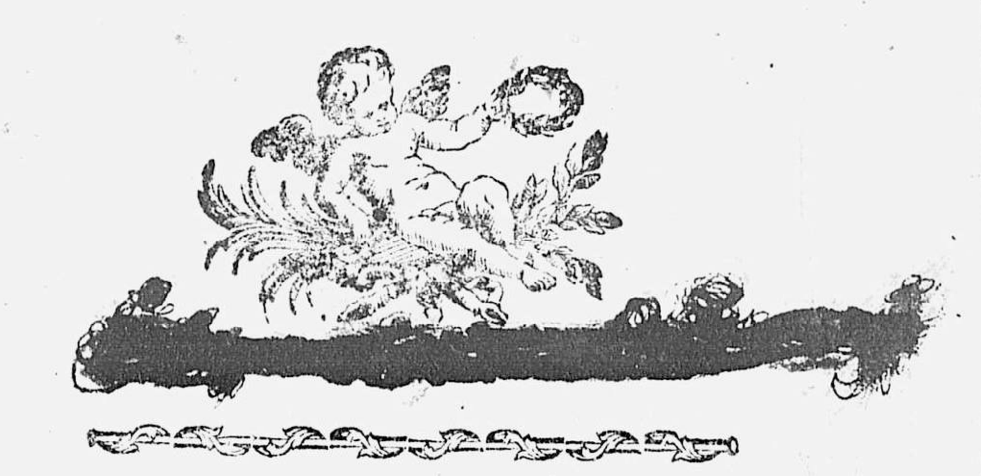

ЖИЗНЬ
и
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
РОБИНЗОНА КРУЗА
ПРИРОДНАГО АГЛИЧАНИНА.

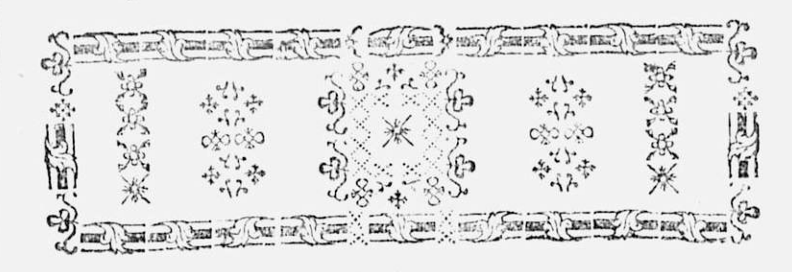
Переведена съ Французскаго
ЯКОВОМЪ ТРУСОВЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Изданïе второе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академïи Наукъ
1775 года.

ЖИЗНЬ
И
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
РОБИНЗОНА КРУЗА.

Я родился въ 1632 году въ городѣ Іоркѣ отъ изрядной, однакожъ неприродной Аглинской фамиліи, ибо отецъ мой былъ урожденецъ города Бремена. По пріѣздѣ въ Англію поселился сперьва въ Гуллѣ, а по пріобрѣтеніи тамъ торгами своими великаго богатства, оставя сей городъ, переѣхалъ жить въ Іоркъ, гдѣ и женился на моей матери, которая была изъ лучшей фамиліи во всемъ городскомъ округѣ, и называлась Креицнаръ. По ней бы и я долженъ называться Робинзонъ Крейцнаръ, но меня нынѣ зовутъ испорченымъ именемъ, что въ Англіи не рѣдко и съ другими случается; или лучше сказать,

затъ, мы уже и сами потому называемся, и пишемся Крузе, и для того и товарищи мои всегда меня Крузомъ, а не Крейцнаромъ, называли.

У отца моего было насъ трое. большей мой братъ служилъ Подполковникомъ въ Аглинской пѣхотѣ въ томъ полку, въ которомъ былъ славной Полковникъ Локартъ, и убитъ на баталіи противъ Ишпанцовъ. Чтожъ до другова брата касается, то объ немъ столько же знаю, сколько потомъ родители мои и обо мнѣ были извѣстны. Я будучи меньшой сынъ не учился никакому ремеслу, а отъ праздности въ самой еще моей молодости, вселилось въ голову мою великое множество проектовъ. Отецъ мой хотя былъ и весьма старъ, однако не оставилъ, чтобъ не воспитать меня благопристойно. По своему достатку часто давалъ мнѣ разныя до жизни человѣческой касающіяся наставленія, въ коихъ онъ довольно былъ искусенъ. Отдавалъ въ лучшія публичныя школы для ученія, и думалъ изъ меня зделать статскаго человѣка, но я со всѣмъ имѣлъ противныя тому намѣренія. Желаніе къ мореплаванію единственно мною овладѣло; а склонность, чтобъ видѣть свѣтъ, отвела меня отъ его предпріятія, и учинила непонятнымъ

нятнымъ

нятнымъ къ слушанію увѣщеваній моей матери. Кажется, будто бы нѣкоторое скрытное побужденіе влекло меня къ претерпѣнію всякихъ горестей и бѣдности Отецъ мой, какъ человѣкъ разумной, требовалъ отъ меня точнаго повелѣніямъ своимъ послушанія, и старался всячески отвратить меня отъ онаго. Въ одно время будучи онъ подагрою боленъ, призвалъ меня съ себѣ въ комнату, и спрашивалъ о причинѣ глупаго моего желанія, чтобъ оставить домъ его и отечество, „ гдѣ всегда,
„ говорилъ онъ, можешь жить щастливо
„ и въ довольствіи; происходить въ знат-
„ ные чины; вступать въ великія
„ предпріятія, и прославлять себя въ
„ свѣтѣ рѣдкими приключеніями; до-
„ стигать до благополучія своего стран-
„ ными и еще никому неизвѣстными
„ дорогами. Сіе предоставлено только та-
„ кимъ людямъ, коимъ по обстоятель-
„ ствамъ ихъ къ посредственной жизни
„ человѣческой всѣ пути пресѣчены;
„ а ты будучи мѣщанинъ сего необходи-
„ мо убѣгать долженъ. Я, говорилъ онъ,
„ по долговременному моему въ свѣтѣ
„ обращенію и искуству довольно знаю,
„ что посредственное состояніе есть
„ изъ всѣхъ наилучшее и удобнѣйшее къ
„ достиженію благополучія. Оно не боит-

„ ся

„ся бѣдности ; не требуетъ великихъ „замысловъ ; избавлено отъ трудовъ , „коими мизирные люди безпокоются ; „нѣтъ въ немъ гордости , роскошей , „излишняго любочестія сопряженнаго „съ желаніемъ достигать до чиновъ вы- „сокихъ. Часто великіе Государи, пре- „терпѣвая безпокойствіе только отъ „того, что они высокаго рода, признава- „лись, и признаются, что лучше бы быть „имъ людьми простыми нежели такими; „притомъ же и всѣ ученые люди совѣту- „ютъ стараться о посредственной жизни.

„Надлежитъ, продолжалъ онъ свою „рѣчь, всегда и при всякомъ начинаемомъ „дѣлѣ разсуждать о томъ , какой оно „конецъ имѣть можетъ; въ посредствен- „ной жизни ударъ нещастія не таковъ „силенъ, каковъ знатныхъ людей пора- „жаетъ. Нѣтъ въ немъ такихъ перемѣнъ, „какія бываютъ съ людьми высочайшаго „и низкаго степеней; ихъ больше прево- „жатъ душевные и тѣлесные припадки, „кои получаютъ первые отъ непоря- „дочнаго житія своего и отъ чрезвычай- „ныхъ роскошей, а другіе отъ неумѣрен- „ныхъ трудовъ , или за недостаткомъ „нужнаго до содержанія жизни касающа- „гося. Посредственная же жизнь, почи- „таясь жилищемъ всѣхъ добродѣтелей, „спрягаетъ всѣ веселости съ тишиною, и

„со

„со позволительнымъ излишествомъ , „умѣренностію и воздержностію, съ спо- „койствомъ и благоденствіемъ ; словомъ „всѣ честныя дѣла, какихъ только че- „ловѣку желать можно , связаны съ „нею. Препровождающіе посредствен- „ную жизнь окончиваютъ въ покоѣ те- „ченіе житія своего безъ всякой совѣсти „терзанія ; въ тишинѣ и изобиліи на- „слаждаются своими оброками ; зависть, „излишнее любочестіе яко вредитель- „нѣйшія и предѣлъ покоя нарушающія „страсти , во внутренность добродѣ- „телью наполненнаго ихъ сердца нико- „гда не входятъ, и не могутъ возбудить „въ нихъ никакова безпорядочнаго къ „снисканію излишней чести желанія.

„Сія молодости необузданность , „предъявляющая всѣ твои бѣдности, бу- „детъ тебѣ наконецъ самому себѣ все- „гдашнею укоризною. Самъ знаешь, гово- „рилъ онъ мнѣ, что можешь жизнь свою „препроводить въ довольствѣ, а я ничего „до твоего благополучія касающагося не „упущу , но стараться буду вспомоще- „ствовать еще оному по долгу отцовско- „му. Теперь довольно показалъ я тебѣ, „сколь бесполезно и вредно твое предпрія- „тіе, и для того тебѣ ѣхать и не позво- „ляю. Имѣешь предъ глазами твоими не- „щастливой примѣръ твоего брата, коему

 „так-

,,также, какъ и тебѣ, усильнымъ обра-
,,зомъ отсовѣтовывалъ итти на войну,
,,но онъ меня ослушался, потому и тебѣ
,,не совѣтую искать своего злополучія;
,,но повелѣваю повиноваться родитель-
,,скимъ моимъ увѣщаваніямъ; а ежели
,,ослушаешься, то за такое презрѣніе оте-
,,ческихъ совѣтовъ не будешь отъ Бога
,,имѣть благословенія, и лишенъ буду-
,,чи всѣхъ способовъ къ заглажденію сво-
,,его непокорства въ горести препрово-
,,дишь дни свои,,

Хотя сіи слова со мною и збылись, однакожъ отецъ мой тогда, какъ ихъ говорилъ, не зналъ, что пророчество сіе исполнится; послѣ того разсказывалъ онъ мнѣ о смерти моего брата. А какъ выговорилъ помянутыя слова, что я довольно стану раскаяваться о моей проступкѣ, лишенъ будучи всякаго утѣшенія, то отъ жалости пришелъ въ такое сожалѣніе, что рѣчь свою принужденъ былъ окончить воздыханіями сердечными

Сіи приводящія къ раскаянію и къ оставленію предпріятія моего увѣщаванія отеческія, возбудили во мнѣ намѣреніе остаться въ домѣ его, и отвергнуть охоту свою къ мореплаванію Но сія добрая мысль минула на подобіе молніи, а чтобъ избавиться несноснаго мнѣ его брюзжанія, то вознамѣрился паки

паки и не простившись съ нимъ разстаться Обуздывая же сперва свои въ томъ движенія не скоро приступилъ я къ сему предпріятію. Въ одно время примѣтя мать мою веселою, и отведши ее къ сторонѣ, говорилъ ей: ,,что я не могу
,,никакъ въ себѣ искоренить охоты къ
,,мореплаванію; ибо отъ того всякая
,,наука дѣлается мнѣ непонятною; и
,,потому лучше бы было, говорилъ я ей,
,,чтобъ вы отпустили меня посмотрѣть
,,свѣта. Мнѣ уже осмнатцать лѣтъ отъ
,,роду, въ кои лѣта, а особливо съ та-
,,кими мыслями, какія я имѣю, учить-
,,ся не начинаютъ; а хотя по волѣ ва-
,,шей и начну учиться, однако увѣряю,
,,что окончать того не токмо не въ со-
,,стояніи, но избѣгая трудовъ и изъ шко-
,,лы бѣжать принужденъ буду; напро-
,,тивъ того, естьли вы за меня постарае-
,,тесь, и выпросите у отца моего позво-
,,леніе ѣхать; то я обѣщаюсь по возвра-
,,щеніи моемъ, когда мнѣ морская служба
,,не покажется потерянное мною время
,,наградить прилѣжностію.

Мать моя выслушавши сіи слова пришла въ великое сердце, и говорила мнѣ: ,,Напрасно ты думаешь, будто бы
,,мы не стараемся, и не знаемъ, какъ те-
,,бя здѣлать благополучнымъ. Любовь
,,наша къ тебѣ не дозволяетъ намъ

 ,,скло-

,,склониться на то, что тебѣ вредно. Я ,,удивляюсь, что презираешь наставленія наши, и спѣшишь приступать къ собственному вреду своему, а хотя я ,,и не вижу способовъ ко излеченію ,,вкоренившейся въ тебя сей страсти, ,,однакожъ не соглашусь здѣлаться причиною твоей пагубы, дабы ты послѣ ,,не сказалъ, что я позволила дѣлать ,,то, что запрещаетъ здравое разсужденіе, и для того о томъ съ отцомъ твоимъ и говорить не буду,,. Но я послѣ слышалъ, что она просила обо мнѣ отца моего, а онъ выслушавъ ее извѣтъ, и горестно воздохнувши сказалъ: ,,Малой сей! могъ бы быть счастливъ, ,,естьлибъ захотѣлъ отстать отъ своей ,,глупости, но упрямство здѣлаетъ его ,,несчастливѣйшимъ въ свѣтѣ. Я ни когда не дамъ ему въ томъ благословенія,,. И такъ принужденъ я былъ еще жить въ домѣ отца моего цѣлой годъ, по прошествіи котораго, получа удобной случай, удалился отъ него.

Будучи же въ городѣ Гульлѣ, стрѣтился я съ Гуле, однимъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, отъѣзжающимъ съ отцемъ своимъ на кораблѣ въ Лондонъ. Сей приглашалъ меня ѣхать съ собою, обѣщаясь довезти до Аглинской сей столицы безъ всякой платы;

а я не надѣясь получить на то отъ родителей моихъ ни совѣта, ни благословенія, и презрѣвъ всѣ опасности, сѣлъ на корабль 1 го Сентября 1657 го года, въ самой несчастной день моея жизни; ибо съ того времени началось все мое злополучіе, и продолжалось столько, что того, какъ я думаю, ни съ однимъ странникомъ не случалось. Лишь только корабль нашъ успѣлъ выпти изъ рѣки Умбра, то здѣлалась великая буря, а въ морѣ несказанное волненіе. Я занемогъ морскою болѣзнію, а ужасъ, происходящей отъ неминуемой опасности, овладѣвши всѣми моими силами, ввергнулъ меня въ неописанное уныные и печаль. Тогда то началъ я разсуждать о моей проступкѣ и о судбѣ наказующей меня за ослушаніе мое. Разумные совѣты родителей моихъ; слезы отца моего и прозьбы матери моей, живо изображались въ умѣ моемъ; совѣсть моя еще не со всѣмъ усыпленная безпрестанно укоряла меня, что я презрилъ полезныя ихъ наставленія и пренебрегъ мою должность.

Между тѣмъ при умноженіи бури море часъ отъ часу больше колебалось, хотя валы и меньше были тѣхъ, кои я послѣ того часто видалъ, однако они

довольно могли побудить молодаго и еще на сей непостоянной стихии не бывалаго человѣка оставить охоту къ мореплаванію; я поминутно ожидалъ конца себѣ, и всякой стремящейся на насъ валъ казался причиною смерти; а находящаяся между ими полость неминуемою пагубою. Въ семъ страхѣ предъ Богомъ обѣщался, избавясь отъ такой бѣды и по щастливомъ на берегъ выходѣ ни когда не вступать въ такое паки начинаніе, и тотъ часъ домой возвратясь, слѣдовать совѣтамъ моихъ родителей, кои признаъ я тогда за справедливыя.

Но сіи разумныя и полезныя для меня разсужденія продолжались не долѣе возбудившей оныя во мнѣ бури и изчезли по мѣрѣ проходящихъ вѣтровъ; ибо на другой день по наступленіи тихой погоды началъ я мало помалу, позабывая прешедшую опасность, привыкать къ морской жизни; а хотя былъ еще нѣсколько слабъ и дряхлъ, но какъ къ вечеру воздухъ очистился и насталъ пріятной вечеръ, а солнце скрываясь за горизонтъ, удареніемъ лучей своихъ въ море, гладкостію стеклу подобное, умножало свѣтящееся свое величество, и великолѣпіе прежде сего мнѣ и на мысль неприходящее, что

то пришедъ въ нѣкоторое священное забытіе, и утопая въ разсужденіяхъ о сихъ въ глаза мои бросающихся предмѣтахъ, о намѣреніи своемъ перестаъ больше и думать.

Ту ночь спалъ я весьма спокойно, не имѣлъ больше ни малаго морскаго припадка, былъ бодръ, смотря, какъ выше сказывалъ, съ восхищеніемъ на блистающій за день передъ тѣмъ, столь бурной и грозящей смертію всѣмъ океанъ, а тогда уже утишившейся, и ровнымъ своимъ теченіемъ способствующей намѣренію кораблеплавателей. Товарищъ мой подкрѣпляющей меня во всемъ къ предпріятію сей ѣзды касающимся, видя мою задумчивость, подошелъ ко мнѣ, и ударивъ по плечу сказалъ: Я думаю, что ты братецъ прошедшую ночь былъ въ великомъ страхѣ; не бойся, это былъ только вѣтерокъ маленькой. Какъ, сказалъ я ему, ты называешь то вѣтеркомъ маленкимъ, что не инако какъ престрашною бурею называть должно? Какъ бурею, отвѣчалъ онъ мнѣ? эдакой простякъ, чего ты боишься; знай, что мы имѣя надежной корабль и находясь въ открытомъ морѣ вѣтрамъ смѣемся; ты другъ мой, сказать тебѣ правду, еще новичекъ, полно задумы-

мываться, принимайся-ка лучше за пуншъ [морской напитокъ, которой дѣлается изъ водки, воды, лимоновъ и сахару] и забывай въ Бахусовыхъ веселостяхъ Нептуново злонравіе; смотри, какое теперь пріятное время. А чтобъ скоряе окончить сей разговоръ, объявляю читателю, что мы съ нимъ по старинному морскихъ людей обычаю, здѣлавъ пуншъ напились пьяни, а въ семъ шумствѣ забывъ все раскаяніе, началъ почитать слабостію то намѣреніе, которое имѣлъ о возвращеніи на путь добродѣтели; и подобно, какъ послѣ бывшей великой бури здѣлалась въ морѣ тишина, такъ и волнующіяся мои мысли, успокоясь, возобновили во мнѣ первыя и необузданныя къ мореплаванію желанія. Пьянствомъ усыпалъ я всѣ укоренія моей совѣсти, и старался очистить себя отъ оной равно, какъ бы отъ какой ни будь проказы; былъ съ людьми и во всегдашнемъ забытіи, а тѣмъ скоряе успѣлъ въ моемъ намѣреніи. Но сіе мнимое спокойство рушилось наступившею вторичною бурею, во время которой принуждены мы были войти за противнымъ вѣтромъ въ Ярмутскую губу, куда подошли еще изъ Невкастеля многія суда.

На

На четвертой день нашего туда прихода вѣтръ такъ сильно умножился, что началъ дѣлаться страшнымъ; мыжъ будучи на доброй рейдѣ, и имѣя крѣпкое судно, и способной къ стоянію на якорѣ грунтъ, ни мало его не боялись; и такимъ образомъ находясь въ безонасности, препровождали время по морскому обыкновенію въ веселостяхъ. Слѣдующей потомъ день принудилъ насъ срубить, для облегченія корабля, безань мачту, а по полудни море такъ расходилось, что погибель наша была очевидна: чего ради бросили мертвой якорь, но не смотря на то, и на всѣ отданные канаты, тащило насъ на берегъ.

По нещастію нашему буря къ вечеру еще умножилася; я примѣтилъ отчаяніе и страхъ на лицѣ всѣхъ матросовъ. А хотя Капитанъ былъ въ своемъ дѣлѣ человѣкъ искусной и старательной, при томъ же небоязливой, однако проходя мимо меня изъ своей каюты говорилъ часто слѣдующія слова: Боже милостивой! помилуй насъ, погибаемъ, конецъ нашъ приходитъ! Я лежалъ въ каютѣ неподвижно; не возможно мнѣ довольно изобразить тогдашняго безпорядка моихъ мыслей. Я не могъ безъ стыда вспомнить бывшее

шее и подавленное пьянствомъ мое раскаяніе, и что я совѣсть мою подвергъ безстыднаго безстрашія необузданной власти. Ужасъ предстоящей смерти, почитаемой мною въ первую бурю неизбѣжимымъ, по случаю сей послѣдней, а особливо когда услышалъ, что и самъ Капитанъ говоритъ *погибаемъ*, ясно представлялся глазамъ моимъ; чего ради вышедъ изъ каюты смотрѣлъ, что дѣлается? Но какое позорище открылось вдругъ глазамъ моимъ, волны воздымаясь великими горами ударяли въ насъ ежеминутно, и со всѣхъ сторонъ открывалась готовящаяся пожрать насъ преглубокая полость. Въ тожъ самое время прошли мимо насъ два корабля тяжело нагруженные съ срубленными мачтами, потонулъ стоящей близъ насъ корабль, а два другія судна потерявши якори пошли въ море безъ мачтъ и безъ всякой надежды ко спасенію; легкіе же корабли всѣ безъ опасности отрубивши якори пустились за ними.

Въ вечеру Штурманъ и Шкиперъ просили у Капитана позволенія срубить фокъ-мачту; на что онъ сперва ни мало не соглашался; но какъ шкиперъ, представилъ ему, что естьли то учинено не будетъ то корабль конечно потонетъ, то и онъ на предложеніе его скло-

склонился. Но сколь скоро фокъ-мачту срубили, то и Гротъ или большая мачта, такъ зашаталась, что и ее срубить было должно.

Я предаю вамъ на разсужденіе, любезной читатель! въ какомъ я тогда находился страхѣ, а особливо когда вспомните, что то въ перьой разъ бытія моего на морѣ дѣлалось; и что меня, какъ я сказывалъ, и малой вѣтръ привелъ въ великой ужасъ. Вспоминая прошедшее и послѣднее мое нещастіе, проклиналъ я свое упрямство, а отчаяніе отъ предстоящей погибели произшедшее, причиняло мнѣ несказанное мученіе. Мы потеряніемъ своихъ мачтъ не избѣжали отъ нещастія; буря продолжающаяся съ великою жестокостію приводила всѣхъ въ несказаной ужасъ, и сами матросы признавались, что они, сколько ни служили, еще ни когда такого жестокаго вѣтра не видали. Корабль нашъ, хотя былъ и надеженъ, но нагруженъ глубоко, а снизу беспрерывно кричали: *течь*. Сего слова я не зналъ еще до сего времяни, и конечно лутчебъ для меня и не знать его во вѣки. Капитанъ и другіе начальники видя свою погибель, стали молиться Богу, что весьма рѣдко у отважныхъ мореходцовъ случает-

чается. Вѣ тожѣ самое время посланной на интрюмѣ матросѣ вскричалѣ, что вода начала со всѣхѣ сторонѣ входить вѣ корабль, а другой подтвердилѣ, что ее вошло уже больше нежели на четыре фута. Тогда приказано было всѣмѣ итти кѣ пумпамѣ, и лить воду. Сей подобной громовому удару приказѣ лишилѣ меня всѣхѣ чувствѣ моихѣ; я упалѣ безѣ памяти тамѣ, гдѣ сидѣлѣ. Матросы кричали, чтобѣ я шелѣ помогать имѣ, а я вставши пошелѣ кѣ пумпѣ, и работалѣ сѣ возможною прилѣжностiю. Капитанѣ усмотря, что мимо насѣ идетѣ судно нагруженное уголемѣ, приказалѣ палить изѣ пушекѣ, вѣ знакѣ нашей крайности. Я не знавѣ того, что сiе значило, и слыша великой ударѣ подумалѣ, что валы корабль нашѣ со всѣмѣ переломили; словомѣ сказать, испужавшись, безѣ памяти упалѣ на мѣстѣ. Вѣ то время, когда всякой старался о спасенiи своея жизни, за мною никто и смотрѣть не думалѣ; а чтобѣ я не мѣшалѣ матросамѣ вѣ ихѣ работѣ, то заступившей мое мѣсто оттолкнулѣ меня ногою такѣ сильно, что я замертво на мѣстѣ растянулся; но по щастiю нѣсколько времяни потомѣ спустя опамятовался.

Вода

Вода часѣ отѣ часу прибывала, и побудила отчаяваться о спасенiи корабля нашего; а хотя погода и утихать стала, однако не возможно было надѣяться, чтобѣ наше судно могло еще удержаться хотя малое время; почему приказалѣ Капитанѣ палить чаще изѣ пушекѣ, прося чрезѣ то вспоможенiя. Одно малое суднишко мимо насѣ проходящее осмѣлилось послать кѣ намѣ свой елботѣ. Мы бросили кѣ нему сѣ кормы веревку, и притаща кѣ себѣ всѣ вѣ нево побросались. Тщетно старались мы пристать кѣ кораблю ихѣ, на конецѣ отѣ многой гребли ослабѣвши отдались вѣ волю стремящихся кѣ пагубѣ нашей волнѣ, и поворотили прямо кѣ берегу. Капитанѣ обѣщался заплатить за елботѣ, естьли ему какой отѣ того вредѣ учинится; и такѣ, то греблею, то пускаясь по валамѣ, приплыли наконецѣ кѣ Винтерѣ-Тоннесу.

Сѣ четверть часа послѣ того, какѣ мы сѣли на елботѣ, потонулѣ нашѣ корабль; признаюсь, что я отѣ великаго страха тому не вѣрилѣ, что я еще живѣ, и по выходѣ на берегѣ, ощупывая самѣ себя, на силу вѣ томѣ увѣрился; ибо сѣ той минуты, какѣ я сѣлѣ, или лучше сказать, какѣ меня бросили вѣ елботѣ, не имѣлѣ я ни малаго чувства.

Но

По приближенiи къ берегу увидѣли множество на вспоможенiе наше съ распростертыми руками и съ великимъ сожалѣнiемъ бѣгущихъ людей; но мы не могли и тутъ удачливо окончить свое злополучiе. Силою валовъ бросило елботъ нашъ на камень, и разбило его въ мѣлкiя щепки, но будучи близъ берега спаслись всѣ, и пришли въ Ярмутъ, гдѣ приняты жителями съ великимъ о нещастiи нашемъ сожалѣнiемъ. Магистратъ онаго города, показуя намъ всякое вспоможенiе, отвелъ квартиру, довольствовалъ пищею, а при томъ снабдилъ насъ на дорогу до Лондона и деньгами.

Тогда бы мнѣ должно было опамятовавшись возвратиться къ моимъ родителямъ, ибо отъ сея перемѣны зависѣло все мое благополучiе.

Отецъ мой по примѣру того, о которомъ говоритъ Евангелiе, конечно бы убилъ для приколу моего упитаннаго изъ своихъ тельцовъ, а особливо, что онъ по разбитiи того корабля, на коемъ я находился, почитать былъ долженъ меня за утопшаго.

Но судьба влекла меня безпримѣтно съ несказаннымъ образомъ силою въ мою погибель. А хотя иногда разумъ и побуждалъ обратиться на путь истинны;

но я всячески усыпить его старался, послѣдуя единственно такой охотѣ, которая ввела меня въ видимую сiю глазами моими пропасть. Я былъ тогда, такъ какъ будто бы назначенъ приготовляться къ претерпѣнiю великой и неминуемой бѣдности, и не взирая на то, что прешедшiя во время моего коротkaго путешествiя бури, предвѣщая мнѣ злополучiя, побуждали меня отстать отъ сего предпрiятiя, послѣдовалъ моему недоумѣнiю. Товарищь мой, которой столь много выхвалялъ мнѣ морскую жизнь, былъ тогда меня еще печальнѣе, ибо разбитой корабль принадлежалъ отцу его.

Въ первой разъ увидѣвшись со мною въ Ярмутѣ, дни три или четыре спустя послѣ нашего нещастiя, ибо видѣться мнѣ съ нимъ прежде было не возможно, за тѣмъ, что мы разставлены были въ городѣ по разнымъ квартирамъ, спрашивалъ онъ у меня, шатая головою, а при томъ весьма жалостно, какъ я обрѣтаюсь; и не дожидаясь отъ меня на то отвѣта, сказалъ отцу своему: „Сей человѣкъ сѣлъ съ нами на „корабль для того, чтобъ ѣхать смо„трѣть свѣта,„ Отецъ его выслушавъ такiя слова, оборотясь ко мнѣ началъ величавымъ, а при томъ сожалѣтель-

нымъ голосомъ говорить слѣдующее: „Мальчикъ! не ѣзди впредь по морю, но „прими послѣднее свое нещастіе, точ„нымъ предзнаменованіемъ, что ты „отъ сего элемента будешъ несчастливъ. „Государь мой„ отвѣчалъ я ему, „для „чего бы такъ, развѣ и вы намѣрены от„казаться отъ морской службы? Обсто„ятелства мои„, отвѣчалъ онъ, „съ тво„ими весьма несходны, званіе мое велитъ „мнѣ быть мореплавателемъ, потому „и долженъ я исполнять оное, а ты по„ѣхалъ провѣдать только, какова мор„ская служба, но вмѣсто того видишъ „изъ сего начало, какое тебѣ отъ того „благополучіе слѣдовать можетъ. Ста„нется, что нашему несчастію ты „одинъ причиною, какъ нѣкогда былъ „Іона; пожалуй скажи мнѣ, кто ты „таковъ, и для чего съ нами поѣхалъ„? Я началъ было разсказывать ему исторію мою; но онъ перервавъ рѣчь мою вскричалъ съ великимъ сердцемъ. „Ахъ! „что я здѣлалъ, за чемъ принималъ на „свое судно такова несчастливца; знай „мой другъ, что я въ жизнь мою на „то судно, гдѣ ты будешь, не сяду;„ и воображая себѣ, будто бы судьба наказывая меня допустила пропасть кораблю его, началъ мнѣ говорить весьма огорчительными словами, а при томъ совѣ-

совѣтовалъ возвратиться къ отцу моему, признавая точно, что на меня явно гнѣвъ Божій изливается. „Бродяга!„ „сказалъ онъ мнѣ наконецъ, „есть ли ты „не воротишься домой, то тебѣ ни въ „чемъ не будетъ успѣху, и до тѣхъ „поръ будешъ несчастливъ, пока на тебѣ „отца твоего слова не сбудутся„.

Я мало ему на то отвѣтствуя, пошелъ своею дорогою, и послѣ того нигдѣ съ нимъ не токмо не видался, но и не слыхалъ, куда онъ дѣвался. Чтожъ до меня касается, то я получа отъ Магистрата на дорогу деньги, пошелъ въ Лондонъ.

Разсуждаяжъ дорогой о предпріемлемой мною жизни, иногда думалъ возвратиться домой, но ожидаемой меня тамъ стыдъ и поношенія, кои бы за мой побѣгъ претерпѣвать былъ долженъ, отвращали меня отъ сего моего намѣренія. Вотъ какое въ насъ, а особливо въ молодыхъ людяхъ зверское и развратное разсужденіе, стыдимся признаться въ своихъ погрѣшностяхъ, не зная того, что ихъ инако исправить не можно, не вѣдаемъ, что порокъ учиненной молодымъ человѣкомъ, приписывается отъ разумныхъ людей только одной его молодости, и что могущей поправить непорядочную

жизнь свою, не инако, какъ долженъ признаваемъ быть человѣкомъ разумнымъ для того, что онъ могъ преодолѣть себя привычкою, яко бы второю натурою.

Бывъ долгое время въ сихъ разсужденіяхъ, не зналъ за что приняться, и какую жизнь выбрать. Непреодолимая противность къ дому отца моего часъ отъ часу умножалась. Прешедшее несчастіе начало приходить въ забытіе, а хотя и вспоминалъ когда ужасное разбитіе корабля, однако то меня ни мало не отвращало отъ охоты моей къ мореплаванію.

Склонность сія, отведшая меня отъ дому родительскаго, такъ мною овладѣла, что я не послушалъ ни увѣщаваній, ни совѣтовъ, ни повелѣній моихъ родителей. Сія склонность, говорю я, побудила меня и нынѣ предпріять неосновательнѣйшее въ свѣтѣ дѣло. Словомъ сказать: по прибытіи въ Лондонъ сѣлъ я на корабль отправляющейся на Африканскіе берега, говоря по морскому, въ Гвинею.

Не знавъ, въ какую вступить должность, и что лучше записаться матросомъ, отъ того бы выучился по малой мѣрѣ Навигаціи, и могъ бы здѣлаться искуснымъ штурманомъ, а наконецъ быть

быть командиромъ какова нибудь судна, и при семъ случаѣ взялся не за свое дѣло. Ибо имѣя въ карманѣ деньги, и одѣтъ будучи въ хороше платье, за стыдъ себѣ считалъ принять матросскую службу, и для того сѣлъ на оной вояжиромъ безъ всякаго намѣренія, только послѣдуя къ мореплаванію стремительной своей охотѣ.

По счастію попался я по приходѣ моемъ въ Лондонъ въ хорошую компанію, что рѣдко съ такими бродягами и непостоянными людьми, каковъ я былъ, случается. Мнѣ удалось нечаянно познакомиться съ бывшимъ въ Гвинеѣ Капитаномъ, которой при первой своей поѣздкѣ получилъ тамъ великой барышъ, по чему и еще тудажъ ѣхать намѣрился. Я ему понравился; онъ слыша желаніе мое къ мореплаванію, началъ совѣтовать мнѣ ѣхать въ Гвинею. Тебѣ сія поѣздка ни чего не будетъ стоить, говорилъ онъ, ты будешь во всемъ мнѣ товарищь, ѣсть станемъ вмѣстѣ, и естьли можешь взять съ собою какіе товары, то я постараюсь, чтобъ ты имѣлъ отъ нихъ хорошую прибыль, до которой мнѣ ни малой не будетъ нужды.

Я принявъ предлагаемое, и предавъ себя въ покровительство сему честному

 му

му и справедливому мужу, поѣхалъ съ нимъ на кораблѣ; а на удачу купилъ я на взятыя отъ родственниковъ моихъ въ Лондонѣ живущихъ, сорокъ фунтовъ стерлинговъ по совѣту Капитанскому такія вещи, кои въ Гвинеѣ продаются дорогою цѣною.

Сія поѣздка была весьма счастлива, и между прочими полученными отъ Капитана одолженіями выучился я у него Математикѣ, Навигаціи, и какъ дѣлать корабельныя исчисленія и наблюденія. Словомъ, скука и продолжительной путь, помогая мнѣ въ томъ, здѣлали меня искуснымъ матросомъ и купцомъ; при томъ же сія поѣздка принесла мнѣ до трехъ сотъ фунтовъ стерлинговъ прибыли. Она же, правду сказать, возбудила во мнѣ мысль и о великихъ предпріятіяхъ, кои наконецъ здѣлались причиною сего моего несчастія.

Примолвить, что и сія счастливою называемая мною поѣздка не прошла безъ того, чтобъ я не чувствовалъ при томъ безпокойства. Между прочимъ былъ я боленъ лихорадкою, которая пріѣжающимъ въ Гвинею всегда приключается отъ тамошняго горячаго воздуха.

Какъ

Какъ то ни есть Робинзонъ здѣлался Гвинейскимъ купцомъ, а хотя по несчастію моему другъ мой Капитанъ, нѣсколько дней спустя, по пріѣздѣ въ Лондонъ и умеръ, однако я поѣхалъ туда съ тѣмъ человѣкомъ, которой въ первую нашу поѣздку на кораблѣ былъ шкиперомъ, а во вторую здѣлался командиромъ онаго. Никогда и никому думаю несчастливѣе сея ѣзды не бывало. Я отправился въ путь свой, отдавъ на збереженіе вдовѣ прежняго моего Капитана и друга до ста фунтовъ стерлинговъ. И какъ подошли къ Канарскимъ, или лучше сказать къ лежащимъ близъ Африканскаго берега островамъ, то на развѣтѣ напалъ на насъ Салейской морской разбойникъ. Онъ гнался за нами на всѣхъ парусахъ, а мы также всѣ подняли, какіе только имѣли, и имѣть могли. Но видя, что уйти отъ него не можемъ, приготовлялись къ сраженію. У насъ было двенатцать, а у него осмнатцать пушекъ. Въ три часа послѣ обѣда началось сраженіе; сперва атаковалъ онъ насъ съ кормы, а послѣ того стрѣлялъ въ бокъ. Мы поставленными на одинъ бортъ девятью пушками такъ удачливо по немъ выстрѣлили, что принудили было его оставить свою добычу:

но

но не смотря на жестокую нашу стрѣльбу, и имѣя до двухъ сотъ человѣкъ матросовъ, приближился къ намъ, и началъ стрѣлять изъ ружья. Сперва не имѣя урону стояли мы весьма крѣпко, но какъ корабли крючьями сцѣпились, то онъ бросился на нашъ корабль въ великомъ множествѣ, рубилъ снасти и мачты; и хотя былъ два раза съ великимъ урономъ назадъ прогнанъ, однакожъ имѣя превосходную предъ нами силу, а особливо, что у насъ уже было трое убитыхъ и восемь человѣкъ раненыхъ, принудилъ наконецъ корабль нашъ къ здачѣ, и привелъ его съ нами въ Салейскую гавань, принадлежащую живущимъ по Африканскому берегу Муринамъ.

Меня оставили въ семъ городѣ, прочихъ же отвели въ Императорскую столицу. Разбойничей Капитанъ взялъ меня на свою долю, можетъ быть для того, что я былъ молодъ и проворенъ; и такъ здѣлался я изъ купцовъ невольникомъ. Сія несносная перемѣна состоянія моего ввергла меня въ несказанное уныніе. Тогда я вспомнилъ, сколь справедливы были пророческія слова отца моего, ибо я былъ тогда несчастливъ, и лишенъ всякаго утѣшенія, и не воображая себѣ злополучнѣе неволи, почиталъ

читалъ ихъ исполнившимися, а себя со всѣмъ погибшимъ: Но ахъ! сіе было только начало моимъ злополучіямъ, какъ то изъ повѣсти сей видно будетъ: Я старался угодить сему разбойнику, а новой мой господинъ по привозѣ меня въ домъ свой, видя мои къ себѣ услуги, обѣщался брать съ собою на море; яжъ лаская себя тѣмъ, что можетъ быть насъ плѣнитъ какой нибудь Европейской корабль, утѣшался надеждою о моей свободѣ. Но по несчастію лишился вдругъ оной; ибо разбойникъ поѣхалъ въ море одинъ, приказавъ мнѣ смотрѣть за своимъ садомъ, а по возвращеніи своемъ изъ походу опредѣлилъ меня сторожемъ у разбойничей своей барки.

Я будучи при сей должности, думалъ только о способахъ, какъ бы уйти: но не нашелъ ни одного основательнаго и съ разумомъ сходнаго, и не имѣя себѣ въ томъ помощника и товарища принужденъ былъ жить въ неволѣ цѣлые два года безъ всякой надежды къ полученію своей вольности; между тѣмъ открылся къ тому чудной случай: Господинъ мой за неимѣніемъ денегъ принужденъ былъ въ то лѣто остаться дома, для препровожденія же своей слуки ѣздилъ всякую недѣлю на большой своей шлюпкѣ въ море, ло-

ловить рыбу, при чемъ бралъ съ собою для гребли меня и молодаго Арапа Ксури по имени, а наконецъ вѣрясь въ меня посылывалъ за тѣмъ же съ помянутымъ Ксури и одного меня.

Въ одинъ выѣздъ здѣлался на морѣ такой туманъ, что и берега было не видно; гребли, а куда и сами не знали. Наконецъ по счастію нашему воздухъ прочистился, и мы видя себя отъ берегу отдаленными, при наступившемъ потомъ сильномъ вѣтрѣ съ великимъ трудомъ на силу вобрались въ гавань.

Сіе нечаянное приключеніе побудило господина моего предостеречься отъ таковагожъ нечаемаго случая, и для того положилъ впредь не выѣзжать безъ компаса и безъ съѣстныхъ припасовъ; а для лучшей безопасности приказалъ исправить для того взятой при нашемъ кораблѣ большой елботъ одному Аглинскому плотнику, которой былъ у него невольникомъ. Посреди онаго здѣлали такую каюту, что довольно мѣста было управлять рулемъ и парусами. Въ сей каютѣ поставленъ былъ столъ, а для поклажи питья и пищи по сторонамъ ящики.

На немъ ѣзжалъ онъ часто на рыбную ловлю, а я, какъ искусной рыболовъ, стараясь ему во всемъ быть угод-

угоднымъ, здѣлался при сей охотѣ такъ необходимо нужнымъ, что господинъ мой безъ меня не могъ имѣть ни малаго при томъ увеселенія.

Въ одно время согласился онъ съ тремя своими пріятелями повеселиться на морѣ помянутою охотою, и для того приказалъ мнѣ изготовить къ тому нужное, взять съ собою три фузеи, порохъ и дробь.

Я приготовя все сіе ожидалъ его прибытія, вычистилъ елботъ, поднялъ флагъ и флюгоръ; словомъ, исправилъ все къ принятію гостей господскихъ. Но онъ пришедъ ко мнѣ одинъ говорилъ, что гости для нѣкоторыхъ нуждъ отложили намѣреніе до другаго дня, и для того приказалъ мнѣ ѣхать, какъ обыкновенно бывало съ Арапомъ и съ вышеозначеннымъ мальчикомъ; ибо гости хотѣли къ нему быть ужинать. По повелѣнію его началъ я приготовляться къ отъѣзду.

Но какъ скоро онъ ушелъ, то желаніе избавиться отъ неволи побудило меня, пользуясь симъ случаемъ думать не о рыбѣ, но о исполненіи моего издавна предпріятаго намѣренія, токмо не зналъ какою ѣхать дорогою, при чемъ почиталъ великимъ счастіемъ и то, что могу уйти отъ Муриновъ: и такъ положилъ ѣхать на удачу.

Въ

Въ сихъ мысляхъ помышляя о пищѣ, сказалъ бывшему со мною Арапу: Слушай, другъ мой! намъ господскаго хлѣба ѣсть не льзя, въ морѣжъ пробудемъ долго, и такъ не можешь ли ты сыскать гдѣ нибудь хлѣба, поди и принеси къ намъ. Онъ не представляя себѣ моего умысла, и признавая сіи слова искренними безотговорочно пошелъ, и принесъ цѣлую корзину да еще четыре крушки свѣжей воды, а я не теряя времени сходилъ между тѣмъ на барку, гдѣ былъ сторожемъ, и переносилъ изъ находившейся на ней шкатулы бутылки съ разными питьями а Арапъ по приходѣ своемъ думалъ, что онѣ уже давно для гостей перенесены были; также взялъ я съ собою воску фунтовъ съ пятьдесятъ, нѣсколько свѣтильны, топоръ и молотокъ, какъ необходимо нужныя вещи, а особливо воскъ для дѣланія изъ него лампадъ; Арапъ же весьма легковѣрно вдался въ мой обманъ; его звали Измаилъ, по простому же Мули. Мули, сказалъ я ему, у насъ есть господскія фузеи, не можешъ ли промыслить пороху и дроби? Мы бы для себя настрѣляли дичины, на баркѣ всего того довольно, подитка дружокъ, и принеси, сколько можешъ. И впрямь такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, сіе не худо,

худо, и выговоря сіе пошелъ, и принесъ цѣлой мѣшокъ пороху, дроби и пуль всего фунтовъ съ десять. Я положилъ сіе въ судно; бывши же съ нимъ вмѣстѣ на кораблѣ украдкою отъ него насыпалъ еще пороху цѣлую бутылку. Запасшись такимъ образомъ вышли мы изъ гавани съ тѣмъ, чтобъ ѣхать на рыбную ловлю. Караульные зная, что мы часто за тѣмъ ѣздимъ, пропустили насъ безъ всякой остановки. Съ милю отъѣхавши отъ пристани опустили мы парусы, и начали ловить рыбу; вѣтръ былъ хотя и противной моимъ желаніямъ, однакожъ будучи твердо намѣренъ бѣжать, полагался во всемъ на волю Божію.

Долго ловили мы рыбу безъ всякаго успѣху; я крайне старался оную изъ сѣтей выпускать, потомъ сказалъ Арапу, что сіе мѣсто неудачливо, пріѣхать же съ пустыми руками домой не льзя, поѣдемъ далѣе, можетъ быть тамъ будетъ рыба ловиться лучше. Арапъ не представляя себѣ ничего дурнаго, поднялъ парусъ, а я сидя на рулю правилъ отъ берегу далѣе. По томъ остановившись посадилъ на руль мальчика, а самъ подошедъ къ Арапу сталъ позади его, будто бы поднимать сѣти, но вдругъ схватя его подъ ноги выбро-

выбросилъ за бортъ. Онъ вынырнувши изъ воды плылъ за елботомъ, прося о принятіи себя въ судно, обѣщаясь со мною всюду ѣхать. Вѣтръ былъ тогда малой, и по тому елботъ шелъ такъ тихо, что Арапъ приплывши началъ уже хвататься за бордъ онаго. я видя сіе, схватя ружье, и приложась на него сказалъ: слушай, другъ мой! Я тебѣ никакова зла еще не здѣлалъ, и дѣлать не намѣренъ, естьли ты меня самъ только оставишь въ покоѣ; ты умѣешъ хорошо плавать, и конечно доплывешь до берега, море теперь тихо, спѣши пользоваться тишиною онаго, воззри на берегъ, онъ отъ тебя не далеко, прощай, и не говори ни слова, знай же при томъ, что естьли поупрямишься, и ухватишься за бордъ, то я тебя убью досмерти; я намѣренъ отсюда бѣжать и искать прежней своей вольности, прощай. Арапъ выслушавъ сіе, и не отвѣтствуя мнѣ на то ни слова, поворотясь поплылъ къ берегу, и думаю, что онъ будучи въ плаваньѣ искусенъ счастливо добрался до онаго.

Правда, что я лучшебъ утопилъ мальчика, нежели сего Арапа; ибо онъ мнѣ былъ нужняе перваго, но не можно было ему себя повѣрить. Такимъ образомъ отогнавши его, оборотясь къ маль-

мальчику, которой назывался Ксури, началъ ему говорить: Ксури, естьли ты хочешь мнѣ быть вѣренъ, то я тебя здѣлаю щастливымъ; но когда мнѣ въ томъ не обѣщаешься и положеніемъ рукъ своихъ на чело не присягнешь Магометомъ, и не закленешься въ томъ бородою отца его, то принужденъ буду и тебя бросить въ воду. Мальчикъ усмѣхнувшись увѣрялъ меня въ вѣрности своей столь много и простосердечно, что я безъ всякой опасности принужденъ былъ ему въ томъ повѣрить; однакожъ для осторожности велѣлъ ему учинить себѣ присягу.

Между тѣмъ какъ пловущей Арапъ былъ еще у насъ въ виду, то я, не перемѣняя перваго своего курса, держалъ все въ правую сторону, дабы скрыть намѣреніе свое; и въ самомъ дѣлѣ никтобъ и подумать не могъ, чтобъ я пошелъ въ такія мѣста, гдѣ только варвары и людоѣды жительство имѣютъ, и безъ крайней опасности отъ дикихъ звѣрей и такогожъ свойства людей на берегъ выттн было не можно. Но какъ здѣлался вдругъ туманъ, и наступила ночь, то перемѣня оной пошелъ къ Западу, держась всегда къ берегу, и имѣя способной и хорошей вѣтръ и спокой-

 ной

ное море, отъѣхалъ такъ далеко, что думалъ на другой день послѣ обѣда, когда я увидѣлъ землю, быть отъ Сале со ста съ пятьдесятъ миль къ Югу.

Не смотря на то такъ боялся Араповъ, и опасался попасться въ ихъ руки, что не останавливаясь, и не сходя нигдѣ на берегъ, продолжалъ путь свой пять дней съ ряду при способномъ вѣтрѣ, которой однако наконецъ перемѣнясь здѣлался съ Юга. Тогда почиталъ я себя уже внѣ всякой опасности, потому что посланнымъ за мною изъ Сале въ погоню сей вѣтръ былъ противенъ. Симъ увѣряясь осмѣлился пристать къ берегу, и вошелъ въ устье одной рѣчки, которой имя и положенїе той области, откуда она протекала, были мнѣ со всѣмъ неизвѣстны. Я не нашелъ тамъ ни одного животнаго, можетъ быть за тѣмъ, что не выходилъ на берегъ, а только запасся свѣжею водою, стоя въ устьѣ оной рѣчки. По наступленїи ночи думалъ сойти на берегъ, и посмотрѣть, гдѣ мы находимся; но какъ услышалъ ужасной вой и ревъ дикихъ звѣрей, а какихъ, того было не видно, то мальчикъ мой такъ испужался, что не смѣлъ одинъ остаться на суднѣ, прося усердно, чтобъ и я не

не выходилъ изъ онаго; а я будто согласясь на его прозьбу, сказалъ ему: Нѣтъ Ксури, теперь на берегъ не пойду, а лучше намъ отсюда удалиться; можетъ быть, что завтра увидимъ тамъ такихъ людей, которые будутъ еще страшняе и дикихъ звѣрей.

Онъ обрадовавшись тому, что я его послушался, и на берегъ нейду, по своему на Аглинскомъ языкѣ умѣнью сказалъ мнѣ: „Мы дадимъ имъ доброй фу„зей стрѣлять, и она отъ насъ бѣ„жать„. Ибо онъ въ бытность свою съ Аглинскими невольниками не выучился лучше того говорить; между тѣмъ я былъ весьма тому радъ, что онъ мнѣ усердствуетъ. Я поднесъ ему за то чарку водки, и слѣдуя изрядному его совѣту, отваля отъ берегу бросилъ якорь, и не спалъ во всю ночь для того, что скоро послѣ нашихъ разговоровъ увидѣли мы чрезвычайной величины и въ великомъ множествѣ сшедшихся къ берегу звѣрей, которыхъ именами и назвать не умѣли. Они плавая по водѣ такъ ужасно ревѣли, что я въ жизни моей не слыхивалъ еще такого реву.

Ксури дрожалъ отъ страху, да и я, сказать правду, былъ его не бодряе, къ

къ вящшей же бѣдѣ нашей услышали вдругъ пловущаго къ судну нашему великаго звѣря. Намъ хотя было его и не видно, но по чинимому имъ въ водѣ шуму заключали, что онъ весьма великъ. Ксури называлъ его львомъ, и совѣтовалъ мнѣ наискоряе поднять якорь, и удалиться отъ берега; но я почитая сіе ненужнымъ отдался по канату, зная, что звѣрь далеко за нами плыть не осмѣлится; онъ былъ отъ насъ весьма близко, и для того выстрѣлилъ я изъ ружья, и принудилъ его воротиться къ берегу.

Не возможно изобразить великаго того реву изъ вою учинившагося послѣ моего выстрѣла, сперьва на берегу, а потомъ и внутри острова. Казалось, будто бы сіи звѣри никогда звуку сего не слыхали; а изъ того видна опасность, коимъ образомъ не токмо ночью, но и днемъ на берегъ выпти было не можно, дабы не попасться въ руки дикихъ народовъ, или въ когти лютыхъ звѣрей, ибо отъ нихъ слѣдовалабъ конечно неминуемая смерть.

Но какъ бы то ни было, однако принуждены мы были для прѣсной воды сойти на берегъ. Ксури просился, чтобъ я его отпустилъ одного. Для чего ты охотишься итти одинъ, спросилъ

спросилъ я у него, лучше тебѣ остаться въ суднѣ, а мнѣ итти. Сіе для того, сказалъ онъ мнѣ, изпорченымъ своимъ языкомъ, когда придетъ дикой человѣкъ, съѣстъ мой, а твой живъ остался. Очень не худо, любезной Ксури! такъ лучше пойдемъ мы оба, и есть-ли они на насъ нападутъ, то ихъ побьемъ изъ нашихъ ружей, или умремъ вмѣстѣ. Потомъ, давъ я ему кусокъ хлѣба и чарку водки, приближились къ берегу, такъ какъ намъ подойти было возможно, и взявъ съ собою ружья и двѣ крушки для налитія воды вышли на берегъ.

Не смѣлъ я итти далеко отъ судна, опасаясь дикихъ народовъ; мальчикъ же мой увидя вдали низкое мѣсто, побѣжалъ не сказавъ ни слова весьма скоро, и побывъ тамъ нѣсколько бѣжалъ назадъ еще скоряе. Я подумалъ, что конечно за нимъ гонится дикой человѣкъ, или какой ни будь звѣрь, выступилъ къ нему на помощь, но увидѣлъ у него въ рукахъ убитаго имъ звѣря, подобнаго зайцу, однакожъ шерстью отмѣннаго, воротился назадъ. Сей его походъ причинилъ мнѣ великое удовольствіе.

Ксури же радовался больше тому, что нашелъ свѣжую воду, и не видалъ человѣческихъ слѣдовъ.

Напол-

Наполнивши водою наши крушки, и съѣвши убитаго имъ подобнаго зайцу и вкуснаго мясомъ звѣря, оставили сїе неизвѣстное намъ мѣсто, не видавъ ни одного на немъ человѣка.

А хотя я, по моимъ примѣчанїямъ, во время первой моей въ Гвинею поѣздки учиненнымъ, и догадывался, что мы находимся не далеко отъ Канарскихъ островов или Краснаго мыса, но не имѣя къ снятїю долготы удобнаго инструмента, также и не знавъ тѣхъ островов, между коими находились, не могъ точно узнать, въ которой мы сторонѣ, и гдѣ помянутые острова, и къ которой сторонѣ держать должно, а только думалъ итти до того мѣста, гдѣ торгуютъ Агличане. Тамъ надѣялся я повстрѣчаться съ какимъ ни будь кораблемъ, которой бы насъ отъ сего бѣднаго странствїя избавить конечно не оставилъ.

По всѣмъ догадкамъ находились мы между Арапскою землею, Нигрицiею называемою, и между областьми Мароккскаго Императора, близъ пустаго и непоселеннаго мѣста, обитаемаго одними только дикими и лютыми звѣрями. Тамъ жившїе Арапы убоявшись Марокканянъ, откочевали внутрь

внутрь земли своей, хотя Марокканяне, для ея бѣдности объ ней и не думаютъ. Настоящая же причина тому, что обѣ нацїи ее оставили, можетъ быть, была та, что тамъ находится такое великое множество тигровъ, львовъ, бабровъ и другихъ лютыхъ звѣрей, что жить никоимъ образомъ людямъ въ ней не можно. Марокканяне ѣздятъ туда только на охоту въ великомъ множествѣ, человѣкъ тысячи по двѣ и по три. А во время нашего проѣзда видѣли мы только однѣ пространныя пустыни, а ночью слышали дикихъ звѣрей ужасной ревъ.

Въ одно время показалось мнѣ, яко бы я вижу съ острова Канарскаго Тенариффы гору Пико, и для того крайне сталъ стараться до нее добраться, но двоекратное мое въ томъ покушенїе за противнымъ вѣтромъ и теченїемъ было тщетно; и такимъ образомъ долженъ былъ слѣдовать первому моему курсу, то есть держаться берега.

Между тѣмъ приставали мы часто для прѣсной воды къ берегу, и въ одинъ день случившимся тогда приливомъ принесены будучи къ берегу остановились близъ одной вышины. Ксури имѣя

имѣя лучше моего зракъ, сказалъ мнѣ весьма тихо: Не лутче ли намъ, государь мой! отъ сего берега удалиться; не видите ли вы, продолжалъ онъ рѣчь свою, ужаснаго на берегу лежащаго звѣря. Я по указанїю его взглянувъ на то мѣсто, увидѣлъ несказанной величины льва, въ тѣни подъ горою спящаго. Ксури, сказалъ я ему, поди и убей его. Сей мальчикъ, слыша такой приказъ, испужавшись сказалъ мнѣ въ великомъ стражѣ: какъ я его могу убить? онъ меня со всѣмъ проглотитъ. Я приказавъ ему молчать, взялъ самую большую изъ имѣющихся у насъ трехъ фузей, положилъ въ нее сильной зарядъ, другую зарядилъ картечью, а третью крупною дробью, и приложась первою въ самую голову звѣря выстрѣлилъ; но какъ онъ лежалъ положа лапу на свою челюсть, то перебилъ ему только ее пополамъ; а хотя онъ и вскочилъ съ великимъ ревомъ, но принужденъ былъ упасть на мѣсто. Потомъ поднявшись на трехъ лапахъ ревѣлъ ужасно. Я дивился тому, что не попалъ его въ голову, и такъ принужденъ былъ еще стрѣлять, и въ другой выстрѣлъ попалъ его въ голову, отъ чего онъ протянувшись испустилъ съ ревомъ послѣдней духъ свой.

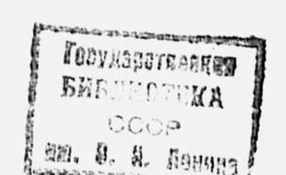
Ксури

Ксури ободрясь бросился на берегъ, имѣя въ рукахъ своихъ ружье, и подошедъ къ звѣрю выстрѣлилъ еще по немъ третей разъ, хотя въ томъ не было уже ни малой нужды.

Сей звѣрь не приносилъ намъ ни малой пользы, и для того сѣтовалъ я на себя, что не одумавшись потерялъ три выстрѣла. Ксури же увѣряя меня происходящею отъ того великою прибылью, приплывши ко мнѣ съ берега взялъ топоръ, и возвратясь рубилъ у него голову, но не могъ того никоимъ образомъ исполнить, а только отрубилъ одну ногу; а чтобъ все не пропало, то вздумалъ я снять съ него кожу. Малой мой имѣлъ въ томъ несказанное искусство; по снятїи же кожи разложили ее по каютѣ, а она такъ хорошо высохла, что можно было употреблять ее на подстилку.

Отъ сего мѣста отправившись, держали двенатцать дней съ ряду къ Зюйду, сберегая сѣѣстные наши припасы, а приставали къ берегу только для прѣсной воды. Намѣренїе мое было дойти до вышины рѣки Гамби, прежде Сенегалъ называемой, или до Краснаго мыса; тамъ надѣялся обрѣсти какое ни будь Европейское судно. Я зналъ, что всѣ корабли изъ Европы въ

 Гвинею,

Гвинею, Бразилїю и Восточную Индїю идущїе, останавливаются у сего мыса, или у островов близ онаго лежащих.

Продолжая таким образом путь свой дней с десять, увидѣли жителями поселенной берег. Нѣсколько человѣк смотрѣли на нас проѣзжающих; они были всѣ нагїе и черные. Я думал пристать к берегу, и итти к ним, но Ксури удержал меня от того разумными своими совѣтами, и по тому держал далѣе от берега; они бѣжали за нами не имѣя никакова ружья, выключая, что у одного в руках была палка, кою Ксури называл копьем, и сказывал, что они тѣм бросают весьма далеко и искусно. Мы разговаривали с ними по знакам. Сим тупым языком просил я у них ѣсть, а они давали знать, чтоб я остановился, обѣщая дать мнѣ мяса, и так опустил я свой парус. Двое из них принесли через четверть часа два куска сушенова мяса и своего хлѣба; а какое то мясо и хлѣб были, того мы не знали. Правда, что приносом их были мы довольны, но не знали, каким образом оной принять, не осмѣливаясь итти к ним на берег. Наконец они примѣтя нашу опасность

сность, и оставя принесенное все на берегу, отошли прочь, и не возвращались до тѣх пор, пока мы оное не перенесли на свое судно.

Мы благодарили их приличными к тому знаками; а между тѣм открылся случай услужить им слѣдующим образом: Как мы убирались на судно, то вбѣжали в воду два великїе звѣря, самец ли то с самкою был, или нѣт, играючи ли или с сердца то между ими происходило, того сказать не можно; думаюж больше, что они хотѣли в водѣ от великаго жару прохолодиться. Чудно было то, что сїе в день учинилось, ибо хищные звѣри из пещер своих выходят только ночью. Стоявшей тогда на берегу дикой народ необычайному их бѣгу весьма дивился, а особливо женщины, кои увидя их испужались и прочь побѣжали; на мѣстѣ остался один только тот, у котораго в руках копье было. Звѣри бросясь прямо в воду, начали плавать так, как будто бы играючи; один из них плыл прямо на нас. Я приказал Ксури зарядить два ружья; имѣя же в своих руках одно уже готовое, из котораго выстрѣливши попал его в самую голову. Он чувствуя

ствуя рану началъ биться ныряя въ воду, а по томъ плывучи къ берегу издохъ на половинѣ дороги, первое отъ раны, другое что въ водѣ задыхался, а на конецъ со всѣмъ на дно опустился.

Дымъ и звукъ изшедшей изъ ружья моего, привелъ бѣдную стоявшую по берегу дичь въ неописанное удивленїе, многїе отъ страху навзничь попадали, но видя убитаго и утопающаго звѣря, такожъ и то, что я приказывалъ подойти имъ къ себѣ ближе, ободрились, и подошедъ одинъ по одному къ берегу смотрѣли на обагренное кровїю въ водѣ мѣсто, и показывали знаками, чтобъ я имъ его вытащилъ на берегъ; и для того здѣлавши я изъ веревки петлю, зацепилъ звѣря въ водѣ лежащаго за шею, и подалъ имъ конецъ оной, за которой они его и вытащили. Нашлось, что то былъ бабръ съ преизрядными пятнами. Арапы не зная, чѣмъ я его убилъ, поднявши руки свои къ небу, показывали свое удивленїе.

Другой же звѣрь изпужавшись ружейнаго звуку выплылъ, и побѣжалъ въ горы такъ скоро, что я и увидѣть того не могъ, какова онъ былъ рода. Примѣтяжъ, что Арапы начали ѣсть убитаго бабра, весьма тому былъ радъ, что могъ имъ услужить; они бросились на него безъ всякаго разбору, и обостренными своими деревцами скоряе сняли съ него кожу, нежелибъ я могъ то учинить ножемъ своимъ. Они принесли мнѣ большую часть мяса; но я далъ имъ знать, что мнѣ то не надобно, и что я доволенъ буду одною кожею, кою и получилъ безъ всякаго спору. По томъ показалъ я имъ пустую свою кружку, и оборачивая вверьхъ дномъ просилъ воды, а они догадавшись принесли мнѣ оной въ большемъ глиняномъ сосудѣ, и поставя на берегу пошли прочь; женщины ихъ были, равно какъ и мущины, нагїя.

И такъ получа отъ нихъ довольно воды, хлѣба и коренья, которыя мнѣ столькожъ, сколько и ихъ хлѣбы были неизвѣстны, и простяся съ ними отправился въ путь свой, и ѣхалъ дней съ одиннатцать къ Зюйду, не имѣя нужды приставать къ берегу. Между тѣмъ примѣтилъ я, что земля, близь которой я шелъ, выдалась весьма много въ море, и здѣлалась мысомъ разстоянїемъ отъ кряжа миль на шесть. Погода была тихая. Обходя оный мысъ усмотрѣлъ я напротивъ его

его лежащую землю, и заключилъ, что то былъ Красной мысъ, а земля одинъ изъ называемыхъ симъ именемъ острововъ, но не зналъ, къ которому мѣсту лучше держать надлежитъ, къ твердой ли землѣ, или къ острову, ибо въ случаѣ великаго вѣтра могъ бы лишиться всей своей надежды.

Разсуждая о томъ задумался, и пошелъ въ каюту, оставя Ксури на рулю. Но сей мальчикъ закричалъ мнѣ вдругъ: Господинъ хозяинъ, я вижу корабль подъ парусами, и казался отъ страху такъ какъ ума лишенной, воображая себѣ, что то конечно посланное отъ господина его за нами судно, хотя того въ разсужденіи дальнаго отъ насъ разстоянія и статься не могло. Я выскоча изъ каюты увидѣлъ не только сказанной имъ корабль, но узналъ еще при томъ, что онъ Португальской. Примѣчаяжъ ходъ его, примѣтилъ отдаленіе его отъ берегу; и потому крайне старался на парусахъ и на греблѣ къ нему приближиться.

Но видя, что догнать его не возможно, и что отъ великихъ трудовъ всѣхъ силъ своихъ, слѣдовательно и надежды лишаюсь, началъ было отчаяваться. Однакожъ примѣтилъ, что ко-

корабль видя мое судно въ крайней опасности, началъ убавлять парусовъ своихъ. Тѣмъ ободренъ будучи, поднялъ свой вымпелъ на самой верьхъ мачты, и выстрѣлилъ изъ ружья въ знакъ того, что я нахожусь въ крайности. Они какъ то, такъ и другое по дыму довольно примѣтя и опстеня паруса, легли на дрейфъ, и дали мнѣ время до судна ихъ добраться.

По прибытіи моемъ къ кораблю спрашивали у меня, что я за человѣкъ, по Португальски, по Ишпански и по Французски; но я не разумѣлъ сихъ языковъ. Наконецъ одинъ Шотландской матросъ, бывшей на томъ кораблѣ, началъ со мною говорить по своему. Я отвѣтствуя ему сказался Агличаниномъ, и что я ушелъ изъ неволи отъ Салейцовъ; по чему и приняли они меня весьма великодушно, со всѣмъ мнѣ принадлежащимъ на свое судно.

Можно понять, какую я тогда ощущалъ въ себѣ радость избавясь бѣдности и отчаянія, въ которомъ находился. Я дарилъ всѣмъ, что ни имѣлъ, Капитана корабля того въ знакъ моей благодарности; но онъ отъ всего отказался, обѣщаясь все оное мнѣ отдать по прибытіи своемъ въ

вѣ Бразилїю ; при томъ же говорилъ : Спасши вашу жизнь здѣлалъ я такое дѣло , какое желалъ имѣть и самъ , когда паче чаянія буду въ такомъ же несчастїи , въ чемъ никто за себя и ручаться не можетъ. Впрочемъ вы принуждены ѣхать въ отдаленное отъ отечества вашего мѣсто , гдѣ лишены будучи того , что вы имѣете, конечно съ голоду умереть можете , и такъ сею моею поступкою лишу я васъ той жизни , кою я теперь спасти счастїе имѣю. Нѣтъ , нѣтъ Синоръ Инглезе , то есть господинъ Агличанинъ , я васъ взялъ на свой корабль по должности человѣчества , которое меня и обязуетъ оставить у васъ все то , что вамъ принадлежитъ , тѣмъ наипаче, что вещи ваши служить вамъ могутъ къ содержанїю вашему , и способомъ къ возвращенїю въ ваше отечество.

Сколько былъ сей человѣкъ великодушенъ въ предложенїяхъ своихъ , столько же справедливъ и точенъ въ исполненїи оныхъ : ибо запретилъ онъ матросамъ ни до чего не касаться, что мнѣ принадлежало , и взялъ все въ свое охраненїе, давъ мнѣ за своеручнымъ подписанїемъ роспись всему имъ полученному , не выключая изъ того и трехъ

трехъ моихъ глиненыхъ кувшиновъ , увѣрялъ при томъ , что мнѣ все непремѣнно возвратитъ по прибытїи своемъ въ Бразилїю.

Зелботъ мой, которымъ я хотѣлъ его подарить , и которой былъ весьма хорошъ , обѣщался онъ заплатить двадцать четыре гвинеи , естьли кто за него больше давать не будетъ ; за моего малаго давалъ онъ мнѣ шестьдесятъ гвиней. Я стыдился продать вольность такого человѣка , которой къ полученїю моей показалъ столь вѣрныя услуги, и того ради объявилъ ему сїе зазрѣнїе моей совѣсти ; а Капитанъ признавъ его справедливымъ , обѣщался дать малому на себя письменное обязательство въ томъ , что онъ по прошествїи десяти лѣтъ отпуститъ его на волю , естьли онъ только приметъ Христїанской законъ ; и такъ я отдалъ Ксури Капитану , для того больше , что онъ и самъ на то былъ согласенъ.

По прошествїи двадцати двухъ дней прибыли мы на рейду Всѣхъ Святыхъ , и тѣмъ вторично избавился я наибѣднѣйшаго состоянїя Тамъ я думалъ только о томъ , коимъ бы образомъ начать новое житїе свое.

Не могу довольно выхвалить великодушной Капитана моего въ разсуждении меня поступки. Во первыхъ не взявъ онъ ничего за провозъ, приказалъ мнѣ все отпустить съ корабля своего, а купилъ у меня только то, что продать я ему самъ хотѣлъ. Между прочимъ купилъ онъ у меня баброву кожу за дватцать червонцовъ, шкатулу, два ружья, и кусокъ оставшагося за употребленїемъ воску; словомъ за весь мой грузъ получилъ я отъ него до двухъ сотъ дватцати гвиней. Вотъ въ какомъ состоянїи прїѣхалъ я въ Бразилїю.

Скоро послѣ того познакомилъ отъ меня съ однимъ таковымъ же честнымъ человѣкомъ, каковъ и самъ былъ. Сей имѣлъ Ингеино, то есть сахарной заводъ; по чему и я живучи въ его домѣ научился дѣлать сахаръ. Видяжъ спокойную заводчиковъ жизнь, и что они отъ того скоро богатѣютъ, намѣрился поселясь въ Бразилїи жить по ихъ примѣру, и перевести всѣ оставшїяся въ Лондонѣ мои деньги. Для того исходатайствовавъ себѣ позволенїе вступить въ ихъ общество, купилъ себѣ по достатку своему земли, здѣлалъ разпоряженїе моей плантацїи и заводу; учредя всѣ свои дѣла по тому, сколько я денегъ получить имѣлъ изъ Англїи.

Сосѣдъ

Сосѣдъ мой Португалецъ, рожденной въ Лиссабонѣ отъ Аглинскихъ родителей, назывался Вельсъ. Обстоятельства его были съ моими сходныя, земля его прилегала къ моей, и онъ жилъ со мною весьма дружно.

Плантацїи наши были невелики, токмо такїя, что почти могли мы себя содержать оными безъ недостатку. Въ такихъ обстоятельствахъ жили мы цѣлые два года; по прошествїи же оныхъ начали получать небольшую прибыль, а на третей годъ стали сѣять табакъ; но будучи одинаки не имѣли большаго успѣха. Тогда узналъ я, что напрасно продалъ Капитану малаго своего Ксури.

Но неудивително, что въ томъ здѣлалъ дурно, ибо я еще хорошева никогда не дѣлывалъ. Не имѣя же ни малаго способу ко избѣжанїю отъ трудовъ своихъ, продолжалъ мою работу, упражняясь въ такомъ дѣлѣ, которое съ нравомъ моимъ было со всѣмъ несходно, ибо не находилъ я въ немъ того утѣшенїя, для котораго домъ отца моего, презрѣвъ всѣ его наставленїя, оставилъ; тогда вступилъ я дѣйствително въ жизнь посредственнаго состоянїя, или лучше сказать, въ мѣщанство, кое мнѣ прежде сего отецъ мой принять совѣ-

товалъ.

шовалъ. Часто разговаривалъ я самъ съ собою. Не лучше ли бы мнѣ было остаться дома; не имѣвъ такой скуки, и не шатаясь по всему свѣту, могъ бы въ Англїи тоже дѣлать, что здѣсь. Трудился бы между моими родственниками и друзьями, равно какъ нынѣ, работая среди незнакомыхъ мнѣ людей; что мнѣ въ томъ, что я переѣхалъ пространныя моря, и прошелъ нѣсколько тысячь миль, или только для того, чтобъ притти въ дикую и неограниченную степь, гдѣ лишенъ, такъ сказать, обхожденїя съ большею частїю свѣта, почти одинъ жить долженъ.

Такимъ образомъ раскаявался я о моей проступкѣ, а обходился только съ однимъ моимъ сосѣдомъ. Все дѣлалъ своими руками, и для того часто называлъ себя брошеннымъ бурею на дикой и непоселенной островъ. Люди всегда несправедливо примѣняя состоянїе свое къ хуждьшему, раздражаютъ тѣмъ Всевышняго, которой за такое преступленїе осуждаетъ ихъ на то, чему они не входя въ лучшую свою передъ тѣмъ жизнь завидуютъ, по чему и я осужденъ былъ увѣриться, что тогдашняя моя жизнь была благополучна, и той лучше, которую ведетъ человѣкъ

въ самой крайности живучи на дикомъ острову, для того больше, что я могъ бы быть отъ оной богатымъ и счастливымъ человѣкомъ.

Я предпринималъ всѣ способы умножать мои плантацїи еще до отъѣзда Капитанскаго, искренняго моего друга, что не мало продолжилось, ибо онъ принужденъ былъ, для груза корабля своего, прожить цѣлые три мѣсяца. Я просилъ его о привезенїи оставшихъ моихъ въ Лондонѣ денегъ, а онъ мнѣ далъ сей доброй и прїятельской совѣтъ: „Господинъ Агличанинъ, говорилъ онъ мнѣ, ежели вы мнѣ дадите письмо къ тому человѣку, коему повѣрены ваши деньги, чтобъ ихъ переслалъ въ Лиссабону къ одному изъ моихъ знакомыхъ, то я вамъ ихъ съ помощїю Божїею привести конечно не премину. Но какъ дѣла человѣческїя подвержены всегдашнимъ перемѣнамъ и несчастїямъ, то совѣтую вамъ писать о присылкѣ только ста фунтовъ стерлинговъ, то есть половину вашего капитала, другуюжъ оставить до другой поѣздки, когда первая часть счастливо привезена будетъ; естьли же она паче чаянїя пропадетъ, то останется еще на ваши нужды другая половина.„

Но

По сему разумному и пріятельскому его совѣту написалъ я письмо къ той женщинѣ, которой они были повѣрены. Увѣдомяжъ ее о всемъ со мною случившемся, и о томъ, въ какомъ я нахожусь состояніи, просилъ о пересылкѣ имѣющихся у нея моихъ денегъ въ Лиссабону къ моему Капитану, коего великодушной со мною поступки я ей выхвалить не оставилъ. Капитанъ по прибытіи своемъ въ Лиссабону, переслалъ письма мои въ Лондонъ къ одному изъ своихъ пріятелей, которой помянутую женщину и увѣрилъ въ томъ, что я еще живъ; а она прислала не только однѣ мои деньги, но еще въ знакъ своей къ Капитану благодарности за здѣланное мнѣ одолженіе купила отъ себя въ подарокъ ему на двацать на пять фунтовъ стерлинговъ Лондонскихъ товаровъ.

Лондонской купецъ, взявъ отъ означенной вдовы помянутые сто фунтовъ стерлинговъ, и купя на оныя всякихъ Аглинскихъ товаровъ, переслалъ ихъ по требованію Капитанскому въ Лиссабону, а онъ привезъ ихъ счастливо въ Бразилію. Между ими были разные желѣзные для планшаціи моей нужные инструменты, отъ коихъ я имѣлъ немалую прибыль. По незнанію моему

я о томъ и не приказывалъ, однакожъ Капитанъ купилъ ихъ для меня самъ собою по тому, что прочіе заводчики такія вещи ему купить приказывали.

Я весьма радовался счастливому его прибытію: капитанъ же стараясь о моей пользѣ, и снабжая меня всѣмъ нужнымъ, нанялъ мнѣ на присланные къ нему отъ означенной вдовы въ подарокъ двацать пять фунтовъ стерлинговъ на шесть лѣтъ слугу, и привезъ его съ собою. За такія благодѣянія не могъ я его никогда принудить, чтобъ онъ взялъ отъ меня что ни будь, выключая, что принялъ собственныхъ моихъ трудовъ двѣ рули табаку.

Привезенные имъ товары, состоявшіе въ разныхъ штофахъ, ягодахъ и другихъ, для сей земли чрезвычайно нужныхъ вещахъ, проданы были имъ же такою дорогою цѣною, что я получилъ отъ того четверную прибыль, и сталъ гораздо богатѣе моего сосѣда, ибо кромѣ нанятаго Европейскаго моего слуги, купилъ я себѣ еще одного Арапа.

Злое употребленіе благополучія часто бываетъ причиною нашего несчастія, что со мною дѣйствительно и

учинилось. Следующей годъ имѣлъ хорошую прибыль отъ моей плантаціи; собралъ пятьдесятъ руль табаку, да еще купилъ много у моихъ сосѣдовъ, и успѣлъ отправить его съ отходящимъ флотомъ въ Лиссабону.

Видя приращеніе трудовъ моихъ и богатствъ, началъ дѣлать множество проектовъ и предпріятіевъ превосходящихъ силы мои, и разоряющихъ порядокъ дѣлъ моихъ.

Естьлибъ я велъ хорошую жизнь, то бы конечно достигъ до того, что мнѣ отецъ мой предъ прочимъ хвалилъ, когда описывалъ посредственное въ жизни состояніе. Но я рожденъ былъ не для того, чтобъ жить въ покоѣ, но чтобъ быть самому себѣ причиною злополучія, кое происходило отъ необузданнаго желанія шататься по всему свѣту. Сей любимой мною страсти далъ я и при семъ случаѣ слѣпо надъ собою полную власть; она владѣла мною въ самое то время, когда со всѣмъ такая склонность, да еще пользѣ моей была противна. Она разорила благополучіе мое, и пресѣкала всѣ пути ко оному меня ведущіе, кои, такъ сказать, само небо, приводя меня къ моей должности и благоденствію, мнѣ подавало.

Не смотря на то, что побѣгъ изъ дому отца моего былъ мнѣ бѣдствененъ, немогъ я быть въ покоѣ, чтобъ не впасть въ равную томужъ погрѣшность. Нѣчто невѣдомое побуждало меня ѣхать, и лишиться доброй надежды и здѣлаться богатымъ и скуднымъ заводчикомъ. Безъ всякой основательной причины, а только чтобъ прославиться въ свѣтѣ важнѣйшими и безпримѣрными дѣлами, чего въ самомъ дѣлѣ и быть не могло, мучился я страстію своею къ мореплаванію, а чтобъ сказать короче: я преодолимъ будучи ею ввергъ себя вторично въ крайнее несчастіе.

Живучи четыре года въ Бразиліи получилъ совершенное къ прибыткамъ моимъ и благополучію начало. Выучился тамошнему языку, и свелъ знакомство и дружбу съ прочими заводчиками, такожъ и съ Санктъ Салваторскими купцами, до которыхъ имѣлъ по заводамъ своимъ всегдашнюю нужду. Въ разговорахъ съ ними разсказывалъ имъ о поѣздкѣ моей въ Гвинею, и какъ тамъ отправляются торги Арапами; какъ легко доставать можно золотой песокъ, Гвинейской хлѣбъ, слоновую кость и прочіе товары за самую бездѣлицу; а особливо какъ тамъ за постели, ножи, ножницы, топоры, хрустальныя

вещи и тому подобныя безделки Арапов покупают.

Они всегда слушали предложенія мои весьма прилежно, а особливо, что касается до покупки Арапов, коих привозили в Бразилію весьма мало, а продавали дорогою ценою. В одно время, как я был с ними вместе, и о том же с великою ревностію разсказывал, то на другой день по утру пришли ко мне из них трое, сказывая, что они довольно уже между собою разсуждая о том, что я за день перед тем им сказывал, требуют в сем деле моей молчаливости. Я обещался содержать их тайну, а они начали говорить следующее: Мы намерены от себя вооружить для посылки в Гвинею судно, выж имея свои плантаціи, довольно знаете, какую крайнюю нужду терпим в невольниках, и что сей торг будучи запрещен; то привезенных Арапов публично продавать не льзя; и так мы намерены послать за ними тайно, и привезя разделить их по себе, думаю ли я ехать в Гвинею от них поверенным с тем обещаніем, чтоб в разделе Арапов иметь с ними равную часть, а в вооруженіи корабля не убыточиться.

На-

Надобно признаться, что таковыя предложенія для человека, неимеющаго в жизни своей порядочнаго основанія, должны быть весьма пріятны; чтож до меня принадлежит, то я, имея уже такіе заводы, в коих, естьлиб года три или четыре потрудился, зделалсяб богатым человеком, а особливо, когдаб на оставшіе в Лондоне сто фунтов стерлингов приказал привести таких же как и прежде товаров, от коих бы в Бразиліи получил великую прибыль, и так все сіи обстоятельства, говорю я, взяв во уваженіе, необходимо должен бы был оставить. Сіе не инако, как весьма глупо предпріемлемое намереніе, каковому бы ни один разумной человек в свете еще не следовал.

Но я будучи рожден быть всегдашнею причиною несчастія моего, не мог отговориться от предложеній друзей моих, или лучше сказать не в силах был преодолеть страсть свою, и с тем, чтоб они письменно обязались управлять оставшими моими заводами, и исполнить мое повеленіе, когда я паче чаянія несчастлив буду, обещался ехать в Гвинею. Потом зделал духовную, в которой описал все свои вещи, в случаеж погубле-

бленія моего, учредилъ во всемъ наслѣдникомъ Капитана, спасшаго жизнь мою въ морѣ, съ договоромъ тѣмъ, чтобъ онъ взялъ половину изъ онаго себѣ, а другую отослалъ въ Англію къ моимъ родственникамъ.

По таковымъ предосторожностямъ, до сохраненія моего имѣнія и содержанія моихъ плантацій касающимся, не разсуждая ни мало о собственномъ своемъ благополучіи и о добромъ основаніи дѣлъ своихъ, и что я отъ цвѣтущаго состоянія оныхъ немалую прибыль имѣть могу, предпріялъ вторично морское путешествіе, подвергая себя крайнимъ опасностямъ.

Друзья мои изготовили и нагрузили корабль по моему совѣту, и я сѣлъ на него перьваго Сентября 1659 году въ тотъ же день, въ которой лѣтъ съ восемъ назадъ здѣлался ослушникомъ родительскихъ повелѣній, и причиною собственнаго моего несчастія.

Корабль имѣлъ грузу сто дватцать ластовъ, шесть пушекъ и четырнатцать человѣкъ людей, считая въ томъ числѣ Капитана и меня съ мальчикомъ, а нагруженъ былъ всякими для Гвинейскихъ торговъ необходимыми мѣлочьми.

Будучи на пути держались мы къ берегу въ томъ намѣреніи, чтобъ по томъ подошедъ до десятаго или двенатцатаго градуса сѣверной широты, по обыкновенной въ Африку дорогѣ поворотить въ Гвинею. Сперва имѣли мы весьма способной вѣтръ, выключая, что было очень жарко. Пришедъ же на высоту Августинскаго мыса, и поворотя въ море держали на островъ Фернандъ Норанго, оставляя его съ прочими въ западной сторонѣ. Такимъ образомъ продолжали мы путь свой къ Нордвесту; и такъ перешли счастливо линію. По двенатцати дневной дорогѣ, будучи по нашему исчисленію подъ седьмымъ градусомъ и двенатцатою минутою сѣверной широты, поднялась великая буря, которая насъ со всѣмъ сбила съ дороги. Она началась отъ Зюйдъ-Оста, а остановилась на Нордъ-Вестѣ, откуда вѣтръ дулъ съ такою жестокостію, что цѣлыя двѣ недѣли принуждены мы были странствовать, отдавшись судьбѣ и жестокости вѣтровъ. За ненужное почитаю я сказать здѣсь, что всякой часъ ожидалъ я погубленія моего, ибо ни одного не было на кораблѣ такова, которой бы надѣялся избавиться отъ смерти.

Во время бури лишились мы трехъ человѣкъ, одинъ умеръ горячкою, а двое, въ которомъ числѣ былъ мальчикъ Капитанской, упали въ воду. Какъ чрезъ двенатцать дней вѣтръ нѣсколько утихать началъ, то Шкиперъ здѣлалъ исчисленіе, и нашелъ, что мы находились подъ одиннатцатымъ градусомъ сѣверной широты, и слѣдовательно близъ Гіанскаго берега, или сѣверной Бразильской стороны, выше Амазонской рѣки, недалеко отъ Ореноки или великой рѣки. Онъ совѣтовалъ со мною о предпріятіи нашего пути. Корабль былъ поврежденъ и такъ со всѣхъ сторонъ, почему думалъ онъ лучше держаться сѣверной стороны.

А я былъ противнаго въ томъ мнѣнія, и по разсмотрѣніи Американской морской карты увидѣли, что въ близи отъ насъ не было ни одного селенія, къ которому бы пристать могли; а находились недалеко отъ жилищъ людоѣдовъ; и для того положили держать къ Барбадосу, куда въ пятнатцать дней дойти надѣялись; ибо безъ исправленія корабля въ Африку никоимъ образомъ итти было не можно, а притомъ и въ провіантѣ здѣлался у насъ великой недостатокъ.

Такимъ образомъ перемѣня курсъ пошли къ островамъ Аглицанами поселеннымъ; но все дѣлалось не по нашему, ибо будучи подъ двенатцатымъ градусомъ и осмнатцатью минутами сѣверной широты, захвачены вторичною бурею, которая такъ какъ и первая отнесла насъ отъ мѣстъ людьми посѣщаемыхъ такъ далеко, что хотя бы и могли спастись отъ потопленія, однако принуждены бы были отдаться въ руки дикихъ народовъ, кои конечно бъ насъ съѣли. Словомъ сказать: мы лишены были всякой надежды ко избавленію отъ смерти.

Въ сей крайности вскричалъ въ вечеру одинъ матросъ сидящей на марсѣ: *Земля*! Мы не успѣли выти изъ каюты, какъ корабль сѣлъ на мѣль. Вода пошла со всѣхъ сторонъ съ такою силою, что во ожиданіи нашего конца, спасаясь отъ стремящихся на судно наше волнъ и ударовъ, держались только ухватившись за борты.

Не можно представить бываемаго въ таковыхъ случаяхъ душевнаго смущенія; оно только тому извѣстно, которой въ подобныхъ несчастіяхъ находился. Никто изъ насъ не зналъ свойства земли, къ которой насъ прибило, островъ ли то былъ или твердая по-

селенная или пустая земля, того было намъ не вѣдомо. Вѣтръ хотя и началъ умаляться, однако еще былъ весьма великъ, и для того надѣяться не льзя было, чтобъ корабль могъ хотя мало вытерпѣть жестокіе волнъ удары. Всѣ были мы неподвижны, смотря одинъ на другова, и ожидая ежеминутно смерти, и приготовлялись ко оной, ибо не оставалось уже больше въ сей жизни ни малой ко спасенію надежды, хотя Шкиперъ и увѣрялъ, что корабль еще не разбило, и что вѣтръ утихать начинаетъ.

Онъ сѣлъ на песокъ такъ крѣпко, что его никоимъ образомъ оттуда свести было не можно, и по тому состояніе наше здѣлалось весьма печальнымъ; а особливо, что за день передъ штурмомъ привязанной къ кормѣ елботъ во время погоды объ руль разбивъ потопило, чего ради начали спускать имѣвшуюся на кораблѣ большую шлюпку.

Шкиперъ принялся самъ за сіе дѣло, а мы всѣ ему въ томъ послѣдовали, и спустя ее на воду сѣли одиннатцать человѣкъ, препоруча себя въ волю Божію и отдавшись стремленію волнъ; а хотя погода и утихла, однако валы еще подымались ужаснымъ образомъ, и по обыкновенію Голландцовъ

кои волнующееся море примѣняютъ лютому звѣрю, можно было его и тогда еще назвать Вилдемеръ, или дикимъ моремъ.

Мы начали гресть изо всей силы, по такъ, будто бы всѣ ведены и приготовлены были къ смерти. И хотя знали, что къ берегу пристать не можно, однако не смотря на то держали къ оному, спѣша сами къ своей погибели.

Пещаной ли или каменистой, высокой или низкой онъ былъ, того не знали, а думали зайти въ какую нибудь губу, или въ устье рѣки, и закрыться тамъ отъ вѣтру; но тщетна была сія надежда, ибо земля по приближеніи нашемъ показалась намъ ужаснѣе моря.

Между тѣмъ, какъ мы, по тогдашнему нашему исчисленію, отъ корабля съ милю отъѣхали, нашла на насъ подобная великой горѣ волна, предвозвѣщающая нашу кончину, и тотчасъ переворотила шлюпку, разметавъ всѣхъ въ разныя стороны, такъ скоро, что не успѣлъ, думаю, никто призвать на помощь и Бога.

Не можно словами изъяснить тогдашнихъ моихъ мыслей, а особливо, когда я на дно погружался; а хотя и умѣлъ плавать, однако за великимъ волне-

нїемъ силъ моихъ къ тому не доставало. Меня бросило на берегъ, гдѣ вода разшедшись оставила меня на песку полумертва. Видя такъ близко землю, опамятовавшись и собравши послѣднія силы, всталъ я на ноги, и старался, сколько возможно, добраться до онаго; но нашедшая вдругъ вторичная волна со всѣмъ меня покрывши отнесла далѣе меня въ море, и конечнобъ я задохнулся, естьлибъ не умѣлъ плавать. При семъ случаѣ оно такъ мнѣ помогло, что я плаванїе почитаю всякому мореходцу необходимо нужнымъ; между тѣмъ по збытїи воды успѣлъ я выттти на берегъ такъ далеко, что ужъ валы здѣлались мнѣ неопасными; послѣдней выбросилъ меня на камень, и такъ крѣпко ударилъ, что лишилъ всѣхъ чувствъ моихъ. По счастїю былъ я тогда уже поверьхъ воды; опамятовавшись отъ удара, и во ожиданїи на себя идущей волны ухватясь за камень, удерживалъ духъ до тѣхъ поръ, какъ вода со всѣмъ збыла. Сїя волна была меньше перьвыхъ, за тѣмъ что было близко берега, потомъ поплылъ я къ нему, а хотя и нашла на меня еще вода, но унести съ собою была уже не въ силахъ; а я пользуясь слабыми моими ногами, и вышедъ на твердую землю,

сѣлъ на одну вышину, презирая стремящїеся тогда на меня волны.

Наконецъ видя себя со всѣмъ въ безопасности взлянувъ на небо, благодарилъ Бога за спасенїе моея жизни. Я почитаю за невозможность изъяснить радость и восхищенїе, которое бываетъ въ человѣкѣ тогда, когда онъ таковымъ образомъ, какъ я, отъ погубленія избавляется, высвободенъ будучи такъ сказать изъ дна адскаго. Признаюсь, что то обыкновенїе не удивительно, чтобъ приводить лѣкаря къ такому человѣку, которой стоя на послѣдней степени къ висѣлицѣ, и имѣя уже веревку на шеѣ, получаетъ прощенїе, и при объявленїи радостной вѣдомости о дарованїи ему жизни кровь ему пускаемъ, опасаясь, дабы такая нечаянная, и неожидаемая имъ перемѣна не причинила ему вящшаго вреда, и не лишилабъ его жизни.

Ходя по берегу поднималъ я въ верхъ руки, и разсуждая о моемъ избавленїи дѣлалъ множество разныхъ тѣлодвиженїй, коихъ нынѣ и изобразить какъ не знаю. Вспоминая же о утопшихъ своихъ товарищахъ, дивился, что изъ нихъ я только одинъ спасся, ибо послѣ того, какъ опрокинуло нашу шлюпку, не видалъ я ни одного человѣка; а тон-

поимал только три шляпы, калпак и пару башмаков. Взирая же на беспокойное и волнующееся море и стоящей там наш корабль возопил: „Великій Боже! тебѣ только возможно „было спасти меня от такого по„топленія„. Послѣ того начал осматриваться, гдѣ я нахожусь, и как мнѣ жить будет; и сколь велика была прежде радость, кою я чувствовал, видя себя еще живаго, столь чрезвычайно слѣдовала по том и горесть, когда представил себѣ бѣдное мое состояніе. Я был мокр, и не имѣл чем осушиться; голоден, не имѣя пищи; жаждал, не имѣя чѣм напиться, слаб без всякой надежды ко укрѣпленію истощенных сил своих. Вездѣ предстояла в глазах моих ужасная смерть, не было у меня ружья, чѣм оборониться, не знал гдѣ и как достать себѣ пищу, а только был у меня один нож, трубка и нѣсколько в мѣшечкѣ табаку: вот вся моя провизія, с коею начал я жить на диком острову. Бѣгал по берегу так, как бѣшеной; по наступленіиж ночи, опасаясь хищных по ночам бродящих звѣрей, искал себѣ безопаснаго убѣжища. Сыскавши с четверть мили от берега находившуюся

шуюся прѣсную воду, и напившись оной влѣз на стоящее близ оной густое дерево, подобное ели, однакож ее гуще. Укрѣпясь в сучьях онаго, дабы во время сна не упасть, и имѣя в руках для обороны малой посох, от имѣвшихся за день перед тѣм трудов уснул так крѣпко, что на другой день проснулся тогда, как солнце уже взошло на оризонт весьма высоко. Никогда и никто думаю при таком несчастіи не спал еще так спокойно, как я препроводил ночь сію.

На другой день здѣлалось свѣтло и тихо. Прилив поднявши корабль наш с песку, на коем он лежал, принес ближе к берегу, и поставил его разстояніем от меня не болѣе, как на одну милю.

Яж видя сіе, и не упуская времяни, слѣз с дерева, и пошел для забранія находившихся на оном мнѣ нужных вещей. Идучи к кораблю увидѣл от него в правую сторону на берегѣ же выброшенную нашу шлюпку, лежащую на одной песчаной косѣ, от острова водою так, как на милю, отдѣленной.

После полудни море со всѣм утихло, и вода так збыла, что почти до самаго корабля сухо дойти было

можно. Казалось, что естьлибъ мы на немъ остались, то бы конечно спаслись всѣ отъ потопленія; такія разсужденія привели меня въ слезы, а понеже они меня въ бѣдности моей мало утѣшали, то, какъ возможно, скоряе добирался до корабля своего. День былъ жаркой, и для того раздѣвшись къ нему поплылъ. Онъ окруженъ былъ водою. По приплытіижъ увидѣлъ, что онъ стоялъ на косѣ высокой, что взлѣзть на него не можно; оплывши кругомъ его два раза, и не видавъ ничего, думалъ возвратиться на берегъ; но вдругъ усмотрѣлъ висящую съ кормы веревку, которой я прежде совсѣмъ не примѣтилъ, и помощію оной влѣзъ я на корабль. Корма у него и всѣ въ ней находившіяся вещи были сухи. Думаю, читатель догадается, что я началъ сперва искать себѣ пищи. По счастію моему корабельная провизія была вся цѣла, и ни чемъ неповреждена. Добравшись до сухарей, ѣлъ и клалъ ихъ въ карманы, а потомъ сыскавши въ Капитанской каютѣ румъ, тотъ часъ напился пьянъ, въ чемъ правду сказать для укрѣпленія силъ моихъ имѣлъ немалую нужду. Не помогло бы мнѣ ничто, ежели бы я поджавъ руки сидѣлъ, и напрасно потерялъ

терялъ время. Крайность возбудила прилѣжность. Изъ раинъ и тому подобнаго, что только въ воду опустить могъ, здѣлалъ себѣ плотъ. Связавъ его веревками, наклалъ сверьху доски, каютныя двери, такожъ и то, чѣмъ закрываютъ люки, а на оныя опустилъ сперва три сундука матросскихъ. Въ первой изъ нихъ опорожненной положилъ я печеной хлѣбъ, три сыра Голландскихъ, шесть кусковъ козьева мяса, чѣмъ мы по большой части на караблѣ питались, и нѣсколько оставшихъ за употребленіемъ Европейскихъ ржавыхъ и пшеничныхъ зеренъ, взятыхъ для кормленія находившихся съ нами птицъ. Въ каютѣ было, выключая двадцать четыре бутылки Араку и прочихъ питей, множество лѣкарственныхъ водъ. Между тѣмъ увидѣлъ я, что начала прибывать вода, и къ крайнему огорченію поплыло въ море лежавшее мое на берегу платье. Сей убытокъ наградилъ я находившимся на караблѣ всякимъ платьемъ; ещежъ нашелъ цѣлой сундукъ разныхъ инструментовъ, которой не разсматривая опустилъ на плотъ.

Потомъ взялъ два ружья и пару пистолетъ, нѣсколько роговъ съ порохомъ, мѣшокъ съ дробью, двѣ шпаги, три боченка пороху, одинъ со всѣмъ мокрой,

мокрой, послѣднїе же два сухїе и ко употребленїю годные; и такъ довольно нагрузивши плотъ, думалъ какъ бы довести его до берега, опасаяся, дабы за неимѣнїемъ парусовъ и руля вѣтръ его не опрокинулъ.

По счастїю моему море было спокойно, а притомъ начавшейся тогда приливъ и способной вѣтръ принесли плотъ мой въ устье одной рѣчки. Берегъ оной былъ мнѣ неизвѣстной, и потому вдругъ лишился было всего сокровища: ибо плотъ мой взошедъ краемъ на бугоръ, поднялся такъ высоко, что весь мой грузъ со всѣмъ въ воду покатился; я скоча съ него и упершись въ сундуки руками, держалъ изо всей своей силы до тѣхъ поръ, пока прибывшая вода поднявши его далѣе въ рѣку не понесла. Пользуясь симъ случаемъ, и не ходя далѣе въ устье рѣки присталъ къ берегу, не удаляясь отъ взморья, въ той надеждѣ, не удастся ли мнѣ въ морѣ увидѣть какое ни будь идущее судно. Между тѣмъ увидѣлъ небольшей заливъ; въ него завелъ я свой плотъ съ великимъ трудомъ и опасностью; а какъ подошедъ къ берегу неосторожно въ воду скочилъ, то было вторично со всѣмъ его опрокинулъ. Наконецъ удалось мнѣ ввести его

его по прибылой водѣ на ровное мѣсто, гдѣ придерживалъ своими веслами до того времени, какъ вода начала сбывать.

Потомъ искалъ мѣста себѣ для жилища, къ сохраненїю жизни и имѣнїя своего пристойнаго. Не зналъ еще, населенная ли, или ненаселенная то земля, или островъ былъ, долженъ ли я опасатися дикихъ звѣрей, или быть отъ нихъ въ безопасности. Не далеко отъ того мѣста, гдѣ я присталъ, была великая и крутая гора, превышающая вершиною своею цѣлой хребетъ лежащихъ къ сѣверу высокихъ же горъ. Я взялъ ружье и пистолетъ, пороху и дроби довольно, пошелъ на оную, и взошедъ чрезъ великую силу увидѣлъ, что нахожусь на острову, и что кромѣ каменныхъ горъ и двухъ къ Востоку лежащихъ малыхъ острововъ ничего болѣе въ дали, а на острову кромѣ великаго множества птицъ, родомъ и употребленїемъ мнѣ неизвѣстныхъ, другихъ тварей было не видно. Идучи съ горы выстрѣлилъ по большей на деревѣ сидящей птицѣ; думаю, что въ семъ мѣстѣ еще въ первой разъ отъ сотворенїя мїра сїе случилось, ибо тотъ часъ послѣ выстрѣла взлетѣло со всѣхъ сторонъ великое множество

ство всякихъ родовъ птицъ на подобїе поднимающагося густаго облака. Убитаяжъ мною птица съ носу и по перьямъ походила на ястреба, мясо у ней было какъ у вороны, и для того ни къ чему негодное.

По учиненнымъ вышеписаннымъ примѣчанїямъ возвратился я къ плоту, и началъ его выгружать, упражняясь въ томъ цѣлой день. По наступленїи ночи не зналъ что дѣлать, и какой искать наслѣгъ. На земли лечь не смѣлъ, опасаясь дикихъ звѣрей, хотя оныхъ еще и не видалъ; и того ради огородившись пустыми сундуками, и свезенными съ корабля досками, спалъ тое ночь спокойно. Въ вечеру примѣтилъ выбѣгающихъ изъ лѣсу подобныхъ зайцамъ звѣрковъ. На другой день намѣрился еще ѣхать на корабль, и привезти нужныя мнѣ веревки, парусы и прочїя вещи, при чемъ совѣтовалъ съ собою, не можно ли то учинить на здѣланномъ въ первую мою поѣздку плоту: но за невозможностїю сего дѣла принужденъ былъ итти на корабль такъ, какъ и прежде по збытїи воды; платье же свое положилъ въ шалашъ, а не на берегу. По приходѣ на корабль здѣлалъ другой лучше перьваго плотъ, нагрузилъ его меньше, и

и для того присталъ къ берегу благополучно. Грузъ онаго состоялъ въ разныхъ мнѣ нужныхъ вещахъ, а именно: нашелъ я на караблѣ двенадцать большихъ буравовъ и топоровъ, оселку, чѣмъ точить оныя, два желѣзные лома, два ящика пуль, семъ ружей, въ томъ числѣ одно охотничье, нѣсколько пороху, большой мѣшокъ съ дробью и свертокъ свинцу, которой за тяжелостїю его долженъ былъ оставить, всякое платье, малые парусы, койку, тюфякъ и одѣяло.

Между тѣмъ, будучи на караблѣ, весьма опасался, чтобъ оставшую мою на берегу провизїю не съѣли дикїе звѣри, но по возращенїи моемъ примѣтилъ ее нетронутую и цѣлую, а только на одномъ изъ сундуковъ сидѣлъ звѣрокъ подобной дикой кошкѣ, которой видя меня приближающагося отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановился, и смотрѣлъ на меня весьма быстро, такъ какъ будтобы хотѣлъ ко мнѣ прилaскаться; а хотя я на него и приложился ружьемъ своимъ, однакожъ онъ сидѣлъ спокойно. Видя сїе бросилъ я ему кусокъ сухаря, можете узнать, что онъ былъ невеликъ. Какъ то ни есть, звѣрокъ не откинулъ моего подарка, прибѣжавши и обнюхавъ его

его съѣлъ, а изъ пріятнаго его на меня взляду можно было догадаться, что ему еще тогожъ хотѣлось. Но видя мою скупость побѣжалъ въ лѣсъ.

Понеже найденной мною порохъ находился въ боченкахъ, коихъ я поднять не могъ, то раздѣлилъ его въ разныя связки, отъ чего работа моя была весьма продолжительна. По пріѣздѣ на берегъ, не смотря на то, что было поздно, здѣлалъ себѣ изъ привезенныхъ мною парусовъ малой шалашъ, и перенесъ въ него все, что отъ дождя и солнца могло испортиться. Потомъ огородился пустыми сундуками и бочками, положа оные одинъ на другой, для защищенія тѣмъ отъ всѣхъ чаемыхъ отъ звѣрей и людей нападеній. Входъ заколотилъ изнутри кольями, и положа въ головы пару пистолетъ, а подлѣ себя ружье, легъ первой разъ на постелю, и спалъ до самаго утра.

Я думаю, что еще ни когда, для одного человѣка столь много военныхъ припасовъ и провіанта собрано не было, сколько я имѣлъ у себя оныхъ; но будучи тѣмъ еще не доволенъ, намѣрился, когда корабль простоитъ на своемъ мѣстѣ, свезти съ него все, что

что можно, на берегъ, и въ самомъ дѣлѣ всякой день ходилъ на него во время отливу. Въ третью поѣздку привезъ почти весь такелажъ, штуку канифасу, взятую для починки парусовъ, помоченой порохъ, паруса, разрѣзывая большіе въ мѣлкія части. Въ шестую поѣздку сыскалъ на кораблѣ бочку сухарей, три боченка руму, ящикъ сахару, и кадку съ мукою; все сіе завернувъ въ парусы, перевезъ счастливо на берегъ.

На другой день потомъ ѣздилъ еще туда, и изрубивъ два большихъ каната, взялъ съ собою завозъ, все желѣзо, кое только въ силахъ былъ вытащить, и на плотъ свой опустить, и нагрузившись отправился къ берегу; но по несчастію на томъ мѣстѣ, гдѣ въ первой разъ былъ въ опасности, опрокинулся со всѣмъ своимъ грузомъ. Желѣзо потонуло, прочія же вещи спасъ по збытіи воды въ 13 дней моего на острову пребыванія. Ѣздилъ я двенатцать разъ на корабль, забирая съ собою все, что только возможно было взять одному человѣку; я думаю, что бы при продолжившейся тихой погодѣ и весь корабль разобравъ по частямъ на берегъ перевезъ. Но какъ приготовлялся еще на него ѣхать, то поднялся ве-

великой вѣтръ. Не смотря на то доплылъ я до корабля. Уже все въ немъ было перерыто, однако при семъ последнемъ случаѣ нашелъ я шкафъ съ двумя ящиками, въ которыхъ было три бритвы, пара ножницъ и дюжина ножей съ вилками; въ другомъ тритцать шесть фунтовъ стерлинговъ Европейской и Бразильской золотой и серебреной монеты и нѣсколько Гвиней. Увидя деньги, усмѣхнувшись вскричалъ во весь голосъ: О! суета суетъ, развратной, и презрѣнной металлъ, къ чему ты нынѣ мнѣ годишься? не стоишь и того, чтобъ я за тобою наклонился; одинъ изъ сихъ ножей нужняе мнѣ теперь всѣхъ Крезовыхъ богатствъ, оставайся тамъ, гдѣ лежишь, или ступай, какъ негодная и недостойная вещь наслаждаться дневнымъ свѣтомъ въ предѣлы глубины Нептуновой. Но вдругъ перемѣнивши мысли, взялъ ихъ съ собою послѣдуя конечно дѣйствующей во мнѣ о избавленіи моемъ надеждѣ. Началъ было дѣлать плотъ, но небо вдругъ почернѣло, и вѣтръ поворотясь къ берегу дѣлалъ въ морѣ великое волненіе, и для того не ожидая приливу бросясь въ воду поплылъ, и чрезъ великую силу добрался до находящейся не далеко отъ

отъ корабля косы за тѣмъ, что всѣ помянутыя вещи были со мною, а при томъ и вода уже такъ поднялась, что и до приливу здѣлалась великая буря. По счастливомъ прибытіи на берегъ сѣлъ я въ мою хижину посреди богатствъ моихъ. Въ ту ночь былъ великой вѣтръ, а по утру корабля уже со всѣмъ не стало. Я видя сіе утѣшалъ себя тѣмъ, что не упустилъ ни времяни, ни трудовъ и старанія къ свезенію съ него мнѣ нужныхъ вещей, ибо ничего уже на немъ не было такого, чтобы необходимо надобно было. И такъ о караблѣ больше уже и думать было нѣчего, ожидалъ только, не броситъ ли погода на берегъ разбитыхъ его частей; что въ самомъ дѣлѣ и случилось, однако безъ всякой мнѣ пользы.

Всѣ мои мысли стремились тогда только въ то, чтобъ привести себя въ безопасность отъ дикихъ народовъ и звѣрей. Многія о постройкѣ новаго моего жилища имѣя разсужденія, не зналъ лучшели мнѣ рыть пещеру, или строить шалашъ. Наконецъ вознамѣрился здѣлать оба вмѣстѣ.

Низкое и болотное мѣсто, гдѣ я находился, было къ тому со всѣмъ неспособно, слѣдовательно и нездорово, а

а притомъ и отдаленное отъ прѣсной воды, и для того искалъ себѣ такого, гдѣ бы воздухъ былъ здоровой, вода свѣжая, а притомъ бы закрытое отъ солнца и отъ всѣхъ чаемыхъ отъ людей и звѣрей нападенiй безопасное, видомъ къ морю, дабы, естьли паче чаянiя пойдетъ какое ни будь судно, тобъ я могъ его увидѣть. Я не позабылъ еще и тогда стараться о моемъ избавленiи, о которомъ надежда со всѣмъ изъ мыслей моихъ еще не выходила.

Между тѣмъ увидѣлъ я въ горѣ самородную пещеру. Съ одной стороны оной была небольшая долина, а гора имѣла въ верьху видъ подобной фронтоспицу, входъ былъ въ нее весьма узкой.

Кругомъ сей пещеры вздумалъ я здѣлать себѣ укрѣпленiе, и обнести оное въ полуциркуль двойнымъ полисадомъ, примкнувъ однимъ краемъ къ одной, а другимъ къ другой сторонѣ вышереченной горы, которая прикрывала меня отъ полуденнаго солнечнаго зною. Сей двойной и крѣпкой палисадъ долженъ былъ состоять изъ столбиковъ вышиною въ пять съ половиною футовъ, кои вколотилъ я въ землю, обвастривая ихъ топоромъ своимъ, а становилъ разстоянiемъ одинъ отъ другова на пять дюймовъ.

Между

Между полисадомъ положилъ изрубленные на кораблѣ канаты до самаго верьху; для удержанiя столбиковъ приставилъ изнутри большiя колья; а сiе зданiе стало такъ крѣпко, что ни человѣку, ни скоту прорвать было его не можно; стояло же мнѣ сiе, правду сказать, несказаннаго труда.

Вмѣсто дверей переходилъ чрезъ укрѣпленiе по лѣсницамъ; такимъ образомъ былъ я довольно прикрытъ отъ всѣхъ чаемыхъ нападенiй. Спалъ всегда спокойно, хотя въ самомъ дѣлѣ время довольно показало, что мнѣ въ такихъ предосторожностяхъ ни малой нужды не было.

Въ сей огородкѣ, или когда удостоите назвать въ семъ укрѣпленiи, положилъ я всю мою провизiю, военную аммуницiю, и словомъ всѣ свои богатства, о которыхъ выше сего сказывалъ; въ немъ построилъ большой шалашъ, покрылъ его отъ дождей вдвое парусами (кои въ разныя времена года весьма сильны бывали), внутри онаго здѣланъ былъ еще не большой шалашъ же, покрытой брезентами. Въ немъ повѣсилъ я свою койку, и спалъ всегда спокойно.

Въ немъ зберегалъ я особливо такiя вещи, кои отъ дождя могли испор-

питься, и такимъ образомъ со всѣмъ убравшись заколотилъ проходъ своего полисада, которымъ ихъ внесъ въ свое укрѣпленіе.

По окончаніи сего началъ рыться въ гору, землю же и каменья носилъ къ полисаду, и здѣлалъ изъ того внутри на полтора фута возвышеніе. Сія пещера служила мнѣ вмѣсто погреба, и стоила великаго и несказаннаго труда. Въ одно время, какъ шалашъ и она были еще не отдѣланы, нашла великая туча, здѣлался чрезвычайной дождь съ молніею и ужаснымъ громомъ. Я не столько боялся грому какъ молніи, по причинѣ имѣвшагося близъ меня пороху. Ахъ, сказалъ я самъ себѣ, что теперь будетъ со мною и моимъ порохомъ; безъ него чѣмъ я буду обороняться? и чѣмъ достану себѣ пропитаніе? обмиралъ еще больше, когда вспоминалъ, что и я съ нимъ пропасть могу.

Все сіе принудило меня по прошествіи бури оставить дѣло моихъ укрѣпленій и разкласть порохъ по разнымъ мѣстамъ, дабы въ случаѣ громоваго удара онаго вдругъ не лишиться. Двѣ недѣли препроводилъ я въ сей работѣ, для того что его было до ста сорока фунтовъ; помоченной же поставилъ

ставилъ въ пещеру, которую впредь называть буду кухнею; сухой же спряталъ весь въ ущелинахъ горъ, примѣчая мѣста знаками, дабы въ случаѣ нужды удобнѣе сыскать было можно.

Во время продолжающейся сей работы, прогуливаяся ежедневно по острову стрѣлялъ птицъ, осматривалъ мѣстоположеніе и произращенія онаго. Въ первой выходъ примѣтилъ, что есть на немъ дикія козы, но такъ дики, хитры, скоры и осторожны, что къ себѣ ни мало не допускали. Я примѣтилъ, что когда бываю въ лугахъ, а они на горахъ, то они озрясь уходятъ отъ меня въ лѣсъ; когдажъ ихъ увижу съ горъ, то ходятъ по лугамъ смирно, и для того выбиралъ на погубленіе ихъ всегда высокія мѣста. Въ первой разъ подстрѣлилъ козу, при которой былъ одинъ козленокъ. Какъ я понесъ мать его съ собою, то и онъ не отставая бѣжалъ за мною. Я пересадилъ его въ свое жилище, дабы пріучить его къ себѣ, но принужденъ былъ убить за тѣмъ, что ничего не ѣлъ.

Надобно мнѣ было необходимо также мѣсто, гдѣбъ разводить огонь, и жарить мясо; для сего выбралъ я пещеру свою, о которой въ пристойномъ

мѣстѣ говорить буду. Теперь упомяну о состоянїи тогдашнихъ моихъ мыслей, кои, какъ то всякой разсудить можетъ, были весьма неспокойны.

Жизнь моя представлялась мнѣ въ ужасномъ видѣ; отдаленъ будучи на нѣсколько сотъ миль отъ Европейскихъ селенїй, приписывалъ случившееся со мною отъ Бога посланному на меня наказанїю, по которому опредѣлено мнѣ окончить дни горестной моей жизни въ сей пустынѣ. Разсуждая о томъ заливался слезами, жаловался на судьбу свою, что она подвергнувъ меня такой напасти, лишила всякаго отъ людей вспоможенїя, по чему и называлъ ее жестокою.

Въ такихъ мысляхъ прогуливаясь по взморью, вскричалъ задумавшись, чтожъ дѣлать? Правда, что я нахожусь въ бѣднѣйшемъ состоянїи, но гдѣ дѣвались мои товарищи; не одиннатцать ли насъ человѣкъ было въ шлюпкѣ; отъ чего то пришло, что они утонули, а я спасся; и для чего бы мнѣ, а не имъ живымъ остаться? лучше тамъ, нежели здѣсь быть, показуя при выговорѣ сихъ словъ на море. Потомъ говорилъ опять самъ себѣ! не должно ли о вещахъ разсуждать съ доброй и худой стороны? Ибо добро, коимъ наслаждаемся, насъ

насъ во время случающихся намъ несчастїй утѣшаетъ.

Представлялъ себѣ, что мнѣ въ пищѣ недостатка не будетъ, что я довольно снабдѣнъ оною; но что бы со мною было, естьлибъ корабль не подошелъ ближе къ берегу; и ябы не свезъ съ него того, что теперь имѣю? чтобъ тогда дѣлать? естьлибъ и понынѣ былъ въ томъ состоянїи, въ какомъ пришелъ на островъ, лишенъ будучи пищи и всего нуждынаго. Какъ бы быть безъ ружья? могъ ли бы стрѣлять звѣрей? могъ ли бы работать, не имѣя удобныхъ къ тому орудїй? безъ платья, чѣмъ бы одѣвался? безъ постели, гдѣбъ отъ трудовъ имѣлъ отдохновенїе? безъ хижины, гдѣбъ укрылся отъ солнечнаго зною и другихъ противныхъ мнѣ перемѣнъ воздушныхъ? имѣя все то съ излишествомъ не чувствовалъ ни въ чемъ недостатка; да и впредь того не опасался такъ, что естьлибъ и весь изошелъ у меня порохъ, то бы конечно съ голоду не умеръ.

Опасался только того, чтобъ онъ какимъ нибудь случаемъ не загорѣлся; и для того, какъ уже сказалъ, раздѣливши его по разнымъ мѣстамъ, началъ препровождать уединенную мою на

 остро-

острову жизнь спокойно; а понеже еще никому таковой имѣть не случалось, то я почитаю за должность описать ее, яко нѣкоторую рѣдкость, съ самаго моего на островъ пришествія, а именно 30 Сентября, какъ выше упомянуто. Вышелъ я на берегъ одного дикаго острова во время несноснаго жару; по моему изчисленію находился онъ подъ девятымъ градусомъ и двадцать вторoй минутой сѣверной широты.

Будучи наономъ двенатцать дней, дабы за неимѣніемъ чернилъ, бумаги и пера не позабыть дней, поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ выплылъ на берегъ, четвероугольной столбъ съ слѣдующею надписью: *Прибылъ на сей островъ 30 Сентября 1659 года.* По сторонамъ онаго ежедневно становилъ небольшіе, а въ седьмой день превышающіе первые знаки. Въ первоежъ число каждаго мѣсяца больше тѣхъ, кои значили седьмицу, и такимъ образомъ здѣлалъ себѣ Календарь, или недѣльной, мѣсячной и годовой порядокъ.

Въ привезенныхъ мною съ корабля вещахъ нашелъ я перья, чернила и бумагу, три компаса, нѣкоторые математическіе инструменты, квадрантъ, зрительныя трубки, морскія карты и

и записки, кои всѣ за неимѣніемъ къ разобранію удобнаго времяни брошены были въ одинъ сундукъ; еще три библіи присланныя ко мнѣ изъ Англіи въ Бразилію, и нѣсколько книгъ на Португальскомъ языкѣ; такожъ взялъ я съ корабля двѣ кошки и собаку, о коихъ упомянуто будетъ въ своемъ мѣстѣ. Кошекъ перевезъ на плоту въ первую поѣздку; а собака приплыла сама на другой день. Нѣсколько лѣтъ отправляла она у меня должность добраго слуги и вѣрнаго товарища, угождая мнѣ, такъ сказать, при всякомъ случаѣ, и только недоставало ей языка. Имѣя же чернила и бумагу велъ всему вѣрную записку до тѣхъ поръ, пока они велися.

Крайней былъ мнѣ недостатокъ въ киркѣ, лопаткѣ, заступѣ и иглахъ, булавкахъ, ниткахъ, полотнѣ и въ прочихъ вещахъ; во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ были отъ того великія остановки, и въ цѣлой годъ на силу могъ я обнести жилище свое полисадомъ; ибо каждой столбъ дѣлалъ я всегда три дни: въ первой день рубилъ и очищалъ дерево, въ другой таскалъ къ моему жилищу, обвастривалъ одинъ конецъ, а въ третей зарывалъ его въ землю.

Не имѣяжъ способу ко отвращенїю такихъ трудовъ, и употребляя въ пользу свою праздное время, дѣлалъ все сїе съ охотою, а между тѣмъ прогуливался всегда по острову, разсуждая о своей жизни. По приходѣ въ жилище свое вносилъ мысли свои въ книгу, стараясь разумомъ искоренить унынїе моего сердца, и сравнивая худое съ добрымъ утѣшалъ себя тѣмъ, что конечно есть на свѣтѣ люди меня несчастнѣе, а именно:

Злое.

Брошенъ на такой островъ, съ котораго сойти не имѣю ни малой надежды.

Доброе.

Но я еще живъ, и не утонулъ такъ какъ другїе мои товарищи, кои со мною вмѣстѣ на кораблѣ были.

Злое.

Лишенъ всякаго съ людьми обхожденїя, нахожусь въ пустынѣ.

Доброе.

Отлученъ отъ прочихъ моихъ товарищевъ для того только, чтобъ избавиться отъ смерти; спасшей же ме-

меня отъ потопа изведетъ и изъ сей пустыни; не терплю голоду, и живу въ плодоносномъ мѣстѣ, производящемъ все для моего содержанїя.

Злое.

Нѣтъ у меня платья?

Доброе.

Живучи въ жаркомъ мѣстѣ, нѣтъ въ томъ нужды, хотябъ оно и было.

Злое.

Нахожусь безъ всякой обороны, и не могу никакова учинить сопротивленїя какъ звѣрямъ, такъ и людямъ.

Доброе.

Брошенъ на островъ, гдѣ не вижу ни одного дикаго звѣря, которой бы мнѣ вредъ причинить могъ, не такъ какъ на Африканскомъ берегу; и какаябъ была моя жизнь, естьлибъ въ семъ состоянїи я тамъ находился.

Злое.

Не имѣю человѣка, съ кѣмъ бы говорить, или отъ кого бы могъ ожидать помощи.

Доброе.

Въ награжденіе сего нѣкоторымъ чуднымъ случаемъ прибило корабль къ берегу, и я успѣлъ забрать съ него для содержанія моего нужныя вещи, коими могу жить долгое время, а можетъ быть станетъ мнѣ ихъ и на вѣкъ мой.

Такимъ образомъ разсуждая о добрыхъ и о худыхъ своихъ обстоятельствахъ заключилъ, что и въ бѣднѣйшемъ и презрительнѣйшемъ состояніи можно всегда находить нѣкоторое утѣшеніе, а особливо когда человѣкъ, къ претерпѣнію своихъ несчастій овладѣвъ страстьми своими, покоритъ ихъ своему разуму, и при крайнемъ стараніи о добродѣтели той надежды не лишится, что его злополучія не инако какъ помощію терпѣнія миноваться должны. Послѣдуя сему, и не отчаяваяся положилъ все свое упованіе на Всевышшаго такъ твердо, что началъ жить въ покоѣ; не смотрѣлъ больше въ морѣ кораблей, а старался только о своей безопасности; укрѣплялъ свое жилище; осыпалъ полисадъ землею; покрывалъ шалашъ парусами, и перенесъ въ него, какъ выше сказывалъ, все богатство, но такъ непорядочно, что почти не осталось и столько мѣста, гдѣбъ можно было поворотиться.

Видя

Видя себя отъ всѣхъ нападеній защищеннымъ, началъ распространять пещеру, а обвалившаяся въ ней съ одной стороны земля учинила мнѣ такой проходъ въ горы, котораго съ наружной стороны и видѣть было не можно.

По окончаніи сего дѣлалъ себѣ стулъ и столъ, безъ чего ни коимъ образомъ обойтиться было не можно. Разумъ, какъ причина всѣхъ наукъ, помогъ мнѣ въ дѣлѣ сихъ вещей, по чему я думаю, что и всякой человѣкъ, слѣдуя правиламъ здраваго разсужденія при дѣланіи въ жизни необходимо нужныхъ вещей, имѣть можетъ не токмо доброй успѣхъ, но со временемъ здѣлается и мастеромъ. До сего никогда руками моими я ничего не дѣлывалъ, тогдажъ стараніемъ и прилѣжностію нашелъ, что ни въ чемъ не можетъ мнѣ быть недостатка, и что все, естьли только къ тому удобные инструменты имѣть, здѣлать можно. Правда, что для одной доски должно было рубить цѣлое дерево, обрубать его сучья, и тесать до тѣхъ поръ, пока желаемой толстоты доска изъ него выдетъ; послѣ того гладилъ ее скобелью, а изъ сего видѣть можно, сколь много труда мнѣ все то стоило.

Но

Но какъ то ни есть, однако я здѣлалъ себѣ стулъ и столъ, къ чему не мало служили мнѣ привезенныя съ корабля доски, изъ коихъ смастерилъ я себѣ еще нѣсколько скамеекъ, кои одну на другую поставилъ въ пещерѣ, и клалъ на нихъ все мнѣ нужное по порядку. Для вѣшенiяжъ фузей и прочаго вколотилъ въ стѣну гвоздья; и такъ ее убралъ, что и самъ выдумкамъ своимъ дивился.

Теперь приступаю я къ описанiю журнала своего. 30 Сентября вышелъ я на берегъ, спасшись отъ потопленiя. По выходѣ на островъ отъ великаго множества морской воды, которой я принужденъ былъ напиться, такъ меня рвотою мучило, что лишился всѣхъ чувствъ своихъ; потомъ опамятовавшись бѣгалъ по берегу дравъ на себѣ лице и волосы, и вопiялъ принося жалобу на несчастiе мое, говоря только сiи слова. Погибъ я теперь, ахъ! пропадшей человѣкъ! Сие продолжалось до тѣхъ поръ, пока изъ силъ выбившись легъ на землю, для отдохновенiя, но не смѣлъ заснуть, опасаясь дикихъ звѣрей.

По окончанiи моей на кораблѣ работы, ходилъ на высокую гору въ той надеждѣ, не увижу ли въ морѣ какого ни будь судна, что мнѣ и показалось; смотряжъ долго и крѣпко на сей предмѣтъ, потерялъ его изъ глазъ своихъ, и такъ сѣвши на землю, умножая горесть свою глупостью, плакалъ какъ робенокъ.

Преодоленъ же будучи слабостью пошелъ въ шалашъ, гдѣ поставя стулъ и столъ началъ писать журналъ, которой продолжалъ до тѣхъ поръ, пока велись чернила. Съ него сообщаю я здѣсь копiю, прося извиненiя, что слѣдуя порядку внесъ въ оной и то, о чемъ уже выше сего сказывалъ.

ЖУРНАЛЪ.

(Повседневныя записки).

30 Сентября 1659 года, по разбитiи корабля во время продолжающейся нѣсколько дней съ ряду чрезвычайной бури, которая збивши наше судно съ предпрiятаго нами пути занесла въ неизвѣстную сторону, я бѣдной Робинзонъ Крузе, спасшись одинъ изъ всѣхъ на немъ бывшихъ и при моихъ глазахъ погибшихъ людей, вышелъ полумертвой на островъ, называемой мною не безъ причины *островомъ Отчаянія*.

Во весь тотъ день находился я въ великой печали, разсуждая о бѣдномъ и печальномъ моемъ состоянiи; ибо не имѣя пищи, ни мѣста, гдѣбъ укрыться; ни платья одѣться; ни ружья обороняться, ни надежды избавиться отъ сей бѣды, ожидалъ ежеминутно быть съѣдену дикими звѣрями, или людьми, или умереть съ голоду; словомъ, только одна смерть была передъ моими глазами. По наступленiи ночи взошелъ на дерево, и не смотря на шедшей въ ту ночь дождь спалъ спокойно.

1 Октября примѣтилъ, что корабль приближился къ берегу. Съ одной стороны меня то утѣшало, видя его цѣлой; по утишенiи погоды надѣялся сыскать на немъ пищу, запастись нужными вещьми: съ другой стороны позорище сiе напоминало мнѣ гибель моихъ товарищей. При томъ разсуждалъ, естьлибъ на немъ остались, то бы конечно могли спасти большую часть того, что въ немъ находилось; а можетъ быть здѣлалибъ себѣ изъ остатковъ его шлюпку и отъѣхали бы въ какое нибудь селенiе. Мучась сими разсужденiями пошелъ къ кораблю. Тогда шелъ великой дождь, а погода была тихая.

Съ 1 Октября по 24 число ѣздилъ на корабль, и перевозилъ съ него во время приливовъ все, что могъ. Въ сiе время перепадали дожди.

24 опрокинуло плотъ съ находившимися на немъ вещами, кои я за тѣмъ, что то было не на глубокомъ мѣстѣ, вытаскалъ.

25 шелъ дождь день и ночь, притомъ была великая буря, во время которой разбило остатки корабля; яжъ упражнялся въ сохраненiи отъ дождя свезенныхъ съ корабля мною вещей.

26 ходилъ во весь день, и искалъ мѣста, гдѣ строить жилище; въ тотъ день постановилъ колъ при сходѣ горы, гдѣ назначилъ быть моему укрѣпленiю.

Съ 26 по 30 упражнялся въ переноскѣ вещей своихъ въ закрытое отъ дождя мѣсто.

31 по утру, будучи на охотѣ, и осматривая мѣстоположенiе острова убилъ дикую козу, которой козленокъ, какъ я ее понесъ домой, шелъ за мною. Мнѣ хотѣлось приучить его къ себѣ, но принужденъ его убить для сказанной выше сего причины.

1 Ноября началъ ставить шалашъ у схода съ горы, и ночевалъ въ немъ первой разъ.

2 числа укрѣпилъ его всѣмъ тѣмъ, изъ чего дѣланы были плоты мои.

3 будучи на охотѣ убилъ двѣ птицы подобные Канарскимъ, мясо ихъ было весьма хорошо; послѣ обѣда дѣлалъ столъ.

4 числа положилъ, чтобъ отправлять дѣла свои слѣдующимъ порядкомъ: въ сухіе дни ходилъ по утрамъ два или три часа съ ружьемъ, потомъ работалъ дома до одиннатцати часовъ, и тогда обѣдалъ; послѣ обѣда спалъ два часа, а отдохнувши принимался паки за работу. Въ сей день дѣлалъ столъ, хотя и съ великимъ трудомъ, но время и нужда въ томъ такъ меня научили, что, думаю, человѣкъ будучи въ школѣ у сихъ двухъ мастеровъ конечно во всемъ здѣлается искуснымъ.

5 Ноября ходилъ съ ружьемъ и съ собакою, убилъ дикую кошку. Кожа у ней была мягка, а мясо никуда не годно; идучи назадъ по взморью видѣлъ незнаемыхъ мнѣ морскихъ птицъ, да двухъ тюленей, кои увидя меня бросились въ море.

6 Числа отдѣлалъ столъ хотя и не такъ, какъ мнѣ хотѣлось; однакожъ довольно и того, что онъ имѣлъ видъ

видъ онаго. Съ 7 по 12 Сентября строилъ стулъ, а здѣлалъ его такимъ, что онъ со всѣмъ и виду того не имѣлъ. 11 число было воскресеніе, и для того ничего не дѣлалъ.

13 Ноября былъ дождь, какъ для меня, такъ и для земли весьма полезной; но случившейся при томъ громъ и молнія причиняли великую опасность, для того больше, что кругомъ меня лежалъ порохъ, которой по прошествіи бури разсовалъ я тотчасъ въ горахъ по ущелинамъ.

Съ 14 по 16 число дѣлалъ для поклажи пороху четвероугольныя коробочки, и наполнивши ихъ пряталъ въ горахъ, въ округъ меня лежащихъ. Между тѣмъ убилъ птицу, вкусомъ и перьемъ весьма изрядную; а какъ ее называютъ, не знаю.

17 Ноября рылъ пещеру въ горѣ, позади шалаша моего находившуюся. Не было у меня при томъ кирки, лопатки, телѣжки и носилокъ, и для того сія работа шла весьма продолжительно. Вмѣсто кирки употреблялъ ломъ, а вмѣсто лопатки доску.

18 числа ходя по лѣсу нашелъ дерево, въ разсужденіи необычайной его крѣпости желѣзнымъ въ Бразиліи называемое.

мое. Зделалъ изъ него лопатку, а при рубкѣ онаго испортилъ топоръ.

Чрезвычайная крѣпость сего дерева, и мое въ дѣлѣ лопатокъ неискусство увели у меня много времени; однако я зделалъ себѣ заступъ или лопатку, подобную одною только руковяткою тѣмъ, какія въ Англіи дѣлаются; но она будучи желѣзомъ не окована, ломалась весьма скоро; а на дѣло оной столько времени и трудовъ употреблено, что думаю еще ни отъ кого въ свѣтѣ такъ долго лопатка не была дѣлана. За тележку же не зналъ я какъ и приняться, и для того вмѣсто оной думалъ сплести корзину, но не было на острову ни ивы, ни ракитнику, или такова дерева, коего бы вѣтья къ тому годились, почему принужденъ былъ выносить землю доскою. Между тѣмъ ходилъ всякое утро на охоту, и билъ для своей пищи довольно дичины.

23 числа остановившаяся за недостаткомъ вышеписанныхъ инструментовъ земляная работа, по исправленіи недостатковъ, началась отправляться съ желаемымъ успѣхомъ, и въ осмнатцать дней расширилъ ее такъ, что могли въ ней убратися всѣ мои вещи. Я опредѣлилъ въ ней быть моей кухнѣ, магазейну, столовой и погребу; а спальнею

нею назначилъ шалашъ, выключая однакожъ дождливые дни, въ кое время въ немъ никоимъ образомъ жить было не можно.

10 Декабря упало въ пещеру множество земли съ ужаснымъ стукомъ, и конечно бы меня засыпало, естьлибъ я тамъ находился; чего ради принужденъ былъ выносить оную, а по томъ для охраненія себя отъ такогожъ приключенія укрѣпить верхъ подпорами.

11 числа подставлялъ верхъ горы подпорами, положа на оныя широкія доски, а сими столбами раздѣлилъ пещеру на два покоя.

Съ 11 по 20 Декабря тесалъ доски и подпоры, а въ пещерѣ вколотилъ множество гвоздей, для вѣшанія ружей и прочей аммуниціи.

20 Декабря переносилъ въ нее ружья, и дѣлалъ кухню; по 26 число шелъ такой дождь, что выттии никоимъ образомъ было не можно, по томъ зделалось хорошее время, и казалось, будто бы вся натура обновилась.

27 Декабря убилъ козу, и подстрѣлилъ еще другую, которую поимавши привелъ въ свое жилище, гдѣ перевязалъ перебитую ея ногу; а она выздоровѣвши начала ко мнѣ привыкать. Сіе же побудило меня имѣть домашней козей

заводъ, дабы при недостаткѣ пороха не было въ пищѣ нужды.

28, 29 и 30 чиселъ за бывшимъ великимъ жаромъ кромѣ вечеровъ ходить было не можно.

1 Генваря 1660 года видѣлъ множество дикихъ козъ, но не могъ къ нимъ подойти близко, и для того думалъ брать съ собою собаку, чтобъ лучше загонять ихъ въ такое мѣсто, откудабъ стрѣлять было можно.

2 Генваря по намѣренiю своему пошелъ въ поле съ собакою; но дикiя козы увидя, ни мало ее къ себѣ не допускали.

3 Генваря началъ дѣлать полисадъ, и окончилъ его 14 Апрѣля. Онъ примыкалъ къ горѣ, и имѣлъ въ дiаметрѣ своемъ отъ выходу изъ пещеры восемь локтей. Сiя работа стоила мнѣ ужаснаго труда, тѣмъ больше, что шедшiе иногда по цѣлой недѣлѣ дожди чинили въ томъ великiя помѣшательства. А до тѣхъ поръ, пока его не окончалъ, находился во всегдашней опасности. Сей полисадъ обрылъ я съ обѣихъ сторонъ землею такимъ образомъ, что естьлибъ кто и пришелъ на островъ, то конечно бы не могъ догадаться, что за нимъ есть какое ни будь жилище.

Меж-

Между тѣмъ прогуливаясь по острову нашелъ такихъ голубей, которые выводили дѣтей своихъ въ ущелинахъ горъ. Взявъ молодыхъ принесъ домой въ томъ мнѣнiи, чтобъ прiучить ихъ къ себѣ; но они оперившись отлетѣли, а назадъ уже не прилетывали; можетъ быть для того, что я кормилъ ихъ весьма мало. Такая ихъ поступка побудила меня не брать ихъ больше на воспитанiе, а употреблять всегда въ свою пищу.

Вздумалось мнѣ здѣлать бочку, въ которой была крайняя нужда, но не могъ имѣть въ семъ дѣлѣ ни малаго успѣха; ибо не зналъ, какъ укрѣпить ее въ упорахъ, и сплотить доски набойкою обручей. Для лучшаго примѣру разобралъ всякой боченокъ, но и тутъ не успѣвалъ въ своей работѣ; и для того принужденъ былъ ее оставить.

За неимѣнiемъ лампады ложился спать всегда при наступленiи ночи, то есть въ семь часовъ; но какъ вспомнилъ, коимъ образомъ дѣлалъ я оныя, во время моего по Африканскому берегу путешествiя, то вмѣсто хлопчатой бумаги и воску собиралъ изъ убитыхъ мною козъ сало, топилъ его на солнцѣ, здѣлалъ изъ земли плошку, развивалъ каболку, опускалъ наливши плошку помяну-

манутымЪ топленымЪ саломЪ, а отЪ того имѣлЪ всегда, хотя и не весьма ясной, однакожЪ довольной свѣтЪ. Между тѣмЪ случилось мнѣ при разбиранїи движимаго моего имѣнїя найти небольшей мѣшокЪ сЪ рожью и пшеницею. Сїи сѣмена, взятыя для кормленїя имѣвшихся на кораблѣ птицЪ, почти всѣ мышами были сЪѣдены такЪ, что осталась отЪ нихЪ только одна шелуха и пыль, и для того почитая ихЪ ни кЪ чему негодными, а имѣя вЪ мѣшкѣ для сыпанїя вЪ него пороху надобность, выбросилЪ близЪ своего шалаша безЪ всякаго намѣренїя. Сїе было еще до большихЪ дождей, о конхЪ я сказывалЪ. СЪ мѣсяцЪ по томЪ спустя увидѣлЪ вЪ разныхЪ мѣстахЪ восходящую озимь. Я почиталЪ ее сперьва неизвѣстнымЪ мнѣ былїемЪ; но какЪ удивился, когда увидѣлЪ растущую рожь и пшеницу!

Не можно довольно изЪяснить словами тогдашней моей радости. Я почиталЪ сїе нѣкоторымЪ чудомЪ, которое показываетЪ со мною БогЪ, и для того началЪ его благодарить за такую ко мнѣ милость, чего еще вЪ жизнь мою не дѣлывалЪ, ибо вдругЪ не могЪ я вспомнить, что я самЪ выбросилЪ оныя сѣмена изЪ вышепомянутаго мѣшка;

мѣшка; не понималЪ же и того, чтобЪ жилище мое, почитаемое мною кЪ произращенїю ЕвропейскихЪ плодовЪ совсѣмЪ неспособнымЪ, могло произвести рожь.

Видя оказавшуюся надежду, обѣщающую мнѣ довольное пропитанїе, не могЪ сЪ радости отЪ слезЪ удержаться; дивился промыслу Всевышшаго, и его о жизни человѣческой попеченїю. Удивленїе мое умножилось еще болѣе, когда увидѣлЪ по горѣ восходящїя другова роду произращенїя, подобныя пшеницѣ.

Все сїе представляясь мнѣ великимЪ чудомЪ, такЪ вЪ сердце мое вкоренилось, что я не опомнившись побѣжалЪ искать вЪ горахЪ, вЪ округѣ моего жилища находящихся, таковыхЪ же произращенїй: но не нашедЪ больше оныхЪ вспомнилЪ, что самЪ я ихЪ изЪ мѣшка выбросилЪ; а хотя тѣмЪ мнимое мною чудо и миновалось, однакожЪ долженЪ былЪ и за то благодарить Бога, что случилось остаться симЪ зернамЪ, и служить мнѣ вЪ уединенїи моемЪ такою великою помощїю. И естьлибЪ не было на то соизволенїя Всевышшаго, то моглибЪ они брошены быть вЪ такое мѣсто, гдѣбЪ засохли отЪ солнечнаго жару, или дождьливое

вое время, отъ чего конечнобъ всѣ погнили; а понеже сего не случилось, то я необходимо долженъ былъ почитать такое приключенїе явившеюся ко мнѣ безпримѣрною Божїею милостїю.

Не оставилъ я, какъ всякой разсудить можетъ, собрать мой хлѣбъ въ настоящее время жатвы, что было въ Iюнѣ мѣсяцѣ Хранилъ его со всякою бережливостїю, надѣясь тѣмъ наконецъ кормиться Но цѣлые четыре года не удалось мнѣ еще его отвѣдать, для того что первой учиненной мною въ сухое время сѣвъ весь высохъ.

Пшеницы было колосьевъ съ триттцать, которую я также собралъ; изъ нее пекъ я себѣ послѣ пироги, и дѣлалъ разныя кушанья, о чемъ при случаѣ упомянуть не оставлю. Теперь же приступаю къ своему журналу.

Въ четыре мѣсяца даже до 14 Апрѣля работалъ надъ своимъ укрѣпленїемъ; дверей не здѣлалъ я въ немъ для того, чтобъ издали не видно было жилища моего, а входилъ и выходилъ по лѣстницѣ.

Между тѣмъ всѣ было труды мои въ ничто обратились, да и самъ я почти не лишился жизни; вотъ какимъ образомъ: Какъ я работалъ въ моей пещерѣ, то вдругъ здѣлалось землетрясенїе,

сенїе, вся гора тряслась надъ моею головою, двѣ подставки переломились въ пещерѣ моей съ ужаснымъ трескомъ. Сперьва не знавъ, какая тому причина, думалъ, что такъ какъ и прежде земля валится. По чему выскоча изъ пещеры взбѣжалъ на свое укрѣпленїе; но видя себя и тамъ въ опасности, бросясь съ полисаду побѣжалъ въ лѣсъ. Три раза подъ моими ногами такъ потряслося мѣсто, что и крѣпчайшее строенїе отъ того бы не устояло. Такъ велики были въ землѣ удары. Находившаяся въ полумилѣ отъ меня каменная гора рушилась съ превеликимъ громомъ, море подымалось и колебалось, какъ будто бы во время великой бури, и видно было, что подъ водою удары островскихъ были сильняе.

Сїе трясенїе земли произвело во мнѣ подобной тому страхъ, которой корабельщики во время разбитїя корабля своего имѣютъ. Я стоялъ оцепенѣвши на одномъ мѣстѣ и отъ великаго ужаса не зналъ, что дѣлать. Учинившейся отъ паденїя горы стукъ тронулъ мой слухъ и принудилъ опамятоваться; но чтобъ чувствовать вящшее тому беспокойство, то я вдругъ увидѣлъ, что стоящая близъ моего шалаша гора показывалась мнѣ валившеюся на всѣ мои богат-

богатства; а сїе ввергло меня въ прежнюю нечувствительность. Видяжъ наконецъ, что земля подо мною не трясется, началъ ободряться; однако, не смѣя перейти черезъ полисадъ, будучи въ опасности, чтобъ меня гора не убила, сидѣлъ на одномъ мѣстѣ сжавши руки, и въ великомъ унынїи не зналъ что дѣлать. Но и тогда не приходило еще на умъ просить Бога о моемъ избавленїи, а только безъ всякихъ мыслей повторялъ нѣсколько разъ: Господи помилуй мя; да и сїя молитва продолжалась до тѣхъ поръ, пока опасность не миновалась.

Скоро послѣ того начало темнѣть небо, и покрываться облаками такъ, какъ будто бы хотѣлъ итти великой дождь, и съ четверть часа послѣ того здѣлалась буря. Море закипѣло, стремящїяся волны съ великою яростїю одна передъ другою спѣшили будто бы пожрать берегъ моего острова. Деревья, изъ нѣдръ земли вырванныя, поднимая вверхъ, бросало съ мѣстъ своихъ. Словомъ: все предвозвѣщало ужасную опасность. Буря продолжалась цѣлые три часа, по томъ начала мало по малу утихать, а послѣ того здѣлалась тишина, во время которой пролилъ чрезвычайный дождь.

Между

Между тѣмъ сидѣлъ я еще въ лѣсу въ таковыхъ же смущенныхъ мысляхъ, въ какихъ прежде находился, и не зналъ что начать. Наконецъ разсуждая, что буря и дождь суть естественныя слѣдства истощеннаго землетрясенїя, и обнадежившись тѣмъ, что я уже больше его опасаться не долженъ, также и опамятовавшись, къ чему правду сказать не мало понудилъ меня шедшей тогда великой дождь, пошелъ сперва въ шалашъ; но видя, что и тамъ отъ дождя укрыться не можно, ретировался въ свою пещеру; да и въ ней потопилъ бы онъ меня, естьлибъ не здѣлалъ въ полисадѣ своемъ накопившейся великой водѣ стоку. По учиненїи такой предосторожности убрался въ свою пещеру, и видя, что землетрясенїе и всѣ опасности миновались, началъ успокоиваться; а для возстановленїя истощенныхъ своихъ силъ выпилъ большую чарку водки.

Во всю ночь и во весь послѣдующей день лилъ безпрерывной дождь, такъ что на дворъ вытти никоимъ образомъ было не можно. Сидя въ своей пещерѣ думалъ построить на ровномъ и отъ горъ отдаленномъ мѣстѣ себѣ жилище, для того, чтобъ меня во время землетрясенїя горы не задавили,

а

а укрѣпить его надобно было такимъ же полисадомъ, какимъ укрѣпленъ былъ мой замокъ [такъ называю я свой полисадъ], и для того 19 и 20 Апрѣля искалъ къ тому удобнаго мѣста. Отъ воображенія предстоящей отъ паденія находящейся близъ шалаша моего высокой горы опасности не могъ спать спокойно, за укрѣпленіемъ же, какъ въ открытомъ и незащищенномъ мѣстѣ опасность была столь же велика, какъ и первая. Доброй порядокъ въ расположеніи уборовъ моихъ, также и то, что я въ моемъ шалашѣ довольно былъ безопасенъ отъ всѣхъ чаемыхъ нападеній, побудилъ меня наконецъ остаться на старомъ мѣстѣ. Представляя же себѣ то, сколь великаго труда будетъ стоить новое мое укрѣпленіе, и что я долженъ бы тужить до окончанія онаго въ старомъ своемъ обиталищѣ, гдѣ есть ли быть несчастію, конечно могу лишиться жизни, о которой и безъ того мало сожалѣть было надобно, положилъ до случая остаться въ прежнемъ укрѣпленномъ своемъ замкѣ, стараясь между тѣмъ сыскать для заложенія новаго безопасное мѣсто. Такъ опредѣлено было 21 числа сего мѣсяца въ тайномъ моемъ совѣтѣ.

22 Апрѣля думалъ начать оное, но нашелъ, что мнѣ во всякихъ нужныхъ вещахъ есть крайней недостатокъ. Правда, что у меня были три большія сѣкиры и множество топоровъ, взятыхъ для торгу съ Арапами; но они отъ многаго употребленія всѣ притупились. А хотя и было у меня точило, однакожъ не зналъ какъ привести сей камень въ движеніе. На конецъ укрѣпивши его между двухъ столбовъ, и придѣлавши къ нему веретено, началъ посредствомъ привязанной къ тому веретену веревки, имѣя при томъ свободныя руки, приводить камень въ движеніе одною ногою.

28 и 29 Апрѣля точилъ топоры; машина выдуманная мною дѣйствовала такъ, какъ мнѣ было надобно.

30 Апрѣля усмотрѣлъ, что у меня остается хлѣба весьма мало, и для того опредѣлилъ себѣ на день по одному сухарю, хотя то мнѣ и весьма несносно было.

1 Маія по отливѣ воды увидѣлъ на берегу нѣчто высокое подобное бочкѣ, въ чемъ и не обманулся, также нѣкоторыя части разбитаго корабля, прибитыя къ берегу во время бури. Боченокъ былъ съ порохомъ, и такъ крѣпокъ, какъ камень. Я откатилъ его на

на берегѣ, а между тѣмъ усмотрѣлъ, что въ прошедшую бурю принесло остатки корабля нашего ближе къ берегу, и перемѣнило со всѣмъ его положенїе. Корму отбило прочь, а носъ подняло въ верхъ футовъ на шесть.

Въ послѣдней разъ моего на немъ бытїя лежалъ онъ весь на пескѣ такъ, что кругомъ его была великая коса, по которой могъ я доходить до него во время отлива сухимъ путемъ; но отъ послѣдняго землетрясенїя оная коса со всѣмъ пропала, и корабль весь разломало, почему и найденныя мною вещи на берегъ выброшены. Сей день ходилъ я на корабль, однако ни какъ не могъ войти внутрь онаго, за тѣмъ, что забилось весьма много песку. Но не отчаяваясь началъ очищать и ломать верьхъ въ мѣлкїя части, почитая ихъ для себя годными.

3 Маїя отбилъ я нѣкоторую часть переклада, держащаго на себѣ галїонъ; сбросилъ съ него песокъ; но случившейся тогда скорой приливъ принудилъ меня оставить сїю работу.

4 Числа поймалъ тюленя загнутымъ гвоздемъ, привязавъ къ тонкой веревкѣ; и сею удою и въ другїя времена ловилъ столько рыбы, что ее у меня оста-

оставалось за употребленїемъ великое множество; а ѣлъ ее всегда сушеную на солнцѣ.

5 Числа вырубилъ на кораблѣ два бруса, кои и привелъ къ берегу во время прилива.

6 Маїя наскучивши сею ежедневною, а притомъ весьма тяжелою работою, намѣрился ее оставить: но не смотря на то ходилъ еще 7 числа на корабль. По перерубленїижъ поперешнаго бруса корабль весь такъ развалился, что вшедшая въ него со всѣхъ сторонъ вода препятствовала мнѣ добраться до нижнихъ частей его, и за тѣмъ принужденъ былъ сїе дѣло оставить.

8 Маїя поднималъ ломомъ корабельной декъ, которой былъ выше воды, отломилъ отъ него двѣ доски, кои и привелъ къ берегу.

9 Маїя доломался до бочекъ, однако ихъ никоимъ образомъ вынуть было не можно.

Съ 10 по 14 наломалъ я еще много досокъ, и собралъ до 300 фунтовъ желѣза.

15 Маїя взялъ съ собою два топора, и думалъ рубить свинецъ, которой я въ прежнїе дни на кораблѣ видѣлъ; но сїе принужденъ былъ оставить за тѣмъ, что онъ лежалъ въ водѣ глубиною на полтора фута.

16

16 Числа бывшей ночью великой вѣтръ разбилъ остатки корабля, а я ходя по лѣсу за голубиными гнѣздами опоздалъ, и для того за случившимся приливомъ въ тотъ день на немъ не былъ.

17 Числа усмотрѣлъ нѣчто высокое въ двухъ миляхъ отъ моего жилища лежащее; по приходѣ къ нему увидѣлъ, что то было часть кормы, которую поднять я былъ не въ силахъ.

27 Числа при случившемся приливѣ и маломъ вѣтрѣ принесло на берегъ изъ разбитаго корабля нѣсколько бочекъ и два матроскихъ сундука, прочія же вещи перемѣнившейся вѣтръ относилъ въ море; помянутыяжъ бочки были пустыя. Между тѣмъ собралъ съ корабля столько брусьевъ и досокъ, что довольно оныхъ было для здѣланія малаго судна, естьлибъ я то учинить былъ въ состояніи.

16 Іюня идучи по взморью увидѣлъ впервые черепаху; а что я прежде думалъ, будто бы на острову ихъ нѣтъ, то происходило отъ того только, что я еще тогда не бывалъ на другой сторонѣ моего жилища, гдѣ ихъ великое множество. Въ черепахѣ было 60 яицъ. А понеже я въ бытность мою

мою на острову кромѣ козьяго и дикихъ птицъ мяса не ѣдалъ; то приготовленная мною черепаха подавала мнѣ пріятную пищу. Сіе было 17 Іюля.

18 Числа за бывшимъ великимъ и холоднымъ дождемъ принужденъ былъ сидѣть дома. Въ сей день къ вечеру началъ я озябать такъ, какъ бываетъ при начинающейся лихорадкѣ, что мнѣ однако въ разсужденіи мѣстоположенія моего острова казалось быть страннымъ.

19 Іюня такъ занемогъ, что дрожалъ, будто бы отъ великой стужи.

20 Во всю ночь былъ беспокоенъ, чувствуя при томъ перемѣняющуюся съ жаромъ знобь, и въ головѣ несказанной ломъ.

21 Разнемогался отъ того, тѣмъ больше, что воображалъ себѣ бѣдное свое состояніе, въ которомъ лишенъ былъ всякаго вспоможенія, а въ отчаяніи будучи молился Богу, но не понималъ и самъ своихъ словъ.

22 Числа было мнѣ легче, но ужасной страхъ о предстоящей смерти безпокоилъ меня весьма много.

23 Числа чувствовалъ въ себѣ знобь и жаръ, а въ головѣ великой ломъ.

24 Іюня здѣлалось легче.

25 Числа знобь мучила цѣлые семь часовъ, потомъ пришелъ великой жаръ, а по

а по оном слѣдовала слабость во всѣх членах.

26 Было нѣкоторое от болѣзни облегченїе, и для того не имѣя пищи ходил в лѣс, и застрѣлил дикую козу, за слабостїю же своею на силу притащил ее домой; мясо же оной жарил я на угольях.

27 Числа лихорадка принудила меня слечь. Не было у меня тогда во всем моем жилищѣ ни капли воды; а хотя жаждою и весьма мучился, однакож не мог встать с постели, но вопїял только в безпамятствѣ: Господи обрати лице твое на мя, Господи помилуй мя. Такое мученїе продолжалось до тѣх пор, пока не заснул, а во снѣ видѣл слѣдующее:

Казалось, будто бы я сидя внѣ моего укрѣпленїя на том же мѣстѣ, на котором был в минувшее землетрясенїе, видѣл из темнаго и густаго облака на землю сходящаго, пламенем огненным окруженнаго, лицем сїяющему солнцу подобнаго мужа, взглядом своим зрак человѣческой ослѣпляющаго. Облик его заключал в себѣ нѣчто страшное. От прикосновенїя ног его потряслось не токмо то мѣсто, на коем я стоял, но и вся

вся область. Глаза его, блистающей молнїи подобные, проницая внутренность, причиняли во мнѣ неизобразимой страх. Опустясь на землю, и имѣя в руках своих долгое копье спѣшил идучи прямо ко мнѣ, чтоб лишить меня моей жизни; но вдруг остановясь на нѣсколько шагов, начал говорить подобным громовому удару голосом: „Умри несчастной, и необратившейся „по толиких искушенїях на путь „истинны„. Выговоря сїе, и поднявши свое оружїе, стремился вонзить его в грудь мою.

Не могу изъяснить довольно того страха, которой чувствовал я от сего сновидѣнїя. Оно в сердце мое так вкоренилось, что и на яву проснувшись, и не смотря на свѣтлость дня, казалось, будто бы сей муж, стоя передо мною, угрожает убить меня жезлом своим. Вот каким образом вышшей промысл наставляет иногда заблуждьших от стада своего овец на стезю спасенїя. До сего не имѣл я о божествѣ и законѣ своем ни малаго понятїя. Наставленїя отца моего до того касающїяся в непорядочном матросском житьѣ были позабыты, и не помню, чтоб служа на морѣ цѣлые восемь лѣт, когда бы мнѣ на ум пришло

шло подумать о Божїей премудрости, или о томъ, что я такое Невѣжество, господствующее мною, искоренило во мнѣ всѣ склонности къ доброму; окаменѣвшее мое сердце управляло всѣми моими дѣлами такъ, что и между развращенными матросскими нравами, былъ я всегда своими первенствующей. Не имѣлъ ни боязни въ предстоящихъ опасностяхъ, ни благодарности къ Богу за полученныя мною въ избавленїи отъ оныхъ милости.

Читая мои приключенїя примѣтить можно, что я никогда не почиталъ случившїяся мнѣ несчастїя изливающимся на меня гнѣвомъ Божїимъ и наказанїемъ за пренебреженїе совѣтовъ отца моего, и за непорядочную жизнь мою во время Африканскаго моего путешествїя. Не приходило мнѣ на умъ подумать о своей смерти, и просить Бога о защищенїи меня отъ всѣхъ видимыхъ тогда бѣдъ; но во всей своей жизни слѣдовалъ единственно своему стремленїю скотски, препровождая дни свои не думалъ благодарить за то Бога, что Португальской Капитанъ принявъ на свой корабль, избавилъ меня тѣмъ отъ смерти При разбитїи корабля, тонувъ нѣсколько разъ и будучи при концѣ своея жизни, не вспомнилъ и имени Бо-

Божїи, и не вѣрилъ тому, чтобъ сїе въ наказанїе мое дѣлалось; но почитая приключившееся мнѣ несчастїе припадочнымъ случаемъ, разсуждалъ, что избавленїе мое отъ потопа было неминуемо.

А хотя я только одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей спасся, и по тому бы показанную мнѣ Всевышняго особливую милость чувствовать былъ долженъ, но не смотря на то, что и самъ въ томъ признавался, приписывалъ все сїе случаю, и радовался только тому, что я еще живъ. Но радость моя подобна была той, которую чувствуютъ избавившїеся отъ потопленїя и разбитїя корабля своего матросы, кои посвящая благодарность свою обыкновенному своему идолу, стараются въ шумномъ пьянствѣ позабыть прешедшую мыслей своихъ тревогу, избавясь же бунтующихъ вѣтровъ, дѣлаютъ стукомъ рюмокъ своихъ презрительное имъ воспоминовенїе, а по примѣру бывшей отъ устремящихся на судно ихъ волнъ опасности, изображая битїемъ оныхъ минувшую гибель корабля своего, не взираютъ на истощенныя трудами силы свои; но опасаясь, чтобы неожидаемое какое несчастїе не лишило ихъ сей Бахусу посвященной жертвы, торопятся утопить въ ней все здравое разсужденїе.

 Ны-

НынѢжъ время и разумныя разсужденія, показавъ мнѢ бѢдность состоянія моего, а особливо какъ я разбитіе корабля моего наказаніемъ почитать началъ, и воспоминая, что я лишенъ всякаго съ людьми обхожденія, не имѢя и надежды быть когда съ ними, то несчастіе мое казалось мнѢ совершеннымъ, и конца неимущимъ. Въ семъ отчаяніи думалъ лучше окончить жизнь свою, и такъ былъ огорченъ, что не думалъ и работать для содержанія оной; наконецъ разсудя, что я чрезъ то сдѢлаюсь самоубійцею, принялся за дѢла свои, тѢмъ больше, что я за имѢющеюся у меня пищею могъ прожить долгое время. Положивши твердо жить еще въ свѢтѢ, старался во первыхъ получить душевное спокойство, и сталъ приводить себя въ безопасность; однакожъ никогда того не думалъ, чтобъ я назначенъ былъ вести сію жизнь въ наказаніе за мои преступленія.

Правда, что возшедшая рожь, о которой выше сего въ журналѢ моемъ упомянуто, возбудила ко мнѢ нѢкоторую къ Богу благодарность, но сіе продолжалось только до тѢхъ поръ, пока я почиталъ сей всходъ чудомъ. Но сколь скоро то воображеніе миновалось, то началъ разсуждать, что сему необходимо такъ, а не инако здѢлаться было должно.

Трясеніе земли ужаснѢйшимъ своимъ дѢйствомъ могущее побудить человѢка къ познанію невидимой имъ силы, управляющей естественными дѢйствіями; трясеніе земли, говорю я, не могло перемѢнить и такихъ моихъ мыслей. А какъ скоро прошло, то тотчасъ страхъ, и словомъ сказать, все, что меня только трогало, вдругъ миновалось. Не думалъ уже ни о БогѢ, ни о власти его, избавившей меня отъ толикихъ напастей, и послѢ того жилъ, будто бы въ сладчайшемъ и счастливѢйшемъ состояніи. Но какъ занемогъ, а смерть съ ужасными своими слѢдствіями предстала глазамъ моимъ, и душевныя и тѢлесныя силы въ слабость приходить начали, совѢсть же назадъ тому нѢсколько лѢтъ усыпленная пороками наполненною жизнію укорять меня начала, то мало помалу сталъ познавать, что я все сіе терплю не инако, какъ въ наказаніе за оную.

Угрызеніе ея, сопряженное съ мучительною болѢзнію, поперемѢнно меня терзая, привели въ отчаяніе, отъ котораго въ безпамятствѢ будучи, началъ молиться. Но сія не отъ искренняго сердца произшедшая и никакой на-

дежды

дежды будущаго награжденія въ себѣ незаключающая молитва, должна называться пустыми словами, отъ страха о предстоящей опасности произшедшими. Смущенныя мысли тревожа духъ мой, и воображая мнѣ смерть, а особливо въ семъ и безъ того бѣднѣйшемъ состояніи, въ голову мою вселясь, побуждали часто, но по одной только болѣзни, говорить слѣдующія слова: „Господи Боже мой! сколь я несчастливъ, „естьли продолжится болѣзнь моя, то „умру за неимѣніемъ помощи. Боже „мой! что со мною будетъ„? По сихъ словахъ начиналъ плакать, и тѣмъ оканчивались обыкновенно мои мученія.

Тогда вспомнилъ я, да уже поздо, полезныя наставленія отца моего, и предсказаніе его, о которомъ въ началѣ сей повѣсти упомянуто, а именно: „Когда ты зделаешь„, говорилъ онъ мнѣ„, сію проступку, и пойдешь шататься по свѣту, то не будетъ на „тебѣ милости Божіей и моего благословенія; а отъ сего станешь сожалѣть „о своемъ непослушаніи, лишенъ будучи „всякой помощи, и не имѣя ни малаго способа къ поправленію погрѣшности своей„. Теперь совершается на мнѣ пророчество отца моего, теперь наказуюсь за презрѣніе данныхъ имъ мнѣ полезныхъ совѣтовъ,

вѣтовъ, и за то, что не хотѣлъ жить въ покоѣ у моихъ родственниковъ, терплю несказанную бѣдность за непослушаніе учиненное отъ своей глупости; долженъ нынѣ раскаяваться въ томъ, что оставя отца моего въ печали, самъ не миновалъ великой горести. Въ такихъ и тому подобныхъ размышленіяхъ, борясь съ смертію кричалъ безпрестанно: „О Боже Великій и сильный! помози „мнѣ погибающему„! Вотъ какое было тогдашнее мое состояніе! А чтобъ пространнымъ описаніемъ онаго не наскучить читателю, то приступаю къ моему журналу.

28 Іюня чувствуя въ себѣ послѣ бывшаго сна облегченіе, всталъ съ постели, и знавъ то, что лихорадка на другой день ко мнѣ будетъ, не упуская времени думалъ запастись всѣмъ, дабы во время оной не имѣть ни въ чемъ нужды. Во первыхъ принесъ штофъ воды, и поставилъ его у своей постели на столъ, смѣшавъ ее съ румомъ. По томъ отрѣзалъ кусокъ козьяго мяса, изжарилъ на угольяхъ, но не могъ ничего ѣсть; вышелъ было прогуливаться, но за слабостію, а при томъ за безпокойными мыслями о своемъ бѣдномъ состояніи, и опасаясь, чтобъ на дорогѣ болѣзнь меня не захватила,

жила, принужденъ былъ воротиться въ свое жилище. Съѣлъ два яица черепаховыя на угольяхъ печеныя, и въ первой разъ во всю мою жизнь съ усердіемъ просилъ Бога о благословеніи моей пищи.

Послѣ ужины ходилъ гулять по взморью, однако за великою слабостію не могъ отдалиться отъ моего жилища; но сѣвши на берегу, и смотря на свирѣпствующія волны началъ разсуждать слѣдующимъ образомъ.

Чтобы такое было, море и земля, по которымъ я столь много странствовалъ, изъ чего они здѣланы, и что есть я и прочія созданія, какъ люди, звѣри, одни въ обществѣ, а другіе въ дикихъ мѣстахъ живущіе, и какое имѣемъ мы всѣ происхожденіе?

Конечно здѣланы и мы тоюжъ неизвѣстною намъ силою, которая произвела землю, море, воздухъ и небеса: а сія сила называется Богомъ. Очень изрядно сказалъ я самъ себѣ, естьли Богъ создалъ все сіе, то онъ долженъ и управлять и всѣмъ властвовать.

Когда такъ, то ничто не можетъ случиться въ семъ свѣтѣ безъ повелѣнія его, и безъ того, чтобъ онъ о томъ не былъ свѣдомъ.

Когдажъ

Когдажъ ничто не дѣлается безъ его вѣдома, то конечно знаетъ, что я нахожусь здѣсь въ бѣднѣйшемъ состояніи, и конечно мнѣ сіе приключилось по его повелѣнію.

Ничто въ мысль мою на опроверженіе сихъ заключеній не приходило, и для того вкоренились они во мнѣ съ такою силою, что я началъ вѣрить, что все сіе случилось со мною по повелѣнію его; сталъ разумѣть его управляющимъ живущими въ мірѣ, а между тѣмъ пришелъ мнѣ на умъ слѣдующей вопросъ:

За чтожъ меня Богъ наказуетъ, и какъ я передъ нимъ проступился? А при семъ вопросѣ почувствовалъ я въ себѣ крайнее совѣсти моей укореніе, и почитая сіе огорченіемъ величества Божія, задумался; разсуждаяжъ о такомъ своемъ преступленіи, въ глубокой мысли моей казалось мнѣ, будто бы слышалъ близъ себя выговоренныя слѣдующія укоряющія меня слова: „Презрѣнной! „ты ли осмѣлился спрашивать о томъ, „что ты здѣлалъ? Обратись на прешедшія дѣла свои; представь себѣ прежнюю свою жизнь, непорядкамъ и „порокамъ посвященную, и вспомни, „что нѣтъ такова дурнова дѣла въ свѣтѣ, которому бы ты не подражалъ; „уди-

,, удивляйся, что не взирая на то, ты
,, еще живъ; отъ чего ты не утонулъ
,, на Ярмутской рейдѣ, не убитъ на бою
,, отъ морскихъ разбойниковъ, не растерзанъ дикими звѣрями на Африканскомъ
,, берегу, и въ послѣднее разбитіе корабля не лишенъ жизни, такъ какъ и
,, прочіе твои товарищи. А послѣ такихъ прешедшихъ бѣдъ смѣешь ли ты
,, о томъ спрашивать, что ты преступилъ?,,

Сія мысль привела меня въ крайнее уныніе, и не имѣя ко оправданію своему ни малой отговорки, задумался; потомъ вставши пошелъ спать. А смущеніе мыслей не допускало меня наслаждаться покоемъ, и такъ сѣвши на стулъ зажегъ лампаду, и ожидалъ пришествія своей болѣзни. Между тѣмъ пришло мнѣ на умъ, что Бразильскіе поселяня лѣчатся отъ лихорадки табакомъ, помощію котораго они и получаютъ отъ сей болѣзни великое облегченіе.

И такъ я вставши вынулъ изъ сундука табакъ; въ томъ же сундукѣ лежала моя библіотека: увидя книги вспомнилъ взять одну библію, которую никогда и въ руки не бирывалъ.

Не зналъ я, какъ мнѣ употреблять лучше и полезнѣе табакъ, которой былъ крѣпокъ и зеленъ, а я лѣчился имъ

имъ слѣдующимъ порядкомъ: Настоялъ въ румѣ, которой принималъ въ вечеру за два часа передъ сномъ; по томъ окуривался имъ же надъ угольями до тѣхъ поръ, пока начиналъ чувствовать въ головѣ великой жаръ.

Въ сей вечеръ приготовляясь ко употребленію онаго, вздумалъ читать библію; открывши ее безъ намѣренія, что читать, взглянулъ нечаянно на слѣдующія слова: *Просите и дастся вамъ.* Они съ состояніемъ моимъ были весьма сходны, однакожъ обѣщаніе избавленія моего было мнѣ со всѣмъ непонятно, ибо по разсужденію моему представлялось оно мнѣ невозможнымъ; и для того ропталъ на сіи слова по примѣру Израильскаго народа, которой не взирая на данное имъ отъ Бога обѣщаніе насладить ихъ пищею, вопіялъ: Можетъ ли Богъ въ сей пустынѣ возставить намъ брашно; такъ и я невѣріемъ моимъ имъ подобной говорилъ: Возможно ли Богу извести меня изъ сей пустыни? По прошествіижъ многихъ лѣтъ открылась къ тому надежда, по чему сіе здѣлалось совѣсти моей укоризною. Но какъ о томъ ни сомнѣвался, однакожъ отъ повторенія помянутыхъ словъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторое неизвѣстное утѣ-

утѣшеніе. Послѣ того выпилъ я настояннаго съ табакомъ руму, и заснулъ такъ скоро, что позабылъ погасить и лампаду свою.

Ложась спать ставши на колѣни просилъ Бога, о исполненіи даннаго библіею мнѣ обѣщанія. По окончаніи сей короткой, можетъ быть перьвой въ жизни моей, молитвы легъ спать. Принятое мною лѣкарство причиною было, что я на другой день въ три часа по полудни проснувшись, и чувствуя въ себѣ несказанную головную болѣзнь, принужденъ былъ лежать до вечера; а какъ меня сонъ склонять началъ, то выпилъ еще такой же пріемъ и спалъ конечно цѣлыя сутки, ибо послѣ въ четѣ своемъ не находилъ я цѣлаго дня.

Но какая бы ни была ошибкѣ моей причина, токмо я довольствовался тѣмъ, что тогда проснувшись чувствовалъ отъ болѣзни моей великое облегченіе, и былъ бодръ. Укрѣпившейся мой желудокъ позывалъ меня на ѣду. Я не чувствовалъ больше лихорадки; словомъ сказать: Я былъ со всѣмъ здоровъ. Сіе произходило 23 Іюня.

30 Числа въ день отъ болѣзни свободной ходилъ съ ружьемъ по острову, не удаляясь однакожъ отъ моего жилища, убилъ пару морскихъ птицъ, по-

подобныхъ дикимъ гусямъ: но не ѣлъ ихъ за тѣмъ, что опасался отяготить еще слабой свой желудокъ; а довольствовался черепаховыми яицами. Въ вечеру употреблялъ лѣкарство свое, съ тою противъ перьваго дня отмѣною, что уже больше табакомъ не окуривался. На другой день, то есть перьваго Іюля, здѣлалось мнѣ тяжелѣе, ибо я чувствовалъ въ себѣ великую знобь.

2 Іюля принималъ свое лѣкарство, отъ котораго по прошествіи нѣкоторыхъ недѣль началъ приходить въ силу, а между тѣмъ всегда думалъ о вышепомянутыхъ Евангельскихъ словахъ, обѣщающихъ мнѣ избавленіе. Невозможность сего дѣла, въ сердце мое вкоренившаяся, лишала меня всякой надежды, а разсуждая далѣе, положилъ лучше думать, что сіе обѣщаніе уже со мною збылося, и такъ возопилъ: Не избавился ли я отъ опаснѣйшей болѣзни? По томъ говорилъ: Печальное состояніе, въ коемъ я находился, великой страхъ, которой я отъ того претерпѣлъ, получили уже счастливое окончаніе. Не стоитъ ли все сіе здраваго и твердаго признанія, что Богъ меня отъ великаго несчастія избавилъ; но я еще не познавъ такой его ко мнѣ милости, не принесъ ему за то благодаренія, и для того

того можно ли мнѣ ожидать вящше сего избавленія.

По сихъ разсужденіяхъ тотчасъ ставъ на колѣни благодарилъ Бога за избавленіе меня отъ моей болѣзни.

4 Іюля читалъ по утру новой завѣтъ съ великимъ вниманіемъ, и положилъ читать его всякой день, чему и слѣдовалъ всегда непремѣнно; а отъ разсужденія о хвалимой во всѣхъ мѣстахъ онаго добродѣтели, во обузданіи страстей своихъ, получилъ въ короткое время такой успѣхъ, что разсмотрѣвши прешедшую порочную свою жизнь, началъ о бывшихъ своихъ беззаконіяхъ приходить въ раскаяніе. Такими мыслями будучи наполненъ и открывши въ одно время библію, попалъ на нижеслѣдующія слова: *Богъ нашъ, Богъ кающихся.* Прочитавши ихъ пришелъ въ нѣкоторое Божественное восхищеніе, и того ради поднявъ руки свои къ небу, возопилъ весьма радостно: „Господи „прими мя кающагося„. Могу сказать, что сія молитва была первая, которую я въ жизни моей выговорилъ, такъ будучи увѣренъ, что Богъ услышa ее приметъ меня на покаяніе, и избавитъ отъ всѣхъ бѣдъ моихъ. Прежде сего избавленіемъ почиталъ я только то, чтобъ изведену быть изъ моей

моей пустыни, въ которой я сидѣлъ подобно, какъ въ тюрьмѣ, служащей мнѣ своимъ пространствомъ злѣйшимъ въ свѣтѣ заключеніемъ; нынѣжъ молитвою просвѣтившіяся мысленныя мои очи явно представляли мнѣ, сколь превосходнѣе избавленія очищеніе совѣсти. Напоминовенія о порочной моей жизни побуждали очищаться отъ сей, меня столь много притѣсняющей проказы, а отъ того уединеніе уже больше меня не беспокоило; довольствовался моимъ состояніемъ за тѣмъ больше, что не чувствовалъ угрызенія совѣсти.

Такое разсужденіе вмѣстилъ я въ моей исторіи, чтобъ показать читателю, коимъ образомъ надлежитъ стараться, имѣть всегда чистую и неотягощенную пороками добродѣтель, а въ томъ не отчаяваться, чтобъ не можно было поправить порочной своей жизни; а отъ того и совѣсти укоренія не будетъ.

Не смотря на то, что состояніе мое въ разсужденіи качества своего не перемѣнилось, однакожъ оно здѣлалось мнѣ со всѣмъ сноснымъ, и по тому не мало помоществовало оно къ возстановленію моего здоровья.

Съ 4 по 14 число Іюля прогуливался весьма мало съ ружьемъ, потому, что еще былъ весьма слабъ. Лѣкарство мое, думаю, рѣдко гдѣ отъ лихорадки употребляется: ибо хотя сія болѣзнь и проходитъ отъ онаго, однакожъ послѣ остается въ членахъ всего тѣла такая слабость, что они дрожать начинаютъ.

По учиненнымъ мною примѣчаніямъ заключаю, что здоровью нѣтъ того вредительнѣе, какъ естьли въ сухое время великой дождь, а особливо съ вѣтромъ и вихремъ здѣлается; онъ вредительнѣе Сентябрскихъ и Октябрскихъ дождей, и для того надлежитъ всегда его беречься.

Живучи въ пустынѣ своей, и не имѣя ни малой надежды къ выходу съ острова, намѣрился для препровожденія времени ходить по острову, и смотрѣть произращеній онаго. Сіи путешествія началъ я въ Іюлѣ мѣсяцѣ отъ вышепомянутаго залива въ верьхъ по взморью. Прошедъ сею дорогою мили съ двѣ, нашелъ не большую рѣчку отъ великихъ тогда бывшихъ жаровъ во многихъ мѣстахъ пересохшую, однакожъ прѣсную и чистую воду имѣющую; по берегу оной находилъ высокими холмами защищенные пріятными и

и разныхъ родовъ цвѣтами испещренные луга. Тамъ нашелъ я табакъ и прочія иныя знакомыя, а другія неизвѣстныя мнѣ былія. Искалъ я Казавы [корень, изъ котораго Американцы муку себѣ дѣлаютъ] но не нашедъ его, возвратился въ свое жилище.

16 числа идучи тоюжъ дорогою дошелъ до лѣсу, гдѣ росли дыни и виноградъ. Видя сіе весьма обрадовался; будучи же еще слабъ, и вспомня притомъ, что въ бытность мою въ Африкѣ невольники, мои товарищи, получившй отъ многаго употребленія оныхъ поносъ и лихорадку, померли, и такъ не коснувшись ихъ, но слѣдуя обыкновенію Европейцовъ, сушилъ ихъ на солнцѣ, а отъ того имѣлъ наконецъ не токмо пріятную, но и здоровую пищу. Препроводяжъ ночь тое на густомъ и высокомъ деревѣ, пошелъ горами въ Сѣверную сторону острова. Воздухъ былъ тамъ умѣренной, а зелень усѣянная цвѣтами показывала въ семъ мѣстѣ всегда владычествующую пріятную весну.

Пріятное сіе мѣстоположеніе и разсужденіе мое, что оное мнѣ яко самовластному господину и повелителю принадлежитъ, приводило меня въ восхищеніе. Не далеко отъ него росли лимонныя и другія дорогія деревья,

 ко-

коихъ плоды, а особливо лимоны, были мнѣ весьма нужны; ибо съ сего времени безъ лимоннаго соку воды уже я больше не пилъ. По томъ возвратившись въ свой замокъ, намѣренъ былъ нащипанные мною лимоны и виноградъ и положенные въ кучи, переносить въ свое жилище: но по приходѣ нашелъ ихъ всѣ растасканные и съѣденные, а кѣмъ, того и представить я себѣ не могъ; а понеже мнѣ за зрѣлостїю винограда въ мѣшкахъ носить, въ лѣсу же за послѣднимъ случившимся несчастїемъ оставлять, никоимъ образомъ не можно, то вывѣшивая кисти на деревьяхъ намѣрился носить его въ замокъ сушеной.

Между тѣмъ плодоносїе и прїятность сей лѣсомъ и горами отъ бурь и сѣверныхъ вѣтровъ прикрытой долины побуждало меня перемѣнить старое свое жилище, и здѣлать въ семъ мѣстѣ новое укрѣпленїе. Сей проектъ долго былъ въ головѣ моей, но наконецъ разсуждая о своемъ замкѣ такъ, что я по приморскому его положенїю могъ надѣяться видѣть идущїя въ морѣ суда, положилъ, не перемѣняя онаго, препровождать лѣтнее время въ сей пустынѣ, и для того здѣлалъ я въ ней себѣ шалашъ, огородилъ его двойнымъ тыномъ, чрезъ

чрезъ которой переходилъ по лѣстницѣ. И такъ видите вы теперь, любезный читатель! что у меня стало тѣмъ два дома, первой приморской для наблюденїя судоваго ходу, другой лѣтней для забранїя тамъ растущихъ и мнѣ необходимо нужныхъ плодовъ.

А какъ наступали дожди, кои продолжались обыкновенно съ 13 Августа до половины Октября, то умноженїе домашнихъ моихъ привело меня въ несказанное удивленїе, а именно: Нѣсколько времени предъ дождями пропала у меня кошка, а къ концу Августа мѣсяца пришла назадъ съ тремя котятами, не знаю отъ чего получила она плодъ, а думаю, что конечно отъ звѣря подобнаго Европейской кошкѣ, коего мнѣ, какъ я выше сказывалъ, убить случилось; котята же были всѣ въ мать.

Съ 14 по 26 Августа шелъ безпрерывной дождь. Я въ сїе время за недостаткомъ пищи ходилъ на охоту, убилъ дикова козла, и принесъ съ собою черепаху. Мясо и яицы оной за неимѣнїемъ къ варенїю оныхъ удобной посуды ѣлъ печеныя: для препровожденїя же своей скуки расширялъ свою пещеру, прорылъ изъ нее въ другую

 сто-

сторону укрѣпленія своего особливой выходъ, но опасась, чтобъ не видно было мѣсто пребыванія моего, сгородилъ его тыном.

30 Сентября въ день прибытія на островъ, упражнялся въ своей набожности, искренно моляся Богу, и принося ему за избавленіе свое отъ смерти усерднѣйшее благодареніе; постился часовъ двенатцать, а по прошествіи оныхъ съѣлъ только одинъ сухарь да кисть винограду, и тѣмъ препроводя оной день, легъ спать.

Прежде сего не признавалъ я воскресныхъ дней, а съ сего времени раздѣля недѣлю на дни, а годъ на недѣли; и означивая седьмицу превышающими прочіе знаками, оставляя во оные всѣ свои дѣла, препровождалъ ихъ всегда въ молитвахъ. Примѣтя же недостатокъ въ чернилахъ, и зберегая ихъ записывалъ только знатнѣйшія свои приключенія; и будучи извѣстенъ, когда дожди и сушь бываютъ, запасался въ настоящее время всѣмъ мнѣ нужнымъ; до полученія же о перемѣнахъ времени знанія, принужденъ былъ терпѣть отъ того всякія неудобства.

На взрытой деревянною лопаткою землѣ посѣялъ я хлѣбныхъ сѣмянъ только половину, а сею осторожностію спас-

спасся отъ неминуемаго голоду, ибо сіе случилось въ сухое время, отъ чего хлѣбъ мой посохъ весь не созрѣвши. Видяжъ такую неудачу, и приписуя оную одной только сушѣ, и выбралъ находившуюся близь лѣтняго моего дому въ тѣни долину, посѣялъ на ней въ Февралѣ мѣсяцѣ оставшую половину сѣмянъ своихъ, отъ которыхъ и имѣлъ хотя небольшую, однакожъ плодоносную жатву.

Наконецъ время и искуство научило меня знать, когда и въ которые мѣсяцы мнѣ сѣять надлежитъ; и что имѣть могу всякой годъ два сѣва и двѣ жатвы. По прошествіи дождей ходилъ я въ свой лѣтней домъ, и усмотрѣлъ, что деревья, изъ коихъ въ кругъ шалаша тынъ состоялъ, отпустя корень, рости стали; а отъ того, что я ихъ послѣ подстригалъ, получило укрѣпленіе мое не токмо изрядной видъ, но и такую густоту, что въ нутри онаго находившейся шалашъ мой и въ жесточайшіе жары отъ всѣхъ солнечныхъ лучей довольно былъ прикрытъ. По сему о рослывыхъ деревьяхъ изобрѣтенію посадилъ я ихъ въ кругъ своего замка въ два ряда, а изъ того выросъ въ короткое время такой густой лѣсъ, что издали и догадаться было не можно, есть ли за нимъ какое жилище или укрѣпленіе.

Между тѣмъ примѣтилъ я, что годовое время жительства моего можно раздѣлить такъ, какъ слѣдуетъ: Половина Февраля да половина Апрѣля время дождливое, солнце же находится на эклиптикѣ, или близъ оной; половина Апрѣля, Май, Іюнь, Іюль и половина Августа, время сухое, солнце же находилось въ сѣверной сторонѣ помянутой линіи; половина Августа, Сентябрь и половина Октября, время дождливое, солнце находится на возвратномъ пути къ эклиптикѣ; половина Октября, Ноябрь, Декабрь, Генварь и половина Февраля, время сухое, солнце находится въ Западной сторонѣ отъ линіи. А хотя притомъ и перемѣны бывали, и дождь иногда продолжался болѣе, а иногда переставалъ прежде помянутаго времени, то сіе происходило обыкновенно отъ случающихся сильныхъ вѣтровъ.

Выше сказано было, коимъ образомъ узналъ я съ собственною моею бѣдою, сколь вредительно здоровью дождливое время, и для того, чтобъ не выходить во оное вонъ изъ замка, заранѣе запасался всякою провизіею, а препровождалъ его въ дѣланіи необходимо нужныхъ домашнихъ вещей, а именно на дѣланіе корзины употребивши не-

ска-

сказанные труды и долгое время, въ успѣхѣ своемъ началъ было отчаяваться, но вдругъ пришло мнѣ на умъ, что вѣтви росливаго моего дерева должны быть мягки, гибки и къ сему дѣлу годны, чего ради нарѣзавши и размочивши ихъ въ водѣ, сплелъ наконецъ однакожъ съ великимъ трудомъ корзину; выдумывалъ способы къ дѣланію глиняной посуды и трубки, послѣднюю здѣлалъ счастливо, и садилъ другую линію деревъ въ кругъ своего тына.

По окончаніи сей работы ходилъ еще для осмотру мѣста своего пребыванія, и прошедъ съ сѣверной стороны острова лѣсъ, увидѣлъ съ находящейся близъ взморья высокой горы отъ острова такъ, какъ миляхъ въ 20 къ Западу лежащую высокую землю, о которой разсуждалъ, что она находится конечно близъ Америки, и граничитъ съ Ишпанскими селеніями; а живутъ тамъ дикіе народы, коихъ мнѣ, естьли они и на островъ прибудутъ, за тѣмъ, что моего жилища не сыщутъ, бояться не надлежитъ; а что нѣтъ тамъ никакихъ селеній, оное заключалъ я изъ того, что не видалъ никогда мимо моего жилища туда идущихъ судовъ. По такимъ примѣчаніямъ почиталъ я ее тою, коя новую Ишпа-

нію

нїю отъ Бразилїи отдѣляетъ, и есть жилище звѣрскихъ и дикихъ людоѣдовъ.

Въ такихъ разсужденїяхъ зашелъ я нечаянно въ прїятные луга и долины, высокимъ и густымъ лѣсомъ окруженные; тамъ удалось мнѣ сшибить палкою молодова попугая, котораго выучилъ я наконецъ выговаривать многїя слова. Въ лугахъ было множество зайцамъ и лисицамъ подобныхъ звѣрей, мясо же ихъ было въ пищу со всѣмъ негодное, и для того имѣя излишество въ молодыхъ голубяхъ, черепахахъ и козахъ стрѣлять ихъ и не думалъ.

Во время сего путешествїя ходилъ я въ день по двѣ мили, а наслѣги имѣлъ иногда на деревьяхъ, а иногда въ густыхъ кустахъ оплетаясь всегда сучьями оныхъ. Помянутые луга и долины лежали на другой сторонѣ острова, въ лѣсахъ было множество черепахъ и птицъ мнѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, между ими и Американскїе Понгвины, но я за малоимѣнїемъ пороху не стрѣлялъ ни одной, а убилъ только одну козу, да и ту съ великимъ трудомъ, за тѣмъ, что по гладкимъ мѣстамъ къ нимъ и подойти было не возможно.

Но какъ прїятно мѣсто сїе ни было, и какъ ни удивлялся я его изобилїю, однакожъ по особливой отъ привычки происходящей

изходящей къ замку своему склонности, и во время такъ добраго о немъ мнѣнїя почиталъ его иностранною, и такъ какъ будто бы мнѣ со всѣмъ непринадлежащею землею; и для того вколотивши въ знакъ моего тамъ бытїя большей колъ, пошелъ домой другою дорогою, по которой зашелъ въ густой и почти непроходимой лѣсъ. Тогда здѣлался великой туманъ; а какъ воздухъ прочистился, то вышедъ по солнцу на взморье, и сыскавши помянутую примѣту, дабы еще не заблудиться, пошелъ первою дорогою, а за великимъ тогда бывшимъ жаромъ, и при томъ, что я несъ на себѣ ружье свое, топоръ и прочую аммуницїю, шелъ весьма тихо. На дорогѣ поймала моя собака козленка, а я надѣясь завести имъ домашнюю скотину, отнявши его еще живаго, повелъ на арканѣ въ свое жилище, въ которое по прошествїи цѣлаго мѣсяца прибылъ счастливо.

Не можно повѣрить, какое находилъ я удовольствїе въ своей лачугѣ; путешествїе мое, въ коемъ не слѣдовалъ я прямой дорогѣ, и не имѣлъ покойныхъ наслѣговъ, привело меня въ несказанную слабость. Лѣтней домъ мой, въ которой я добрался, казался мнѣ тогда столь прїятнымъ, что думаю

ни одинъ знатной господинъ не имѣлъ при всемъ своемъ довольствіи такого увеселенія въ своемъ великолѣпно построенномъ загородномъ домѣ, какое имѣлъ я въ семъ шалашѣ своемъ, и отъ великихъ своихъ трудовъ отдыхалъ въ немъ цѣлую недѣлю; а для препровожденія своей скуки здѣлалъ попугаю клетку, которой началъ меня знать, и уже больше не дичился. Козленка пустилъ въ тынъ, и по приходѣ къ нему въ первой разъ нашелъ его такъ дика, что и приступиться къ нему было не можно, но наконецъ голодъ здѣлалъ его послушнымъ, и такъ отвелъ я его въ замокъ безъ всякаго труда.

30 Сентября, день моего на островъ прибытія, препроводя съ равною противъ первыхъ набожностію, и по счастливомъ преодолѣніи страстей своихъ, въ покоѣ наслаждался своимъ уединеніемъ. Прежде по прибытіи на оной, и воображая себѣ бѣдное и пустынное житіе свое, часто приходилъ въ отчаяніе. Дремучіе и непроходимые лѣса, горы и стремнины, безконечной Океанъ окружающей мое жилище, и лишающей меня надежды къ возвращенію въ мое отечество; словомъ, на острову и въ кругъ онаго находившіеся предмѣты напоминали мнѣ мою бѣдность, и

и производили унылую молчаливость, которая кончалась всегда слезами. Нынѣжъ упражняясь ежедневно въ чтеніи священнаго писанія, получалъ изъ сего неизчерпаемаго источника всѣ нужные и къ подкрѣпленію терпеливости моей и къ утѣшенію меня въ горести моей полезные способы. А какъ читая нѣкогда дошелъ до того, что человѣкъ вѣрою своею преодолѣть можетъ свои напасти, и избавиться отъ всѣхъ своихъ несчастій, то пришедъ въ восторгъ вскричалъ: Возможно ли мнѣ отъ безконечныхъ бѣдъ моихъ избавиться? А какъ опамятовался, то утѣшалъ себя слѣдующимъ: Естьли Богъ не отвратилъ еще отъ меня лица своего, то конечно выведетъ меня изъ сей плачевной пустыни; да что мнѣ въ томъ и нужды, что я не живу въ мірѣ, когда имѣю здѣсь наилучшей случай служить моему Богу, и что бы въ томъ было, естьлибъ я и имѣлъ въ моемъ повелѣніи весь видимой сей свѣтъ, а лишенъ бы былъ милости Всевышшаго?

Въ такихъ мысляхъ бросясь на колѣни хотѣлъ благодарить Бога, что онъ повелѣлъ мнѣ жить въ сей пустынѣ; но одумавшись возопилъ слѣдующее: Возможноль человѣку столь много лицемѣрить? начинаю благодарить, что опре-

опредѣленъ жить въ такомъ мѣстѣ, изъ котораго бы и при выговорѣ своей благодарности вытти не отрекся. Правда что я долженъ прославлять имя Божїе, что нахожусь въ семъ, а не въ бѣднѣйшемъ онаго мѣстѣ; и что симъ случаемъ открылись мнѣ глаза къ познанїю непорядочной моей жизни.

Въ сихъ и тому подобныхъ мысляхъ началъ я жить на дикомъ острову третей годъ; а чтобъ продолжительнымъ приключенїй моихъ описанїемъ читателю не наскучить, скажу только, что я раздѣля время по необходимости дѣлъ своихъ, находился во всегдашнихъ трудахъ; о имянно: Молился Богу; читалъ по два, а иногда и по три раза въ день священное писанїе; въ сухїе дни ходилъ на охоту; пекъ себѣ пищу; на дожди заготовлялся нужною провизїею; въ жары сидя дома, исправлялъ всякїя домашныя надобности; а хотя часто и нарушалъ сей порядокъ, однакожъ всякой повѣритъ, что я дней своихъ не препровождалъ въ праздности, тѣмъ наипаче, что на дѣланїе стола употребилъ цѣлые два мѣсяца; скоряе же его и сдѣлать было не можно, за тѣмъ что долженъ былъ дѣлать столовую доску изъ цѣлаго дерева; а въ такихъ такожъ и въ дру-

гихъ

гихъ въ домѣ необходимо нужныхъ вещахъ былъ у меня крайней недостатокъ: но прилѣжность и терпеливость помоществовали мнѣ къ преодолѣнїю всѣхъ случившихся при томъ трудностей. А сїе разсказываю я дабы показать, коимъ образомъ человѣкъ безъ заимствованїя отъ другихъ помощи, простыми инструментами почти все нужное себѣ здѣлать можетъ.

Между тѣмъ наступила жатва. Я уже увѣдомлялъ, что посѣялъ только половину сѣмянъ своихъ, ибо другая половина во время жаровъ вся засохла, да и сей было я совсѣмъ лишился, по тому что дикїя козы и зайцамъ подобные звѣри, отъ коихъ обороняться не имѣлъ способу, отвѣдавши озими, день и ночь на пашнѣ пребывая, почти ихъ и съ корнемъ поѣли. Наконецъ принужденъ былъ для удержанїя ихъ набѣговъ огородить всю пашню; надъ симъ трудился я три недѣли съ великою прилѣжностїю; а дабы скоряе отвадить сихъ несносныхъ пристольниковъ, перестрѣлялъ ихъ великое множество, а по ночамъ до окончанїя плетня въ порожнемъ мѣстѣ привязывалъ собаку, коя ихъ лаянїемъ своимъ прочь отгоняла. По окончанїи же онаго хлѣбъ мой, не имѣя ни малаго помѣшательства, выросъ

весьма

весьма скоро; а как начал колоситься, то принужден был за него воевать с птицами: ибо хотя зеленые колосья онаго и умѣряли прожорство моих непріятелей, однакож сіи ехидны дѣлали мнѣ несказанной убыток. Наконец будучи не в состояніи терпѣть чувствительной их обиды, принужден был стеречь свою пашню денно и нощно, потому что они не смотря на то, что я по них часто стрѣлял, почти безвыходно в ней пребывали. С великой досады отмщая убитым, вздумалось мнѣ наказать их по примѣру тому, как в Англіи казненных злодѣев тѣла для устрашенія других кладут на колеса, повѣсил и я трупы моих злодѣев на кольях плетня своего. А сей нечаянной случай имѣл желаемое дѣйствіе: ибо до тѣх пор, как они висѣли, ни одна птица в рожь мою и заглянуть не осмѣлилась. И так жал я хлѣб свой без дальняго помѣшательства в настоящее для того время, то есть в Декабрѣ мѣсяцѣ.

Серпы здѣлал из косули и большаго ножа: но они были мнѣ не потребны за тѣм, что имѣл малую жатву, а при том не имѣя в соломѣ нужды срѣзывал только один колос. По высушеніи на солнцѣ вынял я из них руками двѣ мѣрки с половиною ржи, вздумалось мнѣ смолоть ея в муку, и напечь себѣ хлѣбов; и того ради не взирая ни на какія видимыя при том невозможности, но отвращая всѣ противящіяся намѣренію моему неудобства, выдумывал необходимо нужные к тому инструменты. А между тѣм, умножая хлѣбной свой магазейн, посѣял еще всѣ сѣмена свои.

Таким образом о содержаніи жизни своей в неизчетных трудах обращаясь, могу сказать, что всякой прилѣжной и трудолюбивой человѣк найти может себѣ всегда нужное пропитаніе, и что праздность, нераченіе и лѣность, бѣдности неминуемое начало. А хотя для пріобрѣтенія онаго великое терпѣніе требуется, однакож остается при том человѣку та надежда, что нѣт в том ни малой невозможности. Сіе доказывает неусыпная моя прилѣжность, и счастливое окончаніе всѣх предпріятых мною от одного человѣка почти невозможных дѣл, а особливо при том, когда без всякаго намѣренія брошенными, а потом возшедшими пшеничными и ржаными сѣменами к полученію пропитанія моего надежда открылась. А из

изъ того слѣдуетъ, что всякой человѣкъ, естьли только трудовъ своихъ щадить не будетъ, всегда нужное себѣ найти можетъ.

Сие мнѣнїе будетъ изъ нижеслѣдующаго ясняе, когда вы меня представите себѣ ничего неимущимъ. Начиналъ пахать землю, не имѣя ни сохи, ни сошниковъ; словомъ, я терпѣлъ во всѣхъ при земледѣлїи необходимыхъ вещахъ крайней недостатокъ: однакожъ вмѣсто сохи рылъ землю лопатою, здѣланною изъ крѣпкаго дерева, въ Бразилїи для того желѣзнымъ называемаго; но и сей инструментъ часто обламываясь, дѣлалъ земледѣлїе мое весьма продолжительнымъ. Вмѣсто бороны употреблялъ кудрявой по концамъ обрубленной сукъ, коимъ волоча его по пашнѣ боронилъ, или лучше сказать, ерошилъ землю. А какъ рожь созрѣла, то срѣзавши одни колосья, за неимѣнїемъ овина, сушилъ ее на солнцѣ; вмѣсто молодьбы мялъ ихъ въ рукахъ своихъ, а вмѣсто вѣянья принужденъ былъ выдувать изъ нее мякину.

Сѣмена надобно было перемолоть въ муку; для сего здѣлались необходимы во первыхъ жерновы, потомъ сито или решето, дрожди, чѣмъ заквашивать тѣсто и печь хлѣбы. Вотъ въ какихъ вещахъ былъ у меня недостатокъ! но не смотря ни на что, прилѣжностїю своею такъ преодолѣлъ я всѣ сїи неудобства, что не было мнѣ въ нихъ напослѣдокъ ни малой нужды. Правда, что оно часто выводило меня изъ терпѣливости; а хотя о потерянном на то времени сожалѣть было и не можно, а особливо, что по учиненному мною росписанїю, оставалось за всѣмъ много праздныхъ часовъ; однакожъ упражненїе сїе было мнѣ тѣмъ больше несносно, что принужденъ былъ ждать плодовъ своихъ цѣлые полгода.

Впрочемъ пашня моя была въ долинѣ не далеко отъ замка находящейся. Я огородилъ ее росливыми деревьями, кои чрезъ нѣсколько лѣтъ здѣлались столь густы, что и руки между ими просунуть было не можно. Въ дождьливое время, сидя въ своей пещерѣ, выучилъ попугая выговаривать мое и свое имя; отъ него услышалъ я первыя слова во всю мою на острову бытность. Въ разговорахъ съ нимъ проходила моя скука.

Между тѣмъ вздумалось мнѣ дѣлать глиняную посуду. Глины нашелъ я довольно; на солнцѣ сушить ее была не мудрость, но въ дѣланїи не доставало искусства. Не смотря и на то, ва-

валялъ ее въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока не стала изъ того выходить видъ дурнова горшка имѣющая посуда, коя при всемъ своемъ безобразiи и нескладѣ разваливалась или въ рукахъ моихъ, или при переноскѣ съ мѣста на мѣсто; однакожъ наконецъ вышли изъ дѣла цѣлыхъ двѣ корчаги, которыя высуша на солнцѣ въ нарочно для нихъ сплетенныхъ и соломою наполненныхъ корзинахъ, для сыпанiя въ нихъ хлѣба поставилъ въ свою пещеру. Сею удачею ободренной началъ дѣлать себѣ горшки, тарелки, чаши и прочую мѣлкую домашнюю посуду, которая отъ солнечныхъ лучей получила великую крѣпость.

Но все сiе не соотвѣтствовало еще съ моими желанiями; ибо мнѣ хотѣлось имѣть такой горшокъ, въ которомъ бы вода не токмо держаться, но и вариться могла. Между тѣмъ случилось мнѣ найти въ пеплѣ глиняной черепокъ. По вынятiи его изъ огня, усмотрѣлъ, что онъ былъ такъ крѣпокъ какъ камень, а красенъ какъ уголь. Видя сiе обрадовавшись вскричалъ: Теперь вижу, что горшки мои огонь вытерпятъ; но не имѣя ни малаго въ обжиганiи горшковъ знанiя, зарылъ на удачу въ горячую золу три кружки и два горшка, и оклавши ихъ дровами, развелъ великой огонь. Горшки начали сперва краснѣть, а потомъ отъ жару растопляться; яжъ видя сiе сидѣлъ за ними цѣлую ночь, и мало по малу уголья разгребая получилъ къ утру видомъ хотя и нехорошей, однакожъ весьма крѣпкой горшокъ.

Послѣ сего изобрѣтенiя не имѣлъ я въ глиняной посудѣ ни малой нужды. Правду сказать, она была весьма неудѣльна, да что въ томъ кому нужды? Довольно, что къ употребленiю годна. Удачею своею пользуясь, и не дождавшись, какъ горшокъ простынетъ, наливши въ него воды, сварилъ себѣ съ козьимъ мясомъ изрядную похлебку.

Выше сказывалъ я, что у меня не было жерновъ и решета, и такъ за неискусствомъ въ дѣлѣ жерновъ и за неимѣнiемъ удобныхъ къ тому камней и къ отдѣлкѣ оныхъ инструментовъ, выдумалъ толочь рожь свою въ ступѣ. Для сего срубя пень, по Бразильски желѣзнымъ называемаго дерева, здѣлалъ помощiю топоровъ и долотъ своихъ въ верьху онаго чашу, кою выжигалъ ширѣ, и равнялъ раскаленымъ желѣзомъ. Изъ того же дерева здѣлалъ я себѣ и пестъ.

А хотя я и весьма прилѣжно толокъ рожь свою, однакожъ она такъ крупна была, что и ѣсть ее было не можно; и для того необходимо здѣлалось надобнымъ сито, или по крайней мѣрѣ рѣшето. Вмѣсто онаго здѣлалъ себѣ ящикъ, обшилъ его парусиной, и провертѣвши на немъ небольшія дыры, сѣялъ имъ рожь свою; но какъ дыры засорились, а притомъ и нитки здвинулись, то принужденъ былъ сей способъ бросить. Послѣ обшилъ вкругъ согнутой мною палки старую изъ рѣдкой холстины шитую рубашку; но какъ и та изодралась, то выдумалъ къ тому новой способъ.

При дѣланіи изъ муки тѣста и печеніи изъ онаго хлѣбовъ, явился первой недостатокъ въ дрождяхъ; но не имѣя способу получить ихъ, долженъ былъ оныя оставить, а только здѣлавши по примѣру ступы своей квашню, помышлялъ о строеніи печи, кою и склалъ на конецъ изъ здѣланныхъ и обожженныхъ мною по примѣру, какъ я обжигалъ горшки свои, кирпичей; а пекъ хлѣбы выметая подъ, и положа тѣсто въ горшокъ, оборачивалъ его въ верьхъ дномъ, кое осыпалъ горячею золою. Такожъ пекъ я себѣ изъ пшеницы и пироги; и такимъ образомъ могу сказать, что *научила меня нужда калачи ѣсть.*

Весь третей годъ моего на острову пребыванія, выключая употребленное въ полѣ для снятія плодовъ своихъ время, препроводилъ я въ дѣлѣ вышеупомянутыхъ вещей. Въ послѣднюю жатву получилъ я до 20 мѣрокъ ржи и столько же пшеницы, а по изчисленію моему могъ я прожить симъ хлѣбомъ цѣлой годъ. Между тѣмъ, какъ я для исправленія своихъ нуждъ сидѣлъ дома, весьма мнѣ хотѣлось осмотрѣть видимую мною въ дали высокую землю; и не разсуждая о семъ съ явными опасностьми сопряженномъ предпріятіи, и что я нахожусь не далеко отъ людоѣдовъ, и такихъ народовъ, кои пріѣзжихъ къ нимъ приносятъ идоламъ своимъ на жертву, а желая только тамъ побывать, сожалѣлъ о моемъ Ксури и о суднѣ, на которомъ уѣхалъ я съ нимъ изъ Сале. И того ради осмотрѣлъ шлюпку корабля своего. Она стояла на сухомъ мѣстѣ въ прежнемъ положеніи, но не могъ ее поворотить и спустить на воду. А хотя для ея подъему и употребилъ множество кольевъ и катковъ, и подрылъ подъ нее большей ровъ, въ которой она на положенные катки и упала; однакожъ

такожъ будучи не въ силахъ поворотить ее съ мѣста, принужденъ былъ на конецъ отстать отъ своего предпріятія, а послѣ увидѣлъ, что ее и починкою исправить не можно.

Хотя же тѣмъ и лишился надежды быть на твердой землѣ, но охота къ мореплаванію побудила меня здѣлать по примѣру Американцовъ лодку однодеревку, и тѣмъ предпріять такое неосновательное дѣло, какова думаю еще ни одинъ человѣкъ въ жизни своей не предпріимывалъ, и всякой бы, видя меня въ строеніи оной упражняющагося, почелъ съ ума сшедшимъ; но я представляя себѣ, что могу на ней произвести въ дѣйство свое намѣреніе, презрѣвъ всѣ при спускѣ оной неминуемыя невозможности, утѣшался только слѣдующими словами: Дай Богъ мнѣ только, говорилъ я самъ себѣ, ее здѣлать; а тогда, какъ она будетъ готова, то къ спуску способовъ искать не оставлю.

Въ такихъ здравому разсужденію противныхъ мысляхъ срубилъ кедровое дерево въ діаметрѣ близъ корня пяти, въ срединѣ четырехъ, длиною же дватцати двухъ футовъ. Въ дватцать дней на силу могъ я его свалить съ корня, пятнатцать дней обрубалъ сучья, очищая ихъ топоромъ, пилою и всѣми своими инструментами; цѣлой мѣсяцъ отдѣлывалъ наружность, а при мѣсяца нутрь. А изъ всего сего вышла лодка, которая могла поднимать болѣе дватцати человѣкъ, слѣдовательно ее какъ для меня, такъ и для всего моего грузу было довольно.

Видя ее готовую, чувствовалъ въ себѣ несказанную радость; оставалось только спустить ее на воду. А естьлибъ мнѣ въ томъ удалось, то бы на ней, хотябы и самой невозможной путь казался, всюду ѣхать отважился. Но первая при спускѣ корабля моего оказавшаяся трудность была, что за имѣвшимися между сею и взморьемъ вышинами, коихъ было саженъ на двѣсти, въ море и провести было не можно. Видя сіи препятствія, хотѣлъ сравнивать помянутыя вышины, на конецъ презирая постояннымъ образомъ всѣ невозможности вздумалъ рыть каналъ; но по изчисленію моему нашлось, что за всею моею прилѣжностію должно было на оной употребить одиннатцать лѣтъ: ибо въ самомъ низкомъ мѣстѣ надобно, чтобъ онъ былъ глубиною 22 футовъ. И такъ по испытаніи способовъ принужденъ былъ, хотя мнѣ

и весьма не хотѣлось, оставить въ самомъ дѣлѣ глупое свое предпрїятїе.

Въ такихъ трудахъ окончилъ я четвертой годъ уединенной моей жизни. Изъ всегдашняго въ Божїемъ словѣ упражненїя получилъ о вещахъ отмѣнное понятїе. Почиталъ свѣтъ сей такимъ, въ коемъ человѣку вѣчнаго жилища имѣть не можно, и что надежда и желанїя наши въ немъ колеблются безпрерывно страстьми нашими; лишенъ же будучи способовъ имѣть съ людьми сообщенїе, почиталъ его такимъ, въ коемъ я уже больше жить не буду. Но всевышшаго властїю отъ людей пороками зараженныхъ будучи отличенъ, гордости и властолюбїя лишенъ, не имѣлъ причины живущимъ въ немъ завидовать, что они дни свои между жителями онаго препровождаютъ, за тѣмъ больше, что я былъ и самъ владѣтель моего острова; все на немъ находившееся зависѣло отъ моей власти. Могъ бы, естьлибъ вздумалъ, Королемъ или Императоромъ онаго назваться. Вездѣ простиралась власть моя, не имѣя въ томъ ни спорщиковъ, ни соперниковъ. Могъ собрать великїе хлѣбные магазейны, построить цѣлой флотъ, нагрузить его виноградомъ, но мнѣ

мнѣ въ такомъ излишествѣ не было ни малой нужды. И для того сѣялъ хлѣба, збиралъ винограду столько, сколько для годовой моей провизїи надобно было.

А по многимъ справедливымъ разсужденїямъ позналъ, что качества всѣхъ вещей въ свѣтѣ, также ихъ предъ другими превосходства, разбираются по необходимой намъ въ нихъ надобности, или по мнѣнїямъ отъ роскошей въ насъ вкравшимся; и что всякому человѣку надлежитъ стараться, чтобъ умѣть довольствоваться малымъ, излишнее же, есть ли то надобно будетъ, збирать только, дабы тѣмъ дѣлать вспоможенїе неимущимъ, да я и сей честнаго человѣка должности былъ избавленъ. Серебреныя и золотыя мои деньги числомъ до 30 фунтовъ стерлинговъ, были въ глазахъ моихъ презрительнѣе одного куска хлѣба. Часто говаривалъ я на нихъ смотря: естьлибъ на моемъ мѣстѣ былъ и самой сребролюбецъ, то конечно бы и онъ не пожалѣлъ васъ отдать за курительную табашную трубку, или за столько гороху, сколько онаго въ Англїи за шесть копѣекъ купить можно, да и то бы почелъ еще дешевою куплею. Они лежали безъ всякаго призрѣнїя

зрѣнія брошены въ изломанной сундукъ.

Словомъ, я жилъ тогда спокойнѣе прежняго. За столомъ своимъ сидя, часто благодарилъ Бога, что онъ меня въ пустынѣ моей такъ питаетъ. При приношеніи же благодарности ощущалъ въ себѣ всегда несказанное внутреннее утѣшеніе; а изъ сего заключаю, что естьли бы люди всѣмъ дарованнымъ имъ отъ Бога были благодарны, то бы они достигать до неопредѣленнаго никогда не захотѣли; ибо желаніе къ излишеству происходитъ отъ неблагодарности за полученное.

Не мало же къ укрѣпленію покойной моей жизни служило и то, что я старался сравнивать нынѣшнее мое состояніе съ тѣмъ, какое мнѣ по приходѣ на островъ имѣть случалось; и естьли бы Господь Богъ чуднымъ своимъ промысломъ не повелѣлъ ярившимся на погубленіе мое волнамъ прибить корабля нашего ближе къ берегу, и не допустилъ бы до забранія находившихся на немъ для содержанія жизни необходимо нужныхъ вещей, то бы я безъ того, выключая рыбу и черепахъ, не имѣлъ никакой пищи, да и то нашелъ я уже послѣ, спустя долгое время; а хотябъ съ голоду и не умеръ, однакожъ жизнь моя былабъ хуже всякаго дикаго человѣка.

Цѣлые часы, а иногда и цѣлые дни препровождалъ я въ таковыхъ размышленіяхъ. А хотя жизнь моя, сказать правду, и проходила въ великихъ трудахъ и бѣдности, однакожъ я всѣхъ тѣхъ почитаю несправедливыми, кои при малѣйшей предпріятій своихъ неудачѣ, и отъ того происходящей скукѣ, безразсудно несчастливыми себя называютъ. Желалъ бы я, чтобъ всякой изъ нихъ сравнивалъ злополучіе свое съ несчастіемъ тѣхъ, кои терпятъ оныя еще и ихъ больше, а по томъ бы представилъ себѣ, сколь несносно для него былобъ, естьлибъ состояніе его перемѣнилось въ такое, какое онъ бралъ своему въ сравненіе.

Прежде сего не имѣлъ я никакой вѣры; а хотя родители мои добрыми своими наставленіями съ самаго моего младенчества ничего, что только въ голову мою Христіанскія мысли и священное къ сей должности почтеніе вперить могло, и не упускали, и совершенное познаніе конца, на которой я въ свѣтъ созданъ, мнѣ всегда изъяснить тщились: однакожъ я все сіе почиталъ и разсужденія моего недостойнымъ. Къ вящщему же несчастію вступ-

вступилъ я весьма молодъ въ морскую службу, и привыкши къ бываемымъ на морѣ страхамъ, съ безразсуднымъ презрѣнїемъ смерти вдавался во всякїя опасности, и не думалъ никогда о томъ, что со мною впредь воспослѣдуетъ. Окаменѣнїе сердца моего было столь велико, что при избавленїи моемъ отъ смерти вступленїемъ на корабль Португальской при Бразильскомъ моемъ излишествѣ, и при полученїи моего изъ Англїи груза, и при многихъ тому подобныхъ отличныхъ случаяхъ, и на умъ мнѣ не приходило почитать сїе милостью Всевышшаго, и имя его вспоминалъ только по привычкѣ въ проклятыхъ божбахъ своихъ.

Нынѣжъ видя себя не только отъ смерти избавленнаго, но и всѣмъ съ излишествомъ снабдѣннаго, старался поправить въ беззаконїяхъ, бездѣльствахъ и порокахъ препровожденную жизнь свою, и укрѣпляясь въ добродѣтели, приготовлялся къ вѣчному и неувядаемому блаженству, и не только безъ роптанїя сносилъ свое состоянїе, но еще и радовался тому что такое имѣю, точно признаваясь, что нѣтъ въ свѣтѣ такова мѣста, гдѣбъ могъ счастливѣе сего препроводить жизнь свою. Живучи отъ всего въ безопасно-

сти и при всякомъ излишествѣ, почиталъ первою своею должностїю упражняться въ безпрерывной и чувствительной, за всегдашнее обо мнѣ попеченїе, къ Богу благодарности. Такими мыслями утѣшался я въ моихъ печаляхъ, истребляя тѣмъ все свое унынїе и задумчивость.

Я уже сказывалъ, что у меня чернилы изходить начали, а отъ приливанїя къ нимъ отъ времени до времени воды, здѣлались они на конецъ такъ бѣлыми, что писаннаго ими и видѣть было не можно.

Между тѣмъ примѣтилъ я, что всѣ несчастїя дѣлались со мною въ одинъ день, и естьлибъ былъ я суевѣренъ, то бы подумалъ, что есть для человѣка счастливые и несчастливые дни; а сїе бы и доказалъ я собственнымъ своимъ примѣромъ. Въ тотъ день, какъ я ушелъ отъ отца моего въ Гуллу, взошелъ на корабль; въ тотъ же день на Ярмутской рейдѣ избавился отъ потопленїя; въ тотъ же день взятъ въ полонъ Селейскими разбойниками, и ушелъ изъ Сале; въ тотъ же день, то есть въ день моего рожденїя, а имянно 30 Сентября, спасся я отъ потопленїя при разбитїи корабля своего, и брошенъ на дикой островъ: слѣдовательно, какъ порядочная, такъ и без-

порядочная жизнь моя началась въ одинъ день.

Послѣ чернилъ явился недостатокъ въ хлѣбѣ; свезенные мною съ корабля сухари, хотя я ихъ употреблялъ и весьма воздержно, и по малому кусочку въ день ѣлъ, изошли весьма скоро. Сей недостатокъ явился еще за годъ до собственнаго моего хлѣба; и такъ питался я по большей части мясомъ, оставшїе же сухари употреблялъ себѣ на закуску.

Рубашки, коихъ было числомъ до трехъ дюжинъ, также и прочее платье все износилось. Матросскїе тяжелые шулупы въ разсужденїи великихъ жаровъ были безполезны; нагому же ходить было не можно, за тѣмъ, что я самъ себя стыдился, а притомъ отъ солнечнаго жару дѣлались по всему тѣлу пятна, а въ головѣ великой ломъ. И хотя я и весьма берегъ свое платье, однакожъ принужденъ былъ на конецъ его за старостїю бросить, а вмѣсто онаго здѣлалъ себѣ изъ свезенныхъ мною съ корабля парусинныхъ лоскутьевъ длинную рясу. Рукодѣлье мое было дурное, и по великомъ трудѣ, на силу сшилъ еще два камзола, штаны и порты.

Выше

Выше сего объявлено, что я збиралъ кожи со всѣхъ убитыхъ четвероножныхъ звѣрей, и клалъ ихъ на солнцѣ, а отъ того большею частїю такъ они засохли, что почти всѣ не годились; изъ годныхъ же здѣлалъ я себѣ шапку и пару платья. Парча поворочена была шерстью въ верхъ, камзолъ широкой, а штаны съ прорѣхами. Справедливость исторїи требуетъ признанїя, что все сїе здѣлано было не по мѣркѣ. Мало разумѣлъ я столярной работы, однакожъ въ ней упражнялся, а портному мастерству зналъ гораздо меньше; но какъ бы то ни было, токмо сей уборъ дѣлалъ мнѣ отъ солнечныхъ лучей и отъ дождя великую защиту, и тѣмъ соотвѣтствовалъ моему намѣренїю.

Сшивши платье, началъ дѣлать себѣ подсолнечникъ. Въ Бразилїи видалъ я, что отъ тамошнихъ жаровъ жители носятъ подсолнечники; въ обитаемомъ же мною мѣстѣ былъ равной жаръ, и едва не больше Бразильскаго, по тому что оное лежало ближе къ Экватору. Впрочемъ домашнїя мои нужды требовали, чтобъ я и въ дождливое время выходилъ изъ своей хижины, и для того необходимо надобно было имѣть подсолнечникъ. Сперьва удалось

лось мнѣ здѣлать такой , что хотя и распускался , однакожъ збирать его было не можно; по чему принужденъ бывалъ носить его надъ головою , что часто , а особливо когда въ немъ не было нужды , весьма казалось несноснымъ. Но наконецъ здѣлалъ сходствующей съ моими желаніями; покрылъ его кожею , шерстью вверьхъ ; имъ закрывался я отъ дождей и солнечныхъ лучей; въ случаежъ ненадобности складывая, носилъ всегда подъ пазухою.

Такимъ образомъ жилъ я въ покоѣ , отдавшись во всемъ въ волю моего Создателя и во святое Его покровительство, предпочитая уединеніе свое свѣтской жизни ; а когда и случалось сожалѣть о томъ , то напротивъ того утѣшалъ себя сими словами : Не разговариваю ли я самъ съ собою , а въ молитвахъ моихъ и съ самимъ Богомъ ; къ чему въ обществѣ часто и случаевъ не бываетъ ?

Въ такихъ обстоятельствахъ препроводилъ я еще пять лѣтъ. Главная моя работа , выключая сѣвъ, состояла въ збираніи и сушеніи винограда , въ ходьбѣ на охоту , въ дѣланіи другой лодки, въ рытьѣ, для переведенія оной въ море , канала , по которому и провелъ ее въ свой заливъ. Первую же лодку

лодку будучи не въ состояніи спустить на воду , и здѣлать каналъ , коимъ бы провести ее въ море, принужденъ былъ за величиною ея оставить на мѣстѣ , въ память, что надлежитъ всегда приниматься за дѣло съ разсужденіемъ, какой оно конецъ получить можетъ. Но сею неудачею не истребилась во мнѣ охота къ мореплаванію , всегда казалось возможнымъ имѣть у себя судно, естьли оно не велико будетъ ; и такъ срубилъ еще кедровое дерево отъ берегу на полмили отстоящее , и не отчаяваясь въ предпріемлемомъ мною дѣлѣ, работалъ надъ нимъ цѣлые два года, а о потерянномъ на то времени и сожалѣть было нѣчего, потому что и безъ того былъ бы я въ праздности; къ презрѣнію же всѣхъ случившихся притомъ трудностей поощряла меня склонность моя къ мореплаванію.

Наконецъ здѣлавши лодку , и не смотря на то , что величина оной не соотвѣтствовала моему при начатіи сего дѣла намѣренію , то есть что она была не такова, чтобъ можно было отважиться на ней доѣхать до видимой мною твердой земли , отстоящей отъ острова такъ какъ миль на сорокъ, намѣрился объѣхать на ней свой островъ. Учиненныя мною во время путешествія моего примѣчанія побудили меня осмо-

 трѣть

треть наружное его положеніе. Поставилъ на лодкѣ мачту, и привязавши къ ней удобной къ тому парусъ, ѣздилъ и пробовалъ ея ходу, и нашелъ къ предпріятію своему весьма способною. Для поклажи же нужнаго къ сему пути провіанта и аммуниціи, здѣлалъ близъ бортовъ въ носу и въ кормѣ небольшіе ящики; и взявъ съ собою довольно хлѣба, винограду и прочихъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, отправился въ путь, для осмотру границъ своего государства.

Сіе было 6 Ноября, въ шестой годъ моего островомъ правленія, или на немъ заточенія. Поѣздка моя продолжалася болѣе, нежели я думалъ. Островъ хотя былъ и неширокъ, однакожъ вышедшею въ море каменною скалою весьма длиненъ. Отъ ней была еще другая песчаная, и простиралась на полмили. Обходя ихъ, принужденъ я былъ итти открытымъ моремъ.

Доѣхавши до каменной скалы, и видя предстоящую опасность ѣхать моремъ на малой лодкѣ, не знавъ при томъ, коимъ образомъ мнѣ возвратиться, воротился, и приставши къ берегу легъ на якорь, или правду сказать, я бросилъ большей парусъ привязанной къ веревкѣ, и вышедши на островъ смотрѣлъ

трѣлъ въ море съ высокой горы, и увидѣлъ мысъ онаго и всю его обширность. А по учиненному мною при семъ случаѣ примѣчанію, должно было беречься усмотрѣннаго къ Западу находящагося теченія; но какъ я того послѣ ни стерегся, однакожъ не могъ миновать онаго.

За противнымъ вѣтромъ пробылъ я на берегѣ двои сутки, а на третей день, по умаленіи погоды, отправился въ море, и лишъ только вошелъ въ помянутое теченіе, то понесло лодку мою съ такою жестокостію, что какъ я близко отъ берега ни находился, и какъ за него ни хватался, однакожъ меня всегда прочь оттаскивало. Къ вящшему несчастію парусъ мой за тогдашнею тишиною не имѣлъ ни малаго дѣйствія.

Тщетно старался я пристать къ берегу, тщетно хватался я за оной, ибо теченіе несло меня прямо въ море, гдѣ естьлибъ не утонулъ, то бы конечно за неимѣніемъ пищи по исходѣ запаса умереть былъ долженъ. Какъ легко, вопіялъ тогда, можетъ печальное человѣка состояніе перемѣниться въ такое, кое его въ крайность приводитъ. Островъ мой казался въ семъ моемъ несчастіи увеселительнѣйшимъ въ свѣтѣ мѣстомъ; все благополучіе, думалъ,

малъ, состоитъ только въ томъ, чтобъ на него выйти. Счастливая пустыня! вопіялъ я взглядывая на него, благополучное уединеніе! уже тебя я больше не увижу. Проклятая охота къ мореплаванію! ты побудила меня страдать въ семъ злополучіи; ты доводишь меня до конца моей жизни; теперь вижу, сколь несправедливо роптал я на пустынную жизнь свою. Сіе и тому подобное говорилъ я въ своемъ отчаяніи.

Такова свойства суть всѣ люди; не чувствуютъ благоденствія своего прежде, пока не познаютъ безпокойства отъ перемѣны добраго своего состоянія въ худое; а сіе познаніе напоминовеніемъ прешедшаго благополучія усугубляетъ ихъ отчаяніе.

Недостанетъ словъ къ описанію страха, въ коемъ я находился, видя себя отъ любезнаго своего острова въ открытое море отдаляемаго. Уже я былъ отъ него въ такомъ разстояніи, что не оставалось ни малой надежды къ возвращенію, какъ вдругъ вѣтръ началъ прибавляться; жилище мое скрывалось; не было со мною компаса; чистой воздухъ не мало помоществовалъ къ тому, что я его не терялъ изъ глазъ моихъ; и такъ пользуясь тогдашнимъ вѣтромъ, правилъ лодку

свою

свою прямо на островъ. На конецъ вошелъ въ прѣсную воду. Тамъ нашелъ я теченіе слабѣе морскаго, а по приближеніи къ песчаной косѣ усмотрѣлъ, что оное движеніе ударяясь въ каменной мысъ острова, назадъ возвращается, и на двое раздѣлясь къ Зюйду и къ Весту идетъ. Мнѣ удалось войти въ послѣднее, кое и понесло меня къ острову.

Въ вечеру увидѣлъ я верхи тѣхъ камней, кои всегда несчастія моего причиною были, и двоякое въ морѣ теченіе причиняли. Помянутымъ теченіемъ несло меня къ противостоящей того мѣста сторонѣ, отъ котораго я прежде въ путь свой отправился. Не возможно изъяснить той торопливости, съ коею правилъ я лодкою своею къ берегу, также и ко изъясненію радости чувствуемой по приближеніи къ оному. Недостанетъ словъ моихъ; она сравняться можетъ съ тою, кою ощущаютъ въ себѣ избавившіеся люди отъ рукъ разбойничьихъ погубить ихъ намѣрившихся.

По выходѣ на берегъ бросясь на колѣни, благодарилъ Бога за свое избавленіе, твердо намѣрясь не подвергать себя впредь таковой опасности. Потомъ поставилъ лодку свою въ покры-

тое

тое наклонившимися съ берегу деревьями мѣсто, и утомившись отъ трудовъ и ѣзды, заснулъ скоро и весьма крѣпко.

Проснувшись думалъ, какъ бы перевести ее въ заливъ близь жилища моего находящейся; но при семъ предпрїятїи требовалась равная первой отвага, однако я не подвергая себя опасности, повелъ ее идучи самъ по берегу, чтобъ, естьли не удастся мнѣ привести ее къ своему жилищу, поставить на дорогѣ въ ближайшемъ отъ онаго мѣстѣ, дабы имѣть ее всегда подъ руками. И такъ завелъ ее въ малую рѣчку впадающую въ море кривулинами, гдѣ и поставилъ яко въ безопасную гавань.

Тутъ старался я узнать мѣсто тогдашняго моего пребыванїя, и для того взявши ружье и подсолнечникъ, отправился прямо внутрь острова, а къ вечеру пришелъ къ виноградику, а оттуда въ лѣтней свой домъ, въ которой вошедши уснулъ крѣпко. Но въ какое пришелъ удивленїе, слыша что меня будятъ, и именемъ называютъ! тѣмъ больше усугублялся страхъ мой, что не зналъ, откуда происходилъ крикъ сей. „Робинзонъ! Робинзонъ! Крузе, бѣд„ной Робинзонъ! гдѣ ты былъ, и гдѣ „теперь находишься„?

Въ просонкѣ мнилъ, что мнѣ то во снѣ слышится; но голосъ повторяющей имя мое принудилъ меня наконецъ проснуться. Отъ великаго страху не могъ опамятоваться до тѣхъ поръ, пока не увидѣлъ надъ собою сидящаго на деревѣ своего попугая. Я кликнулъ его къ себѣ, а онъ сѣвши ко мнѣ на руку, и приложа носъ свой къ лицу моему, кричалъ: гдѣ ты былъ Робинзонъ, и гдѣ теперь бѣдной человѣкъ находишься?

Сей случай привелъ меня въ такой ужасъ, что долго послѣ того, хотя я былъ въ томъ и увѣренъ, что меня кличетъ мой попугай, на силу могъ опамятоваться; для чего бы, думалъ я, прилетѣть ему ко мнѣ, а не въ другое мѣсто; наконецъ зная точно, что на острову кромѣ его, имяни моего выговаривать нѣкому, ободрясь смѣялся своей слабости.

Между тѣмъ весьма хотѣлось мнѣ осмотрѣть другую сторону моего острова; а хотя и зналъ, что тамъ такожъ теченїе есть, отъ котораго я терпѣлъ великую опасность, однакожъ несказанно желалъ тамъ побывать; но цѣлой годъ укрощалъ я помянутымъ страхомъ сїю свою охоту, и не имѣя ни въ чемъ недостатка, довольствовался

ся состоянїемъ моимъ, препровождая дни свои въ вожделѣнномъ покоѣ.

Въ сїе время удалось мнѣ здѣлать курительную трубку; а сею удачею такъ возгордился, что началъ почитать себя великимъ Механикомъ, но тщеславїе мое умѣрялось дурнымъ и безобразнымъ видомъ оной. Въ утѣшенїе свое говорилъ я самъ себѣ: пускай останется она неудѣльна, но довольно для меня и того, что ею дымъ проходитъ.

Также выучился я плести корзины, для поклажи всякой мѣлочи мнѣ нужныя. Между прочимъ имѣлъ я ходя на охоту за плечами небольшую корзину, въ которой носилъ убитыхъ мною звѣрей: большїя же служили мнѣ вмѣсто закромовъ, въ кои сыпалъ я хлѣбъ свой.

Тогда началъ исходить у меня порохъ, и конечно бы за неимѣнїемъ онаго принужденъ былъ умереть съ голоду, естьлибъ не постарался о домашнемъ козлиномъ заводѣ. Для сего кормилъ я пойманную собакою козу, въ той надеждѣ, не удастся ли мнѣ поймать дикова козла; но она прежде умерла отъ старости, нежели случилось мнѣ произвести въ дѣйство сїе мое намѣренїе.

Но какъ въ одиннатцатой годъ моего на острову пребыванїя запасъ мой весьма

весьма умаляться сталъ, то началъ выдумывать способы ловить живыхъ дикихъ козъ, и для того становилъ силки, въ кои они хотя и попадались, однакожъ разрывая тонкїя веревки уходили, толстыхъ же здѣлать было не изъ чего.

Наконецъ вырылъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они большею частїю ходили, глубокїя ямы, которыя закрывая хворостомъ засыпалъ землею, а сверху для привобы пшеничными и ржаными колосьями; но и тутъ козы поѣдали оную безъ всякой мнѣ прибыли, а хотя иныя и попадались, но всегда до меня уходить успѣвали. Всякой бы скучилъ неудачною сею ловлею; но я имѣя въ пищѣ крайнюю нужду, принужденъ былъ стараться о поимкѣ сихъ хитрыхъ звѣрей; и въ одно время пришедъ для осмотру ямъ своихъ, засталъ въ силкѣ, кой также былъ не снятъ, чрезвычайной величины стараго козла, а въ ямѣ двѣ козы и еще козла же.

Стараго козла живаго взять было никоимъ образомъ не можно, за тѣмъ что онъ бросался на меня такъ, какъ зливой, и для того отрѣзавъ веревку, пустилъ его на волю; ибо мнѣ тогда и на умъ не пришло, что голодомъ и лютѣйшихъ звѣрей смиряютъ. А какъ послѣ сїе вздумалъ, то морилъ находившихся въ ямѣ дикихъ козъ, къ

къ коимъ также подойти не льзя было, до тѣхъ поръ, какъ они съ голоду такъ ослабѣли и усмирѣли, что допустили привязать себѣ на шеи веревки, которыми и отвелъ я ихъ въ свое жилище.

Долго они ѣсть не хотѣли, но наконецъ искушены будучи лежащимъ предъ ними хлѣбомъ, начали отвѣдая его и ко мнѣ привыкать. Тогда не опасался я уже больше голодной смерти. По всему виду, говорилъ я самъ себѣ, будетъ въ моемъ повелѣнїи цѣлое козлиное стадо; но ими открылись мнѣ новые труды, по тому что надобно было держать ихъ въ огороженомъ мѣстѣ, дабы какъ они уйти, такъ и дикїя козы къ нимъ приходить не могли.

Для сего выбравши прикрытой съ одной стороны густымъ лѣсомъ лугъ, по которому протекалъ небольшей ручей, началъ городить ровную сторону онаго плетнемъ, которой долженъ былъ простираться мили на двѣ, не разсуждая того, что они въ такомъ обширномъ мѣстѣ одичаютъ, и что мнѣ ихъ тамъ и ловить не льзя.

Сего забору или плетня здѣлано было уже локтей на пятьдесятъ, какъ вдругъ перемѣнилъ я планъ свой, и началъ его дѣлать въ окружность 200 локтей,

ктей, для того, что для малаго моего стада и того было довольно.

Сей проектъ казался основательнѣе перваго; по чему и работалъ я съ возможною прилѣжностїю. А между тѣмъ пускалъ козъ своихъ на лугъ спутанныхъ, давалъ имъ ржаныя и пшеничныя колосья, а отъ того такъ они ко мнѣ привыкли, что наконецъ и изъ рукъ хлѣбъ ѣсть стали.

Въ полтора года народилось ихъ 12, а въ два послѣ того было у меня до 43 скотинъ. По ихъ умноженїю здѣлалъ я себѣ еще пять огородовъ съ клевами, въ кои загоняя ловилъ ихъ для битья или для доенья, что мнѣ долго на умъ не приходило; потому что въ жизнь мою не даивалъ никакой скотины, и не дѣлывалъ масла и сыру. Но натура, снабжая всѣмъ нужнымъ человѣка, научаетъ его и тому, какъ пользоваться онымъ; по чему и я по учиненнымъ опытамъ узналъ доить скотину свою, и дѣлать изъ молока масло и сыръ.

Вотъ какъ промыслъ Божїй облегчаетъ наигорчайшее человѣческое состоянїе, способствуетъ ему и въ глубочайшихъ заточенїяхъ, и подаетъ тѣмъ въ злополучїяхъ его всегдашнее утѣшенїе; а все сїе должно здѣлаться при-

причиною возбуждающею въ насъ обязанность къ принесенїю ему нашей благодарности.

При вступленїи моемъ на островъ былъ ли хотя малой видъ тому, чтобъ имѣть въ сей ужасной пустынѣ такое довольство и сказанное выше сего излишество? а потому какъ не должно почитать все сїе особливою отъ Бога милостїю? Самойбы Философъ и строгой стоической секты наблюдатель, видя меня помощїю Всевышшаго, питающагося со всѣми моими домашними, всего острова самовладѣтельнымъ повелителемъ, подданныхъ своихъ животъ и смерть въ рукахъ имущаго, и вольности ихъ лишающаго, не опасаясь при томъ и того, чтобъ кто за жестокость мою противъ меня возстать осмѣлился, жизни моей порадовался.

Кушалъ всегда въ присутствїи всего моего двора. Попугай, наперстникъ мой, имѣлъ предъ всѣми преимущество со мною разговаривать, собака пришедшая въ старость, и лишенная способовъ къ размноженїю своего рода, жила въ отставкѣ безвыходно въ моемъ замкѣ. Должность ея была сидѣть во время обѣда по правую у меня сторону, на столѣ прислуживали двѣ кошки, одна на одномъ, а другая на другомъ концѣ; а всѣ

всѣ ожидали съ нетерпѣливостїю моего подаянїя, и безъ роптанїя принимали мою милость, коею я ихъ жаловалъ.

Сїи двѣ кошки были уже не тѣ, которыхъ я съ корабля свезъ; они померли оставя великое множество плода своего, а вязались не знаемо съ какимъ дикимъ звѣркомъ. Изъ сихъ прїучилъ я къ себѣ помянутыхъ двухъ, а прочихъ всѣхъ прогналъ въ лѣсъ, гдѣ они наконецъ хотя и одичали, однакожъ меня посѣщать не позабывали; и все, что имъ ни попадалось, безъ упущенїя крали; тѣмъ принудили, что я ихъ переводить крайне началъ.

Между тѣмъ желанїе, чтобъ видѣть наружную, и еще неизвѣстную другую сторону моего острова, часъ отъ часу умножаясь, наконецъ такъ мною овладѣло, что намѣрился предпрїять вторичной походъ; а идучи дорогою къ помянутой горѣ, съ которой чинилъ я всегда морскїя свои примѣчанїя, взглянувъ на себя сказалъ: О естьлибъ въ Iоркской провинцїи увидѣли человѣка въ моемъ уборѣ, то бы его или боялись, или надъ нимъ смѣяться стали. Ужасной величины безъ всякаго складу изъ козлиной кожи здѣланная высокая шапка, къ коей пришита была цѣлая козлина, покрывающая шею и

и плеча отъ дождя и солнечныхъ лучей, служила головнымъ мнѣ уборомъ.

Короткіе изъ тогоже штофа сшитые кафтанъ, камзолъ и штаны съ прорѣхами прикрывали тѣло мое, а отъ плечь до пятъ волочился такъ, какъ у Панталона длинной хвостъ, состоящей изъ разныхъ звѣриныхъ кожъ; ножныя ступени обвязывалъ тѣмъ же, а все здѣлано было весьма безобразно.

Вмѣсто шпаги или сабли носилъ за портупеею изъ вышеписанной же матеріи здѣланной бердышъ съ одной, а топоръ съ другой стороны; къ ней придѣланы были двѣ сумки, одна для пороху, а другая для дроби, за плечами корзина, на плечахъ по ружью, а надъ головою подсолнечникъ.

Лице имѣлъ отъ жаровъ загорѣвшее, какъ у живущаго близъ экватора человѣка, особливо такова, которой ни мало его не берегъ, что и быть можетъ, бороду подстриженную ножницами; а усы по примѣру Салейскихъ Турокъ простирающіеся почти до самаго пояса.

Въ путешествіи своемъ сожалѣлъ я только о томъ, что не было на острову ословъ. О естьли бы нашелъ я хотя паршиваго, и изъ самыхъ монстровъ лѣнивѣйшаго, то конечнобъ и тѣмъ былъ доволенъ, разъѣзжалъ бы на немъ

немъ какъ на лучшемъ аргамакѣ, по крайней мѣрѣ носилъ бы онъ у меня аммуницію мою: но за неимѣніемъ оныхъ принужденъ былъ все носить на себѣ; и такъ путешествуя по обыкновенію съ дорожнымъ своимъ игомъ пять дней сряду, дошелъ на конецъ до того мѣста, гдѣ во время перваго моего пути лежалъ лодкою на якорѣ, взошелъ на помянутую гору. Время было тогда тихое, свѣтлое и пріятное, море стояло въ глубокой тишинѣ, презирая тогда бывшей небольшой вѣтръ.

Послѣ обѣда сдѣлался морской приливъ, которой, какъ я послѣ узналъ, по случаю великихъ вѣтровъ доходитъ до самаго острова, въ тихую погоду не доходя до берегу кончается недалеко отъ онаго въ морѣ, а къ вечеру примѣтилъ я и отливъ оной; и такъ думалъ, что учреждаясь по отливу и приливу легко будетъ перевести лодку къ старому моему жилищу.

Но напоминовеніе прешедшихъ во время перваго морскаго моего путешествія опасностей, приводило меня въ такой ужасъ, что долго не осмѣливался предпріять намѣренной мною вторичной поѣздки, и лучше почиталъ, хотя то и великаго труда стоило, здѣлать себѣ другую лодку, нежели

отдаться въ волю непостоянной морской стихїи; такимъ бы образомъ имѣлъ я ихъ двѣ, одну близь зимняго, а другую близь лѣтняго своего дому.

Замкомъ или зимнимъ домомъ называю я старой свой шалашъ, укрѣпленной тыномъ, имѣющей въ горѣ пещеру, изъ разныхъ покоевъ состоящую; въ большемъ изъ нихъ здѣлалъ я себѣ выходъ къ морю, становилъ въ немъ горшки свои, корчаги и корзины наполненныя хлѣбомъ и другими съѣстными припасами; слѣдовательно въ ней находился весь мой магазейнъ.

Тынъ, кругомъ замка находившейся, принявши корень, сдѣлался такъ густъ, что съ наружи и узнать было не можно, естьли за нимъ какое жилище; на ровномъ мѣстѣ недалеко отъ него находившемся была моя пашня.

Въ лѣтнемъ или загородномъ домѣ, окруженномъ вышеписанными же рослыми деревьями, здѣланъ былъ растянутой на кольяхъ изъ парусины шалашъ. Въ немъ стояла кровать съ постелею, состоящею изъ кожъ разныхъ звѣрей, вмѣсто одѣяла покрыта была матросскимъ тулупомъ, близь его находились мои хуторы, или скотскїе заводы, обсажены такожъ помянутыми деревьями, и сросшимися такъ часто, что сквозь

сквозь заборъ и руки просунуть было не можно.

Все сїе такихъ трудовъ стоило, кои довольно доказываютъ прилѣжность мою, такожъ и то, сколь много не щадилъ я самъ себя для моего покоя. Виноградникъ мой отъ сего дому находился также недалеко. Сего плода было у меня столь много, что не было ни малой нужды зберегать оной.

На лодкѣ своей часто по взморью прогуливаясь, и о порядочной жизни своей попеченїе имѣя не чувствительно достигъ до отмѣнной противъ прежняго моего состоянїя жизни; въ благополучїи своемъ почиталъ ее непремѣнною, не знавъ того, сколь непостоянно теченїе вещей сего мїра.

Нѣкогда идучи къ своей лодкѣ, въ намѣренїи, чтобъ ѣхать на ней прогуливаться, усмотрѣлъ на пескѣ человѣческїя ступени. Въ жизни моей я еще такъ, какъ при семъ случаѣ, не пугался, объятъ будучи ужасомъ остановился, будтобы пораженной громовымъ ударомъ, или будто бы зрѣлъ ужасное видѣнїе. Слушалъ, осматривался, подавался впередъ, останавливался, садился и вставалъ, не помня самъ, что дѣлалъ, пошелъ къ берегу, и не видавши болѣе человѣческихъ знаковъ возвратился назадъ, по-

читая страхъ свой неосновательнымъ. Но увидѣвши ту же ступень, и изображенные на пескѣ пальцы, пяту и всѣ составы человѣческой ноги, не зналъ, что дѣлать. Ужасъ объемлющій здравымъ разсужденіемъ живо представляя опасности не давалъ дѣйствовать разуму. Въ безпамятствѣ побѣжалъ не знавъ того, что страхъ тѣмъ еще больше умножается. Въ бѣгствѣ своемъ при всякомъ шагѣ назадъ оглядываясь смотрѣлъ, не гонится ли кто за мною. А отъ воображенія всѣ на дорогѣ стоявшіе кусты, казались за мною гонящимися людьми. Словомъ, я пришелъ въ такую торопливость, что не помню, какъ прибѣжалъ въ свое жилище, до котораго добравшись бросился въ него, какъ съ ума шедшей; ибо мнѣ дѣйствительно казалось, будто бы меня за ноги человѣкъ хватаетъ.

По лѣстницѣ ли я въ замокъ свой вошелъ, или въ тотъ проходъ, которой имѣлъ я къ морю, того сказать не знаю; а только о томъ извѣстенъ, что никогда думаю рысь или лисица гонимая охотниками и ихъ собаками въ нору свою съ такою торопливостію не убирается, какъ скрывался я въ свою жилищу отъ мнимой за мною погони.

Въ

Въ ту ночь не могъ я уснуть ни на одну минуту, и чѣмъ болѣе размышлялъ о причинѣ моего страха, тѣмъ больше беспокоилъ меня оной, воображая всѣ происходимыя отъ видѣнія моего плачевныя и ужасныя слѣдства столь живо, что казалось, будто бы меня тащатъ дикіе съ моей постели, и погубить стараются.

Думалъ, что конечно по острову моему злой духъ ходитъ, разсуждая, что естьлибъ пріѣхали на мой островъ люди, чего однакожъ во всю мою на немъ бытность не примѣтилъ, то бы конечно судно ихъ стояло близъ того или другаго мѣста, гдѣ я видѣлъ ступень человѣческую; но какъ статься, спорилъ я самъ сему моему мнѣнію, чтобъ Сатана могъ ходить человѣкомъ; на что бы то годилось оставить знакъ ноги своей, и почему зналъ онъ, что я ее увижу. Слабой способъ ко устрашенію, ибо естьлибъ онъ хотѣлъ меня испужать, то бы не оставилъ по себѣ тамъ, гдѣ я хожу весьма рѣдко, столь сомнительныхъ знаковъ, а особливо въ песчаномъ мѣстѣ, гдѣ оныя долго держаться не могутъ, какъ бы они глубоко вдавлены ни были; а все сіе спорило тому мнѣнію, какое мы о свойствѣ злаго духа имѣемъ

Такія

Такія доказательства побудили меня наконецъ заключать, что конечно къ берегу моего острова приставали дикіе люди, занесены будучи погодою, по прошествіи которой возвратились въ свое жилище. Сими мыслями безпокоясь радовался тому, что не поселился на томъ мѣстѣ, гдѣ они приставали, опасался же при томъ, не видали ли они моей лодки, и потомъ ожидалъ ихъ къ себѣ съ часу на часъ въ гости; а хотя и точно зналъ, что они меня не сыщутъ, однакожъ боялся того, чтобъ заводовъ моихъ не разорили; ибо отъ того принужденъ бы былъ на конецъ умереть съ голоду.

Страхъ сей былъ столь силенъ, что искоренилъ во мнѣ все на Бога моего упованіе, и не думалъ уже больше о томъ, что дающей мнѣ чуднымъ образомъ пищу, можетъ избавить меня отъ сихъ напастей. Сожалѣлъ, что не сѣялъ столько хлѣба, чтобъ мнѣ стало его года на три; а чтобъ не умереть съ голоду, началъ запасаться на оное время всякимъ запасомъ.

Вотъ какимъ перемѣнамъ подвержены бываютъ мысли человѣческія. Въ вечеру ненавидимъ то, чѣмъ по утру миловались; бѣгаемъ того, что нѣсколько минутъ передъ тѣмъ пріятнымъ каза-

казалось. По состоянію своему былъ я тому живымъ и сожалѣнія достойнымъ примѣромъ. Прежде сего смертельно досадно мнѣ было окруженну быть пространнымъ Океаномъ, и лишенну человѣческаго обхожденія жить въ уединеніи, тогда почиталъ такимъ, котораго Богъ призналъ негоднымъ быть въ числѣ людей, и одинъ образъ человѣческой казался, будто бы воскрешающимъ меня изъ мертвыхъ, и первою бы милостію отъ Бога почелъ ту, естьлибъ онъ послалъ ко мнѣ товарища. Нынѣ же дрожалъ отъ одного только вида человѣческой ступени; одна она причиняла мнѣ несказанной ужасъ.

Потомъ нѣсколько ободрясь разсуждалъ, что въ плачевное сіе состояніе приведенъ я мудростію Божіею, что будучи не въ силахъ проницать намѣренія Всевышшаго, зная его благость, и что все онъ учреждаетъ въ пользу человѣка, долженъ былъ почитать и сіе за изливающуюся его ко мнѣ милость; можетъ быть, говорилъ я, Создатель мой по благоизобрѣтенію своему судьбою моею управляя, тѣмъ меня за грѣхи мои наказуетъ, и какъ справедливой Судія тѣмъ меня опечалить за надобное почти въ постоянство мое искусить изволяетъ, и

что

что естьли гнѣвъ его продолжится, что за должность почиталъ въ терпѣнїи ожидать конца своего, и такъ единственно на него надѣясь просилъ въ крайности своей священной Его помощи и покровительства.

Мыслями о бѣдномъ своемъ состоянїи безпокоясь, ожидалъ ежеминутно отъ дикихъ людей нападенїя, какъ вдругъ пришелъ мнѣ на умъ изъ священнаго писанїя слѣдующей стихъ: „Бдите и молитеся, да не внидете въ „напасть„. И еще лежалъ тогда на постелѣ, а по выговорѣ онаго вскоча, и ощутя въ себѣ особливую бодрость, началъ просить Бога умиленнѣйше словами о избавленїи меня отъ таковой опасности; по окончанїи же сей молитвы чувствовалъ въ себѣ такое утѣшенїе, котораго словами изъяснить нахожусь не въ силахъ. Душа исполнившаяся божественнымъ и священнымъ духомъ бодрости побуждала меня презирать всѣ чаемыя бѣдствїя.

Такимъ образомъ мыслями успокоясь, думалъ, не привидѣнїе ли было причиною всего моего страха, и примѣченная мною ступень не моя ли собственная. Можетъ быть, увѣрялъ я себя, шелъ я тогда тою дорогою, которою ходилъ въ загородной свой домъ, и

такъ станется, что собственные мои слѣды меня испужали; а естьли то правда, то представляю теперь такихъ дураковъ, кои о видѣнїяхъ и тому подобномъ здорѣ другимъ разсказывая сами своей лжи больше, нежели слушатели ихъ, боятся; потомъ мало помалу ободрясь, вышелъ изъ моей пещеры, и началъ по прежнему моему обыкновенїю бродить по острову. Голодъ и жажда не мало меня къ тому побуждали, а притомъ всякой вечеръ должно было доить козъ, ибо они отъ того, что ихъ три дни не доилъ, здѣлались со всѣмъ яловыми.

Будучи въ такихъ мысляхъ, что я испужался собственной своей тѣни, пошелъ въ лѣтней свой домъ, а оттуда думалъ итти въ свои хуторы, и доить козъ. Всякой бы почелъ меня бѣшенымъ человѣкомъ, когдабъ увидѣлъ, съ какимъ страхомъ идучи я, почти при всякой ступени назадъ оглядывался, и начиналъ бѣгать, будто бы имѣя у себя на пятахъ непрїятелей.

Послѣ того сталъ я отважнѣе, ходилъ на то мѣсто и вымѣрялъ ступень меня столь много испужавшую, нашелъ ее своей больше, а отъ того задрожалъ, будто бы отъ злой лихорад-

жи Наконецъ будучи точно увѣренъ, что у меня на острову были гости, побѣжалъ въ свое жилище.

Въ безпамятствѣ слѣдуя отъ страху развращенному уму своему, думалъ раззорить хуторы, и распустить скотъ свой, чтобъ дикіе нашедъ ихъ не могли дознаться, что на острову есть селеніе, перемѣняже старое свое жилище, выбрать безопаснѣйшее къ тому мѣсто, и срыть лѣтней домъ; словомъ, лишиться всѣхъ неизчислимыхъ и многихъ лѣтъ трудовъ своихъ.

Въ такихъ безпокойствахъ не находилъ уже больше того утѣшенія, какое я при таковыхъ обстоятельствахъ, обыкновенно полагаясь на святую Всевышшаго волю, въ себѣ чувствовалъ; душевное смущеніе, отъ ужасу происходящее, побуждало меня часто отъ сна возбуждаться. Въ крайней своей бѣдности почиталъ себя несчастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, а хотя въ 15 лѣтъ моего на острову житія не видалъ я ни одного человѣка, однакожъ всегда думалъ, что такой пріятной, плодоносной и не далеко отъ твердой земли лежащей островъ необходимо долженъ быть жителями оной или для прогулки, или по случаю великихъ вѣтровъ посѣщаемой.

Для

Для лучшей безопасности вздумалъ еще огородиться, и отступя нѣсколько шаговъ отъ стараго тына здѣлать въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣтъ съ 12 назадъ тому посадилъ въ два ряда реченныя росливыя деревья, новое укрѣпленіе, такъ часто, чтобъ сквозь оной человѣку и продратся было не можно.

Въ срединѣ стараго моего тына положены были всякіе корабельные брусья, старые канаты, щепы и тому подобной здоръ пересыпанной пескомъ. Въ немъ же здѣлалъ я пять сквозныхъ дыръ, а въ нихъ вложилъ свои ружья. Уступя отъ него небольшую площадь, дабы непріятель въ случаѣ нападенія не имѣлъ прикрытія, посадилъ въ сходство помянутаго своего намѣренія множество часторѣченныхъ деревъ, изъ коихъ чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ такая густая и непроходимая роща здѣлалась, что издали и догадаться не льзя, естьли за нею какое жилище: а хотя бы кому и удалось добраться до помянутой площади; то бы чрезъ тынъ за неимѣніемъ въ него дверей безъ потерянія жизни перевалиться было не можно, ибо выше сказано, что я ходилъ чрезъ оной посредствомъ двухъ лѣстницъ, кои

на

на немЪ не оставляя, бралЪ всегда внутрь своего укрѣпленія.

ТакимЪ образомЪ предпріималЪ я всѣ способы кЪ сохраненію жизни своей служащіе. А изЪ нижеслѣдующаго будетЪ видно, что сіе было не напрасно, хотя при семЪ случаѣ и произошло оно отЪ одного пустаго страха.

Между тѣмЪ имѣлЪ я попеченіе и о домашнихЪ своихЪ дѣлахЪ, а особливо о козьемЪ заводѣ, подающемЪ мнѣ вЪ нуждахЪ моихЪ не токмо великую прибыль, но и впредь надежду, что я помощію онаго могу наконецЪ и безЪ пороху обойтися; а изЪ того видно, сколь важна была для меня потеря оныхЪ, и сколь неосновательно то намѣреніе, что я ихЪ раззорить было вздумалЪ.

Сіе тогда познавши для лучшаго збереженія скота своего вздумалЪ рыть такія пещеры, вЪ кои бы ихЪ по ночамЪ загонять было можно. КЪ тому сыскалЪ я три, одно отЪ другова вЪ немаломЪ разстояніи находившіяся мѣста. ВЪ разныхЪ же мѣстахЪ рыть пещеры думалЪ для того, что есть ли дикимЪ случится найти и раззорить одинЪ заводЪ, то бы имѣть вЪ оставшихЪ способЪ кЪ награжденію учиненнаго ими убытка; а хотя то было

было и весьма трудно, однакожЪ надежно; но начавши рыть вспомнилЪ ту уединенную и густымЪ лѣсомЪ окруженную пустыню, гдѣ я во время перваго моего путешествія заблудился; и такЪ перевелЪ туда козЪ своихЪ, яко вЪ безопасное для нихЪ отЪ всѣхЪ чаемыхЪ нападеній по мѣстоположенію жилище.

ВотЪ сколько труда надѣлала мнѣ одна ступень человѣческая; отЪ нее цѣлые два года жилЪ я во всегдашнихЪ состояніе мое огорчающихЪ безпокойствахЪ. Душевныя смущенія препятствовали мнѣ сЪ искренностію отправлять мою набожность. Будучи вЪ непрерывномЪ страхѣ, ежеминутно ожидалЪ погибели своей, а отЪ того здѣлался со всѣмЪ кЪ молитвѣ неспособнымЪ; ибо молитва есть дѣйствіе души нашей, а отЪ страха происходящими болѣзньми зараженное тѣло порядочно мыслить ей препятствуетЪ.

По приведеніи выше сказаннымЪ порядкомЪ нѣкотораго числа скотовЪ моихЪ вЪ безопасность, здѣлался нѣсколько спокойнѣе. Но спокойство мое вдругЪ миновалось тогда, какЪ я прогуливаясь по берегу увидѣлЪ отЪ моего острова вЪ морѣ пловущую лодку; не имѣніемЪ при себѣ зрительной трубки

трубки не могъ видѣть, сколько на ней людей было. Сїе привело меня въ такой безпорядокъ, что не зналъ, что дѣлать; и въ крайней задумчивости будучи пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ разбросанныя въ кругъ уже погасающаго бывшаго великаго огня человѣческїя руки и прочїе до половины изжареные и оглоданные члены; словомъ, сїе позорище поразило меня такъ, какъ громовымъ ударомъ, а здѣланныя изъ земли въ кругъ огня лавки подали причину думать, что на семъ мѣстѣ дикїе торжествовали побѣду свою надъ непрїятелями.

Страхъ, ужасъ, гнѣвъ и ярость овладѣвши всѣми моими силами и безпрерывно духъ мой терзая, побуждали меня къ отмщенїю симъ людоѣдамъ. Я бы конечно на томъже мѣстѣ упалъ безъ памяти, естьлибъ истощенныя мои силы не обновились напоминовенїемъ собственной моей безопасности; и разсуждая, что можетъ быть изъ дикихъ на берегу еще осталось, опамятовался и побѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ поднявъ свои руки, и взирая на небо со слезами, уничиженнымъ сердцемъ благодарилъ Бога, что онъ произвелъ меня на свѣтъ тамъ, гдѣ жители не имѣютъ такихъ звѣрскихъ нравовъ.

По

По окончанїи сего возвратился въ свое жилище, и разсуждая, что сїи бѣдные люди прїѣзжаютъ ко мнѣ на островъ единственно для отправленїя своихъ пиршествъ, пересталъ ихъ бояться. Мнѣнїе сїе заключалъ я по большой части изъ того, что живучи 18 лѣтъ на острову, не видалъ изъ нихъ ни единаго человѣка. Между тѣмъ вперившееся въ мысли о Варварскомъ ихъ обыкновенїи отвращенїе, и предстоящая отъ нихъ опасность, побудили меня не выходить изъ моего владѣнїя. Чрезъ сїе разумѣю я домы свои и хуторы; я ужъ больше не прогуливался на своей лодкѣ, боясь, чтобъ дикїе меня пловущаго въ морѣ не увидѣли; послѣ того началъ выходить, однакожъ осторожнѣе прежняго, не стрѣлялъ больше изъ ружья, а ловилъ всегда дикихъ козъ, сберегая домашнихъ ямами и тому подобными способами; на бедрѣ носилъ большой ножъ, и голую шпагу, за поясомъ пару пистолетъ, а на плечѣ ружье.

Такимъ образомъ хотя и въ бѣднѣйшемъ состоянїи живучи, утѣшался, сравнивая жизнь свою съ житьемъ такихъ людей, кои несчастливѣе меня дни свои препровождаютъ, а помощїю сего сравненїя и находя жизнь ихъ горестнѣе

рестиѣе своей, чувствовалъ въ печаляхъ своихъ нѣкоторое облегченіе. И такъ отдавшись въ покровительство Всевышшаго, и имѣя въ хлѣбѣ излишество, наскучивши пить одну воду, вздумалъ сварить себѣ пиво; но сіе мнѣніе казалось мнѣ и самому, за неимѣніемъ необходимо нужныхъ къ тому вещей, весьма смѣшнымъ; однакожъ не смотря ни на что, думаю, чтобы конечно имѣлъ въ томъ доброй успѣхъ, потому что рѣдко отставалъ я не окончавъ своего намѣренія, при томъ же мѣшали мнѣ въ томъ тогдашніе мои замыслы; ибо денно и нощно думалъ, какъ бы во время пиршества напасть на дикихъ людей, и избавить отъ убіенія привезеннаго ими на съѣденіе человѣка; но все сіе оканчивалось безъ всякаго успѣху, ибо возможно ли было одному стоять противъ 30 вооруженныхъ дротиками, копьями и стрѣлами человѣкъ, изъ коихъ они столько же цѣльно били, сколько и я изъ ружья своего.

Иногда думалъ я здѣлать подъ тѣмъ мѣстомъ подкопъ, гдѣ они огонь разводили, насыпать его порохомъ; но не смѣлъ потерять его вдругъ такое множество; при томъ же и о дѣйствіи сего вымысла точно будучи не увѣренъ, разсуждалъ можетъ быть обозжетъ

жетъ имъ только однѣ рожи безъ всякаго вреда, и не причиня такого страха, которой бы побудилъ ихъ не безпокоить меня посѣщеніями своими. По уничтоженіи же сего намѣренія хотѣлъ залечь съ тремя ружьями въ закрытомъ мѣстѣ, и стрѣлять по нихъ въ самое то время, когда они пировать станутъ, надѣясь каждымъ выстрѣломъ убить или ранить человѣка по три, а потомъ, хотя ихъ и много останется, не давъ имъ время отъ выстрѣловъ опамятоваться, напасть съ пистолетами и саблею. Для сего осматривалъ мѣсто обыкновеннаго ихъ пристанища, и нашелъ удобную къ тому ущелину. Въ ней могъ безъ опасности ожидать ихъ прибытія, при томъ же была она прикрыта густымъ лѣсомъ, а изъ за суковатыхъ деревъ онаго могъ по нихъ стрѣлять безъ всякой ошибки.

Къ сему отмщенію не мало побуждали меня разбросанныя по берегу съѣденныхъ людей кости; казалось, будто бы они просили себѣ отмщенія, и такъ осмотрѣвши помянутое мѣсто и ни мало не мѣшкавъ пошелъ въ свой замокъ, и зарядилъ свои ружья и пистолеты картечами; и приготовясь къ бою, ходилъ всякой день на обсерваторію свою [симъ именемъ называю я близъ

моего замка лежащую высокую гору] два мѣсяца съ ряду ; но не видавъ въ морѣ ни одной лодки, принужденъ былъ сіе оставить ; а наконецъ трудность сего безсмѣннаго караула и медлѣнность прибытія дикихъ, дали мнѣ время принять сіе дѣло въ здравое разсужденіе. Какую власть и какое званіе я имѣю, говорилъ я самъ себѣ, чтобъ наказывать такихъ людей , кои нѣсколько вѣковъ съ ряду , слѣдуя обыкновенію предковъ своихъ , другъ друга караютъ ? какое право имѣю я имъ отмщать за то , что они проливаютъ кровь непріятелей своихъ ?

Правда , что сія ихъ поступка есть безчеловѣчна , однакожъ за что лишать мнѣ жизни тѣхъ, кои меня никогда не обижали? и по тому бить ихъ мнѣ столько же непозволительно, сколько оправдать не можно варварство народа , истребившаго великое множество Американцовъ , хотя и идолопоклонниковъ и людоѣдовъ , однакожъ въ разсужденіи обычаевъ своихъ предъ ними неповинныхъ и имъ ни малаго вреда непричинившихъ , почему онъ нынѣ и самъ признается , что учиненнаго сего предками его всеобщаго истребленія , какъ предъ Богомъ, такъ и предъ свѣтомъ оправдать не возможно , а отъ того здѣ-

лалось оно не токмо у Американцовъ , но и у всѣхъ благонравныхъ народовъ такъ противнымъ, что многимъ въ мысли вперилось , яко бы въ отечествѣ онаго родятся люди, ни жалости, ни человѣколюбія , также и никакихъ другихъ свойствъ украшающихъ великодушнаго мужа неимущіе.

Си и тому подобныя разсужденія утоляли мою ярость, чего ради я сталъ отставать отъ своего караула , и почиталъ предріятіе свое только въ такомъ случаѣ позволительнымъ , когда дикіе сами начинщики ссоры здѣлаются ; могло же и то статься, представлялось мнѣ тогда , что предпріятіе мое, клонящееся на убіеніе сихъ варваровъ, вмѣсто желаемаго дѣйствія получилобъ злой успѣхъ , а особливо когда одинъ дикой спасшись прибылъ бы въ отечество свое , и отмщая смерть земляковъ своихъ привелъ ко мнѣ ихъ великое множество; тогда бы уже бѣдному Робинзону отъ нихъ спрятаться было нѣгдѣ И такъ благоразумная политика требовала не вступать съ ними ни въ какое дѣло , и для того весьма тому радовался , что мнѣ въ первой моей ярости не удалось увидѣть дикихъ , и оставя сіе здравымъ разсужденіемъ опровერженное дѣло просилъ Бога о вспоможеніи

моженіи въ томъ случаѣ, когда на меня варвары учинятъ нападеніе.

Въ такихъ мысляхъ жилъ я еще цѣлой годъ, а дабы не получить къ отмщенію поощренія не ходилъ и на обсерваторію свою. Лодку свою поставилъ между горъ въ Сѣверной сторонѣ острова, отъ коихъ всегдашнее теченіе не допустилобъ дикихъ пристать къ сему мѣсту. Ходилъ только для исправленія крайнихъ своихъ нуждъ, а между тѣмъ людоѣды островъ мой безпрестанно посѣщали. Въ одно время идучи въ свой хуторъ пришло мнѣ на умъ, что ябы конечно пропалъ, естьлибъ меня дикіе по острову безъ всякой осторожности съ однимъ да и то дробью заряженнымъ ружьемъ бродящаго увидѣли; чтобъ тогда дѣлать, естьлибъ вмѣсто слѣдовъ нашелъ бы ихъ человѣкъ 20, кои бы меня по несказанной своей въ бѣгу скорости тотчасъ поимали? Дрожалъ, вспоминая сіи прешедшія опасности, чѣмъ бы сталъ обороняться, да вдругъ бы и способа къ тому не вздумалъ; а хотя въ развращеніи своемъ и принялся бы за что ни будь, то было либъ оно столь обстоятельно, какъ я то нынѣ по взятіи всей предосторожности учинить могу.

Со-

Соединеніе всѣхъ сихъ обстоятельствъ побудило меня познавать попеченіе Всевышшаго о своемъ созданіи, а особливо когда представилъ себѣ притомъ, сколь часто избавлялся я и тогда отъ смерти, когда она мнѣ неминуемою быть казалась. Примѣчаю же и то, что иногда предпринимая по виду доброе и полезное, существенно намъ злое дѣло, ощущаемъ въ себѣ отъ него нѣкоторое и намъ самимъ неизвѣстное отвращеніе, часто и въ то самое время, когда наружнымъ его видомъ будучи обмануты, почитаемъ его для себя весьма полезнымъ, а между тѣмъ отвращеніе сіе подаетъ намъ время и способъ къ открытію притворнымъ его блескомъ ослѣпленныхъ очей нашихъ, по чему наведенную на насъ дремоту благоразуміемъ прогоняя, и будто бы отъ сна возбуждаясь познаемъ заблужденіе свое, въ несказанную пропасть насъ ввергнуть стремящееся, изъ коей сильною рукою Создателя нашего извлечены будучи съ презрѣніемъ на нее смотря, въ священное восхищеніе приводящемъ удивленіи признаться принужденными себя находимъ, сколь велика есть справедливость Божія, избавляющая насъ отъ бѣдъ нашихъ, а изъ того слѣдуетъ, что во всѣхъ нашихъ несчастіяхъ на

Него

Него единаго упованіе свое имѣть должны.

Но несмотря на то, что я въ томъ столь много былъ увѣренъ, тогдашнее мое безпокойство нарушало всю порядочно веденную мною жизнь мою; не смѣлъ больше и дровъ рубить, дабы дикіе не услышали топорнаго стуку, также и не осмѣливался стрѣлять изъ ружья; будучи же въ крайнемъ стражѣ, опасался разводить огонь, дабы восходящей дымъ не показалъ имъ моего жилища. Для сего все, чего безъ огня здѣлать было не можно, перенесъ я въ новую свою пещеру, которую нашелъ я чуднымъ образомъ въ густомъ лѣсу по случаю, когда я жегъ себѣ тамъ уголья. Способъ выдуманной, чтобъ при вареніи пищи и печеніи хлѣбовъ дыму не было, и увидя подземной ходъ, влѣзъ въ пещеру сперва изъ одного только любопытства.

Но сколь скоро лишъ вошелъ внутрь оной, то увидя два свѣтящіеся глаза, и въ мысляхъ будучи, что то діаволъ, испужался такъ, что на силу изъ оной назадъ вышелъ. Но по нѣкоторомъ разсужденіи опамятовавшись упрекалъ себя слабостію своею, что живучи 20 лѣтъ въ пустынѣ, и имѣя предъ собою ужаснѣе діавольскаго вида опасности, еще

еще его боюся. И такъ схватя свѣтящееся гнилое дерево, не давъ время страху овладѣть разумомъ, полѣзъ въ пещеру вторично; тамъ услышалъ я стонъ, якобы съ жалостнымъ воздыханіемъ нѣкоторыя слова выговаривающей голосъ. Слыша сіе пролилъ холодной потъ по всему моему тѣлу, и думаю, что естьлибъ тогда имѣлъ на головѣ шапку, то бы поднявшіеся волосы збросили ее на землю. Воображая же себѣ, что хотя бы то былъ и дѣйствительно діаволъ, однакожъ Богъ вездѣ присутствуя защититъ меня отъ всѣхъ его искушеній, и съ несказанною отвагою подшедъ къ тому мѣсту, откуда происходилъ голосъ, увидѣлъ, что лежитъ чрезвычайной величины козелъ, послѣднимъ издыханіемъ жизнь свою оканчивающій.

Толкнувъ ногою хотѣлъ его вонъ выгнать, а онъ хотя и поднимался, однакожъ былъ столько слабъ, что и ноги не могъ поднять, и для того оставилъ я его на томъ же мѣстѣ, въ мысляхъ будучи: естьли дикому случится войти въ пещеру, то и онъ сего козла столько же испужается, сколько и меня сія тварь привела въ ужасъ, а отъ того ему въ пещерѣ и быть не захочется.

Доволствуясь симъ, и оглядываясь на всѣ стороны, увидѣлъ пещеру свою узкою, и порядочнаго расположенія неимущею. Въ сторонѣ открылась еще щель, коею по виду можно было войти въ другую близъ первой находящуюся пещеружъ; но я оставилъ сіе предпріятіе до того, пока у меня огонь будетъ; и такъ на другой день ходилъ въ пещеру съ шестью лампадами, и пролѣзши аршинъ десять, нашелъ другую первой гораздо пространнѣе, а вышиною футовъ до дватцати. Могу сказать, что сіе мѣсто на всемъ острову было лучшее, и смотрѣнія достойнѣйшее. Свѣтъ отъ лампадъ ударяясь въ находящіеся въ стѣнахъ камни, дѣлалъ множество различныхъ лучей, помощію которыхъ освѣщалась вся пещера. Сперва не знавъ тому причины почиталъ ихъ алмазами, но на конецъ увидѣлъ, что сіе происходитъ отъ золотова въ горѣ находившагося песку.

Я назвалъ сію пещеру гротомъ. Полъ былъ въ ней гладкой и сухой испещренной цвѣтными каменьями, лучшее же то, что не было въ ней никакой ядовитой гадины и противнаго духа. Весьма радовался я сей своей находкѣ, и потому намѣрился перенести въ нее все свое имѣніе, а особливо военные снаряды и прочее, и въ тотъ же день по

приходѣ въ замокъ открылъ боченокъ съ помоченнымъ порохомъ отъ вшедшей въ него воды; порохъ сѣлся въ боченкѣ пальца на три такъ, какъ камень, сухова же и къ употребленію годнаго нашелъ я въ срединѣ онаго фунтовъ со сто. Все сіе перенесъ я въ новое свое жилище, оставя въ старомъ только то, что для защищенія моего необходимо нужно было.

Тогда могъ я сравнять себя съ старинными гигантами, жившими въ неприступныхъ горахъ и въ ущелинахъ оныхъ, а при томъ былъ внѣ опасности, что дикіе на меня въ пещерѣ напасть не осмѣлятся.

Помянутой старой козелъ умеръ на другой день, какъ я нашелъ пещеру, гдѣ я ему не вытаскивая его и учинилъ погребеніе. Тогда уже былъ 23 годъ моего на острову пребыванія, и такъ привыкъ къ уединенной жизни, что естьлибъ не боялся дикихъ людей нападенія, то бы конечно на ономъ жить и въ моей пещерѣ близъ стараго козла и въ гробъ лечь не отказался. Я выучилъ говорить попугая, какъ о томъ уже и выше сказывалъ, и разговоръ его утѣшалъ меня 20 лѣтъ съ ряду, по прошествіи которыхъ пропалъ онъ у меня безвѣстно. Въ Бразиліи говорятъ, будто бы сія птица живетъ по сту лѣтъ,

и естьли то правда, то онъ и теперь летая со своими товарищами называетъ по обыкновенію своему именемъ беднаго Робинзона Круза. Сабака моя, живши 15 летъ, умерла отъ старости. А кошки такъ расплодились, что я боясь, чтобъ они всей моей провизіи не поели, началъ ихъ бить; а отъ всегдашняго моего на нихъ гоненія, убрались оне въ лесъ, и тамъ одичали; изъ нихъ оставилъ я себе одну пару, а котятъ ихъ бросалъ всегда въ воду.

Впрочемъ число домашнихъ моихъ состояло еще въ двухъ козахъ пріученныхъ жить въ моемъ замке, двухъ попугаяхъ, имя мое весьма ясно выговаривающихъ, въ морскихъ птицахъ, а какъ ихъ назвать, не знаю. Сперьва поималъ я ихъ на взморье одну пару, и подрезалъ имъ крылья, а после развелось ихъ у меня великое множество; они жили и клали яица въ посаженномъ въ кругъ моего замка лесу, детей и яица употреблялъ я въ свою пищу. А изъ того следуетъ, что жизнь моя была весьма покойная, естьлибъ меня дикіе не безпокоили.

Но судьба управляющая нашими делами, определяетъ по своей, а не по нашей воле, и делаетъ часто, что самое то, чего мы по крайней возможно-сти

сти убегаемъ, и кое намъ наипротивнейшимъ быть кажется, бываетъ нашимъ изравленіемъ и единственнымъ способомъ ко окончанію несчастій нашихъ, какъ то при семъ случае со мною случилось.

Во время обыкновенной моей жатвы, то есть въ Декабре месяце, будучи принужденъ быть всегда въ поле, вставши по утру еще до солнечнаго всхода, увиделъ на берегу отъ моего жилища на полмилю отстоящемъ раскладенной небольшей огонь. Удивленіе мое было несказанно для того, что онъ былъ не въ той стороне, къ которой обыкновенно дикіе приставали: испуеавшись я побежалъ въ свой замокъ, да и тамъ находился въ великомъ безпокойстве. Еще нежжатая моя рожь могла показать дикимъ, что островъ населенъ людьми, и для того началъ приготовляться къ обороне; зарядилъ свои пистолеты и всю свою артиллерію, намерясь драться до последняго издыханія; въ такомъ порядке ожидалъ непріятеля два часа. Между темъ хотелось мне знать, что они делаютъ, но такъ ихъ боялся, что не смелъ и показаться изъ пещеры. Наконецъ отважился взойти на гору, и легши на брюхо, смотрелъ въ зрительную трубку, что делаютъ

ютъ дикіе, и увидѣлъ о человѣкъ въ кругѣ огня сидящихъ, и въ рукахъ части человѣческаго тѣла держащихъ.

Лодки, на коихъ они пріѣхали, вытащены были на берегъ, а все сіе происходило во время прилива; сколь же скоро вода убывать стала, то бросившись въ суда свои гребли съ несказанною прилѣжностію. При отъѣздѣ своемъ и по окончаніи своего пира плясали они вкругъ огня; а былиль между ими женщины, того за дальностію примѣтить никакъ было не можно. Я изъ всего вышеписаннаго заключилъ, что во время отлива по острову можно было ходить безъ всякой опасности.

По отбытіи ихъ въ море вышелъ я изъ своего замка, имѣя на плечахъ по ружью, а за поясомъ пистолетъ пару, да еще длинную саблю, и взошедъ на ту гору, съ которой я таковое безчеловѣчное пиршество ихъ видѣлъ, усмотрѣлъ близь берега три стоящія лодки, кои пользуясь отливомъ до твердой земли добраться спѣшили.

Лежащіе по берегу безчеловѣчные звѣрскаго ихъ обыкновенія оставшіеся знаки возбудили во мнѣ смѣшенную съ омерзѣніемъ къ сему народу ярость, что презрѣвъ ихъ многолюдство, положилъ учинить на нихъ при первомъ слу-

случаѣ нападеніе; чтобы и предпріялъ самымъ дѣломъ, естьлибъ они тогда, когда я былъ на нихъ сердитъ, островъ мой посѣтили: но справедливой гнѣвъ Робинзона Круза оставался безъ всякаго дѣйствія за тѣмъ больше, что послѣ сего года съ полтора къ тому и знаку не было, чтобъ дикіе къ острову приставали.

Между тѣмъ ежедневно думалъ о способахъ къ нападенію на дикихъ служащихъ. Выгоднымъ случаемъ почиталъ я для себя то, когда они по пріѣздѣ своемъ по берегу разбѣгутся, какъ то они въ послѣдней разъ бытія своего на острову здѣлали: но всѣ сіи намѣренія уничтожались тѣмъ, что я начинаю проливать безвинно кровь человѣческую. Правда, что я бы и безъ кровопролитія могъ всѣхъ дикихъ однимъ только ружейнымъ выстрѣломъ обратить въ бѣгство; но сіе бы побудило ихъ пріѣхать ко мнѣ въ великомъ множествѣ, а тогда чего бы мнѣ отъ безчеловѣчія ихъ ожидать было должно. По счастію не видалъ я ихъ послѣ того до Маія мѣсяца, въ которое время, то есть въ 24 годъ уединенной моей на острову жизни, имѣлъ я съ ними чудной бой, о коемъ упомяну я ниже сего.

Въ

Въ сїе время препровождалъ я дни свои въ великомъ безпокойствѣ, ужасные сны не давали и по ночамъ покою. Тогда же такъ какъ въ половинѣ Маїя по моему счету, случилась великая буря съ громомъ и молнїею; я читая библїю, и разсуждая о прочитанномъ мною, услышалъ пушечной выстрѣлъ, вскоча по лѣстницамъ на верьхъ обсерваторїи своей увидѣлъ огонь, а послѣ услышалъ выстрѣлъ; чрезъ полминуты слѣдовалъ еще другой къ той сторонѣ, гдѣ выбросило на берегъ нашу шлюпку.

Пушечные выстрѣлы побудили меня думать, что конечно какой нибудь корабль, будучи въ крайности, проситъ вспоможенїя; а хотя я былъ и не въ состоянїи помочь погибающимъ, однакожъ натаскавши на обсерваторїю множество сухихъ деревъ, кои не смотря на бывшей тогда великой дождь такъ разгорѣлись, что онъ и на караблѣ былъ виденъ; и въ самомъ дѣлѣ, сколь скоро огонь пришелъ въ силу, то я услышалъ еще пушечные выстрѣлы, для чего разводилъ огонь свой еще больше. Я думалъ, что находившїеся на караблѣ люди увидѣвши огонь, будутъ держать къ оному; а прибытїемъ своимъ подадутъ мнѣ способъ

избавиться уединенїя моего, но по несчастїю ни одинъ изъ нихъ не приставалъ къ моему острову, и до послѣднихъ временъ моего на немъ жительства не могъ я узнать, спасся ли изъ нихъ кто ни будь или нѣтъ, а только послѣ нашелъ одно выкинутое на берегъ мертвое тѣло въ матросскомъ платьѣ, по которому и дознаться было не можно, какой онъ былъ нацїи; въ карманахъ нашелъ я два осмака да курительную трубку, да съ него снялъ бѣлую рубашку, да старыя штаны; рубашка и трубка были мнѣ всего милѣе.

Какъ разсвѣтало, и воздухъ прочистился, то увидѣлъ къ полуночной сторонѣ острова на берегу нѣчто высокое на одномъ мѣстѣ стоящее; а по приходѣ туда къ крайнему сожалѣнїю усмотрѣлъ стоящей между камней корабельной корпусъ, чего ради не мѣшкавъ ни мало возвратился въ свой замокъ, и снабдившись изъ онаго нужною провизїею и военною аммуницїею, прося Бога о благословенїи моего предпрїятїя, отправился на своемъ суднѣ въ море. Теченїе, которое меня во время первой моей поѣздки отнесло отъ острова, и страхъ о предстоящей смерти побудилъ меня по выходѣ изъ него возвратиться

тится на островъ, и оставить свое намѣренїе. На берегу между страхомъ и желанїемъ подъ тѣнью густаго дерева сидя, не зналъ, что начать, и такъ въ задумчивости своей пробылъ до начавшагося прилива, во время котораго того и учинить уже было не возможно.

Между тѣмъ усмотрѣлъ, что теченїемъ во время отлива несетъ все къ той сторонѣ, откуда во время прилива оное къ берегу острова приноситъ, и такъ, какъ я уже выше сказывалъ, можно было во время отлива отходить, а при приливѣ воды на островъ назадъ возвращаться. Чего ради по переночеванїи въ лодкѣ, на другой день пользуясь отливомъ, держа къ Сѣверу, вошелъ въ теченїе, которое понесло меня отъ острова съ такою силою, что и руль мой, хотя онъ былъ и весьма исправной, ни мало не дѣйствовалъ; почему чрезъ два часа принесло меня прямо къ разбитому кораблю.

Корабль по строенїю своему казался быть Ишпанскимъ, и сидѣлъ какъ въ кляпахъ между двухъ камней. Борты, корма, фокъ и гротъ мачты переломаны; цѣлой же и стоящей почти весь наружѣ былъ только одинъ его носъ, на немъ стояла собака, которая сколь

скоро я ее къ себѣ кликнулъ, тотчасъ скочила въ воду. Она была съ голоду и жажды такъ, какъ полумертвая; я далъ ей кусокъ хлѣба, а она проглотила его подобно такому волку, которой недѣли двѣ въ берлогѣ лежалъ голодной; а водою бы, естьлибъ я не отнялъ, конечно опилася.

По входѣ на корабль увидѣлъ двухъ человѣкъ мертвыхъ, схватившихся другъ за друга конечно тогда, какъ вода корабль вдругъ затопивши не дала имъ времени на верьхъ выскочить. Кромѣ собаки не было на немъ ни одной живой твари, а грузъ также весь подмоченъ. Между тѣмъ усмотрѣлъ я двѣ бочки съ водкою, однакожъ такїя тяжелыя, что и приподнять ихъ никоимъ образомъ было не можно, и множество сундуковъ, изъ коихъ два, не разсматривая ихъ, опустилъ въ свою лодку. По найденнымъ же послѣ въ нихъ богатствамъ разсуждалъ, что корабль былъ съ богатымъ грузомъ, и шелъ конечно въ западную часть Америки, а оттуда въ Гавану, а изъ Гаваны въ Ишпанїю.

Еще нашелъ я въ кораблѣ боченокъ съ конфектами, ружья и большей рогъ съ порохомъ; порохъ взялъ я съ собою, а ружья бросилъ, для того что у ме-

я уже часто о томъ напоминалъ, была причиною, что я, презрѣвъ всѣ опасности, поѣхалъ въ Гвинею за Арапами, коихъ бы мнѣ торгующїе ими люди сами въ Бразилїю привезли; а хотя бы я и принужденъ былъ за нихъ платить и дороже, но въ разсужденїи, что поѣздкою своею въ Африку подвергалъ я жизнь свою всѣ богатства свѣта превосходящую крайнимъ опасностямъ: что сїе не инако какъ глупою отвагою назваться должно.

Ошибки отъ скорости происходящїя могутъ быть молодости, а не совершенныхъ лѣтъ человѣку простительны, для того больше, что послѣдней, а особливо бывшей въ несчастїи долженъ о прешедшихъ своихъ отъ оной случившихся проступкахъ, разсуждать по правиламъ собственною своею бѣдою прїобрѣтеннымъ, кои должны его наставлять на путь непоколебимаго *постоянства*. А хотя въ томъ и всякой признаться долженъ, что легче давать наставленїя, нежели исправлять самаго себя; причинажъ тому та, думаю, что мы не такъ видимъ собственные свои пороки, и изъ того слѣдуетъ, что человѣкъ, заимствуя отъ другихъ полезные для исправленїя своего совѣты, долженъ жить въ обществѣ; однакожъ

кожъ я, презрѣвъ сїю регулу, слѣдовалъ своему упрямству, и отъ того здѣлался несчастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.

Такимъ образомъ разсуждалъ я о своей проступкѣ единственно отъ скорости и неумѣренной къ мореплаванїю охотѣ произшедшей; а дабы остатки исторїи моей читателю увеселительнѣе были, то не непристойно, думаю, будетъ, естьли я опишу всѣ смѣшныя мои намѣренїя, предпрїемлемыя къ своему съ острова выходу; такожъ когда и тѣ причины упомяну, которыя меня къ тому побуждали: Представьте меня вы себѣ живущаго въ моемъ уединенїи и имѣющаго лодку, состоянїемъ же своимъ и по поѣздкѣ и по привезенїи помянутаго золота неразбогатившагося; а хотя сокровище мое и прибавилось, однакожъ золото было мнѣ столько же нужно, сколько въ томъ Перуанскимъ жителямъ до приходу къ нимъ Ишпанцовъ надобности находилось.

Въ нѣкоторую ночь мѣсяца Марта 24 года уединенной моей жизни, лежа на постелѣ тѣломъ и духомъ здоровой, не могъ заснуть; а по многихъ разсужденїяхъ остановился, разсматривая прешедшую жизнь свою; отъ того

дошелъ

дошелъ до времени прибытія моего на островъ, и сравнивая первые годы ссылки моей съ тѣми, кои препроводилъ я въ страхѣ, безпокойствѣ и осторожности; а сіи съ тѣмъ временемъ, въ которое увидѣлъ я на пескѣ ступень человѣческую, и не имѣя сомнѣнія, что дикіе какъ прежде такъ и послѣ того на островъ мой пріѣзжали, разсматривалъ прешедшія свои опасности, коимъ подверженъ я былъ нѣсколько лѣтъ посреди моего покоя, а по всѣмъ обстоятельствамъ принужденъ былъ признаться, что меня не инако какъ самъ Богъ скрывалъ отъ сихъ людоѣдовъ, кои бы конечно съѣсть меня и за грѣхъ почитать не стали, равно какъ и мы за грѣхъ не считаемъ ѣсть убитаго руками своими скота. Сіе напоминовеніе прешедшихъ опасностей побудило меня точно познавать, что я единственнымъ его покровительствомъ избавленъ отъ таковыхъ тогда мнѣ неизвѣстныхъ бѣдъ.

Но не могъ понять, отъ чего здѣлались сіи народы людоѣдами, и слѣдуютъ такой и звѣрскую лютость превосходящей чрезвычайности, кои, какъ бы они голодны ни были, рода своего скотовъ ѣсть не дерзаютъ; не зналъ, какъ далеко они живутъ отъ моего

моего острова, по какому случаю ко мнѣ пріѣжжаютъ, и какова строенія суда ихъ, и не могу ли я къ нимъ на своей лодкѣ ѣхать такъ, какъ и они ко мнѣ пріѣзжали; а хотя мнѣ по видимому не попавшись въ ихъ руки моремъ и проѣхать было не можно, а при томъ и то не извѣстно, какую я тамъ себѣ пищу найду, однакожъ мнѣ весьма хотѣлось побывать на матерой землѣ; и почитая состояніе свое бѣднѣйшимъ и хуждьшимъ въ свѣтѣ, и не имѣя способовъ къ перемѣнѣ онаго въ лучшее, выключая одной смерти, не имѣлъ нужды и щадить жизни своей; ласкаясь же надеждою найти на матеромъ кряжѣ Европейскія селенія, или какъ въ Африкѣ случилось, пловущей по морю корабль, вздумалъ окончить бѣдность свою съ жизнію, и помощію своей отваги, или жить счастливо, или умереть скоряе

Ужасное сіе предпріятіе было дѣйствіемъ моего отъ природы безпокойнаго, а при томъ продолжительнымъ бѣдъ терпѣніемъ въ отчаяніе приведеннаго духа, а особливо, что обманувшись въ надеждѣ своей найти на Ишпанскомъ караблѣ живаго человѣка, которой бы могъ меня по крайней мѣрѣ увѣдомить, гдѣ находится мой островъ;

 по чему

то чему бы и сталъ я располагать, какъ бы изъ него вышли. Желанiе сiе тѣмъ больше возбудясь, не давало мнѣ ни на часъ покою. Словомъ сказать: охота къ странствованiю, разумомъ и мною играя, лишала меня часто всѣхъ чувствъ моихъ.

Кто въ чемъ упражняется, то ему большею частiю и во снѣ кажется. Есть правила, по которымъ о причинѣ сновъ разсуждать можно, но со мною здѣлалось со всѣмъ отмѣнное. Мнѣ видѣлось во снѣ то, о чемъ я и въ жизни моей никогда не думалъ. Казалось, будто бы я вышедъ утромъ изъ замка моего, вижу у берегу острова своего стоящiя двѣ лодки, изъ коихъ вышли 11 человѣкъ дикихъ съ однимъ узникомъ на съѣденiе ими привезеннымъ. Сей по ихъ оплошности вырвавшись у нихъ изъ рукъ, побѣжалъ къ моему жилищу, и притаился отъ непрiятелей своихъ въ находящемся около онаго густомъ лѣсу. Яжъ видя его бѣгущаго, и ни кѣмъ непреслѣдуемаго, вышелъ изъ лѣсу, и посмотря на него съ улыбкою, ободрялъ, чтобъ онъ меня не боялся; потомъ ввелъ его въ свой замокъ по лѣстницамъ. Не столько былъ я радъ человѣку, сколько тому, что онъ будучи Американецъ, и о всѣхъ вкругъ моего

моего

моего острова находящихся мѣстахъ свѣдомъ, поможетъ мнѣ проѣхать къ Европейскимъ селенiямъ безопасною дорогою.

Сей сонъ, причиня мнѣ мечтою несказанную радость, произвелъ во мнѣ такое мнѣнiе, что для предпрiемлемаго моего въ Христiанскiя селенiя пути необходимо должно мнѣ поймать дикова человѣка, а особливо такого, коего бы избавя отъ смерти, тѣмъ себѣ жизнiю обязаннымъ, а чрезъ то вѣрнымъ здѣлать; но для такова должно было побить всѣхъ, кои его привезутъ съ собою Могло же сiе отважное дѣло и не удаться, а притомъ пролитiе крови въ разсужденiи меня неповинныхъ людей было не оправдаемо. Наконецъ взявъ въ разсужденiе, что естьли дикiе меня поймаютъ, то конечно живаго не оставятъ, думалъ, для чего бы и мнѣ не позволительно было предупредить непрiятелей своихъ. Такими разсужденiями оправдая свое предпрiятiе, началъ почитать его для собственной своей безопасности необходимымъ. Побудительная же къ тому и особливая причина была, что надѣялся избавиться симъ способомъ уединенной своей жизни; и для того презрѣвъ всѣ удерживающiе меня отъ того важные резоны,

Н 5

зоны и собственную свою опасность, положилъ стараться, какъ бы то ни было, захватить какова нибудь дикова.

Для сего ежедневно посѣщалъ обсерваторїю свою; а хотя дикїе островъ мой и часто посѣщали, однакожъ мнѣ не удалось ихъ видѣть цѣлые полтора года. Крайне хотѣлось имѣть мнѣ съ ними дѣло, и сколь ни мало было прежнее старанїе мое, чтобъ отъ нихъ удалиться, столь велико ощущалъ я въ себѣ нынѣ желанїе, чтобъ съ ними повидаться; такъ былъ храбръ и на себя надеженъ, что думалъ быть въ состоянїи захватить ихъ въ полонъ цѣлое капральство.

А какъ спустя послѣ того долгое время, и взошедъ по обыкновенїю на обсерваторїю, увидѣлъ у берегу стоящихъ шесть лодокъ; и хотя мнѣ дикихъ было и не видно, однако я зналъ, что они обыкновенно прїѣзжаютъ въ лодкѣ по шести человѣкъ; то многолюдство ихъ уничтожило все мое предпрїятїе: ибо одному съ тритцатью шестью человѣками управиться никоимъ образомъ было не можно, однакожъ я началъ приготовляться къ бою, и положа ружье свое у лѣстницы увидѣлъ, что они собравшись пляшутъ вкругъ разведеннаго для пиршества своего огня, а по томъ вышли изъ кругу

гу пять человѣкъ, и вытащили изъ лодки двухъ плѣнныхъ, изъ коихъ одинъ тотчасъ упалъ на землю, конечно ими зарѣзанъ будучи, а другой, пользуясь неосторожностїю злодѣевъ своихъ, вырвавшись у нихъ изъ рукъ, побѣжалъ по взморью прямо къ моему жилищу.

Яжъ видя его къ замку своему бѣгущаго, весьма испужался отъ того больше, что мнѣ казалось, будто бы за нимъ и всѣ его непрїятели гнались: но вспомня сонъ свой, и почитая его предвѣщанїемъ будущаго, а особливо, что бѣглецъ ищетъ въ немъ своего убѣжища, ободрясь, ожидалъ точнаго исполненїя онаго. Страхъ мой умалился тѣмъ больше, что погнались за нимъ только три человѣка: однакожъ я почиталъ его пропавшимъ за тѣмъ, что на дорогѣ, коею ему ко мнѣ бѣжать было должно, находился небольшей проливъ, при которомъ, думалъ я, онъ конечно къ нимъ въ руки попадется: но бѣгущей прибѣжавши къ нему бросился въ воду, и тотъ часъ переплывши побѣжалъ въ лѣсъ; изъ непрїятелей его поплыло за нимъ только двое, а третей возвратился къ своимъ товарищамъ.

Я видя сїе сошелъ тотчасъ съ горы, и показывалъ знаки бѣгущему, чтобъ онъ меня не боялся. Между тѣмъ бѣжалъ мимо меня непрїятель его, коего я изъ за дерева, гдѣ онъ и примѣтить меня не могъ, сшибъ съ ногъ дуломъ; а какъ товарищъ его началъ на меня напрягать лукъ свой, то хотя мнѣ того и не хотѣлось, дабы стукомъ не подать подозрѣнїя прочимъ дикимъ, убилъ его изъ ружья своего.

Бѣгущей, столько же меня, а особливо слыша ружейной выстрѣлъ, испужался сколько и непрїятелей своихъ боялся, дрожалъ стоя неподвиженъ на одномъ мѣстѣ, а по приходѣ въ чувство думалъ бѣжать въ лѣсъ: но видя, что я его къ себѣ зову, идучи ко мнѣ почти при всякомъ шагѣ припадалъ на колѣни, показывая своимъ видомъ, что онъ меня крайне боится. По томъ поклоняся, цѣловалъ землю. Взявъ же мою ногу, положилъ ее къ себѣ на голову, чиня чрезъ то въ вѣрности присягу, и обѣщанїе служить мнѣ вѣрно до самаго того времени, какъ онъ въ землю возвратится. Ямъ взирая на него, и ободряя его прїятнымъ лицемъ, началъ было его лобызать, какъ вдругъ принужденъ былъ сїе оставить, за тѣмъ, что ударенной мною дикой, будучи только тѣмъ оглушенъ, а не убитъ, опамятовавшись началъ вооружаться. А какъ я показалъ то новому слугѣ своему, то онъ выговоря нѣсколько словъ, кои, хотя я ихъ и не разумѣлъ, были мнѣ весьма прїятны, схватя мою саблю и отрубя дикому голову, принесъ ее, и положилъ и съ лукомъ и съ стрѣлами непрїятеля своего предъ моими ногами; а самъ въ знакъ побѣды дѣлалъ вкругъ меня разныя смѣшныя тѣлодвиженїя. По томъ осматривалъ онъ тѣло застрѣленнаго мною человѣка, и заглядывая въ рану, гдѣ попала пуля, дивился тому, какъ я могъ его убить издали, не подымая рукъ своихъ; а я приказалъ ему, зарывши убитыхъ, итти за собою, что онъ тотчасъ исправя, пошелъ за мною со всякою охотою.

Я отведши его въ гродъ, далъ ему кисть винограду и воды, въ которой имѣлъ онъ больше нежели въ пищѣ нужды, и показавъ постелю далъ ему знакъ, чтобъ онъ легъ отдохнуть; а самъ пошелъ доить козъ своихъ.

Сей отъ смерти избавленной мною человѣкъ былъ ростомъ высокъ, плотенъ, и казался лѣтъ дватцати пяти; члены всѣ показывали твердость и крѣпость его тѣла; видъ имѣлъ мужественной и заключающей въ себѣ

себѣ нѣкоторую пріятность; волосы продолговатые и черные, лобъ высокой; а глаза проницательные, тѣло желтоватое, однакожъ безъ всякаго отвратительнаго цвѣта, какой имѣютъ обыкновенно Бразильскіе и Виргинскіе жители; лице круглое, носъ длинноватой, зубы частые и бѣлые, а ротъ умѣренной.

Онъ подремавши съ полчаса на постелѣ, и вышедъ ко мнѣ бросился предо мною на колѣни, и со всѣми знаками искренности, полагая на голову свою одну изъ ногъ моихъ, возобновилъ учиненную мнѣ прежде сего присягу вѣрности. Словомъ: изъ всѣхъ его поступокъ видно было, сколь усердно онъ мнѣ служить намѣренъ, и для того старался я всячески показать ему удовольствіе мое. Въ память того дня, въ которой онъ избавленъ отъ смерти, я назвалъ его Пятницею, а себя училъ звать господиномъ; такожъ показалъ ему, какъ я ѣмъ молоко, а онъ отвѣдавши оное, и нашедъ его вкусу своему непротивнымъ, во всемъ мнѣ послѣдовалъ.

По переночеваніи съ нимъ въ гротѣ, повелъ его въ свой замокъ; а онъ проходя то мѣсто, гдѣ мертвыя тѣла убитыхъ нами дикихъ были зарыты, узнав-

узнавши ихъ по положеннымъ на нихъ знакамъ, просилъ у меня позволенія ихъ ѣсть: но какъ я сердитымъ видомъ показалъ ему отъ того мое отвращеніе, что онъ испужавшись, и брося ихъ прибѣжалъ ко мнѣ, и не зналъ, что дѣлать. Я давалъ ему знать, чтобъ онъ впредь того не дѣлалъ; и такъ дошли мы до замка, гдѣ я вооружа слугу своего лукомъ и стрѣлами, и давъ ему въ руки два ружья ходилъ туда, гдѣ дикіе отправляли празднество свое. Сіе кровію обагренное и повсюду человѣческими членами наполненное мѣсто приводило меня въ несказанной ужасъ; а Пятница показывалъ мнѣ, что съ нимъ привезено было еще три человѣка, кои всѣ были съѣдены звѣрскими его непріятелями; и что между ими была баталія, на которой по разсужденіямъ моимъ взятые плѣнные подвержены неминуемо тому несчастію, отъ котораго слуга мой мною былъ избавленъ.

Я приказалъ ему собравши разбросанные человѣческіе члены зжечь въ пепелъ; и примѣтя, что ему ихъ глодать весьма хотѣлось, показывалъ отъ сего звѣрскаго его желанія столько отвращенія, что онъ опасаясь, чтобъ меня тѣмъ не огорчить, больше старался скрыть по возможности страсть свою.

По

По погребеніи возвратившись въ замокъ началъ я слугѣ своему шить платье изъ такой же матеріи, изъ какой и мое здѣлано было. Онъ весьма радовался, видя себя также, какъ и господина своего одѣтаго; а хотя оно прежде его и безпокоило, однако онъ здѣлалъ и тому наконецъ привычку. Между тѣмъ думалъ я о томъ, гдѣбъ показать въ замкѣ своемъ новому слугѣ квартиру, дабы естьли ему меня убить и съѣсть захочется, быть отъ него безопасну. Для того здѣлалъ ему особливой шалашъ между своимъ тыномъ и густою рощею, и приказалъ ему, чтобъ онъ безъ позволенія моего не входилъ въ мой замокъ; а ружье и прочіе опасные для меня инструменты прятал̀ всегда въ своей пещерѣ.

Но по счастію моему сія предосторожность была со всѣмъ ненадобна; думаю, что ни одинъ господинъ не имѣлъ такого вѣрнаго слуги, какова я нашелъ въ моемъ Пятницѣ. Онъ былъ послушливъ, сговорчивъ и нещадящь за меня жизни своей; въ сихъ добрыхъ своихъ качествахъ увѣрилъ онъ меня самымъ дѣломъ, и весьма скоро. Добронравіе его побуждало меня разсуждать слѣдующимъ образомъ: естьлибъ сей народъ, отъ котораго онъ произошелъ

шелъ, не имѣлъ варварскихъ обычаевъ, и просвѣщенъ бы былъ благонравіемъ, то бы конечно не уступилъ ни въ чемъ Европейцамъ.

Словомъ я былъ товарищемъ моимъ весьма доволенъ, училъ его говорить, и нашелъ въ немъ хорошее понятіе; а какъ онъ столько знать сталъ, что и я его понимать могъ, то онъ во первыхъ благодарилъ меня за то, что я его избавилъ отъ смерти: въ разговорахъ съ нимъ текли дни мои въ сладкомъ покоѣ, и естьлибъ дикіе позабыли со всѣмъ островъ мой, то бы конечно пересталъ я роптать на свое уединеніе.

Стараясь слугу своего отучить отъ человѣкоядѣнія, чего не токмо одно отъ сего звѣрства отвращеніе, но и собственная моя безопасность требовала, вздумалъ кормить его козлинымъ мясомъ, и идучи за тѣмъ въ свой хуторъ увидѣлъ въ кустахъ лежащую дикую козу съ двумя козлятами. Я приказалъ Пятницѣ остановиться, а самъ застрѣлилъ одного козленка. Слуга мой не знавъ, коимъ бы образомъ я его издали бью, и не понимая возможности сего дѣла, трепеталъ отъ страха, и въ той мысли будучи, что я его трафилъ, растегавши камзолъ свой искалъ на себѣ такой же раны,

какую онъ видѣлъ прежде на своемъ непріятелѣ; а не сыскавши оной подошелъ, и ставъ на колѣни говорилъ мнѣ весьма длинную рѣчь, изъ которой разсуждалъ я, что онъ меня проситъ, чтобъ я пощадилъ жизнь его; по чему взявъ я его съ усмѣшкою за руку, и показавъ на убитую козу приказалъ ее нести за собою; онъ осматривая рану, и поднимая на небо свои руки показывалъ крайнее свое удивленіе; а я успѣлъ въ сіе время зарядить ружье свое, и примѣтя налетѣвшую и сѣдшую на деревѣ птицу, показалъ на нее и на землю; по томъ подстрѣливши сшибъ ее на землю; а слуга мой не взирая ни на какія мои толкованія токмо частію ихъ разумѣя, какъ и прежде при семъ выстрѣлѣ испужался, что не зналъ отъ страху, куда дѣваться.

Страхъ его происходилъ большею частію отъ того, что онъ не видалъ, какъ я заряжалъ ружье свое; а отъ того почиталъ его неисчерпаемымъ источникомъ ко искорененію рода человѣческаго служащимъ. Такое о ружьѣ мнѣніе подтвердилъ онъ мнѣ тѣмъ больше, что послѣ того, какъ я его брося пошелъ на сторону, то онъ подошедъ къ нему дѣлалъ такія тѣлодвиженія, по которымъ довольно было вид-

видно, что онъ его проситъ; а послѣ узналъ я отъ него самаго, что онъ молился ему, и ублажалъ его всячески, чтобъ оно не лишило его жизни.

Якъ примѣтя сіе, и не давъ ему время въ томъ углубиться, поднявши ружье приказалъ ему искать птицу; она будучи не со всѣмъ убита забрела весьма далеко; а между тѣмъ, какъ онъ ее искалъ, успѣлъ я зарядить еще ружье свое, и почитая за ненадобное утверждать его въ такомъ суевѣріи, возвратился больше не стрѣлявши въ свой замокъ.

По приходѣ домой сварилъ себѣ похлебку, и кормилъ оною Пятницу, коему сіе кушаніе показалось не противно, а дивился только тому, что я ѣлъ его съ солью. Сіе показывалъ онъ, положа нѣсколько крупинокъ на языкъ, и подержавши оную выплюнулъ весьма скоро, показывая при томъ противной видъ, къ томужъ выполоскалъ и ротъ свой чистою водою. Послѣ того долго не могъ я его пріучить къ употребленію съ солью пищи; а какъ я потомъ подчивалъ его жаренымъ мясомъ, то онъ при показаніи удовольствія своего давалъ мнѣ знать, что онъ

онъ человѣчьяго мяса больше ѣсть не будетъ.

Между тѣмъ показалъ я ему, какъ толочь и чистить рожь, дѣлать все, что я прежде отправлялъ своими руками; а онъ съ перваго показанія понималъ все, что мнѣ хотѣлось, и то дѣлалъ съ несказанною охотою и прилѣжностію; а при томъ такъ услужливъ, что старался не допускать меня ни до малѣйшаго дѣла. Тогда то началъ я жить въ покоѣ.

Слуга мой сталъ знать, какъ называть нужныя вещи и всѣ мѣста, куда мнѣ его посылать было надобно. Я сбучая его твердилъ и самъ почти уже позабытой языкъ. А какъ онъ на вопросы мои отвѣты давать могъ, то я имѣлъ съ нимъ слѣдующей разговоръ.

Господинъ.

Побѣждаетъ ли вашъ народъ когда непріятелей своихъ?

Слуга.

Да, сказалъ онъ мнѣ, мой народъ всегда ихъ бьетъ.

Гос-

Господинъ.

Ты говоришь, что вашъ народъ всегда ихъ побѣждаетъ, какъ же тебя они полонили?

Слуга.

Нашъ народъ однако ихъ всегда билъ.

Господинъ.

Да какъ же ты къ нимъ въ руки попался?

Слуга.

Они тогда очень больше мой народъ, гдѣ я, былъ; они взяли одного, два, три и меня. Народъ мой былъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ мой не былъ, тамъ онъ взялъ одинъ, два, много тысячь.

Господинъ.

Для чегожъ васъ не промѣняли?

Слуга.

Они повезли одинъ, два, три и меня въ лодкѣ, мой народъ не имѣй тогда лодокъ.

Госпо-

Господинъ.

Слушай Пятница, скажи мнѣ, ѣдятъ ли земляки твои своихъ плѣнныхъ?

Слуга.

Да, мой народъ такъ же кушать человѣкъ, кушать всѣхъ.

Господинъ.

Куда они для того ѣздятъ?

Слуга.

Возятъ тамъ и туда, взглянувъ на всѣ стороны моего острова.

Господинъ.

Бывалъ ли ты когда здѣсь?

Слуга.

Я пріѣхалъ разъ былъ тамъ, показавъ къ Нордъ Весту.

А какъ нѣсколько времени по томъ спустя ходилъ я съ нимъ по острову; то узнавъ мѣсто, гдѣ онъ былъ, разсказалъ мнѣ, что они тамъ сѣли двадцать человѣкъ мущинъ, двухъ бабъ и одного робенка; не знавъ же такъ много считать, показалъ мнѣ сіе число положеніемъ на песокъ камней.

Сіе

Сіе извѣстіе подало мнѣ причину спросить у слуги своего: есть ли еще острова близъ матерой ихъ земли? Онъ отвѣчалъ мнѣ на то, что ихъ весьма много, и что далѣе въ морѣ бываетъ по утрамъ обыкновенно одинъ вѣтръ и одно теченіе, а послѣ полудня вѣтръ и теченіе утреннему противное. Я думалъ, что сіе происходитъ отъ прилива и отлива, но послѣ узналъ, что сіе теченіе дѣлается отъ рѣки Ореноко, въ устьѣ которой находился и островъ мой, и что видимая мною къ Весту и Нордъ Весту земля есть островъ де ла Тринитe.

Потомъ спрашивалъ я Пятницу о состояніи его отечества и народа, такожъ и о ихъ сосѣдахъ; а онъ отвѣтствовалъ мнѣ, что ихъ есть великое множество, а называются всѣ вообще Караибами. А изъ того заключилъ я, что островъ мой находится близъ острововъ Караибскихъ, кои на нашихъ ландкартахъ показаны между простирающеюся отъ рѣки Ореноко до Гвіаны и Санктъ-Марты частію, и между Бразиліею. Такожъ сказалъ мнѣ Пятница, что за мѣсяцомъ далеко, то есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ луна заходитъ, есть бѣлые и бородатые подобные мнѣ люди, кои побили велико

кое

кое множество людей. По симъ словамъ и описанïямъ познавалъ я Ишпанцовъ, коихъ всѣ дикïе почитаютъ истребителями ихъ народа.

А какъ спросилъ я у него: возможноль мнѣ къ нимъ ѣхать? то онъ отвѣчалъ мнѣ, что могу туда ѣхать въ двухъ лодкахъ. Я сперва не разумѣлъ, что сïе значитъ, ѣхать въ двухъ лодкахъ; а послѣ догадался, что чрезъ сïе разумѣетъ слуга мой одну такую лодку, котораябъ была вдвое больше обыкновенныхъ.

Между тѣмъ въ разговорахъ моихъ старался я дать Пятницѣ истинное о Богѣ понятïе; и для того спрашивалъ у него, кто его создалъ? А онъ не разумѣвши моего вопроса, а представляя оной, что я чрезъ то желаю знать объ отцѣ его, въ пристойность сего разумѣнïя отвѣтствовалъ; яжъ услыша сïе повторялъ, какъ онъ о томъ думаетъ, кто здѣлалъ море, землю, горы, лѣса и все видимое? а онъ отвѣчалъ мнѣ: Старикъ называемой Бенамукей, переживающей весь свѣтъ, онъ старѣе моря, звѣздъ и луны. Для чегожъ сей старикъ здѣлавши все, не требуетъ почтенïя отъ своего творенïя? Какъ, отвѣчалъ мнѣ Пятница, вся тварь восклицаетъ ему. О! то есть, что

что его всѣ обожаютъ. Но куда дѣваются, спросилъ я у него, послѣ смерти ваши люди? Они, отвѣчалъ мнѣ, отходятъ къ Бенамукею. Тожъ думалъ онъ и о своихъ непрïятеляхъ.

Я слышавши сïе сказалъ ему, какъ мы вѣримъ, и сколь справедливѣе есть наша вѣра предъ ихъ суевѣрïемъ; а онъ сказалъ мнѣ на то: Когда Богъ вашъ слышитъ вашу молитву, живучи отъ васъ превыше небесъ, то онъ есть конечно больше нашего Бенамукея, которой живетъ отъ насъ хотя и не далеко; однакожъ насъ прежде слышать не можетъ, пока мы сами не придемъ къ нему на высокïя горы, и не станемъ кричать О. Былъ ли ты тамъ, Пятница, спросилъ я у него? а онъ отвѣчалъ мнѣ, что не былъ, и что туда кромѣ О какей никто не ходитъ; они только говорятъ съ Бенамукеемъ, и приносятъ молодымъ требуемые ими отвѣты. Чрезъ О какей разумѣлъ я такихъ стариковъ, кои суевѣрному сему народу вмѣсто жрецовъ служатъ.

Я показалъ Пятницѣ, что сïи старики обманщики, и что то есть ихъ собственная выдумка, будто бы они съ Бенамукеемъ разговариваютъ; такожъ

кожъ что они на вопросы ихъ приносятъ согласующїе съ собственными ихъ интересами отвѣты; по томъ читалъ ему всегда священное писанїе, и доказывалъ онымъ, сколь велико намъ есть обѣщанїе за добрыя, и наказанїе за худыя и беззаконныя наши дѣла; и что человѣкъ никоимъ образомъ безъ вѣры спасенъ быть не можетъ; а наконецъ помощїю Всевышняго успѣвъ я въ объясненїи невѣжества слуги моего вперилъ въ него такїя мысли, что почитая себя безъ вѣры несчастливѣйшимъ человѣкомъ, крайнѣ старался слушать и понимать Священное писанїе, которому я его и научилъ столько, сколько и самъ былъ въ томъ искусенъ; а чрезъ сїе утвержденїе здѣлалъ его столь себѣ вѣрнымъ, что думаю еще ни одинъ господинъ не имѣлъ такого вѣрнаго слуги.

По утвержденїи въ вѣрѣ слуги своего разсказалъ ему приключенїя свои, и какъ препровождалъ первые годы моей на острову жизни. Научилъ его стрѣлять и заряжать ружье, позволилъ ему носить вмѣсто шпаги большой ножъ, описалъ ему жизнь Европейскихъ народовъ, и какъ они, а особливо Агличане, торгуютъ во всемъ свѣтѣ на корабляхъ своихъ; водилъ его на то мѣсто, гдѣ ко-

рабль нашъ разбило, и гдѣ насъ на шлюпкѣ опрокинуло; а онъ взглянувши на остатки оной сказалъ: Мой видѣлъ такую дома. Я выслушавши извѣтъ его не вздумалъ у него спросить, спаслись ли на ней люди, а думалъ только, что конечно къ нимъ оторвавши отъ корабля принесло ее погодою пустую: но Пятница сказалъ мнѣ вдругъ: Мы спасали на ней бѣлыхъ человѣкъ. Какихъ бѣлыхъ, спросилъ я у него? Такъ бѣлыхъ полонъ былъ она, и считая по палцамъ насчиталъ ихъ до семнатцати человѣкъ, а при томъ объявилъ, что они живутъ вмѣстѣ съ его земляками.

Вѣдомость сїя подала причину къ новымъ замысламъ; началъ ихъ почитать спасшимися съ разбитаго близъ острова моего корабля, съ котораго свезъ я немалыя деньги, какъ о томъ уже выше сего сказано; а Пятница подтвердилъ при томъ, что они по отъѣздѣ его были еще всѣ здоровы, а живутъ съ ними уже года съ четыре, и питаются кореньями. Для чего же не съѣдятъ ихъ дикїе, спросилъ я у слуги своего? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, они дѣлаютъ братья, и другъ съ нами. Мы ѣдятъ людей, что война убьетъ чужихъ.

Та-

Такимъ образомъ окончалъ я съ нимъ разговоръ свой о шлюпкѣ, о которой долгое время по томъ и не упоминалось: а какъ случилось намъ быть на той вышинѣ, откуда видѣнъ былъ земли матерой кряжъ: то слуга посмотрѣвши туда, началъ скакать, прыгать и кричать изо всей силы: О радость! о весело! тамъ живу, мой земля, мой родъ.

Изъ сего довольно могъ я примѣтить, сколь много хотѣлось ему возвратиться въ свое отечество; а сїе меня нѣсколько и беспокоить стало; ибо я думалъ, что онъ збѣжавъ отъ меня приведетъ земляковъ своихъ, и въ знакъ благодарности за избавленїе его отъ смерти поподчиваетъ ихъ мною. Съ того времени началъ я его остерегаться, и примѣчать противъ прежняго его поступки. Но сей доброй человѣкъ, не смотря и на то, что я въ разсужденїи его такъ перемѣнился, умѣрялъ поступки свои по своему чистосердечїю такъ, что я не примѣчая въ немъ ни малаго лукавства, а больше видя въ немъ съ простотою смѣшенную откровенность, принужденъ былъ наконецъ внутренно признаваться, что я тѣмъ обижалъ сего добраго человѣка напрасно; ибо онъ и того не примѣтилъ, что я перемѣнилъ съ нимъ обхожденїе свое.

А

А особливо доказалъ онъ усердїе свое ко мнѣ тѣмъ, что будучи съ нимъ нѣкогда на помянутой горѣ, откуда за пасмурнымъ временемъ матерой земли было не видно, спросилъ у него: Хочетъ ли онъ въ свое отечество. Да, мой очень радъ, отвѣчалъ онъ, видѣть родъ. Да что тамъ дѣлать, сказалъ я ему на то; или хочешь здѣлаться паки дикимъ людоѣдомъ? Сей вопросъ такъ былъ ему досаденъ, что онъ взглянувши на меня съ сердцемъ и жалостїю смѣшеннымъ видомъ, сказалъ: Э! баринъ, не такъ мой сказалъ, своимъ добро жить, молиться Богу, ѣсть хлѣбъ, скотъ, и не ѣсть людей. За то они, сказалъ я ему, тебя и самаго съѣдятъ. Но онъ увѣрялъ меня, что они будутъ его слушать, и что они у бородатыхъ много обычаевъ ихъ уже переняли. Такъ ты совершенно намѣренъ ѣхать въ свое отечество? Усмѣхнувшись отвѣчалъ онъ мнѣ, плыть мой такъ далеко не можетъ. Я здѣлаю тебѣ лодку, сказалъ я ему. А я туда безъ твой не поѣду; увѣрялъ меня усильнымъ образомъ, что его земляки меня не только не съѣдятъ, но еще и почитать будутъ; а особливо когда онъ имъ разскажетъ, коимъ образомъ я его избавилъ, и убилъ двухъ ихъ общихъ непрїятелей; а для увѣ-

ренїя

ренія въ томъ разсказалъ онъ мнѣ всѣ благодѣянія , кои народъ его живущимъ у нихъ бородатымъ показывалъ.

Словами своими такъ меня уговорилъ, или лучше сказать, онъ возмогъ возбудить во мнѣ ими прежнюю мою охоту къ мореплаванію , что я тогдажъ далъ ему обѣщаніе ѣхать съ нимъ въ его отечество , дабы соединясь тамъ съ Европейцами единодушно съ ними стараться о способахъ, какъ бы возвратиться въ Христіанскія селенія.

Въ семъ намѣреніи ѣхалъ съ Пятницею по взморью на своей лодкѣ, училъ его править рулемъ и парусами , и видя его въ греблѣ проворство , сказалъ ему , что мы на ней поѣдемъ весьма скоро : но онъ такъ далеко на сей малой лодкѣ ѣхать не осмѣливался. А какъ я показалъ ему большую свою лодку , которая за долгостояніемъ отъ жаровъ истрескалась , а отъ дождя и мокроты почти уже со всѣмъ згнила , то онъ посмотря на нее сказалъ мнѣ , что на такой лодкѣ можно туда ѣхать безъ всякой опасности. Когда такъ , говорилъ я слугѣ своему , то поѣзжай ты на моей лодкѣ одинъ ; для тебя се будетъ довольно , а я останусь на острову по прежнему жить одинъ. Но Пятница выслушавши рѣчь мою, и по-

мол-

молчавши нѣсколько , началъ мнѣ говорить весьма печальнымъ голосомъ слѣдующее. Для чего ты баринъ сердитъ на Пятницу , что мой здѣлалъ противъ твой ? Нѣтъ , я на тебя не сердитъ, другъ мой! отвѣчалъ я ему. Не сердитъ , не сердитъ , повторялъ онъ слова мои , для чегожъ посылать мой домой ? Для того , что ты туда ѣхать самъ желаешъ. Да да , отвѣчалъ онъ мнѣ на то, желаемъ оба. А изъ всѣхъ его разговоровъ разумѣлъ я , что онъ безъ меня никогда сего путешествія предпріять не намѣренъ ; ибо онъ усердствуя народу своему , и понявши мои наставленія почиталъ , что имъ необходимо надлежитъ перемѣнить порядокъ своей жизни ; къ наученію же ихъ представлялся я ему быть способнымъ.

Не смотря на такіе вѣрность и любовь его ко мнѣ изъявляющіе знаки , показывалъ ему, будто бы я его послать въ отечество твердо намѣренъ ; а онъ слыша упрямство мое , пришелъ наконецъ въ такое огорченіе , что схватя топоръ , которой былъ у меня за поясомъ , подавалъ мнѣ его въ руки говоря слѣдующія слова : Лучше убилъ мой , а не посылалъ домой ; и выговорившись оныя залился слезами. И такъ

видя

видя его вѣрность и увѣрившись о любви его ко мнѣ, перестал и упоминать о его посылкѣ, которая причиняла ему толикое огорченіе; и увѣрил его, что и я с ним туда поѣду вмѣстѣ, однакож слуга мой до тѣх пор не перестал печалиться, пока я не принялся точно ко исполненію даннаго ему обѣщанія.

А как приказал я ему сыскать к строенію лодки удобное дерево, котороеб от взморья отстояло не весьма далеко, то он радостію восхищаясь бѣгал по всему острову, и нашел наконец такое, котораго я как и назвать не знаю, и сваливши его с корня с великим трудом думал по своему обыкновенію выжигать нутрь онаго; но я показал ему свой манер, а он склонностію и любовію к отечеству своему поощряем, денно и нощно над нею работая, окончал ее в один мѣсяц: она была так велика, что на силу могли мы ее привести до взморья, однакож наконец успѣли в трудах своих, и спустили ее на воду.

Слуга мой поворачивал ею с несказанным искусством и проворством, и увѣрял меня, что на ней без всякой опасности можно будет доѣхать до матерой земли. Я поставя на ней

ней мачту, снабдил ее парусом, которой здѣлал я такой, какіе бывают обыкновенно на шлюпках, придѣлал к ней кливеры, дабы теченіем воды ее с пути збивать не могло. В оснащиваніи судна своего препроводил я два мѣсяца. Пятницу выучил я править, опускать и поднимать парус; а он хотя был и во всем понятен, однакож не мог выучиться компасу. Но мы и без него могли ѣхать, а особливо, что намѣрены были предпріять сію поѣздку в ясное время, то есть лѣтом, когда матерая земля нами всегда могла быть видима.

Между тѣм наступил двадцать седьмой год моего на острову пребыванія, или лучше сказать пустыннаго и уединеннаго житія. Хотя послѣдніе три года тѣм называть было и не должно, за тѣм, что уже я их препровождал в обхожденіи с слугою моим весьма пріятно. День пришествія моего на оной, праздновал я с обыкновенною против прежних набожностію, однакож с отмѣнною благодарностію, ибо я в оной получил надежду избавиться от заключенія своего; для того, что я намѣрен был еще до исходу онаго ѣхать с слу-

слугою своимъ, и искать въ отечествѣ его Европейцовъ. Но не смотря на то не ослабѣвалъ я при томъ въ трудахъ своихъ и упражнялся по прежнему въ екомомiи своей, пахалъ землю, сѣялъ, огораживалъ свои пашни, збиралъ виноградъ, такъ какъ будто бы мнѣ на семъ островѣ и жизнь окончать надобно было.

По наступленiи дождей принужденъ я былъ сидѣть дома, поставилъ судно въ заливѣ своемъ, гдѣ вытащивши его на берегъ покрылъ парусами; а дабы его не унесло въ море, то Пятница обрылъ его небольшимъ валомъ. По прошествiи дождей настали весьма прiятные дни, кои меня къ предпрiятiю моему ясностiю своею тѣмъ больше поощряли. Я приготовлялся уже къ отъѣзду, и думалъ чрезъ двѣ недѣли отправиться въ море, какъ однимъ утромъ вбѣжалъ ко мнѣ въ шалашъ слуга мой въ великомъ страхѣ, и кричалъ изо всей силы О, баринъ, баринъ! О, грустно! О, тошно! О, тамъ прiѣхалъ двѣ, три лодка. Изъ словъ его заключилъ я, что конечно прiѣхали къ намъ дикiе въ шести лодкахъ, однакожъ послѣ нашлось только три.

БѢд-

Бѣдной слуга мой былъ отъ страху внѣ себя, за тѣмъ, что думалъ, будто бы дикiе за нимъ прiѣхали. Яжъ ободря его сказалъ ему: Не бойся, Пятница! я и самъ ихъ не меньше твоего опасаюсь, по тому что они, естьли имъ насъ сыскать удастся, и меня также какъ и тебя съѣдятъ; теперь осталось намъ бодрствовать, и отъ нихъ обороняться. Ты довольно хорошо стрѣляешь, и такъ ихъ уже бояться нѣчего, а я стрѣлять гораздъ. Однако идутъ тамъ великое много людей, говорилъ онъ. Нѣтъ ничего, отвѣчалъ я ему, мы ихъ всѣхъ перестрѣляемъ, будь мнѣ только вѣренъ, слѣдуй повелѣнiямъ моимъ, и не оставь меня одного, а я тебя буду защищать до послѣдней капли крови. Я, отвѣчалъ онъ, не побѣжитъ, но на мѣстѣ умеръ; когда господинъ прикажетъ, умеръ.

По такомъ взаимномъ обѣщанiи и ободренiи давъ ему рюмку руму, приказалъ взять ружья заряженныя картечами, пару пистолетъ, топоръ и шпагу. Такъ вооружась смотрѣлъ съ обсерваторiи своей въ зрительную трубку, и увидѣлъ дикихъ болѣе двадцати человѣкъ, расположившихся близъ густаго лѣса, простирающагося почти до самаго моего замка. Примѣтя же

въ

въ Пятницѣ слугѣ своемъ великую къ бою охоту, и пользуясь его задоромъ, далъ ему пистолетъ и три ружья; а самъ взявъ столько же, да еще бутылку съ румомъ, рогъ съ порохомъ и нѣсколько патроновъ, велѣлъ ему при всякомъ случаѣ примѣчать свои движенія. А обходя заливъ свой дорогою разсуждалъ, какая бы мнѣ въ томъ была польза, чтобъ обагрить руки свои въ крови такихъ людей, кои меня ни когда не обижали, и что варварскіе ихъ обычаи дѣлаютъ собственное ихъ несчастіе, и служатъ имъ не инако, какъ наказаніемъ, и по тому какъ можно было мнѣ быть ихъ судьею. Сіи и тому подобныя разсужденія ввергли меня въ задумчивость, и удерживали меня отъ предпріятія моего столь сильно, что я положилъ не нападать на нихъ до тѣхъ поръ, пока они мнѣ къ тому не подадутъ сами причины.

Такъ размышляя подошелъ къ нимъ весьма близко; Пятница слѣдовалъ за мною также со всякою осторожностію. Я приказалъ ему посмотрѣть, что дѣлаютъ дикіе; а онъ прошедъ впередъ, смотрѣлъ изъ за густова дерева, отъ нихъ такъ какъ на полвыстрѣла стоявшаго; возвратясь же оттуда репор-

портовалъ мнѣ, что они вкругъ разведеннаго огня сидя подчиваются человѣческимъ мясомъ, и что не далеко отъ нихъ лежитъ связанной бородатой человѣкъ, конечно взятой ими въ полонъ у земляковъ его.

Репортъ о бородатомъ человѣкѣ уничтожилъ всѣ мои разумныя разсужденія, такъ что пришедъ въ великое сердце, и приближившись къ дереву, изъ за котораго смотрѣлъ Пятница, увидѣлъ дѣйствительно близъ огня по рукамъ и по ногамъ связаннаго на пескѣ лежащаго Европейца. Дикіе сидѣли вкругъ огня, одинъ подлѣ другова весьма близко, а двое изъ нихъ пошли для убіенія помянутаго бѣлаго плѣнника, и поворотясь ко мнѣ спинами начали уже его развязывать. По чему не допуская ихъ до исполненія звѣрскаго ихъ предпріятія, приказалъ слугѣ своему въ нихъ цѣлить. А самъ приложась въ кучу, и спрося, готовъ ли онъ, выстрѣлилъ; а онъ учинилъ тоже.

Пятница убилъ трехъ, а трехъ весьма тяжело ранилъ, яжъ убилъ одного, а ранилъ двухъ. Оставшіе вставши, и отъ страха внѣ себя пришедши, осматриваясь, не знали, куда бѣжать; а мы между тѣмъ схватя

еще по ружью убили двоихъ, а ранили двухъ же. Послѣднїе видя опасность свою побѣжали въ разныя стороны, а на бѣгу упало изъ нихъ еще три человѣка. Мыжъ взявъ заряженныя свои ружья погнались за ними. Я набѣжавши развязалъ Европейца, коего дикїе оставя бросились въ лодку, а къ нимъ прибѣжали еще три человѣка. Пятница убилъ изъ нихъ одного до смерти, а третьяго такъ крѣпко ранилъ, что онъ упалъ замертво въ лодку.

Между тѣмъ я освободя Европейца спрашивалъ о его породѣ; а онъ сказался мнѣ Христїаниномъ. Сей человѣкъ былъ такъ слабъ, что не могъ и на ноги подняться; я далъ ему выпить руму и кусокъ хлѣба, которой съѣвши и руму напившись такъ ободрился, что вставши на ноги сказалъ мнѣ, что онъ природою Ишпанецъ, и что онъ мною весьма обязанъ. Оставьте теперь Испанскїя ваши оговорки, говорилъ я ему. Теперь они непотребны, а только когда есть въ васъ сила, то вотъ вамъ сабля и пистолетъ, обороняйтесь ими отъ своихъ непрїятелей. Ишпанецъ схвативши пистолетъ и шпагу, бросился къ нимъ, какъ бѣшеной, и изрубилъ двоихъ дикихъ, кои ружейнымъ выстрѣломъ испу-

испуганы будучи, отъ него со всѣмъ не оборонялись.

Яжъ, чтобъ мнѣ со всѣмъ не обезоружиться, не стрѣлялъ изъ оставшаго ружья своего; но приказалъ Пятницѣ собравши зарядить ружья, въ чемъ ему и самъ сѣвши на землю помогать было началъ, какъ вдругъ увидѣлъ у Ишпанца съ дикимъ великое сраженїе. Онъ конечно бы деревянною своею саблею его и изрубилъ, естьлибъ оною дѣйствовалъ получше; но по глупости своей, схватя Ишпанца поперегъ, бросилъ на землю, и старался вырвать у него изъ рукъ его саблю. Ишпанецъ догадавшись далъ ему въ томъ волю, а между тѣмъ убилъ его изъ пистолета. Тѣмъ окончалась сїя баталїя съ великою мнѣ пользою. На мѣстѣ убито 17 человѣкъ, спаслись только четыре, въ томъ числѣ былъ одинъ весьма крѣпко раненъ.

Они всѣми силами старались удалиться отъ берегу; а хотя слуга мой и еще по нихъ одинъ разъ выстрѣлилъ; однакожъ не убилъ ни одного человѣка. Боялись мы того, чтобъ они по прїѣздѣ въ отечество свое, и разсказавши о бѣдственномъ приключенїи товарищей своихъ не возбудили великаго множества людей отмщать

 намъ

намъ за учиненное на нихъ нападенiе; и для того намѣрены были учинить за ними въ оставшей ихъ лодкѣ погоню. Но по вступленiи въ оную сильно удивился, увидя лежащаго въ ней полумертваго человѣка.

Я разрѣзалъ веревки, коими онъ былъ связанъ; а Пятница по приказу моему увѣрялъ его, что ему насъ бояться нѣчего, и напоилъ его румомъ; а дикой вставши сѣлъ на бордъ. Слуга мой посмотрѣвши на него началъ его цѣловать, обнимать и прыгать такъ, что я боясь, чтобъ онъ въ бѣшенствѣ своемъ лодки не опрокинулъ, принужденъ былъ выскочить въ воду, и вышедъ на берегъ дивился чуднымъ его тѣлодвиженiямъ. Не знавъ же тому причины спрашивалъ его, что ему здѣлалось? но онъ въ восхищенiи своемъ не слышалъ ни слова; и такъ съ четверть часа бѣсясь далъ дикимъ время отъ насъ изъ виду уѣхать; однакожъ по счастiю нашему скоро потомъ здѣлалась такая жестокая буря, что они до дому своего доѣхать не успѣли, и конечно въ морѣ потонули.

Между тѣмъ и слуга мой опамятовался, и бросясь ко мнѣ на берегъ сказалъ, что сей дикой, коего онъ такъ лобызаетъ, отецъ его. Я слыша сiе былъ

былъ тому не меньше его радъ, а отъ радости не знавъ больше о чемъ говорить, спросилъ у слуги, давалъ ли онъ ѣсть ему? а онъ отвѣчалъ мнѣ на то жалостнымъ голосомъ: Нѣтъ, мой собакъ, все самъ съѣлъ; и для того послалъ я его въ свой замокъ, откуда принесъ онъ къ нему хлѣба, винограду и чистой воды, и такъ напоивши и накормивши отца своего далъ и мнѣ напиться; а я утоливши жажду свою послалъ къ Ишпанцу, коему въ томъ была также крайняя нужда.

Потомъ теръ онъ, какъ у отца своего, такъ и у Ишпанца распухшiя ихъ отъ перевяски руки и ноги; а послѣ положа обоихъ въ лодку, притащилъ ее по взморью къ моему замку, гдѣ здѣлавши носилки, перенесли гостей своихъ въ здѣланной близъ замка шалашъ, и тамъ мы ихъ на постланныхъ кожахъ и матроскихъ тулупахъ и отдыхать положили.

Вотъ какимъ образомъ умножилось число подданныхъ моихъ. Они всѣ были мнѣ весьма вѣрны, а особливо за то, что я ихъ всѣхъ избавилъ отъ смерти; при томъ же и собственная ихъ жизнь требовала отъ нихъ того, чтобъ они храбро защищались; и хотя они всѣ были разныхъ вѣръ, какъ Пятница проте-

тестантъ, отецъ его идолопоклонникъ и людоѣдъ, а Ишпанецъ Католикъ, однакожъ я какъ разумной правитель, стараясь о поправленіи ихъ нравовъ, принужденъ былъ позволить имъ вѣрить такъ, какъ они хотѣли.

По отдохновеніи ихъ подчивалъ я гостей своихъ похлебкою, и разговаривалъ съ ними чрезъ переводчика, коимъ служилъ мнѣ слуга мой Пятница. Съ Ишпанцомъ разговаривалъ я также чрезъ слугу своего; для того что онъ живучи у людоѣдовъ научился языку ихъ; ибо я не зналъ также по Ишпански, какъ и Ишпанецъ по Аглински.

По томъ ѣздилъ я съ Пятницею за оставленными на мѣстѣ баталіи ружьями, и погребли мертвыя тѣла. По возвращеніи же домой спрашивалъ у отца слуги своего: надѣется ли онъ, чтобъ дикіе могли домой пріѣхать; а онъ твердо въ томъ стоялъ, что имъ отъ бури спастись никоимъ образомъ не можно; а естьли не потонутъ, то вѣтръ занесетъ ихъ къ такимъ островамъ, коихъ жители конечно живыхъ ихъ не упустятъ. А при томъ хотя они, говорилъ онъ, и домой пріѣдутъ, однако отъ стуку и огня ружья нашего такъ

такъ испуганные, что конечно всѣмъ разскажутъ, что они побиты молніею и громомъ; ибо они садясь въ свои лодки кричали: *Это небесные духи, они говорятъ громомъ, а дышутъ молніею.*

Сіе было дѣйствительно такъ, какъ онъ разсказывалъ; ибо послѣ я и самъ свѣдалъ, что они пріѣхавши домой такъ всѣхъ разсказами своими о небесныхъ на моемъ острову живущихъ духахъ настращали, что приведенные земляки ихъ въ ужасъ на мой островъ и ѣздить не хотѣли. Однакожъ я не взирая ни на что, и имѣя хотя немалое число людей, съ коими конечнобъ на сто человѣкъ дикихъ напасть осмѣлился, былъ во всегдашней осторожности; а думалъ только о своей на матерую землю поѣздкѣ. Отецъ слуги моего увѣрялъ меня тѣмъ, что народъ ихъ приметъ меня со всякою честію и за избавленіе ихъ съ благодарностію; а Ишпанецъ разсказывалъ, что тамъ, гдѣ онъ въ полонъ взятъ, осталось еще шестнатцать Ишпанцовъ и Португальцовъ, кои по разбитіи корабля своего живутъ между дикими народами, и терпятъ прекрайшую во всемъ нужду.

Мы

Мы идучи, продолжалъ онъ, на назначенномъ въ Гавану изъ Рїо дела Плата серебромъ, кожами и разными Европейскими товарами нагруженномъ кораблѣ, на пути своемъ приняли на оной странствующихъ по разбитїи корабля своего въ шлюпкѣ, шесть человѣкъ Португальцовъ, а съ ними ѣхавши потеряли и свое судно; и для того принуждены были, спасая жизнь свою, ѣхать къ живущимъ на берегу людоѣдамъ, между которыми и понынѣ находятся; а хотя у товарищей моихъ и есть ружья, однако ими за неимѣнїемъ пороху пользоваться не можно; и такъ они питаясь кореньями, и странствуя по пустынямъ, претерпѣваютъ крайнюю нужду и голодъ.

Я бы конечно постарался, сказалъ я Ишпанцу, отъ того ихъ избавить, естьлибъ не опасался ихъ обмана: ибо довольно уже въ томъ я въ жизни своей искусился, что люди распоряжаютъ обыкновенно дѣла свои единственно по ожидаемымъ ими отъ предпрїятїй ихъ прибыткамъ; и потому можетъ статься, что меня товарищи твои вмѣсто должной благодарности отвезутъ на заводы свои въ новую Ишпанїю, гдѣ жизнь моя еще беднѣе нынѣшней быть должна. Естьли же они того не сдѣлаютъ,

ютъ, то бы мы могли, построивши судно, отъѣхать въ новую Ишпанїю или въ Бразилїю.

По выслушанїи сихъ словъ сказалъ мнѣ Ишпанецъ: Товарищи мои, чувствуя теперь толикую бѣдность, и избавясь отъ оной благодѣтелю своему такова зла здѣлать не помыслятъ, а особливо, что они всѣ честные и добросовѣстные люди. Естьли же вы, говорилъ далѣе, объ нихъ сомнѣваетесь, то прикажите мнѣ къ нимъ съ отцемъ слуги вашего съѣздить; при немъ возьму я съ нихъ присягу въ томъ, чтобъ они вамъ во всемъ повиновались, и почиталибъ васъ повелителемъ своимъ. Я жъ еще здѣсь присягну защищать васъ въ случаѣ, естьли они столь будутъ безсовѣстны, и намѣрятся здѣлаться вѣроломными; чего однакожъ я отъ нихъ никогда не надѣюсь, а больше думаю, что они избавившись толь бѣдной жизни, на вѣки благодарностїю будутъ вамъ обязаны.

По такомъ увѣренїи принялъ я твердое намѣренїе перевезти къ себѣ на островъ его товарищей; и для того напахали столько земли, чтобъ посѣять довольное число хлѣба, коимъ бы ихъ прокормить возможно было, и въ надеждѣ ихъ прибытїя, будучи отъ на-

нападенія дикихъ въ безопасности ходя по острову, выбиралъ для строенія судна годныя деревья, кои рубили и очищали Пятница съ отцемъ своимъ, а Ишпанецъ былъ у нихъ надсмотрщикомъ. И такъ надѣлали они мнѣ множество къ корабельному строенію годныхъ досокъ, насушили великое множество винограда; а между тѣмъ получилъ я такой урожай хлѣба, что довольно его сталобъ всѣмъ на нѣсколько мѣсяцовъ. Ишпанецъ будучи искусной бочаръ, дѣлалъ для поклажи онаго бочки, а по окончаніи сего и другихъ необходимостей отпустилъ я отъ себя Ишпанца въ той лодкѣ, въ которой они для съѣденія на мой островъ привезены были, взявъ напередъ съ него присягу, чтобъ онъ, естьли товарищи его на меня напасть дерзнутъ, защищалъ меня отъ нихъ по своему обѣщанію.

Вотъ первое къ избавленію моему въ 27 лѣтъ учиненное предпріятіе. Отъѣзжающихъ снабдилъ я на недѣлю провіантомъ и порохомъ, и уговорясь съ ними о томъ мѣстѣ, гдѣ по возвращеніи своемъ къ острову пристать имъ, и какой сигналъ здѣлать должны, простился съ ними, желая имъ счастливаго пути.

Они

Они поѣхали во время полнолунія по моему изчисленію въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Недѣлю спустя послѣ ихъ отъѣзду по утру рано, когда я еще спалъ весьма крѣпко, вбѣжалъ ко мнѣ Пятница съ великою торопливостію, крича во весь голосъ: Бояринъ, бояринъ! они пріѣхали, они пріѣхали.

Я одѣвшись вошелъ на обсерваторію, но какъ удивился увидѣвши въ морѣ разстояніемъ мили на полторы отъ моего замка подъ парусами къ берегу идущую шлюпку; она шла съ Западной стороны. Я во ожиданіи подлиннаго извѣстія, друзья ли то наши или непріятели, велѣлъ слугѣ своему принести зрительную трубку, въ которую посмотря увидѣлъ недалеко отъ острова на якорѣ лежащей по строенію Аглинской корабль.

Не могу я нынѣ изъяснить тогдашнихъ смущенныхъ моихъ мыслей; видя однородцовъ своихъ чувствовалъ несказанную радость; но при томъ непонятно мнѣ было, какой бы ради причины они пристали къ моему острову; а особливо, что онъ находился отъ обыкновенной дороги въ великомъ отдаленіи, такожъ передъ тѣмъ и бури никакой не было, котораябъ могла ихъ принести ко мнѣ: и для того разсу-

судилъ заблаго имъ до тѣхъ поръ не казаться, пока намѣренія ихъ мнѣ не откроются.

А какъ она къ берегу пристала, и люди на берегъ вышли: то я узналъ по платью, что они Агличане, выключая трехъ, кои казались быть Голландцами. Агличанъ было одиннатцать человѣкъ, и показавшіеся мнѣ Голландцами были всѣ связаны, и изъ тѣлодвиженій ихъ видно было, что они конечно на смерть осуждены были.

Пятница видя сіе сказалъ мнѣ: видишь ли баринъ, они ѣсть хотятъ людей такъ, какъ и дикіе; смотри, они ѣдятъ начинаютъ. Нѣтъ, Пятница, они хотя ихъ ѣсть и не станутъ, однако я того опасаюсь, чтобъ они ихъ не убили; ибо одинъ изъ матросовъ поднималъ уже свою шпагу, и хотѣлъ рубить невольниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ сожалѣлъ я о Ишпанцѣ и отцѣ слуги своего, и естьлибъ они были со мною, то бы я конечно на нихъ напасть не усумнѣлся; а особливо, что изъ всѣхъ ихъ поступокъ примѣчалъ я, что они бунтовщики, и что связанные ихъ командиры.

Ме-

Между тѣмъ матросы начали по острову разходиться, оставя невольниковъ своихъ связанныхъ близь шлюпки. Они сидѣли повѣся головы свои; а печальной ихъ видъ напамятовалъ мнѣ и мою горесть, въ коей я былъ по прибытіи моемъ на островъ. Они равно, какъ я себя тогда почиталъ пропадшимъ, такъ и они о себѣ думали, что уже со всѣмъ пропали, когда небо приготовляло имъ способъ къ ихъ избавленію.

Земляки мои пріѣхали на островъ во время прилива; а какъ здѣлался между тѣмъ отливъ, и они послѣ бывшаго пьянства проспавшись пришли къ шлюбкѣ, то нашли, что она стоитъ на берегу отъ моря такъ далеко, что и притащить имъ ее никоимъ образомъ было не можно; и такъ во ожиданіи прилива опохмелясь разошлись по острову. Я зналъ, что приливъ будетъ въ десять часовъ въ вечеру, и для того во ожиданіи темноты приготовлялся къ бою.

Я намѣренъ былъ на нихъ напасть ночью; между тѣмъ при наступленіи великаго полуденнаго жару принуждены были матросы въ лѣсъ убраться; неволники учинили тожъ, и вошли въ тотъ лѣсъ, которой простирался до моего замка, по чему я пользуясь онымъ подошедъ къ нимъ, спросилъ у нихъ

твер-

твердымъ и величавымъ голосомъ, и при томъ по Ишпански: Кто они таковы, и за чемъ связаны? Они взглянувъ на меня, страннаго моего одѣянія такъ испужались, что не сказавъ мнѣ ничего, вскоча съ мѣстъ своихъ кричать, и отъ меня бѣжать хотѣли; но я сказалъ имъ по Аглински: не бойтесь, друзья мои! я вашъ землякъ. И такъ нѣсколько опамятовавшись, начали говорить они по Аглински; а изъ того познаъ обманъ свой, по которому думалъ я, что они Голландцы. Конечно Богъ, видя нашу невинность, намъ помощь посылаетъ, ибо человѣку спасти насъ отъ смерти не возможно. Всякая помощь, отвѣчалъ я имъ, происходитъ свыше; и такъ научите меня, могу ли я вамъ быть полезенъ? Я видѣлъ, какъ васъ рубить хотѣли; а изъ того разсуждаю, что вы находитесь еще и теперь въ крайней опасности.

Одинъ изъ нихъ залившись слезами отвѣчалъ мнѣ: съ человѣкомъ ли я говорю или съ Ангеломъ, того я не знаю, однакожъ прошу здѣлать намъ вспоможеніе. Успокойтесь, государь мой! Ангелы въ такомъ уборѣ не бываютъ; я человѣкъ и вашъ однородецъ; я намѣренъ васъ избавить отъ бѣдствій вашихъ, но не знаю, какъ приняться за сіе дѣло.

У меня есть одинъ слуга, а ружья и пороху весьма много; скажите мнѣ откровенно, есть ли вамъ въ томъ какая прибыль и какъ вы думаете зачать оное.

Ахъ, государь мой! говорилъ мнѣ другой; я былъ командиръ корабля, стоящаго не далеко отъ вашего острова. Сей, показавъ на другова, есть мой Порутчикъ, а третей пасажиръ. Матросы противъ меня взбунтовались, и что я съ ними разбойничать не согласовался, свезли насъ за то на сей островъ, гдѣ намѣрены насъ всѣхъ оставить. Они лежатъ теперь въ лѣсу пьяные; у нихъ есть два ружья, и для того пожалуйте поступайте опаснѣе, чтобъ они васъ не увидѣли, и тѣмъ не уничтожили предпріемлемаго вами для избавленія нашего.

Не бойтесь, ободрялъ я Капитана, развязавши его самаго и товарищей его; я намѣренъ на нихъ теперь учинить нападеніе: но онъ говорилъ мнѣ, что между ими есть и честные люди, коихъ необходимо пощадить надлежитъ. По чему я послушавшись его совѣту, повелъ ихъ всѣхъ къ своему замку, гдѣ далъ имъ по ружью, а дорогою обѣщался старатьс о ихъ избавленіи, не щадя своей жизни: о государь мой! возо-

тилъ Капитанъ, перервавъ рѣчь мою; естьли вы поможете мнѣ овладѣть кораблемъ моимъ, то я обѣщаюсь быть и съ нимъ во всегдашнемъ повелѣнiи вашемъ.

Яжъ пользуясь симъ случаемъ, предложилъ ему слѣдующей договоръ: 1) во время бытiя вашего на острову должны вы служить мнѣ не такъ, какъ Капитанъ, но простымъ матросомъ; данное мною вамъ ружье отдать обратно, сколь скоро я оное отъ васъ отобрать за благо разсужу, и не дѣлать мнѣ имъ никакова зла; 2) естьли удастся взять корабль, то отвезти меня и съ слугою въ Англiю, не требуя за провозъ платы.

Капитанъ выслушавши клялся и съ товарищами своими наисильнѣйшими божбами точно исполнить всѣ сiи требованiя; и при показанiи чувствительной своей радости и благодарности оставлялъ предпрiятiе сего дѣла во всемъ на мое благоизобрѣтенiе; а только о томъ старался, чтобъ я пощадилъ между бунтовщиками въ сiе дѣло вступившихъ по неволѣ.

Такимъ порядкомъ возвращались мы въ разгорахъ своихъ къ бунтовщикамъ, а между тѣмъ увидѣли, что двое изъ нихъ вставши пошли къ взморью, и что

что на мѣстѣ остались только одни бунтовщики; и такъ Капитанъ взявши слугу моего, пошелъ къ нимъ, и неосторожнымъ своимъ ходомъ разбудилъ одного матроса, которой проснувшись началъ будить своихъ товарищей; но Капитанъ не давъ ему время кричать, убилъ однимъ выстрѣломъ, а другова тѣмъ же раненаго пришибъ дуломъ.

Оставшiеся видя меня съ ихъ командирами приближающагося, начали просить помилованiя; а мы согласились на то съ тѣмъ, чтобъ они позволили себѣ связать назадъ руки. Они ни въ чемъ не спорили, и дали Капитану присягу помогать ему во овладѣнiи корабля его.

Между тѣмъ, какъ я послалъ Пятницу слугу своего для собранiя съ шлюбки веселъ и парусовъ, прибѣжали на выстрѣлъ и прочiе; и видя Капитана побѣдителемъ, а товарищей своихъ связанныхъ, отдались ему безъ всякаго бою.

Такимъ образомъ побѣдивши непрiятелей, разсказалъ я Капитану всѣ свои приключенiя; особливо чудно было ему, когда онъ увидѣлъ мой цейггаусъ и магазейны. Въ замкѣ своемъ подчивалъ я его лучшимъ своимъ кушаньемъ; при чемъ думали, какъ бы овладѣть кораблемъ, гдѣ осталось еще 27 человѣкъ

матро-

матросовъ. Мнѣ пришло на умъ, что оставшїеся на кораблѣ, сомнѣваясь о медлѣнности находящихся на берегу своихъ товарищей для провѣданія, что съ ними зѣлалось, пошлютъ на берегъ еще нѣсколько человѣкъ на оставшей у нихъ шлюпкѣ. Въ такихъ мысляхъ утвердившись приказалъ провертѣть на днѣ шлюбки большую дыру, чтобъ прїѣхавшїе не видя своихъ товарищей не увели ее на корабль съ собою, ибо я никогда не надѣялся, чтобъ могли мы овладѣть кораблемъ; и для того старался оставить у себя шлюпку, на которой до твердой земли безъ всякой опасности объѣхать было можно.

Къ вечеру поднятъ былъ на кораблѣ при пушечномъ выстрѣлѣ призывной флагъ; а потомъ спустя долгое время спустили шлюпку, и прїѣхали на берегъ десять человѣкъ вооруженныхъ матросовъ.

Капитанъ смотря на приближающихся бунтовщиковъ своихъ сказалъ мнѣ, что между ими есть и добрые люди, о коихъ онъ довольно увѣренъ, что они принужденно взбунтовались; прочихъ же, какъ великихъ злодѣевъ, весьма опасаться должно. Я сказалъ ему на то: сколькобъ ихъ ни было, однакожъ мы должны съ ними драться. Намъ смерти бояться

ся не надобно, по тому что жизни нашей нѣтъ хуже въ свѣтѣ, и для того надлежитъ почитать смерть нѣкоторымъ ко избѣжанїю сего несчастїя служащимъ способомъ. Куда дѣвалась теперь ваша вѣра? когда вы мнѣ говорили сами, что Богъ послалъ меня на ваше избавленїе. Бодрствуйте и надѣйтесь на помощь Всевышшаго; а я вижу въ семъ дѣлѣ трудность, чтобъ съ плутами не побить и честныхъ людей; а безъ того бы я конечно шлюпкою и сими бунтовщиками овладѣть не усумнился.

Такїя твердымъ голосомъ выговоренныя слова ободрили Капитана. Онъ обѣщался поступать во всемъ по моимъ совѣтамъ. Между тѣмъ отправили мы нашихъ плѣнныхъ въ разныя мѣста, для содержанїя ихъ подъ карауломъ; двоихъ, коимъ Капитанъ меньше прочихъ вѣрилъ, завязавши глаза отвели Порутчикъ и Пятница въ гротъ мой съ обѣщанїемъ дать имъ свободу, естьли только смирно тамъ сидѣть будутъ; за ослушанїе же ихъ грозилъ я имъ смертїю. Дали имъ на два дни пищи, а они благодаря насъ за то, были до прибытїя нашего всѣ въ гротѣ, можетъ быть для того, что лѣсомъ, коимъ онъ окруженъ былъ, за густотою его и пройти къ взморью не надѣялись. Двухъ не столь по-

подозрительныхъ посадили въ замкѣ, а троихъ по рекомендацїи Капитанской причислили къ своему войску; и такъ было насъ тогда уже восемь человѣкъ, и по тому безъ всякой опасности можно было на десять человѣкъ отважиться.

Боялся только того, чтобъ гости наши, приставши къ острову, и отчалившись отъ берега, шлюпки на якорь не поставили. Но по счастїю они не были столь осторожны, и по выходѣ втащили ее такъ, какъ и первую на берегъ; увидя же первую со всѣмъ испорченную и разграбленную, собравшись вкругъ кричали въ одинъ голосъ товарищамъ своимъ, потомъ стрѣляли изъ ружей, а наконецъ не слыхавши отвѣту пришли въ такую робость, что намѣрены были тотъ же часъ на корабль возвратиться, и дѣйствительно сѣвши въ шлюпку начали отваливать; но пожалѣя друзей своихъ, оставя въ ней троихъ, вышли паки на берегъ, и взошедъ на гору, кричали долгое время.

Капитанъ совѣтовалъ мнѣ учинить на нихъ нападенїе тогда, какъ они выстрѣлятъ, чего въ разсужденїи первой ихъ поступки и ожидать возможно было; по чемубъ они не имѣя время зарядить оныя, въ полонъ отдаться принуждены были: но сего никоимъ обра-

зомъ

зомъ учинить было не можно, для того, что они стояли на горѣ, и въ то время, какъ бы мы къ нимъ на верхъ побѣжали, конечно ружья свои зарядить успѣли; а при томъ я и того опасался, чтобъ оставшїе въ шлюпкѣ, видя несчастїе своихъ товарищей, на корабль не уѣхали, чтобы они конечно и здѣлали, и такъ поднявши якорь ушлибъ въ море, и тѣмъ уничтожилибъ всю мою надежду къ возвращенїю въ отечество. За лучшее же почиталъ я то, чтобъ отрѣзавъ ихъ отъ шлюпки атаковать ночью, естьли возможно такъ, чтобъ и находившїеся въ шлюпкѣ того не слыхали, дабы послѣ и ихъ удобнѣе захватить было можно.

Бунтовщики посидѣвши на горѣ пошли къ своей шлюпкѣ, товарищей своихъ дѣйствительно пропавшими почитая. Капитанъ видя уничтожающуюся тѣмъ свою надежду, приходилъ въ отчаянїе, которое поправилъ я слѣдующею хитростїю. Приказалъ Порутчику итти съ слугою своимъ на гору, гдѣ бунтовщики сидѣли, и подать имъ оттуда голосъ; а какъ они за ними пойдутъ и откликаться станутъ: то идучи впередъ завести ихъ крикомъ своимъ такъ далеко, чтобъ

они

они прежде ночи къ шлюпкѣ своей не могли возвратиться.

Матросы сѣвши въ шлюпку начали уже отваливать, какъ услышали посланныхъ моихъ голосъ, чего ради тотчасъ выскоча всѣ на берегъ побѣжали къ тому мѣсту, откуда онъ былъ слышанъ. А понеже все сїе произходило во время прилива, отъ котораго находившейся между шлюпкою и горою заливъ такъ водою наполнился, что имъ перейти никоимъ образомъ было не можно, и для того поѣхавши въ шлюпкѣ по полой водѣ въѣхали на самой берегъ, гдѣ и привязали ее къ дереву. А сколь скоро ушли они у насъ изъ виду; то я примѣтилъ, что оставшїе на шлюпкѣ матросы, напившись пьяны, одинъ вышедъ на берегъ легъ спать, а другой въ ней. Пользуясь симъ случаемъ и почитая ихъ спящими, приказалъ Капитану учинить на нихъ нападенїе; по чему Капитанъ выбѣжавши вдругъ изъ лѣсу, и ударивши дуломъ въ голову лежащаго на берегу, кричалъ находившемуся въ шлюпкѣ, чтобъ онъ отдался безъ всякаго бою, которой видя много вооруженныхъ людей, а товарища своего убитаго, а особливо будучи изъ тѣхъ, коихъ почиталъ Капитанъ себѣ вѣрными, отдался безъ сопротивленїя, и служилъ ему послѣ со всякою вѣрностїю.

Порутчикъ съ слугою моимъ такъ исправили свою комисїю, что крича и отвѣтствуя на крикъ матроской, съ горы на гору такъ далеко ихъ въ лѣсъ заманили, что имъ прежде ночи до шлюпки возвратиться было не можно. Идучи назадъ кричали переднїе оставшимъ, чтобъ они за ними, какъ возможно, поспѣшали; а тѣ отвѣтствовали, что они уже далеко и итти не въ силахъ. Сей ихъ извѣтъ причинилъ мнѣ несказанную радость.

По приходѣ къ шлюпкѣ, и видя ее со всѣмъ ограбленную, а при томъ ни руля, ни веселъ не имущую, въ такое впали отчаянїе, что вопили такъ, какъ бѣшеные. Увы! конечно заѣхали мы на волшебной островъ; конечно на немъ живутъ нечистые духи; все равно хотя и люди; они насъ также, какъ и первыхъ нашихъ товарищей, лишатъ жизни. Сїе продолжалось долгое время.

Между тѣмъ команда моя показывала несказанную охоту къ бою; но мнѣ хотѣлось взять ихъ безъ всякаго кровопролитїя; и для того дожидался того, какъ они по разнымъ мѣстамъ разойдутся. Скоро потомъ ботсманъ, яко началь-

начальникъ возмущенія, въ несчастіи своемъ больше всѣхъ слабость свою показующей, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Капитанъ съ моимъ слугою; а сей будучи не въ состояніи терпѣть сего своего злодѣя, вышедъ изъ терпѣнія выскочилъ изъ лѣсу, и выстрѣлилъ по немъ безъ всякаго прицѣлу.

На выстрѣлъ прибѣжалъ и я къ нему со всею моею арміею, коею командовалъ Генералиссимъ Робинзонъ Крузе. Въ командѣ у меня былъ Генераломъ Поручикомъ Пятница слуга, а солдаты Капитанъ, Поручикъ, пасажиръ и трое плѣнныхъ, принятыхъ къ намъ въ службу въ разсужденіи ихъ добрыхъ поступокъ.

Ночь была такъ темна, что бунтовщикамъ не видно было нашего многолюдства. Яжъ темнотою пользуясь приказалъ плѣнному своему, коего Робинзономъ же звали, спросить у нихъ, хотятъ ли они безъ драки въ полонъ отдаться. А сей началъ имъ кричать: Томасъ Шмидъ положи ружье, и отдайся въ полонъ, я уже въ полону, Ботсманъ нашъ раненъ, Афрей убитъ, Губернаторъ острова далъ пятьдесятъ человѣкъ солдатъ нашему Капитану, они васъ уже давно ищутъ; пожалуй совѣтуй товарищамъ отдаться въ полонъ, а безъ того вы всѣ пропадете. Да простятъ

стятъ ли насъ, спросилъ у него Шмидъ? О томъ спрошу я у Капитана, отвѣчалъ ему Робинзонъ. А между тѣмъ вскричалъ Шмиду Капитанъ: я вамъ совѣтую положить ружья, и обѣщаюсь васъ простить, выключая однако Аткенса, коему приказываю приготовлятся къ смерти, для того что уже такъ отъ Губернатора приказано. Чѣмъ я другихъ виноватѣе, возопилъ тогда Аткенсъ, не всѣ ли мы равнаго наказанія и прощенія отъ васъ достойны? Но онъ то говорилъ весьма лживо, ибо онъ первой наложилъ на Капитана свои руки, и по выводѣ изъ шлюпки на берегъ, хотѣлъ отрубить ему голову. На что сказалъ ему Капитанъ: отдайся на его волю, и проси милости у Губернатора. Симъ титуломъ удостоилъ Капитанъ меня такъ, какъ Повелителя острова.

Наконецъ бунтовщики ни мало не мѣшкавъ, положили ружья, и просили, чтобъ Капитанъ помиловалъ ихъ по своему человѣколюбію. Я приказалъ Робинзону и двумъ его товарищамъ связать имъ руки, и выступить къ нимъ своей въ пятидесяти человѣкахъ разглашенной, точно же въ восьми чиловѣкахъ состоящей арміи; а самъ остался въ лѣсу. Такимъ порядкомъ полонилъ я и другую бунтовщиковъ партію. Они

Они съ искреннимъ раскаяніемъ просили Капитана о своемъ помилованіи; а онъ отсылалъ ихъ всегда съ сею ихъ прозьбою ко мнѣ. Вы думали, говорилъ онъ имъ, оставить меня на дикомъ и непоселенномъ острову, однакожъ въ томъ весьма обманулись, по тому что онъ не только людьми обитаемъ, но еще къ вящшей вашей бѣдѣ управляется Агличаниномъ, которой будучи о законахъ нашихъ свѣдомъ, васъ такъ, какъ морскихъ разбойниковъ, наказать не упуститъ.

Сія выдумка получила желаемое мною дѣйствіе: ибо Аткенсъ со всѣми бунтовщиками горькими слезами обливаясь, просили Капитана о исходатайствованіи имъ у Губернатора милости. Яжъ видя открывающуюся ко взятью корабля надежду и утверждая зломышленниковъ въ томъ, что они дѣйствительно во власти Губернаторской находятся, послалъ слугу своего къ Капитану съ приказомъ, чтобъ онъ ко мнѣ явился. А Капитанъ, понявши мою хитрость, отвѣтствовалъ ему весьма учтиво: скажи Его Превосходительству, что я тотчасъ буду. А матросы видя Капитана своего учтивой отвѣтъ, и увѣрившись, что у меня дѣйствительно есть 50 человѣкъ лю-

людей, усугубляли ему прозьбы свои о исходатайствованіи имъ у меня прощенія.

По приходѣ Капитанскомъ объявилъ я ему, коимъ образомъ намѣренъ я взять корабль, а плѣнныхъ разсадить по разнымъ мѣстамъ; и для того раздѣля ихъ на двѣ партіи отвели Аткенса съ тѣми, въ коихъ не было къ обращенію на путь истинны ни малой надежды, въ гротъ, а прочихъ въ загородной домъ. На другой день посылалъ я къ нимъ Капитана провѣдать о ихъ намѣреніи; а они съ клятвою обѣщались ему помогать во взятьѣ корабля его, естьли онъ только въ томъ поручится, что они прощены будутъ.

Яжъ не упуская ничего до безопасности нашей касающагося, приказалъ Капитану взять изъ нихъ половину, а другую вмѣсто аманатовъ на острову оставить съ тѣмъ, что естьли они паки взбунтуются, то оставшіе конечно будутъ перевѣшены. Взятые въ аманаты просили освобожденныхъ своихъ товарищей, чтобъ они ихъ не выдали; а сіи увѣряли друзей своихъ, что они конечно будутъ служить Капитану своему до послѣдней кап-

капли крови ; а чрезъ то армія моя умножилась до 12 человѣкъ.

Вотъ число людей, съ коими капитанъ долженъ былъ брать корабль. Я остался съ слугою своимъ на берегу, и здѣлался изъ Губернаторовъ тюремнымъ приставомъ у своихъ плѣнныхъ, коихъ было семь человѣкъ. Я назначенъ былъ къ тому по сказанію Капитанскому отъ Губернатора, съ тѣмъ, чтобъ они безъ моего повелѣнія ни куда ходить не осмѣлились. Въ случаѣжъ ихъ ослушанія, дана была мнѣ надъ ними власть, заковать ихъ въ желѣза.

Возмутители, представляя себѣ островскаго Губернатора не въ такомъ негодномъ уборѣ, въ какомъ я былъ, почитали меня не инако, какъ Губнымъ старостою, по тому что по безобразному и неудѣльному длинному моему платью инако меня и почитать было не можно. Яжъ пользуясь ихъ невѣденіемъ разсказывалъ имъ о Губернаторскомъ замкѣ, и о его людяхъ столько похвалы, что они тѣмъ устрашены будучи, безъ моего позволенія и на сторону итти не осмѣливались.

Между тѣмъ Капитанъ, не упуская времени, исправилъ шлюбки; одну отдалъ въ команду пасажиру, а самъ сѣлъ съ Порутчикомъ своимъ и съ пятью чело-

вѣками матросовъ въ другую, а по пріѣздѣ къ кораблю приказалъ вышеупоминаемому Робинзону отзываться, на вопросы съ корабля чинимые, что ѣдутъ назадъ обѣ шлюпки, и что все благополучно. А между тѣмъ, какъ сей матросъ съ часовымъ разговаривалъ, то приставши къ кораблю, первые вышли на оной Капитанъ съ Порутчикомъ, и убили тотчасъ подшкипора и плотника, яко начальниковъ всего бунта, и подкрѣпляемы будучи подкомандующими своими овладѣли на верьху тогда всѣми находившимися людьми ; и закрывъ люки удержали прочихъ отъ дальнаго кровопролитія. Въ тожъ самое время пристала и другая шлюпка ; а зломышленники, видя возставшихъ противъ ихъ товарищей своихъ, отдались всѣ Капитану, и прося въ проступкѣ своей прощенія учинили ему въ вѣрности присягу.

Новой Капитанъ услышавши необычайной въ кораблѣ шумъ, заперся въ своей каютѣ, и подкрѣпляемъ будучи тремя матросами схватился за оружіе : но по выломаніи въ каюту дверей хотя и выстрѣлилъ, однакожъ ранилъ весьма легко одного Порутчика, которой и убилъ его до смерти ; прочіе же

же видя убитаго своего командира, сдались безъ всякаго сопротивленія. Такимъ образомъ овладѣлъ Капитанъ кораблемъ своимъ безъ дальнаго кровопролитія.

Онъ увѣдомилъ меня о томъ семью пушечными выстрѣлами. Я во ожиданіи сего договореннаго у меня съ нимъ сигнала, стоялъ на берегу, а услышавши и отъ великихъ трудовъ утомленъ будучи, на силу добрался до своей постели, и уснулъ весьма крѣпко, и до тѣхъ поръ не проснулся, пока не разбудилъ меня Капитанъ, которой кликалъ меня стоя близъ моей постели: вставай, любезной другъ мой! говорилъ онъ; вотъ я со всѣмъ кораблемъ моимъ къ твоимъ услугамъ; покидай пустыню свою, и прими благодарность отъ человѣка избавленнаго тобою отъ смерти.

Я слыша такія слова въ такое пришелъ восхищеніе, что радостной восторгъ мой сдѣлался было причиною моей смерти; и естьлибъ Капитанъ не запасся нужными при такихъ случаяхъ спиртами: то бы здѣлался онъ мнѣ неминуемою моею кончиною. Но по пришествіи помощію лѣкарствъ въ чувство, вошелъ съ нимъ, или лучше сказать, ввелъ онъ меня на обсерваторію мою, откуда увидѣлъ въ заливѣ моемъ почти близъ самаго берега стоящей корабль. Тогда уже не можно было сомнѣваться о избавленіи моемъ; а воображеніе о будущемъ благополучіи ввергло меня въ прежнюю нечувствительность, отъ которой на силу могъ я опамятоваться.

Капитанъ, будучи не меньше моего радъ, и взирая на свой корабль, приходилъ въ изступленіе, и увѣряя благодарностію своею и искренностію, обѣщался быть вѣрнымъ моимъ другомъ, и не забывать показаннаго мною ему одолженія. Яжъ радостными слезами на конецъ прослезившись, и на колѣни бросившись благодарилъ Всевышняго Творца за такія неизчетныя его ко мнѣ милости, а по томъ оборотясь къ Капитану изпрашивалъ у него себѣ вѣрной его дружбы. Онъ же не давши еще окончать рѣчь мою, приказалъ принести привезенныя мнѣ въ подарокъ оставшіяся отъ грабительства бунтовщиковъ наилучшія вещи, состоящія въ разныхъ на острову желающему жить нужныхъ бездѣлкахъ.

Пріятнѣйшія же были для меня пара платья, рубашки, и прочей необходимой для человѣка уборъ, въ которой я тотчасъ и нарядился; а затѣмъ, что уже болѣе 20 лѣтъ не носилъ

силъ Европейскаго платья. Надѣвши же оной думалъ, будто бы я былъ связанъ. По перенесеніи Капитанскихъ подарковъ въ замокъ, разсуждалъ я съ Капитаномъ, что дѣлать съ бунтовщиками, говорилъ онъ? показанная милость ихъ не исправитъ, и того ради необходимо должно ихъ вести въ Англію скованыхъ, а по пріѣздѣ отдать въ примѣръ другимъ для наказанія. Но какъ я ему представилъ, что они хотя и скованы будутъ, однако стращать станутъ другихъ, что они и ихъ оговорятъ, и тѣмъ паки ихъ къ бунту склонить могутъ: то онъ согласился, чтобъ ихъ на острову оставя снабдить всѣмъ нужнымъ изъ одного только человѣколюбія.

По сему уговору выпустили мы сперьва Аманатовъ за тѣмъ, что товарищи ихъ обѣщаніе свое точно исполнили; а по томъ приказалъ къ себѣ привести и начинщиковъ возмущенія, коихъ уговорилъ я на острову остаться. А какъ Капитанъ показывалъ на то притворное свое несогласіе, то я будто бы на него досадуя, сказалъ слѣдующее: Я взялъ ихъ въ полонъ, по чему и имѣю власть дарить ихъ жизнію. Выговоря сіе развязалъ всѣхъ, и приказалъ бѣжать имъ въ лѣсъ съ обѣ-

щаніемъ дать имъ для обороны ружье и аммуницію. Сія хитрость не мало помогла къ тому, что сіи злонравные и упрямые люди въ огорченіе непріятелю своему на предложеніе мое согласились; хотя прежде лучше въ Англіи умереть, нежели на дикомъ острову жить хотѣли.

А какъ я имъ сказалъ, что Капитанъ умышленно упрямится, чтобъ ихъ только тѣмъ заманить на свое судно, чтобъ по привозѣ на корабль ихъ всѣхъ перевѣшать, что уже онъ и дѣйствительно учинилъ съ выбранными ими командирами, какъ сами видѣть могутъ на корабельномъ носѣ висящаго человѣка: ибо Капитанъ по отъѣздѣ на корабль повѣсилъ по моему совѣту мертвое тѣло; что они видя, и проклиная его хитрость, обѣщались мнѣ остаться жить на острову.

Яжъ твердое ихъ намѣреніе видя, отдалъ имъ все то, что у меня было; показалъ свои лодки, хуторы и домы; научилъ, когда и какъ имъ хлѣбъ сѣять, толочь, и печь изъ него хлѣбы должно, далъ имъ письмо къ ожидаемымъ на островъ Ишпанцамъ; совѣтовалъ жить съ ними въ дружбѣ; подарилъ ихъ отъ Капитана полученными

вещьми, и по переночеваніи съ ними той ночи поѣхалъ на корабль, взявъ съ собою свои деньги, кои за неупотребленіемъ такъ перержавѣли, что почти и дочиститься было не можно, подсолнечникъ, попугая и вѣрнаго слугу своего Пятницу; а прощаясь съ ними обѣщался, или самъ къ нимъ пріѣхать, или прислать къ нимъ изъ Англіи необходимо для заводскаго житія нужныя инструменты, также и всякіе огородные плоды и скотину.

Въ ту ночь не могли мы за противною погодою сняться съ якоря; а въ четыре часа по утру приплыли къ кораблю двое изъ оставленныхъ на острову, и просили о принятіи ихъ въ судно, хотя бы имъ и тужъ минуту быть повѣшенными; по тому что товарищи намѣрены были ихъ употреблять вмѣсто невольниковъ во всѣ работы.

Капитанъ не хотѣлъ ихъ принять безъ моего позволенія; а я присовѣтовалъ впустивши ихъ въ корабль, за возмущеніе ихъ учинить жестокое наказаніе, а отъ того они такъ перемѣнились, что поправя жизнь свою здѣлались лучшіе люди. Послѣ того сослали мы къ оставшимъ на берегу ихъ вещи; также выпросилъ я для нихъ у

у Капитана немалое число пороху, что и принято было ими съ немалымъ благодареніемъ.

Такимъ чуднымъ случаемъ избавился я пустынной своей жизни въ 1686 году Декабря 19 числа, препроводя на острову 28 лѣтъ, два мѣсяца и десять дней, въ тотъ же день и мѣсяцъ, въ которой я уѣхалъ отъ Салейскихъ разбойниковъ. А какъ вѣтръ перемѣнился, то поднявши якорь, и отдавши честь острову, отправились въ путь, и по окончаніи счастливаго пути прибыли въ Англію въ 1687 году въ 11 день мѣсяца Іюня.

Я не былъ уже въ отечествѣ моемъ 35 лѣтъ; и такъ по прибытіи въ Лондонъ казалось мнѣ такъ дико, какъ будто бы пріѣхалъ въ какое незнакомое мнѣ мѣсто. Честная правительница оставшаго моего имѣнія была хотя еще и жива, но уже въ крайней бѣдности. Яжъ видя такое ея состояніе, денегъ своихъ отъ нее и не требовалъ, но награждая ее за честныя ея поступки, помоществовалъ ей столко, сколко тогдашнія обстоятельства мои мнѣ въ томъ дозволять могли.

Пріѣхавши же въ Іоркъ, нашелъ я тамъ двухъ сестеръ своихъ, кои въ оставшемъ послѣ отца имѣніи раздѣлись и въ принадлежащей мнѣ части, и такъ не имѣя ни малой надежды къ полученію отцовскаго наслѣдства возвратился въ Лондонъ, гдѣ получилъ отъ владѣльцовъ избавленнаго мною корабля въ подарокъ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ.

Разсуждаяжъ о своихъ обстоятельствахъ и о маломъ достаткѣ своемъ, коимъ почти, а при томъ съ нуждою, содержать себя могъ, намѣрился ѣхать въ Лиссабону, и искать того, не могу ли я навѣдаться о Бразильскихъ своихъ заводахъ; для сего поѣхалъ я въ Лиссабону, куда и прибылъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

По многомъ спрашиваніи нашелъ я того Капитана, которой принялъ меня на свой корабль во время моего побѣга изъ Сале, и коего я при отъѣздѣ моемъ изъ Лиссабоны учинилъ своимъ наслѣдникомъ. Онъ насилу могъ меня узнать, такъ былъ уже тогда старъ, что я принужденъ былъ разсказать ему всю свою повѣсть, по которой вспомня меня весьма обрадовался. И такъ возобновя съ нимъ старинное знакомство получилъ о заводахъ своихъ слѣдующее извѣстіе:

Я уже назадъ тому лѣтъ съ десять не былъ въ Бразиліи, а въ послѣдней разъ бытія моего товарищъ и сосѣдъ вашъ еще здравствовалъ; повѣренные ваши померли оба, однакожъ вы можете всегда получить о имѣніи вашемъ точное извѣстіе, по тому что они по случаю разпространившагося о смерти вашей слуху, подавали Государственному Фискалу ежегодныя о заводахъ вашихъ извѣстія, а по тому поданному отъ нихъ всѣмъ вашимъ вещамъ реэстру, описана одна часть на Государя, двѣ на Августинской монастырь, а четвертая на содержаніе бѣдныхъ. Въ казну взятая часть невозвратна; стоитъ ли же вашъ заводъ того, чтобъ вы сами для него въ Бразилію ѣхали, и можете ли вы его возвратить, того я сказать вамъ не знаю; а только о томъ извѣстенъ, что бывшей вашъ сосѣдъ жилъ еще и при мнѣ весьма богато. Надѣюсь же, что по его и оставшихъ послѣ прикащиковъ вашихъ наслѣдниковъ, кои будучи честные и достаточные люди въ томъ не поспорятъ, свидѣтельству вы плантаціи свои конечно получите.

 Мнѣ

Мнѣ то весьма удивительно, отвѣчалъ я ему, почему они въ управленіе оной вступиться осмѣлились, а особливо, что я по духовной своей учинилъ во всемъ имѣніи моемъ васъ наслѣдникомъ. Сему дивиться не можно сказалъ мнѣ старикъ; потому что они за неимѣніемъ точнаго о смерти вашей извѣстія меня до владѣнія онаго и не допустили; а только получилъ съ заводовъ вашихъ первыхъ семи лѣтъ доходы, кои употребилъ я на размноженіе оныхъ, въ томъ есть у меня засвидѣтельствованной сосѣдьми расходной реэстръ; а за тѣмъ осталось у меня 470 муадоровъ, на которые я купилъ себѣ мѣсто въ кораблѣ, ибо судно мое на возвратномъ изъ Бразиліи въ Лиссабону пути разбило. Между тѣмъ, любезной другъ! сказалъ онъ мнѣ, продолжая рѣчь свою, вы конечно отъ меня ихъ получите, сколь скоро сынъ мой изъ Бразиліи назадъ будетъ. Теперь отдаю вамъ 160 муадоровъ, а за оставшія уступаю вамъ, когда вы похотите имѣть часть мою въ кораблѣ, на которомъ сынъ мой торгуетъ.

Я чувствительно тронутъ былъ честною поступкою старика сего, и вспомня его ко мнѣ одолженіе не бралъ до тѣхъ поръ у него сихъ денегъ, пока

ка онъ меня точно не увѣрилъ, что ему въ нихъ нѣтъ крайней нужды, также и отъ имѣвшейся у него въ кораблѣ части, по вступлении во владѣніе моихъ заводовъ, обѣщался со всѣмъ отказаться, тѣмъ наипаче, что я самъ въ Бразилію ѣхать былъ намѣренъ.

Но наконецъ совѣты друга моего убѣдили меня такъ, что я, слѣдуя онымъ явился въ Лиссабонѣ государственному Нотаріусу, и засвидѣтельствуяся Капитаномъ, что я дѣйствительно господинъ моихъ въ Бразиліи находящихся, и описанныхъ на монастыри и на Государя заводовъ, изходатайствовалъ отъ него, что послана была туда справка; а на оную и получилъ чрезъ полгода точной отвѣтъ, также и отъ наслѣдниковъ учрежденныхъ мною надъ ними прикащиковъ точное увѣдомленіе, что мнѣ отъ нихъ слѣдуетъ получить 1498 муадоровъ. Игуменъ Августинскаго монастыря далъ мнѣ также знать, что у него для отдачи мнѣ имѣются готовыхъ 872 муадора, о описанной же въ казну части не было никакова извѣстія; также прислано было ко мнѣ собственнаго съ заводовъ моихъ продукта довольное число сахару и табаку и описаніе благосостоянія оныхъ;

и отъ управителей богатой подарокъ съ поздравленіемъ о моемъ въ Европу возвращеніи и съ пріобщенною при томъ прозбою, чтобъ я управленіе оныхъ или имъ повѣрилъ, илибъ самъ въ Бразилію пріѣхавъ, съ ними тамъ жить поселился.

Сія неожидаемая перемѣна причинила мнѣ такую радость, отъ которой, естьлибъ Капитанъ не ускорилъ пустить крови, конечнобъ мнѣ смерть приключилась. Вдругъ изъ самобѣднѣйшихъ людей здѣлался я великимъ богачемъ, и капиталъ мой по оцѣнкѣ знатоковъ заводовъ, и присланныхъ со оныхъ товаровъ, состоялъ почти изъ 50000 фунтовъ стерлинговъ. Я возвратилъ Капитану уплаченной имъ долгъ мой, въ оставшемъ отказался писменно, да сверхъ того повѣря ему получать съ заводовъ моихъ доходы, и пересылать ихъ ко мнѣ въ Лондонъ опредѣлилъ ему по сту, а сыну его по пятидесяти фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго съ нихъ доходу.

По полученіи пересланныхъ изъ Бразиліи отъ прикащиковъ, и по взятьѣ за привезенные товары денегъ, не зналъ, куда съ ними дѣваться, и при всемъ моемъ богатствѣ былъ весьма безпокоенъ, всегда опасаясь, чтобъ они не здѣлались причиною моей пагубы; сожалѣлъ о томъ, что уже не могу ихъ такъ хранить, живучи между людей, какъ я въ бытность мою на острову клалъ ихъ со всѣмъ въ неукрѣпленныя мѣста, но при томъ безъ всякой о пропажѣ ихъ опасности.

Между тѣмъ, зная крайность вдовы моего друга, переслалъ къ ней сто фунтовъ стерлинговъ, и сестрамъ своимъ по толикой же суммѣ, обѣщаясь и впредь въ нуждахъ ихъ не оставлять, и будучи въ Бразиліи натурализированъ, или причисленъ въ мѣщанство, думалъ со всѣмъ въ Англіи забравшись туда отправиться, и тамъ поселиться: но одна удерживала меня отъ того разность моей вѣры съ Католиками, которую однакожъ не хотѣлъ я перемѣнить ни за все богатство въ свѣтѣ.

При отправленіи изъ Лиссабоны Бразильскаго флота писалъ къ своимъ управителямъ, и пріобща къ письмамъ своимъ небольшой подарокъ, просилъ ихъ, чтобъ они заводы мои взяли въ свое смотрѣніе; а доходыбъ оныхъ пересылали всегда въ Лиссабону на имя Капитана, помянутаго друга моего, игумну Августинскаго монастыря подарилъ тѣ деньги, коими онъ мнѣ былъ долженъ

долженъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ роздалъ нищимъ и бѣднымъ людямъ.

Такимъ образомъ окончавши въ Лиссабонѣ всѣ дѣла свои, думалъ возвратиться въ Англію; но не зналъ какою ѣхать дорогою, моремъ ли или сухимъ путемъ, а хотя я и привыкъ уже къ мореходству, однакожъ не смѣлъ ввѣрить непостоянной сей стихіи своихъ сокровищъ, при томъ же нѣкоторое внутреннее отъ сего пути имѣлъ отвращеніе А сіе было и не напрасно, ибо корабль, на которомъ я ѣхать былъ долженъ, взятъ въ полонъ Алжирцами, да и Капитанъ, другъ мой, мнѣ моремъ ѣхать не совѣтовалъ, а ѣхать приговаривалъ чрезъ Ишпанію и Францію.

Онъ сыскалъ мнѣ добрыхъ попутчиковъ, а именно: знакомца своего Лиссабонскаго купца и при томъ природнаго Агличанина, да съ нимъ еще двухъ купцовъ же, послѣ пристали къ намъ два Португальскихъ дворянина, а у всѣхъ у насъ было пять человѣкъ слугъ, у меня двое по тому что я принужденъ былъ за незнаніемъ Пятницею Европейскихъ обычаевъ, принять къ себѣ въ лакеи Аглинскаго матроса.

Мы

Мы всѣ снабдились ружьями и прочею военною аммуниціею, коею довольно вооружась отправились изъ Лиссабоны въ путь свой. Весь сей караванъ дѣлалъ мнѣ отмѣнную честь, и называлъ меня командиромъ своимъ, не токмо для моей старости, но и для того, что у меня было двое слугъ, и что я первой предпріялъ путь сей.

А понеже я при описаніи путешествія своего не упоминалъ никогда о свойствахъ народа и земель, гдѣ мнѣ во время онаго быть случилось, то и при описаніи сего путешествія о томъ молчать буду; по тому что и безъ меня сіи земли уже довольно описаны; а только упомяну о томъ, что со мною во время онаго случилось.

По пріѣздѣ въ Мадритъ пробыли мы въ сей Испанскаго государства столицѣ столько, сколько намъ для смотрѣнія примѣчанія достойныхъ въ немъ вещей времени употребить было надобно, а по томъ при наступленіи осени выѣхали изъ оной въ половинѣ Октября мѣсяца. По пріѣздѣ въ Наварру увѣдомились, что всѣ проѣзжіе за великимъ въ горахъ выпавшимъ снѣгомъ возвращаются въ Пампелону главной городъ сей провинціи.

Хо-

Холодъ такъ былъ великъ, что мнѣ, привыкшему жить въ жаркихъ мѣстахъ, весьма здѣлался несноснымъ, а бѣдной Пятница, слуга мой, на силу могъ сидѣть на лошади. Ему, какъ то и всякой разсудить можетъ, рожденному въ такихъ мѣстахъ, гдѣ и безъ платья ходить можно, зима была несноснѣе всѣхъ.

Между тѣмъ продолжающейся безпрерывно снѣгъ дорогу въ Пиринейскихъ горахъ такъ испортилъ, что ею и проѣхать было не можно, а особливо отъ того, что въ Ишпанїи никогда такихъ морозовъ не бываетъ, которые бы снѣгъ такъ могли заморозить, чтобъ онъ и лошадь поднимать былъ въ состоянїи. Яжъ будучи о томъ свѣдомъ, совѣтовалъ попутчикамъ своимъ ѣхать въ Фуентарабїю, а оттуда на караблѣ въ Бурдо.

А какъ мы о томъ совѣтовали; то вступили въ нашъ гербергъ четыре человѣка Французскихъ дворянъ, проѣхавшихъ горы по Лангедокской границѣ, гдѣ снѣгъ такъ замерзъ, что и лошадей поднимать могъ. Мы сыскали ихъ проводника, а онъ обѣщался насъ провести тоюжъ безопасною дорогою, и только совѣтовалъ намъ быть вооруженнымъ за тѣмъ, что въ горахъ волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей было ве-

великое множество. Мы не боялись столько звѣрей, сколько разбойниковъ; а онъ сказалъ намъ, что сїя дорога отъ однихъ токмо звѣрей опасна.

Къ намъ пристало еще 12 человѣкъ Французскихъ дворянъ съ толикимъ же числомъ слугъ своихъ; и такъ по выѣздѣ изъ Пампелоны, поѣхали сперьва тою дорогою, которою мы въ сей городъ изъ Мадрита прїѣхали, по томъ поворотя въ лѣвую сторону въѣхали въ Пиринейскїя горы; во многихъ мѣстахъ проѣзжали мы великїя пропасти, а при томъ такою узкою дорогою, что почти одна лошадь оною пройти могла. А хотя съ горъ часто и показывались намъ Лангедокскїя и Гасконскїя поля, однакожъ съѣхать на нихъ прямо никоимъ образомъ было не можно, но принуждены были долгое время странствовать въ покрытыхъ снѣгомъ пустыняхъ.

Во всю нашу дорогу была такъ великая метель, что съ крайнею нуждою могли мы ѣхать за своимъ провожатымъ, коего безпрестанно бранили за то, что онъ насъ ведетъ такими мѣстами, въ коихъ со всѣхъ сторонъ смерть глазамъ нашимъ представлялась, а онъ всякими образы насъ ободряя увѣрялъ, что мы ско-

скоро дурныя мѣста проѣдемъ. А между тѣмъ случилось съ нимъ слѣдующее несчастїе: Онъ уѣхавши отъ насъ впередъ весьма далеко, атакованъ былъ двумя волками преслѣдованными и ужасной величины медвѣдемъ. Одинъ изъ нихъ бросился лошади на морду, ухватилъ ее за удило, и такъ повисъ у ней на головѣ; а другой ухватя его за ногу тащилъ съ сѣдла долой, и конечнобъ его съѣлъ, естьлибъ я услышавши необычайной крикъ его, не послалъ къ нему на помощь слуги своего. А сей увидя такое бѣднаго сего человѣка несчастїе, поскакалъ къ нему вскричавши мнѣ: О, горе бояринъ! и прискакавши къ нему весьма близко убилъ звѣря изъ пистолета. На выстрѣлъ поспѣшили и мы къ нимъ; и такъ избавили ихъ отъ сихъ алчныхъ звѣрей; провожатой былъ весьма больно искусанъ.

Бывшей съ волками медвѣдь шелъ по лѣсу у насъ въ сторонѣ; а слуга мой увидѣвши и не устрашась ужасной величины его, но будучи измала къ бою дикихъ сихъ звѣрей привыченъ, отдавши лошадь свою другому моему лакею; а самъ скинувши сапоги, надѣлъ туфли, и не взирая на запрещенїя мои, побѣжалъ на него прямо, а самъ кричалъ мнѣ: Прощай бояринъ! я шелъ къ нему просить у него руку, и сказать ему здорово, а ты много сталъ смѣяться. Не ходи глупой человѣкъ, говорилъ я ему, онъ тебя изломаетъ. Какъ меня изломаетъ? отвѣчалъ онъ мнѣ. Я его изломаетъ, убьетъ, и ѣсть станетъ, вы стоять всѣ смирно и смотрѣть, какъ мой вамъ смѣхъ здѣлаетъ.

Медвѣдь идучи въ лѣсъ оглядывался на моего слугу, а сей подошедъ къ нему весьма близко, началъ ему говорить такъ, какъ будто бы звѣрь его разумѣть будетъ: Послушай, братъ! мой хочетъ съ тобой поговорить; а понеже медвѣдь не останавливаясь шелъ своею дорогою, то Пятница поднявши камень бросилъ въ него, и попалъ ему въ голову, а самъ побѣжалъ отъ него такъ скоро, что тяжелой звѣрь и нагнать его былъ не въ состоянїи; потомъ поворотя въ сторону пошелъ въ лѣсъ, изъ коего мы на дорогу выѣзжали. Я видя обращеннаго слугою своимъ лютаго медвѣдя, и въ великомъ сердцѣ будучи, приказывалъ слугѣ своему назадъ воротиться, а самъ хотѣлъ стрѣлять по звѣрѣ.

 Слу-

Слуга видя, что мы прикладываемся, вскричалъ изо всей силы: нѣтъ прикладывайся, нѣтъ прикладывайся, постой, вамъ много будетъ смѣяться. Выговоря сїе началъ еще больше дразнить медвѣдя, и приведя его за собою въ погоню, подбѣжалъ къ стоящему недалеко кудрявому дереву, и брося подъ нимъ ружье свое, взлѣзъ на него весьма скоро. Медвѣдь же обнюхавши ружье, полѣзъ на дерево за своимъ непрїятелемъ, которой влѣзъ на самой конецъ нижняго сучка; а только лишъ звѣрь къ нему полѣзъ, то онъ качая сучокъ просилъ его къ себѣ подвинуться. Медвѣдь будтобы слова его разумѣя, подвинулся впередъ, а слуга мой разговаривая съ нимъ, и раскачавши сучокъ, за которой медвѣвь держась ревѣлъ изъ всего голоса, опустился на землю. Какъ уже сучекъ качаться пересталъ, а медвѣдь непрїятеля своего подъ деревомъ увидѣлъ, то сошедъ съ сучка началъ по дереву на землю опускаться. Слуга же мой пользуясь симъ случаемъ, схватилъ свое ружье, и приложась въ него весьма близко, убилъ звѣря; по томъ вскричалъ намъ: Вотъ такъ въ мой землѣ бьютъ звѣрь изъ большой стрѣлъ.

Та-

Такимъ образомъ здержалъ онъ данное намъ обѣщанїе свое; мы всѣ несказанно тому смѣялись. И конечно бы сей бой намъ былъ увеселительнѣе, естьлибъ смѣхъ нашъ не увѣрялся слышимымъ нами во всѣхъ сторонахъ дороги дикихъ звѣрей воемъ, которой при наступленїи темной ночи, и въ разсужденїи пустыннаго мѣста, въ коемъ мы находились, дѣлался еще ужаснѣе.

Я уже выше сказывалъ, сколько холодно тогда было, и сколь много выпало въ горахъ снѣгу, которой принудилъ, что горные жители скотъ свой въ поля не пускали; а отъ того волки и прочїе хищные звѣри такъ оголодали, что великими стадами по горачъ ходя, нападали на проѣзжихъ, и на лежащїя въ низу оныхъ деревни, въ коихъ и порѣзали множество скота и людей.

Между тѣмъ сказалъ нашъ провожатой, что мы подъѣзжаемъ къ такому мѣсту, гдѣ намъ волковъ миновать никоимъ образомъ не можно, и для того совѣтовалъ намъ имѣть ружья наши въ готовности. И въ самомъ дѣлѣ проѣзжая мы густой лѣсъ въѣхали

 въ

въ небольшую пойму, то выступило къ намъ волковъ со сто такъ, какъ будто бы нарочно въ шеренги построены были. Видя сїе приказалъ я командѣ своей построиться, и стрѣлять по нихъ не всѣмъ, но чрезъ человѣка; а симъ способомъ имѣя каждой изъ насъ пару пистолетъ, могли по нихъ здѣлать съ ряду шесть залповъ. Такимъ порядкомъ два залпа выстрѣливши, и волковъ отъ того отступающихъ видя, вспомняжъ при томъ, что они человѣческаго крику боятся, приказалъ всѣмъ кричать, и дать еще залпъ; а они дѣйствительно назадъ оборотившись побѣжали всѣ въ лѣсъ, и тѣмъ дали намъ время зарядить наши ружья.

И хотя мы сїю партїю и прогнали, однакожъ въ разсужденїи того, что ночь часъ отъ часу становилась темняе, здѣлались обстоятельства наши гораздо плоше, а особливо когда увидѣли, что волки напали на насъ съ трехъ сторонъ, и при томъ въ великомъ множествѣ. По несчастїюжъ должно намъ было проѣзжать лѣсъ узкою дорогою, которую заставили волки такъ, какъ будто бы намъ въ проѣздѣ оною спорить хотѣли. Мы поѣхали на нихъ прямо, но они не

смотря на то, стояли весьма твердо; и такъ принуждены мы были остановиться; а между тѣмъ усмотрѣли въ сторонѣ дороги множество на строенїе срубленныхъ деревъ, за которыя отступя спѣшились, и стали по положенїю оныхъ треугольникомъ, а въ средину поставили лошадей.

Помощїю сего болверка и безпрерывнымъ огнемъ, долгое время удерживая мы сихъ голодомъ разъяренныхъ и безпрестанно на насъ бросающихся звѣрей, побили ихъ весьма много, но не смотря на то, заднїе переднихъ впередъ подвигая, старались до насъ добраться. Наконецъ выстрѣлявши по нихъ пять залповъ, вздумалъ я въ послѣднїе отважиться, и взявши рогъ съ порохомъ высыпалъ порохъ на помянутыя деревья; а какъ волки на болверкъ нашъ вскочили, то я зажегши порохъ приказалъ всѣмъ, учиня великой крикъ, въ послѣднїе по нихъ выстрѣлить.

Волки отъ великаго отъ пороху здѣлавшагося огня, которой при темнотѣ ночи ужаснымъ и намъ самимъ показался, такожъ отъ крику съ выстрѣлами вдругъ учиненнаго, а при томъ и отъ

отъ жалкаго визгу раненыхъ, и опаленныхъ своихъ товарищей, коихъ мы шпагами рубили, такъ испужались, что оборотясь и ни мало не мѣшкавъ въ лѣсъ побѣжали. Мыжъ бѣгствомъ ихъ пользуясь, зарядили свои ружья, и сѣвши на лошадей поѣхали помянутою узкою дорогою, гдѣ попалась намъ на въ стрѣчу бѣгущая во всю прыть и преслѣдованная многими изъ сихъ звѣрей лошадь; также услышали мы въ сторонѣ учиненной ружейной выстрѣлъ, а по выѣздѣ изъ лѣсу увидѣли два тѣла человѣческихъ растерзанныхъ и одну лошадь.

Такимъ образомъ счастливо отъ смерти избавившись, доѣхали мы наконецъ до одной деревни; а дорогою слышали въ сторонахъ безпрерывной вой звѣрей. Жители оной стояли всѣ вооруженные на дворахъ своихъ, и объявили намъ, что въ прошедшую ночь было у нихъ въ деревнѣ великое множество какъ волковъ, такъ и медвѣдей: и для того они видя насъ столь вооруженныхъ, намъ весьма были ради.

Я думаю, что мы на мѣстѣ болѣе пятидесяти волковъ побили; раненаго же нашего провожатаго принуждены мы были оставить въ деревнѣ, и взять

взять другаго, съ коимъ и пріѣхали счастливо въ Тулузъ. Тамъ всѣ дивились чудному нашему съ волками бою, и отвагѣ перваго проводника нашего. Во всей нашей при семъ дѣлѣ поступкѣ только то находили они предосужденія достойнымъ, что мы лошадей поставили во время бою за своими спинами, ибо по мнѣнію ихъ добирались волки только до лошадей; естьли же бы мы на нихъ сидѣли, то бы они столь смѣло нападать на насъ не осмѣлились. Но какъ бы то ни было, однакожъ я лучше почиталъ проѣхать сто миль моремъ, нежели одинъ разъ Пиринейскими горами.

По отдохновеніи отъ великихъ трудовъ своихъ въ Тулузѣ, поѣхалъ я въ Кале чрезъ Парижъ, а изъ Кале прибылъ счастливо въ Дуврь. По прибытіи же въ Лондонъ, и по показаніи взятыхъ въ Лиссабонѣ за свои деньги векселей, нашелъ ихъ всѣ платежными; и такъ получилъ я крайнее отъ того удовольствіе, а притомъ же и жизнь спокойную.

Вдова Капитанша, о которой я выше сего сказывалъ, была во всѣхъ моихъ дѣлахъ тайною совѣтницею. Ей ввѣрялъ я всю свою домашнюю экономію, и жилъ стараніемъ ея въ разсу-

 жденіи

женїи домашнихъ моихъ обстоятельствъ въ вожделѣнномъ покоѣ; и разсудя, что мнѣ по причинѣ Реформатскаго моего закона въ Католицкихъ земляхъ, а особливо для строгой ихъ инквизицїи, въ Бразилии поселиться не можно, съ общаго съ тайною моею совѣтницею совѣту, намѣрился продать находящїеся тамъ мои заводы, и для того писалъ о томъ къ другу своему въ Лиссабону. Онъ совѣтовалъ мнѣ уступить ихъ моимъ прикащыкамъ, кои по мнѣнїю его, будучи богаты, и зная совершенно, чего они стоятъ, хорошую за нихъ цѣну дать не отрекутся.

Я на то былъ согласенъ, писалъ къ нимъ о своемъ намѣренїи, а они при возвращенїи флота въ Лиссабону прислали ко мнѣ на требуемую мною сумму полные и чистые векселя, по которымъ я по написанїи имъ купчей и получилъ совершенной платежъ, а отъ того зделался весьма богатымъ человѣкомъ. Обѣщанныя Португальскому Капитану сто, а сыну его пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. опредѣлилъ я получать ежегодно съ процентовъ моего капитала.

Симъ

Симъ заключаю я первую часть моего похожденїя, наполненную почти невѣроятными, но дѣйствительно со мною случившимся приключенїями. А по случившимися со мною несчастїямъ всякой подумаетъ, что я конечно жить буду уже въ покоѣ, и больше странствовать не вздумаю. Такъ бы и должно, однакожъ я по свѣту скитаться привыкшей, не могъ утерпѣть, чтобъ не послушаться моего племянника, котораго я взялъ отъ сестры своей, воспиталъ у себя; а наконецъ, какъ онъ навигацїи выучился; то купивши ему корабль посылалъ его торговать въ Индїю.

Но сего не удалось мнѣ прежде исполнить, пока я не женился, и не прижилъ себѣ двухъ сыновей и одной дочери. По смерти же жены и тайной моей вышеупоминаемой совѣтницы, и по опредѣленїи къ статскимъ дѣламъ другаго своего племянника, а притомъ по возвращенїи съ богатымъ изъ Индїи грузомъ корабля племянника моего, предпрїялъ я по его совѣту въ 1694 году вторичное путешествїе, во время котораго былъ я на своемъ острову, гдѣ прїѣхавшїе по отъѣздѣ моемъ Ишпанцы жили въ великомъ несогласїи

сїи съ оставленными съ корабля бунтовщиками ; и коихъ похожденїе такожъ и мои по свѣту странствїя составятъ вторую часть моихъ приключенїй.

ПОГРѢШНОСТИ.

стран.	строк.	напечатано	читай.
36	20	видна опасность ,	видна была опасность ,
38	17	и къ которой сторонѣ	и куда
45	22	были не извѣстны	были извѣстны
46	22	примѣчаяжъ ходъ	присматриваяжъ ходъ
54	25	склонность , да еще пользѣ моей	склонность пользѣ моей
59	16	оставить. Сїе	оставить сїе
66	10	далѣе меня въ море	далѣе въ море
70	11	высокой , что	высокой , и что
71	14	ржавыхъ	ржаныхъ
77	23	воды въ 13 дней	воды. Въ 13 дней
—	24	пребыванїя. Ѣздилъ	пребыванїя Ѣздилъ
81	27	Въ немъ	Тамъ
84	25	мнѣ, а не имъ живымъ остаться? лучше тамъ нежели здѣсь быть,	мнѣ живымъ остаться? лучше ли тамъ, или здѣсь быть ,
85	21	имѣя все то	имѣя же все то
94	19	пищу , запастись	пищу , и запастись
94	23	естьлибъ на немъ	естьлибъ мы на немъ
98	26	по исправленїи недостатковъ ,	по исправленїи оныхъ ,
98	28	расширилъ ее такъ	расширилъ я пещеру свою такъ,
101	19	всякой	взятой
108	20	долженъ бы тужить	долженъ былъ жить
116	19	мою во время	мою. Во время
—	20	путешествїя. Не приходило	путешествїя не приходило

ст.	стр:	напечатано	читай.
117	29	несчастїе не лиши-ло	несчастїе паки не лишило
118	8	то несчастїе	а отъ сего несчастїя
119	8	перемѣнить и такихъ	перемѣнить такихъ
120	13	за неимѣнїемъ	не имѣя
—	16	мои мученїя.	оныя.
121	3	бѣдность за	бѣдность. За
—	28	но за слабостїю	за слабостїю же
122	2	жилище. Сьѣлъ	жилище, гдѣ съѣлъ
123	2	конечно знаетъ	конечно онъ знаетъ
—	4	и конечно	и что
—	11	его; сталъ	его; и для того сталъ
129	19	добродѣтель	совѣсть
130	21	по острову	по оному
—	30	находилъ	находились
137	12	и садилъ	огдажъ садилъ я и
143	20	ихъ	ее
148	2	не стала	стала
164	30	русъ	возль
175	14	ѣмъ	и тѣмъ
183	30	очити въ	чтя,
205	17	тѣмъ,	тою мыслїю,
110	12	съ лѣкарствами дв	съ лѣкарствами нѣсколько штофовъ, двѣ

)o(

ЖИЗНЬ
и
ПРИКЛЮЧЕНІЯ
РОБИНЗОНА КРУЗА
ПРИРОДНАГО АГЛИЧАНИНА.

Переведена съ Французскаго

Я. Т.

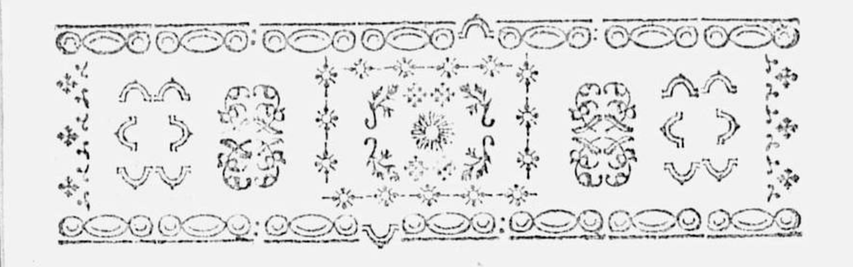
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Изданїе второе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академїи Наукѣ
1775 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОБИНЗОНА КРУЗА.

Жизнь моя идетъ по пословицѣ: *Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голова сломить*; ибо боряся тритцать лѣтъ съ различными и безпримѣрными нещастіями, и не смотря на то, что преодолѣвши оныя, хотя и началъ было наслаждаться душевныя и тѣлесныя чувства услаждающимъ излишествомъ: но презря все, чему продолжительнымъ искусствомъ научился, коимъ образомъ въ посредственной жизни, въ которой я при довольствіи своемъ иногда нахо-

дился, благополучіе наше постоянно быть должно, и будучи уже 63 лѣтъ не могъ преодолѣть врожденной мнѣ склонности къ странствованію.

Никто, надѣюсь я, не подумаетъ того, чтобъ я при всемъ своемъ богатствѣ для того по свѣту бродить вздумалъ, чтобъ умножить такой капиталъ, съ коего получаемыхъ процентовъ, для содержанія всей моей фамиліи, не только не исходило, но и затѣмъ такъ много оставалось, что естьлибъ захотѣлъ не по мѣрѣ своего состоянія имѣть экипажъ, умножить число служителей и отяготиться излишнимъ великолѣпіемъ, о коемъ почти сказать правду, и не имѣлъ я понятія, тѣмъ меньше къ тому склонности, то онаго и для сего конечнобъ стало. Но повѣрить должно, что всему тому причиною была моя завсегда въ бѣдство приводящая меня охота къ странствованію, и особливое желаніе видѣть поселенной мною островъ, кои лишили меня всякаго здраваго разсудка, и довели наконецъ до крайности.

Видѣніи злыхъ по свѣту скитающихся духовъ состоятъ, по мнѣнію разумныхъ людей, только въ пустыхъ простаго народа о томъ разглашеніяхъ; а когда такое видѣніе съ кѣмъ случается, то сіе

сіе происходитъ отъ собственнаго и безразсуднаго егожъ воображенія; почему они тѣхъ, которые сему духовъ прехожденію вѣрятъ, почитаютъ въ разумѣ тронувшимися, въ число которыхъ и я, по неосновательнымъ своимъ желаніямъ, тогда попался; ибо воображеніе мое такъ наконецъ разумъ мой помутило, что часто представлялось мнѣ, будто бы я нахожусь дѣйствительно въ замкѣ моего острова, вижу избавленнаго мною Гишпанца, отца слуги моего и трехъ оставленныхъ на ономъ бунтовщиковъ. Разговаривая съ ними во снѣ и проснувшись на яву предъ собою будто бы ихъ стоящихъ видывалъ, а отъ того опамятовавшися приходилъ въ несказанной ужасъ. А въ нѣкое время казалось, будто бы Гишпанецъ съ отцомъ слуги моего разсказывали мнѣ, коимъ образомъ намѣрены они были изрубить, или уморить съ голоду несносныхъ имъ помянутыхъ головорѣзовъ, и какъ они для сего сожгли всѣ запасенные ими съѣстные припасы, и что я на прозбу Гишпанцовъ склонясь, приговариваю ихъ и самъ къ висилицѣ. Въ такомъ безпокойствіи препроводилъ я нѣсколько лѣтъ, не вкушая никакихъ веселостей, а упражняясь только въ размышленіяхъ на глупой склонности своей къ странствованію

ванію основанныхъ, ко исполненію которыхъ конечнобъ еще въ самомъ ихъ началѣ приступить не отрекся, естьлибъ жена моя меня отъ того разумными своими совѣтами удержать не потщилась; а слова ея были столь сильны, что началъ было я подробнѣе входить въ сїе мое глупое предпріятіе. Какая мнѣ есть нужда, разсуждалъ я, вступать въ то, чево мнѣ не снести по моимъ лѣтамъ, и за что ввергнуть себя въ пропасть, изъ коей выдрался я столь щасливо, и почто искать щастія, когда я его уже дѣйствительно въ рукахъ своихъ имѣю.

Въ молодости и прежней бѣдности такой поступокъ мой былъ мнѣ простителенъ; нынѣжъ имѣю я жену и двухъ дѣтей, а при томъ такъ старъ, что лучше мнѣ готовиться къ смерти, нежели усугублять свои сокровища. Все сїе принявъ въ уваженїе, успѣлъ я наконецъ овладѣть своею страстію и покорить ее разуму; лучшей же способъ къ тому избралъ я трудолюбїе. Оно умерщвляетъ въ насъ дурныя мысли, обыкновенно отъ праздности раждающїяся.

Во исполненїе сего новаго намѣренія купилъ я себѣ въ графствѣ Бедфордскомъ деревню, и удалясь во оную по склонности

ности своей къ земледѣлію, началъ упражняться въ домостроительствѣ. А отдаленность ее отъ мѣстъ морскими путешественниками посѣщаемыхъ, лишила меня всѣхъ способовъ къ возбужденію моей природной къ странствованію страсти.

По пріѣздѣ со всею моею фамилїею въ помянутую деревню, закупилъ я все для исправленія оной, такожъ пашни и луговъ мнѣ принадлежащихъ, необходимо нужныя вещи, завелся скотиною, и такъ скоро зделался добрымъ хозяиномъ. Смотрѣлъ безпрестанно за работниками, разводилъ сады, и упражняясь въ дѣлахъ домашнихъ, почиталъ щасливою жизнь свою, тѣмъ наипаче, что по претерпѣніи великихъ трудностей, изыскалъ способъ къ храненїю себя отъ случающихся въ коловратномъ свѣтскомъ обращенїи нещастїевъ, и будучи въ деревнѣ своей самовластнымъ, такъ было привыкъ къ сей свободной жизни, что о предпріятїи новыхъ странствованїевъ больше уже и не думалъ, а почиталъ себя изобрѣтшимъ хвалимую отцомъ моимъ посредственную жизнь. Но какъ непостоянны наши мысли, и какъ мнимое наше благополучїе въ одну минуту сокрушается, то изъ слѣдующаго примѣра видно. Злощастїе ввергло

 меня

меня въ прежнюю задумчивость, а склонность къ странствованію, помянутымъ упражненіемъ удержанная, по отдаленіи моемъ отъ оныхъ мною уже такъ овладѣла, что я ей и противиться былъ не въ силахъ. Притчиною же выѣзда моего изъ деревни была смерть жены моей, въ честь которой хотя я и не намѣренъ писать похвальную рѣчь или вступать въ изъясненіе о добрыхъ ея качествахъ, однакожъ сказать долженъ, что она была хорошею помощницею во всѣхъ дѣлахъ моихъ и основательницею моего благоденствія, коимъ я нѣсколько лѣтъ наслаждался; удерживала меня отъ исполненія химерическихъ моихъ замысловъ, такъ что ея слова дѣйствовали мною больше, нежели собственной мой разумъ, матери моей разумные совѣты, искусившагося въ дѣлахъ свѣтскихъ отца моего даваемыя мнѣ наставленіи, и безпристрастныя мысли друзей моихъ того учинить были не въ состояніи, что она любовію своею ко мнѣ здѣлать была въ силахъ; стократно называлъ я себя щастливымъ, что въ женидьбѣ своей не обманулся, а какъ ея лишился, то уже думалъ, что мнѣ въ числѣ людей и быть не можно. Деревня при жизни ее утѣшеніемъ моимъ бывшая, здѣлалась пе-

чальною пустынею. О! горестная и тлѣнная жизнь, разсуждалъ я тогда въ своемъ бѣдствіи, почто упражняется человѣкъ въ снисканіи излишествъ, и обращается въ мірѣ для пріобрѣтенія суетъ онаго? ввергается въ безстыднѣйшіе пороки, дабы достигнуть до мнимаго своего благоденствія? Почто не представитъ онъ себѣ богатыхъ при всѣхъ своихъ веселостяхъ оными скучающихъ, и по собраніи сокровищъ безпечально ими наслаждаться не могущихъ? Почто не познаетъ онъ, что ему въ вихрѣ непостоянствъ до желаемаго имъ пути достигнуть не возможно? При такихъ разсужденіяхъ напоминалась мнѣ всегда умѣренная островская жизнь моя, во время которой не было мнѣ нужды въ излишествѣ, ибо имѣя тамъ довольное содержаніе, былъ всегда въ покоѣ.

Естьлибъ я сими разсужденіями пользовался, то бы благоразуміе привело меня на путь совершеннаго блага, и побудилобъ стремиться къ хвалимому за добродѣтель награжденію, до котораго всѣ достигать долженствуемъ; но смертію жены своей лишился я проводника, ведущаго меня до сего неувядаемаго благополучія, и здѣлался подобенъ волнами на всѣ стороны бросаемой лод-

кѣ. И такъ оставя думать о вѣчномъ семъ блаженствѣ, началъ размышлять о своихъ странствїяхъ; деревенскїя непорочныя упражненїя, какъ напримѣръ, воспитанїе дѣтей, размноженїе пашенъ, садовъ, скота и протчаго, уже меня больше не утѣшали, а были равно прїятны, какъ бываетъ музыка затыкающему свои уши, а вкусныя ѣствы болѣзнїю зараженному желудку; и наконецъ сїя нечувствительность побудила меня, оставя оную, ѣхать въ Лондонъ; тудажъ и скука моя прїѣхала со мною, коя продолжалась до начала 1693 года. Тогда прибылъ въ помянутой городъ мой племянникъ. Онъ возвратился въ отечество свое изъ Лиссабона на томъ же кораблѣ, которой я ему купилъ, и сказывалъ мнѣ, что его нанимаютъ купцы въ Китай и въ Восточные города. „А какъ вы дядюшка, говорилъ онъ мнѣ, по нещастїю лишились нынѣ своей супруги, а при томъ „тамъ еще не бывали; то я весьма радъ „буду, когда вы со мною туда ѣхать „согласитесь, къ томужъ есть случай „побывать вамъ и на острову вашемъ: „ибо сїи купцы даютъ мнѣ комисїю въ „Бразилїю. Предъ тѣмъ, какъ племянникъ мой зѣлалъ мнѣ сїе предложенїе, думалъ я еще и не зная о его договорахъ

говорахъ, о поѣздкѣ своей слѣдующимъ образомъ: хотѣлъ съѣздить въ Лиссабонъ и посовѣтовать тамъ съ старымъ своимъ другомъ, Португальскимъ капитаномъ, ѣхать ли мнѣ паки на островъ; а по благоизобрѣтенїю его выпросить отъ Португальскаго правленїя указъ о формальномъ поселенїи онаго. И такъ расположась приготовлялся уже и безъ предложенїя его къ своему отъѣзду. Выслушавши же слова его, сказалъ ему: „Какой злой духъ принесъ тебя сюда „возобновить во мнѣ старинную мою „склонность„? Сїи слова мои показались ему сперва весьма чудными; но какъ примѣтилъ онъ, что я говорю ихъ веселымъ лицемъ, и не имѣя отъ предложенїя его отвращенїя, то ободрясь началъ продолжать рѣчь свою: „По чему вамъ, государь дядюшка, показалось по противнымъ, что я васъ съ „собою звать отважился; ибо я знаю „какъ давно желаете вы видѣть свое „владѣнїе„.

Словомъ, сей проектъ племянника моего такъ былъ съ мыслями моими сходенъ, что я принужденъ признаться, коимъ образомъ потрафилъ онъ мое намѣренїе. Велѣлъ ему выпросить у купцовъ позволенїе заѣхать на мой островъ, гдѣ я до возвращенїя его изъ Индїи и

 оставить-

остаться былъ намѣренъ. Какъ! сказалъ мнѣ племянникъ выслушавши сное, или вы хотите по прежнему весть тамъ уединенную жизнь. Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, ты можешъ на возвратномъ своемъ изъ Индіи пути за мною туда заѣхать. Никакъ, сказалъ онъ мнѣ, купцы конечно не дозволятъ мнѣ съ грузнымъ кораблемъ моимъ, удаляясь отъ настоящей дороги, пробыть для васъ въ пути полгода противъ обыкновеннаго. Естьли же въ сіе время разобьетъ по нещастію мой корабль, то вы уже на острову своемъ вовсе останетесь въ таковомъ же плачевномъ состояніи, въ какомъ вы нѣсколько лѣтъ сряду на ономъ были.

Его противорѣчіе было весьма благоразумно, а ко отвращенію неудобства, дабы мнѣ въ случаѣ нещастія по прежнему не страдать въ уединеніи, вздумалъ я взять съ собою въ штукахъ большую шлюпку и плотниковъ, кои бы ее въ случаѣ сей нужды, собрать и построить могли, дабы на ней, въ разсужденіи не скораго племянника моего на островъ прибытія, отъѣхать въ близъ лежащія отъ онаго Европейскія селенія. Не долго думалъ я о исполненіи сего послѣдняго намѣренія; ибо по усильной его прозьбѣ, уже ничего не оставалось въ свѣтѣ, чтобъ могло оное уничто-

уничтожить. А хотя часто упоминаемая въ первой части моихъ похожденіевъ вдова, Капитанская жена, всячески и старалась отвратить меня отъ сего предпріятія, предлагая мою древность и безполезность сего опаснаго вояжа, и что мнѣ еще и о малыхъ моихъ дѣтяхъ пещися должно; но на всѣ сіи разумныя представленія получала она въ отвѣтъ, что мнѣ туда необходимо ѣхать надобно. И такъ видя меня къ тому столь твердо вознамѣрившагося, перестала и говорить, а стала вмѣсто того и сама приготовлять къ сему продолжительному пути необходимо нужное. По ея совѣту, здѣлалъ духовную, и ввѣрилъ все свое имѣніе честному человѣку, отъ котораго наслѣдникамъ моимъ и тогда не могло произойти ни малаго вреда, когда бы со мною какое нещастіе случилось. Чтожъ до воспитанія дѣтей моихъ касается, то опредѣля ей ежегодной изъ капитала своего доходъ, отдалъ ихъ со всѣмъ въ ея смотрѣніе, въ чемъ и не обманулся. Ибо она, такъ сказать, материнскимъ и благоразумнымъ своимъ за ними присмотромъ, возрастила ихъ въ сходство моихъ желаніевъ. И такъ по изготовленіи къ пути нужнаго, и по приведеніи въ порядокъ домашнихъ дѣлъ

дѣлъ своихъ, отправился я во оной въ 1694 году въ Генварѣ мѣсяцѣ, взявши съ собою вѣрнаго слугу своего Пятницу; а для селенія своего купилъ всѣ нужные инструменты, при томъ подговорилъ туда съ собою двухъ плотниковъ, слѣсаря и купора, малаго на выдумки весьма скораго, къ механикѣ же отъ природы склоннаго, коего я по мѣрѣ его великихъ въ ремеслахъ вымысловъ прозвалъ всему гораздымъ.

Выключая ихъ, взялъ я съ собою портнова. Онъ намѣренъ былъ съ племянникомъ моимъ ѣхать пасажиромъ въ Индїю, но согласился остаться на острову, и былъ также дѣтина проворной, и мнѣ въ обмундированїи поселянъ моихъ великой помощникъ. Товары же, кои я взялъ съ собою, состояли по большой части въ вещахъ, до одежды и защищенія поселянъ моихъ принадлежащихъ, въ томъ числѣ были и двѣ пушки, кои намѣренъ я былъ поставить на прожектированной мною крѣпости, которую думалъ построить на острову, для закрытія отъ набѣговъ дикихъ народовъ. Вояжъ сей удался мнѣ щастливѣе всѣхъ прежнихъ, за чѣмъ и не удержу я описанїемъ онаго желанїе моего читателя, по мнѣнїю моему къ свѣданїю обстоятельствъ мо-

его

его селенія стремящагося; а только скажу, что мы хотя и имѣли противной вѣтръ, коимъ сверьхъ чаянія занесены мы были къ Норду, и принуждены войти въ Галавайскую при Ирландскихъ берегахъ лежащую гавань; однакожъ тамъ пробыли мы только три недѣли, и въ разсужденіи дешевизны съѣстныхъ припасовъ, заготовились оными еще больше прежняго, а я купилъ тамъ для поселянъ своихъ свиней, телятъ и двѣ коровы, но принужденъ былъ сїю скотину употребить для корабельныхъ нужныхъ случаевъ.

При наступленіи доброй погоды и способнаго вѣтра отправились мы 5 Февраля въ путь свой, которой продолжался безъ всякихъ препятствїевъ, выключая, что во время онаго случалось намъ такое дѣло, кое здѣсь описать почитаю за нужное.

Февраля 20 вошелъ къ намъ въ каюту часовой, со объявленїемъ, что увидѣлъ вдали при пушечномъ выстрѣлѣ пожаръ, а потомъ и ботсманъ подтвердилъ то же. Мы сперьва думали, что оной здѣлался на берегу; но по разсмотрѣнїю своего изчисленїя и ландкартъ, никакой земли такъ близко не нашли, а наконецъ по повторяемымъ пушечнымъ выстрѣламъ заключили, что ко-

конечно загорѣлся какой нибудь корабль; а понеже тогда было время пасмурное, то намъ, кромѣ зарева, ничего и видѣть было не можно, и для того пошли мы къ нему ближе; а по прочищеніи тумана увидѣли и въ самомъ дѣлѣ горящей корабль.

Печальное сїе позорище и напоминовеніе собственнаго моего злополучїя, какъ меня нѣкогда въ бѣдномъ моемъ состояніи, въ какомъ погорѣвшіе и страждущіе люди находились, на корабль приняли, тронуло сердце мое столь сильно, что я тотчасъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, дабы имъ дать знать, коимъ образомъ еще есть имъ надежда избавиться отъ неминуемой погибели, и перемѣня курсъ, пошелъ прямо на помянутой горящей корабль, которой скоро потомъ почти въ глазахъ нашихъ и розорвало, и потопленіемъ онаго кончило весь пожаръ. А понеже оной начавшись съ полуночи до утра продолжался, то мы разсуждали, что служители его уже имѣли случай, на шлюбки убравшись, отъ сей бѣды удалиться, то давая имъ знать о своемъ къ нимъ приближеніи, велѣлъ я зажечь на мачтахъ и на кормѣ фонари; а при томъ стрѣлять поминутно изъ пушекъ, что все дѣлано было

ло и не напрасно; ибо въ 8 часовъ по утру усмотрѣли мы двѣ людьми нагруженныя шлюбки, просящія нашей помощи.

Мыжъ поднявши призывной флагъ, на нихъ поворотили, а наконецъ приняли къ себѣ на корабль до 60 человѣкъ мущинъ и женщинъ, между которыми были многіе и пасажиры. Командиръ же сего нещастнаго собранія расказалъ намъ слѣдующее: Я не могу вамъ сказать, говорилъ онъ, отъ чего здѣлался въ кораблѣ моемъ пожаръ, а только о томъ знаю, что оной начался по нещастію нашему во внутренныхъ частяхъ его, такъ что хотя мы сперьва огонь и утушили, но наконецъ оной по всему интруму распространился, и намъ уже не оставалось ни малѣйшаго способу къ спасенію, и для того собравши, сколько было можно, съѣстныхъ припасовъ, сѣли въ шлюбки, и думали держать къ Тереневѣ, или новой землѣ. Но тщетнаябъ была наша надежна, чтобъ до нея добраться; ибо по малому числу нашего провіанта, не моглибъ мы туда притти и благополучнымъ вѣтромъ. И такъ вообразите себѣ ту радость, которую мы тогда чувствовали, когда отчаенныя сердца наши, слыша намѣряющихся подать намъ руку помощи, начали обод-

ободряться, но какое здѣлалось притомъ въ нихъ превращенїе, когда къ нещастїю, поднявшейся противной вѣтръ, лишалъ насъ всего нами видимаго благополучїя. Мы опустили парусы, подняли на мачты фонари, и выстрѣлили изъ трехъ ружей, коихъ вамъ, однакожъ думаю я, слышать было не можно; а что между нами происходило, когда мы къ кораблю вашему пристали, о томъ вы уже извѣстны.

И въ самомъ дѣлѣ были между сими избавившимися отъ погубленїя людьми разныя удивленїя достойныя перемѣны. Нѣкоторые изъ нихъ плакали, другїе драли на себѣ платье и волосы, какъ бѣшеные; словомъ, они всѣ были, какъ будто съ ума сшедшїе, не многїе же въ такой памяти, что бы вздумали благодарить Бога за свое избавленїе.

Между прочими находились два священника, одинъ молодой, а другой уже въ лѣтахъ, однакожъ перьваго глупѣе, ибо по входѣ на корабль упалъ онъ безъ памяти на бордѣ. Мы велѣли ему пустить кровь: но онъ опамятовавшись, и воображая себѣ самое избавленїе, пришелъ паки въ такой восторгъ, что наконецъ со всѣмъ збѣсился. Лѣкарь разсудя за вредное лѣчить его вторичнымъ пусканїемъ крови, далъ ему сонное

ное лѣкарство, а отъ того пролежавши онъ сутки, пришелъ въ чувство.

Молодой же священникъ былъ твердъ, и поступалъ при избавленїи своемъ съ такою умѣренностїю, что довольно показалъ собою, сколь возможно есть преодолѣвать намъ наши страсти. Ибо по входѣ въ корабль, упалъ онъ на колѣни, началъ читать молитвы, и благодарить Бога за свое избавленїе, а набожность его была при томъ столь велика, что я почитая его внѣ себя пришедшимъ, началъ за рукавъ трясти; но патеръ спокойнымъ видомъ взглянувши на меня, просилъ въ томъ не мѣшать ему; послѣ, говорилъ онъ, буду я имѣть честь принести и вамъ свое благодаренїе, яко первому, коему я жизнїю по Богѣ обязанъ.

Я видя сїе, весьма досадовалъ самъ на себя, что помѣшалъ ему въ его набожности, по окончанїи которой подошедъ онъ ко мнѣ, и умильнымъ, а при томъ постояннымъ лицемъ и съ наполненными слезъ глазами благодарилъ меня за принятїе и за избавленїе отъ смерти толикаго числа людей бѣдныхъ. Я отвѣчалъ ему, что сїе исполнить почиталъ за свою должность, и для того имѣю съ своей стороны причину благодарить Бога за то, что онъ подалъ мнѣ случай избавленїемъ ихъ исправ-

исправить должность христіанства. Послѣ сего старался онъ успокоивать земляковъ своихъ, но они не могли еще тогда пользоваться разумными его совѣтами.

Я записалъ сіе для того, чтобъ показать читателю, коимъ образомъ надлежитъ человѣку стараться овладѣть страстьми своими: ибо они приводятъ насъ часто въ посмѣяніе отъ умѣренныхъ, а при томъ при такихъ случаяхъ познается великая душа человѣка.

Долго не имѣли мы отъ гостей своихъ покоя, а наконецъ пришедъ они въ себя, показывали намъ наичувствительнѣйшіе знаки благодарности. Между тѣмъ пришелъ къ намъ въ каюту ихъ капитанъ, и просилъ меня равно, какъ и командующаго кораблемъ племянника моего, чтобъ высадить ихъ въ такомъ мѣстѣ, изъ коегобъ имъ во Францію возвратиться было возможно, за что давалъ онъ намъ всѣ свои деньги, также и дорогія всѣми спасенныя отъ пожару вещи.

Племянникъ мой покусился было принять отъ него предлагаемое; но я зная, сколь несносно быть безъ денегъ въ чужой землѣ, отвратилъ его отъ сего предосудительнаго намѣренія, тѣмъ больше, что напомнилъ ему, какимъ обра-

образомъ поступалъ со мною Португальской капитанъ, когда онъ меня на корабль свой принялъ, и въ сходство сего поступка, отвѣтствовалъ Французскому капитану, что принятіемъ ихъ на корабль, здѣлали мы долгъ человѣчества, и что въ подобномъ имъ нещастіи, таковагожъ отъ ближняго своего и себѣ ожидаемъ. Мы будучи увѣрены, сказалъ я ему, что бы и вы насъ въ случившейся подобной вашей крайности безъ заплаты къ себѣ взяли, здѣлаемъ несправедливо, естьли васъ теперь обирать станемъ; ибо вы хотя и избавились отъ потопленія, однако принуждены будете умереть съ голоду. Чтожъ принадлежитъ до доставленія васъ къ такому мѣсту, откудабъ вы во Францію возвратиться могли, то сего здѣлать намъ не можно, по тому что нашъ корабль идетъ въ восточную Индію, по которой дорогѣ желаемыхъ вами мѣстъ не находится, а хотя мы сверьхъ нашего желанія, можетъ быть для избавленія вашего, вѣтрами сюда и занесены, однакожъ къ сей сторонѣ уже держать больше не можемъ, а только то здѣлаемъ, что будемъ держаться того пути, которымъ въ Англію и во Францію корабли ходятъ. Дай Богъ, чтобъ какой нибудь съ нами встрѣтился, и выбъ по желанія-

желанїю вашему въ Европу возвратились.

Первыя слова мои капитану показались, послѣднїя же были очень противны, а особливо бывшимъ съ нимъ пасажирамъ ѣхать съ нами въ восточную сторону весьма не хотѣлось, а всѣ усильно просили меня продолжать путь нашъ къ Тереневскимъ банкамъ. Тамъ уже, говорили онѣ, можно намъ будетъ въ Канаду и на шлюбкахъ доѣхать. Сїе предложенїе было съ разумомъ сходно, и я разсудилъ во первыхъ, сколь несносенъ будетъ имъ нашъ продолжительной путь, а по томъ, что и мы ихъ прокормить не въ состоянїи, то для сего и намѣренъ былъ высадить ихъ въ Мартиникѣ.

А хотя по щастїю ихъ время было при довольно крѣпкомъ вѣтрѣ весьма хорошее, и намъ много въ Европу идущихъ кораблей попадалось, однакожъ никто пасажировъ нашихъ къ себѣ не бралъ, отговариваясь, что имъ по причинѣ случившихся противныхъ вѣтровъ и самимъ прокормиться нечѣмъ; по чему мы и принуждены были дойти до Тереневскихъ банковъ, и тѣмъ по неволѣ исполнить ихъ желанїе, а по прибытїи туда, высадили ихъ въ рыбачью барку, на которой они уже безъ опасности

сности могли доѣхать до матерой земли. Вышепомянутой же молодой священникъ съ ними не поѣхалъ, а просилъ насъ, чтобъ мы выпустили его на Короманделькой берегъ, а съ нимъ остались еще четыре человѣка матрозовъ; они были всѣ ребята проворные и услужливые.

Отъ банковъ поворотили мы въ восточную Индїю, и держали дней съ двадцать не имѣя большаго вѣтра къ Зюйду. Будучижъ въ семъ пути, случилось намъ еще показать свое великодушїе находящимся въ плачевныхъ обстоятельствахъ людямъ.

Въ 1695 году Марта 15 дня увидѣли мы прямо на насъ идущей большей корабль; мачты у него уже были сломлены, а вмѣсто оныхъ поставлены реи. Мыжъ имѣя способной вѣтръ, и слыша учиненной ими въ знакъ крайности ихъ пушечной выстрѣлъ, пошли на нихъ, а по приближенїи свѣдали, что они въ Барбадѣ великимъ штурмомъ съ якоря сорваны будучи и безъ командировъ своихъ, кои тогда на берегъ съѣхали, кораблемъ управлять и карты разбирать находясь не въ состоянїи, странствуютъ по морю безъ всякой къ спасенїю надежды.

Злополучіе бѣдныхъ сихъ людей тѣмъ наипаче было велико, что они борясь съ бурею и вѣтрами, съѣли весь провіантъ свой, и помирали голодною смертію, и уже одиннатцать дней не имѣли ни хлѣба, ни мяса, а только питались мукою и прѣсною водою, коей на караблѣ по щастію ихъ было запасено довольно; у нихъ же на караблѣ находились трое пасажировъ, а имянно, мать съ сыномъ и служанкою. Они переѣхали на корабль за день передъ своимъ нещастіемъ, и за тѣмъ не запаслись нужнымъ, а матрозы не имѣя и сами почти необходимой пищи, тѣмъ ихъ довольствовать отреклися.

Мы посылали къ нимъ своего ботсмана, которой сколь скоро возвратился и мнѣ разсказалъ объ обстоятельствахъ сихъ нещастныхъ, а особливо о пасажирахъ, что самъ входилъ въ каюту, гдѣ они уже лежатъ и не говорятъ ни слова; по чему и думаю я, продолжалъ онъ рѣчь свою, что они мертвы, то я крайнѣ старался уговорить племянника, чтобъ снабдилъ онъ ихъ нужною провизіею, предлагая, что мы всегда имѣемъ случай зайти въ Виргинію, и тамъ паки запастись провіантомъ.

Пріѣхавшіе съ голоднаго корабля были всѣ такъ какъ муміи, и жрали какъ голодные волки. Мыжъ зная, какъ имъ излишняя пища столько же вреда здѣлать можетъ, сколько и голодъ, отъ коего они избавились: ибо не успѣли они наѣсться, какъ почувствовали въ желудкѣ несказанную боль, приказали сварить бульенъ, которымъ ихъ напоивши привели мало по малу въ порядокъ.

Между тѣмъ, какъ разсказывали они о бѣдности своихъ товарищей, и о нещастіи пасажировъ, то я оставя ихъ на своемъ караблѣ, и взявши съ собою двенатцать человѣкъ, мѣшокъ съ хлѣбами и довольно мяса, поѣхалъ на голодное ихъ су[illegible] а по пріѣздѣ туда, приказа[illegible]ить говядину своимъ матрозамъ[illegible]зя вкругъ кухни караулъ, да[illegible]олодные сырой, или еще не со всѣмъ доварившейся наѣвшись не померли. Сія предосторожность спасла ихъ отъ смерти; ибо самое то, что для спасенія живота ихъ привезено было, моглобъ обратиться въ неизбѣжимой имъ вредъ, естьлибъ я ихъ, почти изъ рукъ людей моихъ сырое мясо вырывающихъ, отъ того не удерживалъ.

Между тѣмъ взялъ съ собою лѣкарь помянутаго бульена, которой возстановилъ

нонилъ истощенныя голодомъ силы бѣдныхъ пріѣзжихъ къ намъ гостей, коимъ и по прибытіи на ихъ корабль, утѣшилъ онъ тѣмъ же страждущихъ; я же послалъ слугу своего въ каюту, въ коей по объявленію привезенныхъ къ намъ матрозовъ пасажиры находились. Впрочемъ матрозы были такъ не терпѣливы, что вырвали изъ рукъ мясо и хлѣбъ; по чему мой подшкиперъ, будучи не въ состояніи уговорить ихъ, принужденъ былъ употребя силу, стараться показать добро, симъ жизнь свою ненавидящимъ людямъ, а между тѣмъ далъ имъ напиться означеннаго бульена; а потомъ съѣсть по обмоченному въ немъ же сухарю; но и сіе не могло голодныхъ успокоить, такъ что естьлибъ я не устрастилъ ихъ тѣмъ, что за такое упрямство имъ ничего дано не будетъ, то бы они разломавши кухню мясо изъ кипятка повытаскали.

Состояніе же пасажировъ было плачевнѣе сихъ матрозовъ. Они уже съ недѣлю ничего не ѣдали. Всѣ сказывали, что мать молодаго къ нимъ прибывшаго человѣка была женщина разумная, и по видимому весьма его любила; ибо всю свою часть, кою они ей давали, отдавала она всегда ему, и принуждала его

его тѣмъ кормиться. Тогда какъ я пришелъ къ нимъ въ каюту, то она лежала между двухъ стульевъ, обрынувшись головою, подобно какъ мертвая; стараясь же привести ее въ чувство, влилъ ей въ ротъ лошку бульену, а она поднявши голову силилась говорить, но не могла уже произнести ни слова. Наконецъ показывая, коимъ образомъ сіе ей не поможетъ, просила, чтобъ я возъимѣлъ попеченіе о ея сынѣ. Тронутъ будучи сею нѣжною къ нему любовію, старался, какъ бы и ей помочь; но тщетны были труды мои, ибо она на другую ночь окончала жизнь свою.

Сынъ ея находился не въ такой крайности. Онъ лежалъ замертво растянувшись на постелѣ, въ ртѣ его торчалъ кусокъ съѣденой имъ замшеной перчатки. Молодость и мочность спасла жизнь его, кою наконецъ со всѣмъ возставили мы своими лѣкарствами.

Бѣдная служанка лежала подлѣ госпожи своей, подобно зараженной падучею болѣзнію. Члены у ней окостенѣли, одною рукою держалась за стулъ, которой на силу могли мы у ней вырвать, другою поддерживала свою голову, а ногами уперлась въ столъ. Сія бѣдная и предстоящею смертію

 устра-

устрашенная дѣвка, не только одного своего конца боялась; но и еще, какъ мы то послѣ отъ служителей свѣдали, видя борющуюся съ смертїю госпожу свою, кою она несказанно любила, приходила тѣмъ больше въ отчаянїе, такъ что и послѣ того, какъ мы уже ее привели въ чувство, то она услышавши о кончинѣ ея, пришла въ нѣкое бѣшенство, отъ коего на силу могли мы ее избавить.

Такимъ образомъ здѣлавши симъ нещастнымъ людямъ возможную помощь, долженъ былъ я при наступившемъ тогда благополучномъ вѣтрѣ возвратиться на свой корабль, а хотя они и крайнѣ старались итти съ нами, однакожъ потерявши мачты, гнаться за нами не поспѣвали. Въ четырежъ дни нашего съ ними ходу, исправили мы, сколько возможность допустила, ихъ мачты, и снабдя провїантомъ, за которой получили платежъ сахаромъ и румомъ, коимъ корабль ихъ нагруженъ былъ, взявъ къ себѣ помянутаго молодца съ служанкою, отправились въ путь свой.

Сей молодой человѣкъ былъ лѣтъ семнатцати, а имѣлъ изрядной видъ, не дурно воспитанъ и не глупъ, печалился о кончинѣ матери своей, тѣмъ наипаче, что не задолго предъ поѣздомъ своимъ

имъ и отца своего лишился. Сперьва просилъ нашего лѣкаря избавить его отъ убїйцовъ матери его. Симъ именемъ называлъ онъ командировъ и матрозовъ корабля своего, чѣмъ по справедливости и назвать ихъ было можно; за тѣмъ, что они могши отъ пищи своей удѣлять нѣчто и имъ, того однакожъ не учинили, хотя и то правда, что голодъ не знаетъ человѣчества, свойства, дружбы и справедливости, и будучи немилосердъ, не допускаетъ быть щедру въ роздачѣ необходимаго.

А хотя лѣкарь и старался представить ему продолжительной путь нашъ, которой могъ отлучить отъ всѣхъ друзей его, къ коимъ онъ въ Европу ѣхалъ и ввергнуть въ то же бѣдное состоянїе, изъ коего онъ выдрался: но онъ сказалъ ему на то, что для избавленїя отъ сихъ звѣрскихъ людей всюду ѣхать не отрекается. Лѣкарь сказалъ мнѣ такое его желанїе; а я по представленїю онаго принялъ его на корабль съ дѣвкою и со всѣмъ имъ принадлежащимъ, выключая сахару, въ поставкѣ котораго далъ ему ботсманъ подписку, но всѣ сїи предосторожности были напрасны: ибо я ни отъ кого не слыхалъ, чтобъ сей корабль когда нибудь въ Бристоль (куда онъ былъ назначенъ) прибылъ; а

а думаю, что онъ будучи еще и тогда весьма поврежденъ, потонулъ при перьвомъ штурмѣ.

Мы раставшись съ нимъ были подъ 19 градусомъ и 32 минутою долготы, и имѣли щастливой вояжъ, выключая, что съ начала терпѣли противные вѣтры. А чтобъ не скучить читателю описанїемъ случившихся въ погодѣ перемѣнъ, скажу только, что наконецъ я Апрѣля 30 числа 1695 года прибылъ на свой островъ, и что съ великимъ трудомъ могли мы найти его, ибо не имѣя ландкарты, долго ходили между твердымъ кряжемъ и островами близъ онаго лежащими, и нѣсколько разъ не познавая его, мимо проходили.

Такимъ образомъ крейсировали мы изъ стороны въ сторону долгое время, выходили на многїе въ устье рѣки Ореноко лежащїе острова, а тѣмъ узналъ я прежней свой обманъ, когда я будучи на своемъ острову видимую со онаго землю твердымъ кряжемъ почиталъ, потому что оной видъ дѣлали множество одинъ близъ другова въ устьѣ помянутой рѣки лежащихъ островов, и что посѣщающїе меня дикїе не Карибы или людоѣды, какъ я объ нихъ думалъ, но жители помянутыхъ островов, кои были иные поселенные, а другїе пустые. На одномъ

номъ изъ нихъ увидѣлъ я Гишпанцовъ, и почтя ихъ на островъ мой послѣ меня прїѣхавшими, весьма было обрадовался, но по спросу свѣдалъ, что они прїѣхали туда съ острова де ла Тринитте или Троицкаго, искать тамъ соли.

Наконецъ расхаживая индѣ кораблемъ, а въ другихъ мѣстахъ данною намъ Французами шлюбкою, наѣхалъ на свой островъ, который и познала наконецъ по его положенїю, и легъ на якорь въ своемъ заливѣ почти противъ самаго своего прежняго жилища.

Выведши же Пятницу своего на шканцы, спросилъ у него, узнаетъ ли онъ, гдѣ мы находимся; а слуга мой посмотря нѣсколко, сплеснувши по томъ руками, вскричалъ съ великимъ восторгомъ: Вонъ, вонъ, о! вонъ зáмокъ. Выговоривши сїе началъ прыгать, такъ какъ съ ума сшедшей, а наконецъ такъ заплясался, что я на силу могъ его унять, чтобъ онъ въ море не бросился и на берегъ не поплылъ. Приведши же его въ чувство, спросилъ, надѣется ли онъ, чтобъ на острову жители были, и найдетъ ли тамъ отца своего. Онъ же вспомня отца, задумавшись залился слезами. Что тебѣ здѣлалось? спросилъ я у него, или ты о томъ печалишься, что его увидишь? Нѣтъ, нѣтъ,

нѣтъ, отвѣчалъ онъ шатая головою, я его больше не увижу. По чему ты это знаешь? Я точно знаю, сказалъ мнѣ онъ на то, что онъ давно умеръ. Не сомнѣвайся: онъ еще живъ, а скажи мнѣ, найдемъ ли мы на острову людей. Пятница будучи весьма зорокъ, и посмотрѣвши на берегъ, начавъ указывать на вышину горы близь замка моего находящуюся, вскричалъ: о! не сомнѣвайтесь, я вижу тамъ много людей; а хотя то была и правда; однакожъ я и въ зрительную трубу того не видѣлъ, а сїе думаю происходило отъ того, что не могъ навести на то мѣсто, на которомъ люди стояли.

Между тѣмъ приказалъ я по увѣренїю слуги своего поднять при двухъ пушечныхъ выстрѣлахъ Аглинской флагъ; по чему увидѣли мы на помянутой горѣ дымъ; и для сего велѣлъ я опустить елботъ, и взявъ съ собою слугу своего и священника, поѣхалъ на островъ. Сей священникъ былъ тотъ же, о коемъ я выше сего сказывалъ, и коему во время нашего вояжа повѣстилъ я о моемъ на острову житьѣ и о оставленныхъ на ономъ жителяхъ. По той причинѣ онъ со мною охотно туда при семъ случаѣ и поѣхалъ; для всякой же опасности далъ я поружью гребцамъ своимъ, и взялъ еще

съ

съ собою многихъ вооруженныхъ людей. Но по щастїю все сїе было напрасно; ибо я нашелъ во всемъ правительствѣ своемъ миръ и тишину.

Понеже тогда былъ приливъ, то мы и пристали почти къ самому замку. Тамъ увидѣлъ я перваго избавленнаго мною отъ смерти Гишпанца; узнавши его по лицу, а не по платью, по тому что оно было весьма чудное, и такое, что по немъ бы его и человѣкомъ назвать было не можно, приказалъ остаться людямъ своимъ въ шлюбкѣ. Пятницу же они не удержали за тѣмъ, что онъ увидѣлъ въ лѣсу отца своего, и конечнобъ изъ шлюбки въ воду бросился, естьлибъ его на сходни не пустили. Выбравшись же на берегъ, и прибѣжавши къ нему дѣлалъ то, что бы и самое каменное сердце прослезилось видя необычайной восторгъ сего съ отцемъ свидѣвшагося сына. Онъ обнималъ его, цѣловалъ, и схватя, сажалъ на стоящей близъ того мѣста пень, глядѣлъ на него, будто бы разсматривалъ черты лица его, садился съ нимъ рядомъ, цѣловалъ его съ нова, становилъ на ноги, и смотрѣлъ паки съ несказанною на него прилѣжностїю.

На другой день сїи нѣжныя чрезвычайности возъимѣли иной видъ; повелъ

его

его подъ руку гулять по взморью, и почти ежечасно приносилъ изъ шлюбки то сахаръ, то сухари; словомъ, онъ подчивалъ его всѣмъ, чѣмъ только думалъ угостить отца своего.

На третей день обходился съ нимъ предъ прежнимъ инако: посадя старика на землю, плясалъ вкругъ его и пѣлъ безпрерывнымъ и такимъ чуднымъ голосомъ, и увеселялъ его столь удивительнымъ тѣлодвиженіемъ, что мы всѣ иногда нѣжности его дивились, а иногда безобразнымъ позитурамъ его смѣялись. По томъ разсказывалъ ему свои путешествія; словомъ, естьлибъ у всѣхъ дѣтей такая къ родителямъ своимъ съ нѣжностію смѣшенная любовь была, то бы ихъ къ почтенію отцовъ принуждать было не надобно.

Но оставимъ его въ восхищеніи, а станемъ говорить о томъ, коимъ образомъ я былъ принятъ отъ островскихъ моихъ жителей. Показанныхъ ими мнѣ учтивствъ было столько, что расказать ихъ не въ силахъ. Гишпанецъ шелъ, какъ я уже выше сего сказывалъ, къ шлюбкѣ, имѣя въ рукахъ въ знакъ дружества бѣлое знамя, за нимъ слѣдовалъ его товарищъ, а оба они не только меня въ лицо не узнали, но и думать не могли, чтобъ я къ нимъ когда нибудь пріѣхалъ.

Я

Я же примѣтя, что они меня чужаются, сказалъ ему по Португальски, какъ! государь мой, развѣ вы меня не узнали? Такія слова Гишпанца будто бы отъ сна пробудили, такъ что онъ отдавши ружье своему товарищу, подбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми руками, и обнимая меня просилъ въ томъ прощенія, что не узналъ того, коего онъ прежде почиталъ посланнымъ свыше ангеломъ для избавленія его отъ смерти. Сему подобныхъ учтивствъ наговорилъ онъ весьма много, по томъ оборотясь къ бывшему съ нимъ, приказалъ привести ко мнѣ всѣхъ своихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобъ я принялъ ихъ въ свое повелѣніе. По семъ повелъ меня въ прежнюю мою резиденцію, которуюбъ мнѣ за множествомъ вкругъ оной насаженныхъ деревъ и узнать не можно было, такъ что естьлибъ онъ не былъ при томъ моимъ провожатымъ, то бы я до оной, по здѣланнымъ ими кривымъ дорогамъ, одинъ и дойти былъ не въ состояніи. Не терпѣливожъ желая вѣдать, какъ они безъ меня жили, просилъ его, чтобъ онъ меня о томъ увѣдомилъ. Гишпанецъ исполняя такое повелѣніе, началъ говорить слѣдующее:

Хотя я и весьма дивился, и самъ на себя досадовалъ, что не засталъ васъ по прибытіи своемъ на островъ, однакожъ

внутрем-

внутренне радовался вашему благополучїю. А для какой причины мы такъ загородились, и что съ нами по прибытїи сюда случилось, то раскажу вамъ послѣ, какъ будетъ время мнѣ съ вами о томъ поговорить, ибо повѣсть наша весьма длинновата. Между тѣмъ увѣряю васъ, что я всегда предчувствовалъ, что вы конечно къ намъ когда нибудь прїѣдете.

А какъ я спросилъ его, каково жили оставленные на острову бунтовщики, то онъ жалуясь на прежнїе ихъ безпорядки, сказалъ, что они лучше могли съ дикими ужиться, нежели съ нами, такъ что мы принуждены были сносить отъ нихъ великїя обиды; а наконецъ ихъ обезоружа покорить своей власти, а сїе здѣлали предупреждая ихъ злоумышленїе, учинить насъ своими невольниками. Я похваляя сей ихъ поступокъ, увѣрялъ Гишпанца, коимъ образомъ всегда былъ и самъ намѣренъ подчинить сихъ безпутныхъ его власти; но того за скорымъ своимъ отбытїемъ здѣлать былъ не въ состоянїи.

Въ сихъ разговорахъ упражняясь, увидѣли мы отъ Гишпанца посланнаго и возвращающагося къ намъ въ провожанїи одиннатцати человѣкъ земляковъ своихъ, коихъ однакожъ по ихъ платью и при-

признать за такихъ было не можно. Предводитель представя ихъ мнѣ, сказалъ: Вотъ, государь мой, отъ смерти избавленные вами, а приведенные хотя были и простые матрозы, однакожъ приняли меня яко знатные послы отправленные отъ великаго героя, или владѣльца, весьма снисходительно и учтиво, но не теряя при томъ природной своей величавости, которая и при самомъ ихъ униженїи оказывалась въ своемъ мѣстѣ. Я будучи въ таковыхъ оговоркахъ мало искусенъ, не зналъ по простотѣ своей, что имъ на то отвѣтствовать, и для того окончалъ оные безъ всякой церемонїи.

А понеже по прїѣздѣ ихъ на островъ случившееся съ ними достойно повѣствованїя, и сопряжено съ упомянутыми въ первой части описанными мною приключенїями, то почитаю за должность предложить оное моему читателю. Для лучшаго же порядку надлежитъ напомнить, въ какихъ обстоятельствахъ оставилъ я поселянъ своихъ; а вы, любезной читатель, думаю еще не позабыли, какъ я послалъ избавленнаго мною отъ людоѣдовъ Гишпанца и отца слуги своего, привести къ себѣ находившихся между дикими людьми его товарищей, и какъ все сїе предпринималъ я для избавленїя своего

отъ

отъ неволи : ибо никогда того не думалъ , что бы къ острову моему какой нибудь Европейской корабль притти могъ ; то прїѣхавшїе на оной по отъѣздѣ моемъ Гишпанцы , увѣдавши о отбытїи моемъ отъ оставленныхъ наономъ Агличанъ, весьма тому дивились.

Чтожъ касается до помянутой экспедицїи , въ которую я послалъ означеннаго Гишпанца съ отцомъ Пятницынымъ , то они по случаю тогда бывшей хорошей погоды и тихаго вѣтра , отправили ее весьма благополучно. А земляки его видя возвратившагося къ себѣ главнаго своего командира , обрадовались ему, тѣмъ больше , что почитали его уже давно съѣденымъ.

Расказанная имъ товарищемъ своимъ исторїя о избавленїи его отъ людоѣдовъ, и учиненныя обнадеживанїя , коимъ образомъ привезъ онъ съ собою для нихъ все нужное, казалась имъ такою неправдою, коей и повѣрить никакъ не можно. Но наконецъ будучи въ невѣрїи своемъ самымъ дѣломъ изобличены , начали приготовляться къ отъѣзду.

Къ сему необходимо надобны здѣлались лодки, а для полученїя оныхъ должно было прибѣгнуть къ обману , и такъ вздумали сказать они дикимъ , у коихъ

коихъ въ покровительствѣ находились , что поѣдутъ на рыбную ловлю ; дикїе же зная, что они и прежде тожъ дѣлывали , дали имъ безотговорочно лучшїя суда свои , на коихъ на другой день по прїѣздѣ моихъ посланныхъ ко мнѣ и отправились. А между тѣмъ, какъ помянутые посланцы мои въ ѣздѣ находились , получилъ я щастїе избавиться отъ своей пустыни; при отъѣздѣ же своемъ препоручилъ въ смотрѣнїе островъ свой оставленнымъ на немъ бунтовщикамъ, коихъ злонравїе прибывшимъ къ нимъ гостямъ здѣлалось наконецъ весьма несносно, хотя при первомъ случаѣ и поступили они съ ними справедливо ; отдали имъ письмо мое, такожъ и всю оставленную мною провизїю. Имъ же вручили и бывшаго житїя моего пространное описанїе , состоящее въ наставленїи , коимъ образомъ сѣять хлѣбъ , сушить виноградъ , кормить козъ ; словомъ , полную и на опытахъ основанную инструкцїю , какъ имъ всѣмъ въ плачевномъ ихъ жилищѣ вести себя должно.

Разумѣющїе Аглинской языкъ Гишпанцы , пользуясь оною находили въ томъ великую помощь , а бунтовщики, такъ я буду называть оставленныхъ на острову Агличанъ , были сперьва съ Гиш-

Гишпанцами весьма согласны, по чему и произходилъ между двумя разными народами изрядной порядокъ, и всѣ жили по братски, бывшей же при мнѣ и учрежденій моихъ насмотрѣвшейся Гишпанецъ повелъ было оной по моему предписанію; но по прошествіи нѣкотораго времяни здѣлались бунтовщики столь горды и лѣнивы, что за работу и приняться не хотѣли, а только ходя по острову стрѣляли птицъ, что бы Гишпанцамъ конечно было не противно, естьлибъ они ихъ въ покоѣ оставили. Но сіи тунеядцы, не только наконецъ о общей пользѣ не старались, но и имъ начали въ томъ чинить всякое помѣшательство, а отъ того здѣлались подобными на сѣнѣ лежащей собакѣ, коя не только сама того не ѣстъ, да и другихъ къ ѣдѣ онаго не допускаетъ.

Ссоры начинались между ими съ бездѣлицы, и дошли напослѣдокъ до того, что сіи бездѣльники, презрѣвъ здравой разсудокъ, собственные свои интересы, справедливость и естественное право, начали явнымъ образомъ воевать противъ своихъ однородцевъ.

Но я не входя въ дальнее описаніе междоусобныхъ ихъ здоровъ, почитаю за

должность исправить учиненную мною въ первой моей части погрѣшность; ибо я позабылъ упомянуть въ ней о такомъ дѣлѣ, кое съ сею послѣднею имѣетъ великое согласіе, а состоитъ въ нижеслѣдующемъ.

Какъ скоро стали мы поднимать якорь, и хотѣли въ путь отправиться, то здѣлался на кораблѣ нашемъ всеобщей мятежъ, отъ котораго бъ конечно и произошли худыя слѣдствія, естьлибъ капитанъ при помощи моей и вѣрныхъ своихъ товарищей не осилѣлъ начинщиковъ бунта, и не посадилъ злоумышленниковъ въ буи. А хотя они товарищамъ своимъ и говорили, будто онъ имъ для того теперь ласкаетъ, дабы привезти въ Европу отдать въ судъ; однакожъ я, какъ почтенная отъ всѣхъ особа, вышедъ къ матрозамъ, уговорилъ ихъ отъ сего злодѣйства, а представленія мои о забвеніи прошедшаго, и обѣщаніе прощенія бездѣльствъ ихъ, учинили наконецъ бунтовщиковъ спокойными, особливожъ тѣмъ, что по прозьбѣ моей закованные въ желѣза ихъ начальники выпущены тогдажъ на волю.

И такъ сіе возмущеніе не допустило насъ отправиться тотъ же день въ путь,

нуть, а по утру свѣдали мы, что освобожденные укравши ружья, и всякія къ тому принадлежности съѣхали въ елботѣ на островъ.

Увѣдомившись о томъ, послалъ я шипора съ двенатцатью человѣками вооруженныхъ, и велѣлъ сыскавши ихъ привести на корабль; но они убрались въ лѣсъ: и такъ посланные наши взявши съ собою только ихъ елботъ, возвратились на корабль.

Такимъ образомъ число поселянъ моихъ состояло уже тогда въ пяти человѣкахъ; первые же трое въ плутовствахъ и бездѣльствахъ послѣднихъ такъ превосходили, что на другой день выгнали пришельцовъ изъ замка, и такъ на нихъ осердились, что долго имъ и ѣсть не давали; оное произходило еще до прибытія къ нимъ Гишпанцовъ.

Они по пріѣздѣ своемъ на островъ старались сихъ звѣрскихъ людей уговорить, и помирить съ ихъ землями; но плуты о томъ и слышать не хотѣли, и для того принуждены были выгнанныя заводиться особо, и видя, что для содержанія жизни имъ самимъ необходимо трудиться надобно, засѣли въ Восточной сторонѣ острова. Тамъ построили себѣ двѣ хижины, одну для жилища, а

а другую на поклажу съѣстныхъ своихъ припасовъ. Гишпанцы снабдили ихъ провіантомъ и всѣми для хлѣбопашества инструментами. И такъ начали они строиться и располагаться по моему предписанію, а со временемъ такъ исправились, что житьемъ своимъ здѣлались довольными.

Земляки ихъ, какъ люди безпокойные, часто приходя къ нимъ, надъ ними насмѣхались, называя ихъ своими невольниками, требовали за то, что они на отданной имъ мною землѣ поселились, оброку. Бѣдняки думали сперьва, что они съ ними шутятъ, и для того по простосердечію своему просили ихъ къ себѣ въ гости, и шутя сами говорили имъ, чтобъ они прежде посмотрѣли строеніе ихъ и хуторъ, и тогда уже по состоянію оныхъ и оброкъ на нихъ положили, а теперь по примѣру протчихъ господъ, землю свою, въ разсужденіи новости ихъ, на нѣсколько лѣтъ безъ платежа имъ дали, и для подписанія такого договора, за публичнымъ нотаріусомъ послали. Плуты почли сію шутку за крайнюю себѣ обиду, грозили имъ за то отмщеніемъ, а одинъ изъ нихъ схватя головню изъ разведеннаго для варенія пищи огня, бросилъ

 ее

се въ хуторъ, и старался тѣмъ его зажечь; но хозяинъ успѣлъ утушить пожаръ сей.

Плутъ видя сію неудачу такъ разъярился, что бросился на него съ случившеюся тогда въ рукахъ его киркою, и конечнобъ тѣмъ убилъ его до смерти, естьлибъ онъ не увернулся. Между тѣмъ товарищъ невиннаго схватя ружье, избавилъ онаго отъ насилія бездѣльниковъ, и отогнавши непріятелей, втащилъ бросившагося на него плута въ свой хуторъ.

А хотя бунтовщики имѣли при себѣ ружья, однакожъ не посмѣли съ ними драться, а вступили въ такой договоръ, что естьли они пустятъ на волю ихъ товарища, то впредь обезпокоивать ихъ не станутъ. Но сіе предложеніе здѣлано было только съ тѣмъ, чтобъ спасти жизнь его; ибо по полученіи его въ свои руки, начали они паки причинять землякамъ своимъ всякія досады: притоптали рожь, разорили хуторы, разпустили ихъ скотъ; а какъ ихъ Гишпанцы отъ того уговаривать стали, то они отвѣтствовали имъ съ великимъ сердцемъ, что сіи безъ позволенія своихъ командировъ пришедшіе люди, не имѣютъ къ поселенію своему ни малаго права, и для того мы имъ здѣсь и

и жить въ покоѣ до тѣхъ поръ не дадимъ, пока они не обѣщаются на насъ работать. По сему, господинъ Агличанинъ, сказалъ ему на то Гишпанецъ, должны и мы быть вашимижъ невольниками. Не инако, отвѣчалъ ему на то Аткенсъ, такъ назывался начальникъ сихъ плутовъ, и вы тожъ скоро отъ насъ увидите, естьли добровольно намъ повиноваться не захотите. На сіи выговоренныя плутомъ слова отвѣтствовалъ Гишпанецъ презрительнымъ на него взглядомъ, кой привелъ бунтовщиковъ въ такое сердце, что они всѣ съ великою яростію единодушно вскричали, разоримъ замокъ, и покажемъ симъ свиньямъ, что имъ въ нашемъ добрѣ указывать намъ не можно.

Выговоря сіе и схватя по ружью, пошли съ великими угрозами въ лѣсъ; а Гишпанцы думали, что они конечно съ земляками своими помирившись, учинятъ на нихъ нападеніе; но вмѣсто того обратили они на нихъ первую злость свою, и пошли разорять оныхъ жилища, что имъ здѣлать и удалося; ибо поселяне видя притоптанную свою пашню и разпущенной скотъ, вышли изъ терпѣнія, и взявши ружья пошли искать своихъ злодѣевъ, съ тѣмъ, чтобъ вступить съ ними въ бой при первой встрѣчѣ. Между

Между тѣмъ, какъ они по острову ходя искали своихъ непрїятелей, и увѣдавши объ нихъ отъ Гишпанцовъ, что они вооруженные въ лѣсъ ушли, то возвратились въ свое жилище, дабы ихъ тамъ заставши, убить до смерти. Но по щастїю злодѣевъ своихъ и тамъ не угнали, потому что плуты разоривши ихъ, возвратились въ замокъ, угрожая тѣмъ же и Гишпанцамъ, естьли они почитать ихъ не станутъ. Сїи слова привели Коменданта, такъ буду я называть главнаго надъ Гишпанцами командира, въ такое сердце, что онъ подошедъ ударилъ бунтовщика въ рожу, и збивши его съ ногъ, сѣлъ ему на грудь. Товарищъ бунтовщиковъ видя лежащаго земляка своего, выстрѣлилъ по Гишпанцѣ изъ пистолета, но пуля миновавъ головы, отстрѣлила ему полъуха; на сей выстрѣлъ прибѣжавшїе Гишпанцы обезоружили сихъ бездѣльниковъ.

Такимъ образомъ находившись безъ всякой обороны, и зная, что земляки ихъ за учиненное роззоренїе имъ мстить не оставятъ, начали просить у Гишпанцовъ прощенїя; но получа отъ нихъ въ томъ отказъ въ ярости и съ великою бранью, пошли изъ замка, грозя имъ раззоренїемъ всѣхъ ихъ хуторовъ и заводовъ.

Но

Но только успѣли сїи плуты въ лѣсъ убраться, то явясь паки предъ замкомъ обиженные ими, требовали у Гишпанцовъ выдачи своимъ злодѣямъ, расказывая имъ, до какой крайности довели ихъ сїи бездѣльники. Гишпанцы увѣдомившись о томъ, обѣщались ихъ удовольствовать, только съ тѣмъ, чтобъ они обидчиковъ своихъ по причинѣ отнятыхъ у нихъ ружей уже сами не обезпокоивали. Въ случаѣ же вашего упрямства, говорилъ имъ Комендантъ, должны мы отнявши у нихъ оружїе, защищать жизнь ихъ; въ прочемъ сожалѣемъ мы, что вы съ ними не можете ужиться въ покоѣ. Насъ здѣсь, продолжалъ онъ рѣчь свою, не столько, чтобъ мы могли другъ другу здѣлать какое притѣсненїе; а понеже селенїе ваше со всѣмъ разорено, то не лучше ли вамъ теперь остаться съ нами? Разоренные Агличане охотно согласились на сїе предложенїе, и начали жить съ Гишпанцами въ замкѣ. Съ недѣлю спустя послѣ того пришли къ нимъ и бунтовщики. Они бродя по острову и питаясь дичиною, такъ наконецъ оголодали, что почти и ходить были не въ состоянїи, и для того явясь къ Коменданту, которой гулялъ тогда по взморью, просили въ винахъ своихъ милостиваго прощенїя. Комендантъ представ-

став-

ставлялъ имъ, коимъ образомъ они варварскими своими поступками земляковъ своихъ такъ огорчили, что онъ безъ общаго согласія ихъ въ томъ и простить не можетъ. И такъ подождите полчаса здѣсь, продолжалъ онъ рѣчь свою, я съ ними посовѣтовавши, принесу къ вамъ отвѣтъ. Но они были такъ голодны, что не могли ждать ни минуты, по чему и просили Коменданта, чтобъ онъ выслалъ къ нимъ ѣсть. Комендантъ приказалъ ихъ накормить, а по томъ вышедъ къ нимъ съ разоренными говорилъ, что они прежде не хотятъ ихъ простить и принять въ общество, пока они не наградятъ своими трудами весь причиненной имъ убытокъ. Голодные бродяги согласились на то съ великою охотою. А между тѣмъ, какъ упражнялись óни въ исправленіи разореннаго, жители мои препровождали нѣсколько мѣсяцовъ спокойные дни; а особливо, что бунтовщики хотя по окончаніи штрафкой работы ни за что и приняться не хотѣли, къ чему ихъ и сами Гишпанцы не принуждали, однакожъ казалось что со всѣмъ смирились, и такимъ притворствомъ довели Коменданта до того, что онъ видя ихъ отмѣнной противъ прежняго поступокъ, не усумнился возвратить имъ отнятое оружіе.

оружіе. Бездѣльникижъ получивши тѣмъ къ отмщенію способъ, покусились учинить ему за мнимую свою обиду возмѣздіе, а для сего приняли они наибезчеловѣчнѣйшее намѣреніе, но не исполнили оное за тѣмъ, что все селеніе находилось тогда въ крайней опасности, отъ чего и они принуждены были оставить междоусобную брань и стараться о общей пользѣ; а сіе произошло отъ нижеслѣдующаго:

Въ нѣкоторую ночь не спалось Гишпанскому Коменданту отъ того, что онъ чувствовалъ несказанное безпокойство, и какъ ни старался заснуть, однакожъ за представляющимися ему будтобы происходимыми внѣ зáмка драками, не могъ себя къ тому принудить, и ворочаясь съ боку на бокъ, наконецъ всталъ, и вышелъ изъ пещеры своей, гдѣ жили бунтовщики. Ночь была тогда темная, и для того, а особливо сквозь рощу, которая зáмокъ окружала, ничего и видѣть было не можно, осмотряжъ оныхъ возвратился паки въ пещеру, а ложась на постелю, разбудилъ нѣкоего Гишпанца, коему и разсказалъ, коимъ образомъ онъ съ самаго вечера уснуть не можетъ, и все ему въ глазахъ бой представляется. Разбудившейся выслушавъ слова его, спросилъ, гдѣ бун-

бунтовщики. Они спятъ въ шалашѣ своемъ, отвѣчалъ Комендантъ, въ коемъ имъ послѣ ихъ бунта Гишпанцы жить опредѣлили, а притомъ съ такою осторожностїю, чтобъ имъ не входить и въ пещеру безъ ихъ позволенїя. Изрядно, сказалъ Гишпанецъ, однакожъ пойдемъ и осмотримъ ихъ, также и товарищей нашихъ. А по осмотрѣ своемъ, нашли они всѣхъ въ глубокомъ снѣ. Вшедши же на гору, мною въ первой части обсерваторїею названную, увидѣли не далеко отъ зáмка два великїе огня и вкругъ оныхъ множество по всему берегу разсѣянныхъ людоѣдовъ; а сколько ихъ было, того имъ видѣть было не можно.

Я въ бытность мою на острову держался всегда того, что бы скрывать отъ дикихъ то, что наономъ есть люди. Когдажъ по поступкамъ ихъ получалъ подозрѣнїе, что они о томъ свѣдали, то такъ ихъ устрастить тщился, чтобъ они другой разъ прїѣхать ко мнѣ не отважились. Ибо при послѣднемъ моемъ съ ними сраженїи, спаслись изъ нихъ только трое, да и тѣ были такъ застращены, и думаю землякамъ своимъ столь много чуднаго о островѣ моемъ насказали, что имъ прїѣхать ко мнѣ конечно не захотѣлось.

Выше

Выше сказывалъ я, какъ поселянамъ моимъ не можно было знать, въ коликомъ числѣ и въ какомъ намѣренїи дикїе къ острову ихъ пристали, и не приведены ли они къ нимъ отъ помянутаго бывшими у меня съ ними бою ушедшими. Но какъ бы то ни было, однакожъ они должны были или учинить на нихъ нападенїе, и отрѣзавъ ихъ отъ лодокъ, всѣхъ побить, или со всѣмъ имъ не показываться; но сего поселянамъ моимъ и на умъ не пришло, и для того были они отъ нихъ въ крайней опасности.

Комендантъ не знавъ, что дѣлать, сошелъ съ горы, и встревожилъ всю свою команду, коей надлежалобъ сидѣть въ зáмкѣ, и дикимъ не казаться: но Агличанъ и удержать отъ любопытства ихъ было не можно. Долго смотрѣли они на своихъ по берегу въ великомъ множествѣ разсѣянныхъ непрїятелей безъ всякаго къ тому намѣренїя, чинить ли на нихъ нападенїе, или оставить ихъ въ покоѣ.

Прибытїе людоѣдовъ приводило поселянъ моихъ въ несказанную опасность. Они боялись, чтобъ дикїе не увидѣли ихъ скотины, для загнанїя которой послали двухъ Гишпанцовъ и трехъ Агличанъ, а по томъ приказали

отцу

отцу слуги моего итти, и пользуясь ночною темнотою, навѣдаться, въ какомъ намѣренiи прiѣхали они на островъ. Сей раздѣвшись до нага, ходилъ къ нимъ, и вмѣшавшись въ кучу, узналъ все ихъ намѣренiе, а по приходѣ сказалъ Гишпанцамъ, что на острову находятся партiи разныхъ народовъ; они между собою уже дравшись прiѣхали съ плѣнными торжествовать побѣду: но нечаянно паки съѣхались вмѣстѣ, и для того оставляютъ намѣренное свое веселье, а хотятъ на разсвѣтѣ дать другъ другу новой бой. Старикъ только лишъ успѣлъ окончать вѣсть свою, какъ вдругъ поднялся великой между людоѣдами крикъ.

Всякой изъ поселянъ хотѣлъ смотрѣть ихъ сраженiя, а хотя отецъ слуги моего всевозможнымъ образомъ и совѣтовалъ имъ остаться въ своемъ мѣстѣ, за тѣмъ, что дикiе, не зная о ихъ селенiи, подравшись между собою и сами уѣдутъ, что дѣйствительно такъ и было; но Агличане пошли въ лѣсъ смотрѣть сего побоища. А какъ ближайшая къ нимъ сторона по двучасовомъ бою сперьва уступать стала, а по томъ пришедъ въ слабость со всѣмъ побѣжала, то любопытные поселяне опасаясь, чтобъ бѣгущiе

бѣгущiе, спасая жизнь свою, къ нимъ въ жилище не прибѣжали, и за собою всѣхъ своихъ непрiятелей не привели, построясь, ожидали принять бѣгущихъ военною рукою. Между тѣмъ трое побѣжденныхъ прибѣжали къ замку; ихъ по приказанiю Комендантскому взяли они въ полонъ. Послѣ того побѣжденные сѣвши въ лодки, уѣхали отъ своихъ непрiятелей, а побѣдители не преслѣдуя ихъ далѣе, но собравшись въ кучу, здѣлали двоекратной крикъ, конечно въ знакъ побѣды, а по томъ и сами оставя селенiе мое въ покоѣ, въ путь отправились.

На мѣстѣ баталiи найдено до тритцати человѣкъ мертвыхъ; а сiе ужасное позорище усмирило такъ бунтовщиковъ, что они пришли въ чувство, и начали работать безъ всякаго о томъ напоминовенiя, въ чемъ плѣнные три людоѣда дѣлали имъ не малое облегченiе. А хотя они были и весьма послушливы, однакожъ въ разсужденiи того, что никто изъ господъ поселянъ о поправленiи нравовъ ихъ и о вложенiи имъ понятiя о Христiанскомъ законѣ не старался, то на нихъ, какъ я надеженъ былъ на своего Пятницу, не только положиться было не можно, но еще по тому, что они употреблены бы-

ли въ тяжелые работы, ихъ и опасаться надлежало.

Такимъ образомъ всеобщая опасность, истребя междоусобныя ссоры, привела поселянъ моихъ въ совершенное согласїе, и они, имѣя о своей пользѣ попеченїе, положили за тѣмъ, что къ берегу, гдѣ находился замокъ, всегда дикїе пристаютъ, перенести жилище свое въ другое мѣсто. Но послѣ разсудя, коимъ образомъ удалясь внутрь острова, лишатся они надежды вырваться изъ неволи, и меня, естьли мнѣ вздумается исполнить данное имъ обѣщанїе, не увидятъ, по тому что посланныебъ за ними, не нашедши ихъ на острову, и раззоренной замокъ видя, моглибъ почесть ихъ умершими, и отъ того не найдя ихъ конечно назадъ возвратилися, опредѣлили перевести половину скота своего въ долину, близъ прежняго моего грота находящуюся, и здѣлать тамъ для всякаго случая новую пашню, не разоряя при томъ и прежде заведенную. Въ разсужденїижъ своихъ плѣнныхъ приняли разумную осторожность. Не давали имъ знать, гдѣ находится помянутой гротъ, запасной ихъ скотъ и пашня, и гдѣ лежитъ оставленной ихъ порохъ, а отъ того имѣли они всегда отъ непрїятелей

телей своихъ вѣрное и безопасное убѣжище.

А понеже укрѣпилъ я замокъ ретраншементомъ, и осадилъ оной деревьями, по чему и они признавшись, какъ цѣлость ихъ зависитъ отъ того, чтобы дикїе не увидѣли ихъ жилища, часъ отъ часу старались сдѣлать его неприступнымъ. Садили по всѣмъ сторонамъ, часто реченные въ первой части рослывыя деревья, и тѣмъ дошли до самаго болота, кое во время прилива покрывалось водою, и гдѣ я приставалъ своими плотами; а наконецъ такъ загородились, что къ сему берегу на лодкѣ и пристать было не можно. А какъ имъ и того еще не довольно показалось, то и всѣ окружающїе замокъ высоты тѣми же деревьями обсадили, а при томъ столь часто, что по прошествїи нѣсколькихъ лѣтъ, когда оны пришли въ силу, вкругъ замка за тѣснотою ихъ почти и самимъ имъ пройти было не можно, однакожъ все то было не напрасно.

Такимъ образомъ жили два года въ совершенномъ и такомъ покоѣ, что казалось, будтобы сосѣды ихъ островъ совсѣмъ позабыли; а хотя Гишпанцы будучи нѣкогда на западной сторонѣ онаго, и видѣли приставшихъ къ нему ди-

дикихъ, и прибѣжавши въ замокъ, всѣмъ поселянамъ о томъ извѣстіе дали, однакожъ дикіе, потому что поселяв мои послѣдуя своимъ обыкновеніямъ, въ за кѣ смирно засѣли, отправя свое пиршество и ихъ не примѣтя, скоро назадъ возвратились.

Послѣ же того имѣли они паки междоусобную брань, коей причина была слѣдующая. Нѣкто изъ бунтовщиковъ разсердясь на своего невольника за то, что онъ не здѣлалъ такъ, какъ ему приказано было, схватя топоръ, хотѣлъ его изрубить, и миновавъ головы, рузрубилъ ему плечо. Гишпанецъ же, случившейся тогда съ нимъ, прибѣжавши просилъ о помилованіи сего бѣдняка, и видя, что Агличанинъ его еще рубить замахнулся, оттолкнулъ его отъ невольника, за что бѣшеной бросясь на Гишпанца и его топоромъ своимъ рубить было началъ. Гишпанецъ отмахнувшись лопаткою, сшибъ его съ ногъ, а бунтовщики видя сіе, бросились его бить; онъ началъ кричать, а на крикъ его прибѣжали всѣ поселяне, ибо они были на пашнѣ, и такъ вторично обезоружили безпокойныхъ, и разсуждая о томъ, что сіи тунеядцы несносное имъ безпокойство причиняютъ, а при томъ и никакой къ поправленію своему надежды

не подаютъ, положили объявить имъ, что естьлибъ они были природные Гишпанцы, то бы за такія плутовства свои по общему приговору уже давно повѣшены были; помня же, коимъ образомъ они однородцомъ ихъ отъ смерти избавлены, почитаютъ за долгъ поступать съ нимъ снисходительнѣе, и для того отдаютъ ихъ на судъ Агличанъ.

Смирные Агличане выслушавши Комендантской о бунтовщикахъ отзывъ, просили отъ того увольненія: для того, говорили они, мы ихъ къ висѣлицѣ приговаривать не станемъ, что они намъ, какъ то извѣстно, дѣлали прежде сего великія досады, и такъ судъ нашъ можетъ почитаться всегда пристрастнымъ, а только мы то еще скажемъ, что Аткенсъ, начальникъ бунтовщиковъ, приглашалъ насъ побить всѣхъ васъ.

Гишпанцы услышавши сіе отчаянное и безчеловѣчное его намѣреніе, весьма тому дивились. А Комендантъ оборотясь къ Аткенсу говорилъ весьма учтиво: Скажите, господинъ Аткенсъ, за что вы насъ убить хотѣли? Злодѣй, не только что въ злоумышленіи своемъ признавался, но еще съ наглостію и безстыднымъ образомъ сказалъ Коменданту, что онъ еще и нынѣ тожъ на

 него

него мыслитъ. Чтожъ мы вамъ здѣлали, спросилъ Гишпанецъ, и за что вы насъ передушить хотѣли? а притомъ, какую бы вы отъ того прибыль получили, естьлибъ злодѣйство свое исполнили? Сіи тихимъ и учтивымъ голосомъ выговоренныя слова, которыя бѣшеной Аткенсъ почелъ за презрительныя, привели его въ такое сердце, что онъ конечнобъ его тогдажъ на мѣстѣ ножемъ своимъ зарѣзалъ, естьлибъ его отъ того Гишпанцы не удержали; а сіе побудило всѣхъ думать, какъ бы имъ отъ него избавиться. Агличане совѣтовали его въ страхъ другимъ повѣсить, потому что онъ хотѣлъ здѣлать вдругъ два убійства, то есть убить Гишпанца и своего невольника. Но Комендантъ повторяя прежнія слова свои, что онъ будучи Агличанинужъ жизнію своею обязанъ, земляковъ его убить не допуститъ, хотя бы они и всѣхъ Гишпанцовъ перерѣзали. Сіе благодѣяніе, а притомъ что обыкновенно даваемой въ приговорахъ къ смерти склонной къ милосердію голосъ предъ строгимъ преимуществуетъ, а особливо когда онъ твердаго и постояннаго защитника имѣетъ, то сіе самое, говорю я, побудило и при семъ случаѣ поселянъ согласиться съ Комендантомъ, съ такимъ бунтовщикамъ повелѣ-

ніемъ, чтобъ они отдали имъ свои ружья, пистолеты, порохъ, и все, чѣмъ вредъ причинить могутъ, и поселились бы въ особливомъ мѣстѣ гдѣ пожелаютъ, а Гишпанцамъ и Агличанамъ запрещено было съ ними говорить и имѣть сообщеніе. Естьли же причинятъ скоту или пашнѣ какой нибудь вредъ, то позволено было всему обществу бить ихъ до смерти.

Комендантъ, коего безпримѣрное человѣколюбіе всегда оказывалось, выслушавши сей общей приговоръ, и оборотясь къ собранію, просилъ двухъ Агличанъ и своихъ однородцовъ, чтобъ дать имъ для заводу скотъ, хлѣбъ и прочія въ домѣ необходимо нужныя вещи. Всѣ похвалили сіе Комендантово мнѣніе и для того дали бунтовщикамъ на восемь мѣсяцовъ хлѣба, нѣсколько скота, и все къ домостроительству потребное, въ томъ числѣ топоры и тому подобное, съ тѣмъ только, чтобъ они клятвою обязались не употреблять ихъ противъ Гишпанцовъ, или противъ земляковъ своихъ.

Такимъ образомъ выгнаны сіи плуты изъ общества поселянъ моихъ. Въ великомъ огорченіи пошли они изъ замка искать на острову для поселенія своего удобнаго мѣста; а понеже помянутой

 присяги

присяги учинить не хотѣли, то имъ, кромѣ хлѣба ничего и не дано.

Недѣлю спустя послѣ того пришли они къ замку, и требовали себѣ провїанту, а при томъ сказали Комендантy, что для своего селенїя мѣсто себѣ выбрали къ Нордвесту, не далеко отъ того лежащее, гдѣ я присталъ избавившись отъ моего вояжа. Тамъ построили они себѣ близь горы окруженной лѣсомъ два изрядные шалаша, а по учиненїи вышереченой присяги, получили отъ Гишпанцовъ топоры, лопатки и другїя въ домашней экономїи необходимые инструменты, выключая ружей и прочей военной аммуницїи.

Такимъ образомъ жили они съ полгода. Между тѣмъ приспѣла ихъ жатва, которая была весьма не велика, потому что они въ бездѣльствахъ своихъ упражняясь къ размноженїю оной и время не имѣли; при наступленїижъ дождливаго времяни просили, чтобъ имъ для поклажи вещей ихъ вырыть въ горѣ пещеру, коя и вырыта.

Въ девятой мѣсяцъ по раздѣленїи поселянъ моихъ, вошло въ голову симъ безпокойнымъ людямъ слѣдующее бѣшенство, кое привело не только ихъ, но и все селенїе въ крайнюю опасность. Они скучившись трудною работою, и

и не имѣя къ избавленїю отъ оной ни малой надежды, вздумали ѣхать на твердой кряжъ, и извѣдать, не удастся ли имъ захватить тамъ себѣ невольниковъ.

Сей бы проектъ былъ и не дуренъ, естлибъ они предприняли его съ надлежащею къ тому осторожностїю. Но бѣшеные мои Агличане еще никакова дѣла не дѣлали порядочно, и не удерживаясь отъ проказъ, простирались только въ своихъ порокахъ.

Въ сходство которыхъ плутовствомъ связанные товарищи, пришедъ къ замку говорили Гишпанцамъ, что они будучи къ трудамъ не привычны, несносною своею жизнїю такъ не довольны, что уже больше работать не станутъ, хотя отъ того и съ голоду помрутъ, и для того позвольте намъ взять одну изъ тѣхъ лодокъ, на которыхъ вы сюда прїѣхали; дайте единственно для защищенїя жизни нашей ружья, съ чемъ поѣдемъ мы на матерую землю искать тамъ своего щастїя, и избавимъ васъ отъ всякихъ безпокойствъ, кои мы вамъ лѣностїю своею причинить можемъ.

Гишпанцы хотя и весьма тому ради были, однакожъ не оставили, чтобъ имъ

имъ не представить того, какой опасности они себя чрезъ то подвергаютъ. Отважная шайка отвѣтствовала имъ на то, что имъ умирать все равно, гдѣбъ то ни было; словомъ, они намѣрены были ѣхать, хотябъ имъ и ничего на дорогу не дали.

Но Гишпанцы не допустя ихъ до такой крайности дали имъ два ружья, пистолетъ, саблю и два топора, также на цѣлой мѣсяцъ провіанту, съ коимъ поставя въ лодкѣ мачту, а притомъ привязавъ къ оной изъ козлиныхъ кожъ здѣланной парусъ, отправились они въ путь свой.

Избавленные отъ нихъ поселяне препровождали жизнь свою въ ненарушимомъ покоѣ, и весьма были тому ради, что бунтовщики уѣхали, и такъ о возвращеніи ихъ назадъ ни малой надежды не имѣя, спокойно упражнялись въ обыкновенныхъ трудахъ своихъ. Но по прошествіи трехъ недѣль, Агличанинъ будучи на пашнѣ, увидѣлъ идущихъ къ нему съ ружьями, чего испужавшись, прибѣжалъ въ замокъ, и сказалъ о томъ Коменданту. Комендантъ разсуждая, что по Европейски одѣтымъ и огнестрѣльнымъ ружьемъ снабдѣннымъ людямъ необходимо должно быть Христіанамъ, коихъ намъ, говорилъ онъ испужавшемуся, и опасаться нѣчего. Ме-

Между тѣмъ созвалъ онъ свою команду, и какъ собравшіеся мои поселяне о сихъ идущихъ къ нимъ людяхъ разсуждали, то пришли къ посаженной ими новой рощѣ и странственники ихъ. Сперьва всѣ не знали, что думать о скоромъ ихъ возвращеніи, и опасаясь отъ нихъ какой хитрости, разсудили за благо спросить у нихъ, не впуская ихъ въ замокъ, о обстоятельствахъ поѣздки, и для того начали поздравлять ихъ съ щастливымъ пріѣздомъ, а вояжеры не дожидаясь вопросовъ, стали расказывать слѣдующее.

Мы переѣхали море въ два дни, и пристали къ нѣкоему острову; но видя, что жители онаго по насъ изъ луковъ стрѣлять хотѣли, пошли далѣе, а во время сего путешествія проѣзжали мы множество острововъ лежащихъ одинъ подлѣ другова; по томъ поворотясь къ полуночной сторонѣ, и приставши къ одному изъ оныхъ, вышли на берегъ. Жители были тамъ весьма учтивы и ласковы, подарили насъ питательными кореньями и сушеною рыбою. У нихъ пробыли мы четыре дни, и спрашивали чрезъ знаки, какіе вкругъ ихъ живутъ народы; а они такимъ же образомъ отвѣтствовали намъ, что людоѣды, а ихъ народъ людей не ѣстъ, кромѣ своихъ воен-

военноплѣнныхъ, изъ коихъ нынѣ до 200 назначенныхъ на съѣденіе имѣютъ, изъ котораго числа и намъ одиннатцать мущинъ и пять женщинъ подарили.

Бунтовщики въ бытность свою на острову, хотя и довольно показали знаковъ варварскаго и безчеловѣчнаго своего нраву, однакожъ не дерзнули ѣсть данныхъ имъ плѣнныхъ; не знаяжъ, какъ отъ сего подарка отговориться, и какъ бы не разсердить дикихъ, принуждены мы были, продолжали они рѣчь свою, ихъ принять и подарить вмѣсто того дикихъ топоромъ и пулями, кои имъ весьма понравились; по чему дикіе связавши плѣннымъ руки, положили ихъ къ намъ въ лодку. Мы избѣгая того, чтобъ намъ не подчивать благодѣтелей своихъ данными ими невольниками, поблагодаря ихъ за то отправились тотъ же часъ въ море, а по томъ приставши къ острову, пустили излишнихъ намъ на волю.

Послѣднихъ же крайне старались увѣрить, чтобъ они насъ не боялись; но они разсуждая по варварскому своему обычаю, оставались всегда въ тѣхъ мысляхъ, будто бы все, что мы съ ними ни говорили, чемъ ихъ ни ободряли, и что имъ ни давали, клонилось только къ одному тому, что ихъ содержа

держа въ здоровьѣ, хотимъ отъ того имѣть лучшую пищу, и для того сколь скоро мы ихъ развязывать стали, то почитая, что уже конецъ ихъ приходитъ, дѣлали, а особливо женщины, ужасной и жалостной крикъ. Сей страхъ и тогда не умалялся, когда мы имъ ѣсть давали, или на кого изъ нихъ пристально смотрѣли; ибо они думали, что мы того, на кого смотримъ, жирнѣе другихъ почитая, выбираемъ для своей пищи.

Такимъ образомъ окончали они журналъ своего вояжа, а Комендантъ спросилъ у нихъ, гдѣ ихъ новые служители и служанки находятся, и получа въ отвѣтъ, что они привезены на островъ, и находятся уже въ ихъ шалашахъ, пошелъ съ ними туда и со всей своей командой, гдѣ и увидѣлъ, что изъ привезенныхъ Агличанами Американцовъ, было трое мущинъ, кои казались быть лѣтъ по 35ти, здоровы, крѣпки, проворны и къ работамъ способны. Протчія же были женщины, двѣ лѣтъ около сорока, другіяжъ двѣ по 25ти, да одна дѣвка лѣтъ семнатцати; а всѣ имѣли станъ такъ складной, что естьлибъ тѣломъ не были желтоваты, то бы конечно и въ самомъ Лондонѣ можно было ихъ почесть за красавицъ.

На-

Нагота плѣнныхъ устыдила благочинныхъ и постоянныхъ Гишпанцовъ, такъ что они безъ рдѣнія не могли смотрѣть, а особливо на женщинъ, и видя ихъ безпокойство, происходящее отъ того, что ежеминутно ожидали конца своего, приказали отцу слуги моего увѣрить ихъ, чтобъ они не боялись. Но онъ сколько ни говорилъ съ ними, однакожъ никто не разумѣлъ его языка, кромѣ одной женщины, коя увѣрила протчихъ, что они находятся въ рукахъ Христiанскихъ, кои отъ людояденія крайнее отвращеніе имѣютъ. Невольники выслушавъ слова ея, пришли отъ радости въ такой восторгъ, что вскоча на ноги, начали пѣть и плясать отличнымъ одинъ отъ другаго образомъ, а изъ того познать было можно, что они всѣ были разныхъ націй.

По томъ приказано было спросить у нихъ переводчицѣ, такъ буду я называть разумѣющую стариковъ языкъ, хотятъ ли они служить спасшимъ жизнь ихъ; на сіе, въ знакъ своей къ тому охоты, подхватя все, что кому въ шалашѣ найти случилось, и ходя взадъ и впередъ на головахъ оное носить стали, показывая тѣмъ, что имъ ко всякимъ услугамъ готовыми быть обѣщаются.

Комендантъ же опасаясь, чтобъ привезенныя женщины не подали причины къ разрыву возстановленной между поселянами общей дружбы, спросилъ у Агличанъ, въ какомъ намѣреніи привезли они ихъ на островъ, для услугъ ли своихъ, или для того, чтобъ на нихъ жениться? Бунтовщики скоро на то отвѣтствовали, что хотятъ ихъ при себѣ имѣть женами и служанками. Я не намѣренъ, сказалъ имъ на то Комендантъ, удерживать васъ отъ сего предпріятія; дѣлайте съ ними, что вы хотите, однакожъ для избѣжанія всѣхъ безпорядковъ совѣтую взять только по одной, и жить такъ, какъ съ женою. Сіе предложеніе показалось бунтовщикамъ справедливымъ и порядочнымъ, и такъ приняли его безъ всякихъ отговорокъ, а при томъ представили и Гишпанцамъ, не хотятъ ли и они двухъ себѣ выбрать. Но Гишпанцы благодаря за снисхожденіе, отговорились тѣмъ, что уже имѣютъ женъ въ Гишпаніи, другія же сказали, что мѣшаться съ нехристіанками почитаютъ за великое беззаконіе.

А чтобъ сказать короче, то вмѣсто Гишпанцовъ взяли оставшихъ женщинъ смирные Агличане. Такимъ образомъ получило селеніе мое противъ прежняго со-

всѣмъ отмѣнной видъ. Гишпанцы съ отцемъ слуги моего и съ тремя плѣнниками, взятыми послѣ бывшаго между дикими сраженія, остались въ замкѣ, которой по числу своему довольно распространили, а по тому, что всѣ прочіе селеніи получали изъ онаго всѣ нужные припасы, можно уже было его назвать главнымъ магазейномъ.

Можетъ быть, что во всей сей книгѣ чуднѣе сего мѣста не будетъ: ибо здѣсь описывается умѣренной поступокъ бунтовщиковъ, и какимъ образомъ безъ всякихъ ссоръ раздѣлили они между собою привезенныхъ женщинъ, да и не случилось, чтобъ изъ нихъ двоимъ вдругъ захотѣлось взять одну, хотя двѣ изъ нихъ и отмѣнной красоты были. Дѣлежъ же происходилъ слѣдующимъ образомъ: Посадили они женщинъ въ шалашѣ, а сами вышедъ вонъ, кинули жеребей, кому итти напередъ выбирать себѣ жену.

Смѣшное здѣлалось при томъ то, что первой, кому выбирать досталось, вошедъ въ шалашъ, вывелъ оттуда самую дурную и старую, а хотя товарищи его и Гишпанцы, выбору его и смѣялись, но онъ говорилъ, что на красо-

красоту лица мало взирая, старался выбрать такую, которую онъ изъ всѣхъ склоннѣйшею и способнѣйшею быть почелъ къ домоводству, въ чемъ и не обманулся, по тому что она была всѣхъ прилежнѣе и усерднѣе.

Бѣднымъ невольницамъ не стоила сія шутка ни малаго смѣха. Оставшія изъ нихъ въ шалашѣ видя, что ведутъ вонъ ихъ подругу, и почитая, что ее ведутъ на жертву, бросились къ ней и обнимая ее, прощались съ такою жалостію, что и самое бы варварское сердце, смотря на ихъ горесть, пришло въ жалость. Для сего принуждены были еще послать къ нимъ старика, которой расказавши, что господа ихъ выбираютъ изъ нихъ себѣ женъ, тѣмъ ихъ и успокоилъ.

По окончаніи сей свадебной церемоніи и по успокоеніи нововышедшихъ въ замужство, принялись Гишпанцы за работу, и здѣлали троимъ бунтовщикамъ особливые шалаши въ томъ мѣстѣ, которое они сами выбрали. Смирные же Агличане поселились между ими и замкомъ; такимъ образомъ здѣлались на острову три разныхъ селенія. А хотя бунтовщикамъ, кои бы кро-

мѣ висѣлицы ничего и не заслужили, и достались по щастію прилѣжныя, рачительныя и къ домоводству весьма склонныя женщины, однакожъ я по пріѣздѣ моемъ на островъ, не смотря и на то, легко могъ отличить ихъ жилища отъ хуторовъ смирныхъ Агличанъ. Ибо у нихъ было все порядочно, а отъ того и имѣли во всемъ излишество. Напротивъ того у бунтовщиковъ хотя и столькожъ земли распахано было, сколько для содержанія ихъ дому требовалось, однакожъ все имѣло такой видъ, будто бы они не давно разорены были. Напротивъ того смирные мои поселяне хотя претерпѣвали и двоекратное разореніе, въ первой отъ земляковъ своихъ, какъ то уже выше сказано, въ другой же разъ отъ дикихъ напавшихъ на островъ, о коемъ ниже сего упомянуто будетъ, однакожъ жилища и всѣ произращеніи ихъ были въ лучшемъ состояніи, нежели у бунтовщиковъ, ибо они сами ни за что не принимывались, а заставляли исправлять домашнія дѣла женъ своихъ.

Теперь приступаю я къ описанію того опустошенія, которое причинили дикіе поселянамъ моимъ, а особливо двумъ смирнымъ и прилѣжнымъ Агличанамъ.

чанамъ. Въ нѣкоторой день по утру весьма рано пріѣхали на островъ дикіе для обыкновеннаго отправленія безчеловѣчнаго своего пиршества. Поселяне мои будучи уже къ тому привычны, и вѣдая ихъ порядокъ, старались всегда во время таковыхъ ихъ прибытіевъ не казаться, а сидѣть въ домахъ своихъ.

Сія предосторожность была весьма разумна, но нечаянной случай уничтожилъ пользу оной, и показалъ варварамъ, что на острову есть жители, такимъ образомъ: Какъ дикіе возвращаясь въ свои жилища пустились въ море, то Гишпанцы вылѣзши изъ норъ своихъ, смотрѣли на нихъ съ обсерваторіи, а нѣкоторые изъ любопытства пошли на мѣсто, гдѣ празднество ихъ отправлялось. Тамъ застали они трехъ человѣкъ въ глубокомъ снѣ лежащихъ, которые или такъ обожрались, что съ товарищами своими и ѣхать полѣнились, или въ лѣсу заблудились, и къ отъѣзду однородцевъ своихъ притти опоздали.

Но какъ то ни есть, однако Гишпанцы и Комендантъ не знали что съ ними дѣлать, потому больше, что

у нихъ и безъ того довольно невольниковъ было, убить же ихъ почитали за беззаконіе; и такъ за лучшее почли оставить ихъ въ покоѣ. Но наконецъ принявъ въ разсудокъ, что сіи дикія могутъ, бродя по острову, найти ихъ хуторы, отдали ихъ въ работники смирнымъ Агличанамъ. А сіи видя малую невольниковъ своихъ къ работамъ способность, и не имѣя въ прилѣжности ихъ крайней нужды, оставили ихъ безъ присмотру, а отъ того одинъ у нихъ поживши нѣсколько мѣсяцовъ пропалъ безвѣстно. А понеже въ день его побѣгу дикіе на острову по обыкновенію своему были, то поселяне мои и не безъ причины заключили, что онъ уѣхалъ съ ними въ свое отечество. Всѣ не безъ причины думали, что бѣглецъ по пріѣздѣ въ отечество раскажетъ однородцамъ своимъ о поселеніи острова. По щастію же ихъ не было ему извѣстно о числѣ жителей онаго, и гдѣ ихъ потаенныя жилища находятся, а только зналъ онъ шалаши тѣхъ, у коихъ былъ въ работѣ. Сія опасность была ненапрасная, ибо два мѣсяца спустя послѣ побѣгу дикаго, пріѣхали къ острову шесть наполненныхъ людьми лодокъ, кои пристали противъ самаго жилища смирныхъ Агли-

Агличанъ, чего прежде никогда и не бывало.

Естьлибъ тогда поселяне мои были вмѣстѣ, то бы имъ варвары ничего не здѣлали, и ни одинъ бы изъ нихъ и спастися былъ не въ состояніи; но по нещастію находились они въ разныхъ мѣстахъ. Смирные Агличане видя себя подводомъ бѣглеца своего въ великую опасность приведенныхъ, приказали привезеннымъ съ женами ихъ тремъ невольникамъ, показывающимъ господамъ своимъ всегдашнія услуги, связать бѣглецовыхъ товарищей, и забравши изъ шалашей нужныя вещи, отвести ихъ и женъ своихъ въ здѣланную имъ въ густомъ лѣсу пещеру; а по отведеніи бѣжать къ Гишпанцамъ, и просить у нихъ вспоможенія. А между тѣмъ разломавши клевы свои, выгнали скотъ свой въ лѣсъ, по томъ вооружась пошли къ женамъ своимъ, а съ случившейся по дорогѣ горы съ крайнимъ огорченіемъ увидѣли, что дикіе зажгли шалаши ихъ, а другіе разсѣявшись по лѣсу искали жителей оныхъ. Агличане видя ихъ многолюдство, и разсуждая, что они чѣмъ далѣе въ лѣсъ входять, тѣмъ больше партіи свои раздѣлять принуждены будутъ, отступили отъ

отъ нихъ еще внутрь онаго, а наконецъ вобравшись въ густоту остановились, точно намѣрясь съ помощїю сего выгоднаго мѣста защищать жизнь свою.

Не долго дожидались они тамъ своихъ непрїятелей, ибо двое изъ нихъ будто бы ихъ тамъ укрывающихся примѣтя, шли на нихъ прямо, за коими трое, а за сими не подалеку еще пять человѣкъ слѣдовали, въ другую же сторону бѣжали впередъ десять человѣкъ.

Бѣдные Агличане не знали сперьва что дѣлать, бѣжать ли или стоять на мѣстѣ; но разсуждая, что дикїе по лѣсу разсѣнные возмутъ ихъ въ полонъ, положили во ожиданїи отъ Гишпанцовъ помощи, драться съ своими непрїятелями, и когда не станетъ силы, то влѣзть на деревья и стрѣлять по нихъ до тѣхъ поръ, пока пороху станетъ.

Не зналижъ они при томъ стрѣлять ли имъ по перьвымъ или дожидаться послѣднихъ: но сїе рѣшилось тѣмъ, что передние поворотили отъ нихъ нѣсколько въ сторону, а за ними слѣдующїе пять человѣкъ шли на нихъ прямо, между которыми и бѣглецъ ихъ находился. Тогда положили они, чтобъ выстрѣлить

лить по нихъ сперва изъ одного, а по томъ, естьли на мѣстѣ еще живые останутся, стрѣлять и изъ другова ружья.

Первымъ выстрѣломъ убили они одного до смерти и прострѣлили грудь у бѣглеца своего, а третьяго ранили въ плечо, однакожъ весьма легко. Идущїе за ними пять человѣкъ будучи выстрѣломъ испуганы остановились, и стояли неподвижно, а по томъ подошедъ разсматривали лежащихъ своихъ товарищей. Легко раненой расказывалъ имъ съ великимъ ужасомъ, что конечно убило ихъ громомъ. Агличане пользуясь ихъ страхомъ, выстрѣлили по нихъ изъ обѣихъ своихъ ружей, а послѣ выскоча изъ за деревъ, побили тѣхъ, кои были ранены. Между имы былъ одинъ здоровой. Онъ увидя своихъ непрїятелей, ставъ предъ ними на колѣни просилъ помилованїя.

Агличане связавши плѣннику своему руки и ноги, побѣжали за дикими идущими прямо къ женамъ ихъ: но видя ихъ поворотившихся къ взморью, возвратились къ своему плѣнному, на мѣстѣ котораго лежала только одна веревка, коею онъ былъ связанъ, по чему и заключили, что нашедшїе на него товарищи его освободя взяли съ собою,

 одна-

однакожъ его развязали Гишпанцы, коихъ прибѣжало къ нимъ на помощь семь человѣкъ, прочїе же съ своими невольниками пошли для защищенїя моего лѣтняго дома, гдѣ находился ихъ хлѣбной магазинъ.

Прибывшею помощїю усиленные Агличане порывались учинить на разорителей своихъ нападенїе, и оставя у женъ своихъ двухъ Гишпанцовъ, и связавши руки и ноги у новаго своего плѣнника, побѣжали съ ними за дикими, кои съ великою торопливостїю убирались въ лодки.

Такимъ образомъ избавились поселяне мои своихъ непрїятелей, излишнїе плѣнники стали имъ въ тягость, такъ что они не знали куда съ ними дѣваться; многїе думали для своей безопасности предать ихъ всѣхъ смерти. Но Комендантъ на то ни мало не согласуясь, приказалъ ихъ всѣхъ связавши отвести въ старой мой гротъ, и держать ихъ тамъ за карауломъ и подъ присмотромъ Гишпанцовъ, до дальнаго объ нихъ положенїя.

Сїе есть вторичное смирнымъ Агличанамъ учиненное разоренїе. Всѣ поселяне видя ихъ крайность, во что и бунтовщики, кои прежде объ нихъ безъ огорченїя и слышать не хотѣли, вшедши, въ такое пришли сожалѣнїе, что не отреклись подать имъ руку помощи. И такъ совокупными съ Гишпанцами силами въ короткое время поправили ихъ состоянїе.

Два дни послѣ случившагося съ дикими бою принесло къ острову двѣ пустыя лодки и два мертвыхъ тѣла, а по тому что въ слѣдующую тогда ночь, какъ разорители ихъ въ путь отправились, былъ великой вѣтръ, то и думали, что дикїе всѣ потонули. А хотя то и въ самомъ дѣлѣ такъ было, и нѣкоторые изъ нихъ погибли, однакожъ къ нещастїю поселянъ моихъ осталось ихъ столько, что могли привести народъ свой къ вторичному на островъ мой нападенїю. Правда, что они не могли сказать о числѣ жителей онаго, ибо въ приходъ свой невидавши ихъ, о извѣтѣ пришедшаго къ нимъ своего однородца, и сомнѣваться были должны, однакожъ имъ то было подлинно извѣстно, что островъ не пустъ.

Шесть мѣсяцовъ прошло между тѣмъ безъ всякаго отъ нихъ предпрїятїя, а поселяне мои въ чаемой своей безопасности начали было наслаждаться прежнимъ своимъ покоемъ. По прошествїи же

же сего времяни увидѣли они къ острову съ тридцать лодокъ пловущихъ и дикими наполненныхъ. Сїе случилось въ вечеру, почему и имѣли они время соединясь вооружиться и къ бою приготовиться. Дикїе пристали къ тому жъ мѣсту, гдѣ и первые Аглинскихъ селенїевъ разорители на берегъ вышли.

А понеже главная поселянъ моихъ регула состояла въ томъ, чтобы дикимъ при выступленїи ихъ на островъ не казаться, и тѣмъ бы не подать имъ причины къ догадкѣ, что островъ есть поселенной, то и при семъ случаѣ должно было въ разсужденїи великаго множества пришедшихъ непрїятелей оной же держаться, и такъ срыли они шалаши двухъ смирныхъ Агличанъ, и отогнали скотъ ихъ, также и свой въ старой гротъ, и всякими образы старались здѣлать такой видъ, будто бы на острову и жителей не бывало. А на разсвѣтѣ вооружась Европейцы, коихъ было Гишпанцовъ семнатцать, Агличанъ пять человѣкъ, мушкетами и пистолетами, и снабдя тѣмъ же отца слуги моего, а Индѣйцовъ вѣрныхъ своихъ невольниковъ, коихъ было шесть человѣкъ, олебардами, саблями, топорами и дубинами, и причисля къ себѣ еще двухъ женщинъ, которыя не

отставая отъ мужей своихъ, обще съ ними драться хотѣли, по чему сихъ Амазонокъ топорами вооружить было должно, стали въ выгодномъ и закрытомъ мѣстѣ защищать жилище разоренныхъ Агличанъ.

Главной надъ армїею былъ Гишпанской Комендантъ, по немъ Вилгельмъ Аткенсъ, въ житьѣ своемъ хотя и непорядочной, однакожъ храброй человѣкъ. Дикїе шли на поселянъ моихъ такъ какъ львы, по чему послалъ Комендантъ Аткенса учинить на нихъ съ стороны нечаянное нападенїе. Аткенсъ пропустивши первую ихъ шайку, въ коей было человѣкъ до пятидесяти, и дождавшись главной кучи, приказалъ стрѣлять своей командѣ въ семи человѣкахъ состоящей чрезъ ружье, по чему учинено вдругъ три залпа.

Не можно описать, въ какое приведены дикїе ружейнымъ громомъ и огнемъ удивленїе. Многїе хотя и со всемъ не раненые попадали на землю, другїе не знали, что дѣлать, и естьлибъ Аткенсова команда на нихъ безпрерывной огонь продолжала, илибъ ихъ Гишпанцы спереди тѣмъ же встрѣтить догадались, то бы они конечно тогдажъ будучи тѣмъ устрашены въ бѣгство обратились.

А хотя Аткенсу выстрѣливши одинъ разъ къ главной своей командѣ бѣжать приказано было, но онъ остановясь на мѣстѣ, упражняясь въ заряженіи своихъ ружей, видя безпорядокъ Индѣйцовъ, надѣялся ихъ всѣхъ прогнать одинъ, и симъ излишнимъ на себя надѣяніемъ испортилъ все дѣло: ибо передовые Индѣйцы опамятовавшись отъ перваго страха, имѣли время увидѣть и узнать причину всего своего нещастія, и для того обѣжали вкругъ Аткенса и напали на людей его съ тылу, и тѣмъ принудили ихъ назадъ ретироваться. При семъ отступленіи ранили Аткенса стрѣлою, да убили одного Гишпанца и одного невольника, а отъ того и весь главной корпусъ принужденъ былъ выстрѣливши два залпа отступить на близъ лежащую вышину.

А хотя Индѣйцовъ больше пятидесяти человѣкъ побито и ранено было, однакожъ ихъ столько еще оставалось, что конечнобъ всѣхъ поселянъ моихъ, не смотря на ихъ огнестрѣльное оружіе, по рукамъ разобрать могли, а притомъ и то примѣчено, что раненые ихъ еще сердитѣе здоровыхъ въ бою были, что имъ почти и не оставалось никакой ко спасенію надежды, къ томужъ какъ поселяне мои при ретирадѣ своей убитыхъ

тыхъ своихъ на мѣстѣ оставить принуждены были, то дикіе нашедши на нихъ, дубинами своими всѣхъ переломали, а потомъ саблями въ мѣлкіе части изрубили, и почитая за отступленіемъ непріятелей своихъ сію баталію выигранною, собравшись въ кучи, здѣлали двоекратной крикъ, не смотря и на то, что многіе ихъ раненые отъ теченія крови мертвые на землю тогдажъ упадали.

Комендантъ расположась со всею своею арміею на помянутой горѣ, совѣтовалъ съ Аткенсомъ, что дѣлать. Сей намѣренъ былъ учинить на непріятелей вторичное нападеніе; но Комендантъ совѣтовалъ ему слѣдующее: Господинъ Аткенсъ, вы видѣли сами; съ какою отчаянностію у Индѣйцовъ раненые ихъ дерутся, и для того не лучше ли будетъ отложить то до завтрешняго дня, и тѣмъ дать время, чтобы они ослабѣли.

Это не худо, отвѣчалъ Аткенсъ, однакожъ я бы хотѣлъ тогда танцовать, когда еще веселъ, а завтре и со мною тоже какъ и съ ихъ ранеными будетъ. Вы говорите такъ, какъ человѣкъ храброй, сказалъ ему на то Гишпанецъ, что уже мы и видѣли; и такъ естьли вы завтрешней день будете

те не въ состоянїи драться, что нашъ долгъ есть защищать жизнь вашу.

А понеже наступившая по томъ ночь была весьма лунная и свѣтлая, и для того намѣрены были мои поселяне учинить на дикихъ нападенїе, а Агличане, близъ жилища коихъ баталїя происходила, будучи о мѣстоположенїи онаго извѣстны, обвели лѣсомъ товарищей своихъ, къ самой большей кучѣ Индѣйцовъ такъ близко, что по нихъ безъ всякой ошибки стрѣлять было можно. И такъ по учиненїи двухъ залповъ, коими Индѣйцовъ, не только что по причинѣ незнанїя ихъ, откуда имъ сїе нещастїе происходитъ, весьма испугали, но и многихъ изъ нихъ побили и ранили; раздѣлясь на три партїи, бросились къ нимъ въ средину съ ружьями и саблями, и съ великимъ крикомъ начали ихъ рубить, а отъ всего того произошло въ Индѣйцахъ такое замѣшательство, что не знали, съ которой стороны боронится; и хотя стрѣлы свои и пускали, однакожъ безъ дальнаго вреда: ибо ранили тѣмъ только одного отца слуги моего, да и того весьма мало.

Наконецъ ужасъ такъ овладѣлъ варварами, что не могли разсмотрѣть малаго числа поселянъ моихъ, и въ великомъ

комъ страхѣ и непорядкѣ побѣжали къ своимъ лодкамъ, но и тамъ увидѣли совершенную бѣду свою: ибо поднявшаяся съ моря великая погода, и во всю ту ночь продолжающаяся буря такъ далеко на берегъ оныя повыбросала, что ихъ, а особливо въ торопливости, въ море и стащить было не можно; для того поворотясь назадъ, побѣжали въ лѣсъ.

Поселяне мои побѣдѣ своей были хотя весьма и ради, однакожъ во всю ту ночь не имѣли ни на минуту покою; но укрѣпясь пищею, разсудили за благо итти на своихъ непрїятелей; проходяжъ мѣсто баталїи, почувствовали въ себѣ несказанную жалость. Тамъ лежало еще множество умирающихъ раненыхъ, коихъ жизнь докончали ихъ невольники. А хотя справедливость и самые естественные законы для защищенїя собственной своей жизни непрїятелей убивать и позволяютъ; однакожъ по человѣколюбїю надлежитъ и о нихъ имѣть сожалѣнїе, почему имъ дѣлать того и не велѣли. Между тѣмъ по приближенїи къ Индѣйцамъ, увидѣли ихъ всѣхъ въ лѣсу повѣсивши свои головы и въ великомъ унынїи сидящихъ. Комендантъ приказалъ учинить по нихъ два выстрѣла

безъ

безъ пуль, чтобы ихъ тѣмъ встревожить, и смотрѣть, какія они примутъ мѣры къ своему защищенію, и намѣрены ли еще съ ними драться.

Сія военная попытка возъимѣла желаемой успѣхъ: ибо сколь скоро дикіе первой выстрѣлъ услышали, то вставши оглядывались на всѣ стороны; а по вторичномъ поднявши ужасной и жалостной крикъ, побѣжали въ лѣсъ. Поселяне мои желали, чтобъ утушилась буря, дабы тѣмъ избавиться сихъ несносныхъ гостей; но сего желали они напрасно. Ибо дикіе за причиненной имъ вредъ островскимъ жителямъ отмстить бы не оставили, и въ такомъ бы множествѣ къ нимъ пріѣхали, что всѣхъ бы ихъ и безъ бою въ полонъ побрали.

При семъ случаѣ раненой Аткенсъ не отставалъ отъ своихъ товарищей, далъ имъ совѣтъ отрѣзать дикихъ отъ лодокъ, дабы тѣмъ не допустить ихъ во отечество; а хотя нѣкоторые и представляли, что имѣя у себя на острову домашнихъ, а при томъ въ отчаяніе приведенныхъ непріятелей, принуждены будутъ съ ними безпрестанно драться, и тѣмъ нарушать общей покой; однакожъ Аткенсъ стоялъ въ томъ, что лучше драться съ ста человѣками: ибо отъ двѣсти пятидесяти, въ коемъ числѣ дикіе на островъ

островъ пріѣхали, осталось только сто, нежели съ толикимъ числомъ разныхъ народовъ, коихъ дикіе пріѣхавши въ свое отечество подговорить, и на нихъ бы обратиться съ ними не упустили. Сіи и тому подобныя важныя и полезныя представленія приняты наконецъ отъ всего общества, и для того воины мои собравши сухія деревья, зажгли Индѣйской флотъ, а отъ того суда непріятелей ихъ хотя и не со всѣмъ до основанія, однакожъ такъ погорѣли, что на нихъ уже ни коимъ образомъ въ море ѣхать было не можно.

Индѣйцы увидя сей пожаръ вышли изъ лѣсу, и ставши предъ поселянами на колѣни, кричали жалостнымъ голосомъ. О а! о а! варамока и прочее. А хотя поселяне мои словъ ихъ и не разумѣли, однакожъ по жалостному ихъ крику заключили, что просятъ о помилованіи своихъ лодокъ; но въ разсудкѣ томъ, что сіе для своей безопасности есть необходимо нужно, дали имъ знать, чтобъ того не дожидались, а отъ того дикіе побѣжали въ островъ, такъ какъ бѣшеные.

А хотя поселяне со всѣми своими вещьми и убрались въ безопасныя мѣста, однакожъ дикіе бродя по острову, нашли ихъ пашню, и всю ее разорили,

 пере-

перепортили же при томъ виноградъ, и затѣмъ причинили имъ невозвратной вредъ; а притомъ такое безпокойство, что одному по острову безъ опасности и ходить было не можно.

Крайность, въ кою приведены Индѣйцы, была не описанная, да и причиненной ими поселянамъ моимъ вредъ несказанной же; такъ что лучшая надежда жителей моихъ состояла уже тогда только въ отогнатомъ въ гротъ скотѣ, и въ маломъ числѣ посѣяннаго у Вилгелма Аткенса и его другаго товарища хлѣбѣ, третей же его подругъ убитъ при первомъ съ Индѣйцами сраженіи. Онъ былъ тотъ, которой хотѣлъ срубить своего невольника и подушить всѣхъ Гишпанцовъ.

Такимъ образомъ находились поселяне мои въ бѣднѣйшемъ состояніи, которое и того хуже было, какое я имѣлъ при вступленіи моемъ на островъ, за тѣмъ, что у нихъ было сто человѣкъ внутреннихъ непріятелей, кои имъ всегдашнее разореніе и во всемъ помѣшательство причиняли. Для сего намѣрились они прогнать Индѣйцовъ далѣе въ островъ, и бить ихъ до смерти, послѣднихъ же къ себѣ привадивши научить сѣять хлѣбъ, и собственными своими трудами питаться.

Въ сходство сего намѣренія привели они ихъ огнестрѣльнымъ своимъ оружіемъ въ такой страхъ, что дикіе часъ отъ часу далѣе въ островъ убираясь, а отъ голоду ежедневно умирая, пришли въ безсиліе, и принуждены были питаться кореньями.

Такая ихъ бѣдность привела Комендаnта въ жалость, и для того предложилъ онъ всему обществу, чтобъ поимать изъ нихъ одного, котораго бъ, расказавши ему намѣреніе, кое поселяне имѣютъ о сохраненіи ихъ жизни, можно было послать обратно къ его товарищамъ, и здѣлать съ ними мирные договоры. Но долго не могли они исполнить сего предпріятія, а наконецъ поимали одного, отъ голоду весьма ослабѣвшаго, которой сперва хотя и печалился; но видя, что съ нимъ все ласково обходятся, началъ мало по малу привыкать и поселянъ моихъ не бояться, кои чрезъ отца слуги моего увѣряли его, что не только не намѣрены лишить товарищей его жизни, но еще съ ними островомъ своимъ и подѣлиться не отрекутся, съ тѣмъ только договоромъ, чтобъ онѣ въ своихъ границахъ смирно жили, и поселянамъ никакого вреда не причиняли; обѣщаясь притомъ кормить ихъ и всѣмъ снабдѣвать до

тѣхъ поръ, пока они сами не заведутся. Съ такимъ увѣренїемъ послали они поиманнаго къ землякамъ его, съ тѣмъ, что естьли они на сїи для нихъ весьма полезные договоры не согласятся, то конечно всѣ съ голоду помрутъ.

Бѣдные и голодомъ усмиренные Индѣйцы охотно приняли сїе предложенїе. А Гишпанцы пошли къ нимъ на договоръ, однакожъ вооруженные. Невольники ихъ несли для новыхъ друзей хлѣбъ, чѣмъ и накормили оголодалыхъ непрїятелей, кои принимали все съ крайнею благодарностїю, а наконецъ показались столь твердыми наблюдателями даннаго своего слова, что изъ показаннаго имъ жилища, на островъ выходили только для прошенїя себѣ пищи или для спрашиванїя, какъ учреждать свои плантацїи. А по прїѣздѣ моемъ жили въ отведенномъ имъ мѣстѣ, научились орать землю и сѣять хлѣбъ, доить козъ и прочему, и естьлибъ у нихъ жены были, то бы въ скоромъ времяни островъ мой населили немалымъ числомъ жителей. Жилище ихъ отъ моря, также и отъ Европейскимъ хуторовъ, отдѣлено было высокими, однакожъ такими горами, ме-

между которыми находилось множество плодородной земли.

Такимъ образомъ установилась на острову моемъ всеобщая тишина. А хотя прочие Индѣйцы по обыкновенїю своему и весьма часто для пиршествъ своихъ на оной прїѣзжали, однакожъ не вѣдая о приключившемся или землякамъ или сосѣдамъ ихъ нещастїи, ни о какомъ отмщенїи и не думали. Видѣться же имъ съ живущими на острову дикими было не можно, за тѣмъ, что они жили отъ тѣхъ мѣстъ, куда они приставали, весьма далеко.

Симъ оканчеваю я описанїе о случившемся поселянамъ моимъ отъ непрїятелей ихъ разоренїи; а дикїе, коихъ нашелъ я по прїѣздѣ моемъ на островъ, старанїемъ поселянъ благонравными и обходительными учинившихся, жили уже своими домами. А хотя Гишпанцы и Агличане къ нимъ и ходили, однакожъ самимъ имъ наикрѣпчайше подтверждали не выходить изъ границъ своихъ. Впрочемъ были они всѣ переимчивы и ко всему способны, а показанное и растолкованное имъ, часто и мастеровъ своихъ дѣлывали лучше. Я снабдилъ ихъ привезенными съ собою разными

 инстру-

инструментами. Шалаши плели они какъ плетутся корзины изъ прутьевъ, чему научили ихъ Агличане. Изъ тогожъ дѣлали они столы, стулья и прочїе свои вещи, а хотя и безобразно, однакожъ для нужнаго употребленїя довольно годно. Особливо привелъ меня въ удивленїе на такой же манеръ у Аткенса здѣланной его домъ, раздѣленной притомъ на многїя комнаты, въ коихъ жилъ онъ со всѣми своими дѣтьми, такожъ и другой его товарищъ, да еще оставшая жена Агличанина убитаго при первомъ сраженїи съ дикими; однакожъ у всѣхъ у нихъ такой чистоты не было, какая находилась у смирныхъ ихъ товарищей. Къ томужъ примѣтилъ я, что они всѣ не имѣли о Христїанскомъ законѣ ни малѣйшаго понятїя; а хотя иногда въ напрасной божбѣ и привычныхъ матрозамъ беззаконныхъ заклинанїяхъ имя Божїе и употребляли, но оное дѣлалось безъ малѣйшаго о семъ существѣ понятїя, а по единой только къ суепрїятїю онаго привычкѣ; и такъ каковы сами были, таковыхъ засталъ я женъ ихъ, коихъ научили они только, такожъ и прижитыхъ съ ними дѣтей говорить по Аглински. Ихъ было уже человѣкъ до дватцати; матери ихъ были тихи, воздержны, работящи, услужливы и трудо-

трудолюбивы, а особливо послушны господамъ своимъ. Мужьями я ихъ не называю за тѣмъ, что они женились на нихъ не по закону, но и то совершилъ я своимъ старанїемъ скоро по моемъ на островъ прибытїи.

Описавши вообще обстоятельства всего моего селенїя, а особливо поступки пяти человѣкъ Агличанъ, мною на острову оставленныхъ, за должность почитаю упомянуть нѣчто о Гишпанцахъ, составляющихъ большую часть моихъ подданныхъ, коихъ исторїя столько же примѣчанїя достойна, сколько и вышеписанная.

Они разсказали мнѣ все то, что съ ними во время ихъ житья съ дикими случилось, и единодушно признавались, какъ будучи нещастїемъ своимъ приведены въ унынїе, въ такое пришли было наконецъ отчаянїе, что о собственномъ своемъ содержанїи попеченїя не имѣя, положили лучше умереть голодомъ, нежели вести такую жизнь, коя имъ самимъ наскучила. А хотя, сказалъ одинъ изъ нихъ, разумной человѣкъ и не долженъ въ бѣдность пришедши отчаеваться, но всегда бодрствуя искать при нещастїи въ разумѣ и здравомъ

вомъ разсудкѣ своей подпоры, и во ожиданіи щастливѣйшей перемѣны, ласкать себя въ полученіи того надеждою, однакожъ печаль есть страсть такова свойства, коя ненавидя разумъ, бываетъ къ принятію разсужденіевъ онаго неудобна, и вмѣсто того, чтобъ намъ дать способъ, какъ бы окончать наши нещастія, оныя усугубляя, дѣлаетъ ихъ еще больше несносными.

По томъ хвалилъ Гишпанецъ съ мною для моего благоденствія въ бытность мою въ уединеніи принятыя мѣры и неутрудимыя старанія, посредствомъ которыхъ я умѣлъ, будучи въ превосходномъ противъ ихъ нещастіи, пріобрѣсти себѣ благополучную жизнь, коей они всѣ и подобія не могли составить.

Еще сказалъ онъ мнѣ, что съ удивленіемъ примѣчаетъ, какъ въ Агличанахъ, во время случившихся имъ нещастіевъ, присудствующей разумъ больше дѣйствуетъ, нежели во всѣхъ прочихъ народахъ, коихъ ему въ жизнь свою знать случилось, и что земляки его съ Португальцами суть пропадшіе тогда люди, когда имъ съ нещастіемъ бороться случится; ибо покусившись

сившись отъ онаго избавляться, предаются они въ случаѣ своей въ томъ неудачи несказанному отчаянію, и тѣмъ лишаются всѣхъ способовъ къ избавленію отъ онаго.

Я отвѣчалъ ему на то, что тогдашнія мои обстоятельства съ ихъ нещастіемъ сравняться не могутъ, по тому что хотя я и выброшенъ на берегъ, не имѣя ничего, чемъ бы содержаться, однакожъ злополучіе мое тѣмъ не усугублялось, что я былъ одинъ, а ниспосланная свыше помощь въ доставленіи къ острову остатковъ корабля моего, моглабъ ободрить наитрусливѣйшаго человѣка. Государь мой! отвѣчалъ мнѣ на то Гишпанецъ, еслибъ мы были на вашемъ мѣстѣ, то бы ни половины нужныхъ намъ вещей съ него, коими вы тогда запаслись, взять не вздумали; а то бы намъ и въ умъ не вмѣстилось, какъ бы для перевозу оныхъ на берегъ здѣлать плотъ, и какъ бы итти имъ безъ паруса или веселъ, или пристать на немъ къ берегу. Всѣмъ бы намъ въ голову не пришло, тѣмъ меньше одному, что бы приняться за такое трудное дѣло, и произвести оное въ дѣйство. Я перервавши рѣчь его, просилъ оставить комплементы, а разсказать мнѣ, коимъ образомъ пріѣхали они

они на островѣ, и какѣ препровождали, будучи между дикими, жизнь свою. По нещастію нашему, сказалѣ мнѣ на то Гишпанецѣ, пристали мы кѣ такому мѣсту, котораго жители были весьма бѣдны; естьли же бы доплыли до другаго не далеко отѣ онаго находящагося сяжѣ острова, то бы нашли тамѣ всего довольно, а притомѣ бы сами были хозяева, имѣвшѣ козѣ и свиней, куропатокѣ и морскихѣ птицѣ такое множество, чтобы вѣ случаѣ безхлѣбицы и ими пропитались; напротивѣ того тамѣ, куда мы пристали, кромѣ травѣ и кореньевѣ, и то мало, вкусныхѣ и сочныхѣ, ничего не было, да и тѣми изѣ милости и весьма скупо жаловали насѣ наши хозяева; чѣмѣ они и сами, да еще человѣчьимѣ мясомѣ питались, кѣ чему изѣ насѣ никто не имѣлѣ ни мало охоты.

Будучи у нихѣ, старались мы поправить у нихѣ обычаи и нравы, но всѣ наши труды были напрасны. Ибо дикіе весьма намѣ дивились, какѣ мы яко пришельцы на ихѣ землю, осмѣливаемся давать наставленіи своимѣ кормильцамѣ; особливо, что по ихѣ мнѣнію, надлежало сообщать оныя только тѣмѣ, кои отѣ нашей власти зависятѣ.

Иногда

Иногда голодѣ доводилѣ насѣ да самой крайности; ибо островѣ пристанища нашего обитаемѣ былѣ грубымѣ, а притомѣ лѣнивымѣ, и отѣ того слѣдовательно предѣ прочими вѣ сихѣ странахѣ живущими бѣднымѣ народомѣ; вѣ замѣну того не были они столь звѣрски, и столь безчеловѣчны, сколько бываютѣ находящіеся вѣ довольствіи Американцы. Вѣ такомѣ плачевномѣ своемѣ состояніи признавали, и теперь имѣемѣ явное доказательство премудрости и щедроты всѣмѣ управляющаго Бога вѣ томѣ, что брошены на сей островѣ, а не на иной, и что онѣ подкрѣплялѣ наше терпѣніе, а безѣ того особливо, когда бы мы толикою нищетою и голодомѣ притѣсняемы покусились искать плодороднаго для пребыванія своего мѣста, то бы сыскавши оной, и симѣ по тогдашнему нашему во всемѣ недостатку, хотя и добрымѣ случаемѣ пользуясь, пресѣкли себѣ путь кѣ избавленію вами намѣ приготовляемому.

Впрочемѣ дикіе за угощеніе свое брали насѣ сѣ собою на бой, а хотя у насѣ огнестрѣльное оружіе и было, ибо мы по щастію нашему при разбитіи корабля не лишились своей аммуниціи, и тѣмѣ бы могли хозяевамѣ свои-

имѣ

имъ не только здѣлать несказанную услугу, но и себѣ прiобрѣсти у сихъ союзниковъ своихъ любовь, а у непрiятелей ихъ страхъ и почтенiе; но не имѣя ни пороху, ни пуль, подвергались больше опасностямъ, нежели и они сами. Луковъ же и стрѣлъ, коими друзья наши и снабдить бы насъ могли, употреблять мы сами не умѣли.

И такъ стояли въ бояхъ ихъ безъ всякаго дѣла до тѣхъ поръ, пока обѣ армiи обѣ на лобъ драться начинали, а тогда уже дѣйствительные друзей свои[illegible] помощники, будучи съ тремя алебардами и ружьями, въ дуло которыхъ втыкали обвостренныя вмѣсто штыковъ дротики, разрывали иногда цѣлые непрiятельскiе баталiоны; а часто и то случалось, что окружены будучи множествомъ, отъ стрѣлъ ихъ не инако, какъ явнымъ чудомъ избавлялись; послѣ же выдумали защищаться отъ сей опасности здѣланными и козлинными кожами покрытыми щитами. Во время таковаго сраженiя напали на насъ дикiе, и збили своими дубинами съ ногъ пятерыхъ нашихъ товарищей, изъ которыхъ одного и удалось имъ взять въ полонъ. Онъ самой тотъ, коего послѣ случилось

лось вамъ избавить отъ мученiя побѣдителей нашихъ. Сперва думали мы объ немъ, что онъ убитъ до смерти, но провѣдавши о его плѣненiи, хотѣли, не взирая на свое малолюдство, избавить его отъ звѣрскихъ рукъ непрiятельскихъ. А хотя мы построившись пробились сквозь большую ихъ кучу, побивая всѣхъ намъ сопротивляющихся, а тѣмъ прiобрѣли друзьямъ своимъ совершенную побѣду, однакожъ не могли возвратить своего товарища.

Можно разсудить, сколь велика была наша радость, когда мы увидѣли живымъ того, коего тиранскимъ образомъ лютыми людоѣдами уже сожраннымъ почитали, а привезенная имъ вѣдомость, что нѣкто изъ Христiанъ намѣряется окончать наши злополучiя, и что оное легко въ дѣйство произвесть можно, приводила насъ въ неописанное восхищенiе, а особливо обрадовались мы привезенному имъ хлѣбу, коего уже нѣсколько лѣтъ не видали, благословляли его тысячу разъ, будто бы манну съ небесъ къ намъ сшедшую, и вкушая его, находили въ немъ извѣстной одинъ только голоднымъ людямъ вкусъ. Такуюжъ дѣлали въ насъ радость и прочiе отъ васъ посланные къ намъ съѣстные припасы.

Гиш-

Гишпанцы разсказывая о семъ, не оставили изъяснить при томъ своей чувствительной за то благодарности. А когда дошла рѣчь до судна, ими тогда озираемаго, и всѣмъ для избавленія отъ нещастія ихъ снабденнаго, и могущаго показать мѣсто и особу, помощь имъ посылающую, то признавались, что радость ихъ, видя столь неожидаемое свое избавленіе, мало уступала сумозбродству, и что восхищеніе подавившее дѣйствующій разумъ, оказывалось въ нихъ разными образы, такъ что иные впали въ обморокъ, другіе плакали, а иные нѣсколько времяни были бѣшеными.

Такое по крайней бѣдности послѣдовавшей радости изображеніе тронувши сердце мое, напоминали иступленіе слуги моего Пятницы, въ коемъ онъ находился при свиданіи съ отцемъ своимъ, такожъ и спасшихся на мое судно Французовъ, и всего того экипажа, которой избавилъ я отъ голодной смерти, а особливо случай бывшей со мною при выходѣ моемъ изъ пустыни, въ коей препроводилъ я двацать восемъ лѣтъ сряду.

Теперь давши нѣкоторое объясненіе о обстоятельствахъ моего селенія, долженъ

женъ вступить во описаніе того, что я съ нимъ по пріѣздѣ моемъ на островъ здѣлалъ, и въ какомъ состояніи оное паки оставилъ. Я хвалилъ поселянъ моихъ за то, что они обезоружили, и отщитили отъ себя Аткенса съ товарищи за ихъ дурное поведеніе, кое описывая свидѣтельствовались въ справедливости своей имъ самимъ; а какъ онъ Аткенсъ при послѣдней съ дикими баталіи, отличную храбрость оказавъ, по томъ столько усердія ко всему обществу изъявлять началъ, что принудилъ всѣхъ позабыть до сего имъ чинимыя грубости, и почитать достойнымъ къ полученію отнятаго, и къ снабденію себя нужнымъ; а какъ и сами поселяне мои, поруча ему въ самое нужное время надъ собою подъ Комендантомъ власть, тѣмъ показали, что они совершенную въ немъ и въ товарищахъ его довѣренность, и о доброжелательствѣ ихъ къ общей пользѣ довольное увѣреніе имѣютъ; то по такомъ ихъ изъясненіи, заключающемъ въ себѣ о всеобщемъ согласіи и пріязни ихъ точное доказательство, могъ уже я безъ опасности позвать всѣхъ ихъ къ себѣ на ужинъ; для подчиванія же гостей своихъ приказалъ съѣхать на берегъ корабельному

ному повару съ своимъ товарищемъ, а въ помощь имъ отдалъ поваренная подмастерья уже со мною на островъ прiѣхавшаго. Съ корабля привезли шесть частей солонины, и четыре свинины, чашу для дѣланiя пуншу со всѣмъ къ тому принадлежащимъ, десять бутылокъ краснаго Бургонскаго вина, и столько же Аглинскаго пива; все сiе гостямъ моимъ для того было прiятно, что они нѣсколько лѣтъ на таковыхъ пирушкахъ не бывали.

Гишпанцы принесли къ столу пять козъ, изъ коихъ три изжаря отослали мы на корабль служителямъ, дабы они въ то самое время, какъ островскiе жители пировали на щетъ карабельной, могли тамъ избытками поселянъ моихъ повеселиться.

Отобѣдавши съ ними, приказалъ я привести на берегъ назначенныя имъ вещи, и избѣгая въ дѣлежѣ междуусобныхъ споровъ, далъ знать, чтобъ всякой бралъ для себя, сколько ему чего потребно; однакожъ противъ другихъ не больше. Полотна досталось каждому на четыре рубашки, а по томъ, по усильной Гишпанцовъ прозьбѣ, прибавилъ я имъ еще на двѣ. Они такъ тому были ради, что казалось, будто бы имъ ничто въ свѣтѣ сего подарка прiятнѣе быть

быть не можетъ; ибо такъ давно рубахъ не нашивали, что уже и фигуру ихъ позабыли.

Аглинской камлотъ, о коемъ я выше сего сказывалъ, роздалъ я имъ на здѣланiе кафтановъ, что въ разсужденiи жаркаго островскаго Климата для нихъ было изрядно; чтожъ до прочей одежды принадлежитъ, то въ томъ учинилъ я между ими равной же раздѣлъ.

Не могу изъяснить радостныхъ восклицанiевъ, производимыхъ сими бѣдняками, за доставленiе имъ сихъ необходимо нужныхъ вещей. Всѣ называли меня отцемъ своимъ, и увѣряли, что естьлибъ они могли имѣть навсегда такого снабдителя, то бы не смотря на отдаленiе сего мѣста отъ ихъ отечества, во ономъ жить по смерть свою не отреклися.

По семъ представилъ я имъ привезенныхъ новыхъ имъ товарищей, а особливо портнаго, слѣсаря, двухъ плотниковъ и моего всеобщаго рукомесленнаго, которой тогдажъ началъ имъ показывать свои услуги; по чему и портной увѣряя поселянъ въ своемъ къ нимъ усердiи; принялся за работу, и съ позволенiя моего сталъ шить рубашки. А при томъ училъ онъ томужъ и островскихъ женщинъ,

 ком

кои наконецъ въ семъ рукомеслѣ и ему не уступали.

Чтожъ принадлежитъ до плотниковъ, то о томъ, какую они поселянамъ моимъ приносили пользу, и упоминать нѣчего. Онѣ переломали грубой моей работы столы и прочее, и здѣлали вмѣсто оныхъ къ употребленію удобные; а хотя въ рукомеслѣ своемъ были искусные люди, однакожъ когда я ихъ водилъ смотрѣть Аткенсовъ домъ, то признавались, что столь чуднаго зданія отъ роду своего не видали, и точно увѣряли, что естьли хозяинъ сего плетня получитъ довольно инструменту, то ему въ нихъ нужды не будетъ.

Сіи слова побудили меня къ раздачѣ привезенныхъ съ собою желѣзныхъ матеріаловъ, и такъ далъ я каждому поселянину все, что до оранья земли, такожъ и для исправленія домашнихъ подѣлокъ нужныя вещи, съ такимъ повелѣніемъ, чтобъ когда оные испортятся, вмѣсто того изъ главнаго магазейна брали новые. Чтожъ касается до гвоздей, молотовъ, ножей, ножницъ и прочаго, оные позволилъ я брать безвременно, полагаясь въ томъ точно на ихъ совѣсть, что онѣ излишня-

лишняго и напраснаго употребленія изъ того не здѣлаютъ.

Ружейной и прочей военной аммуниціи привезено было столько, что каждому поселянину досталось по два ружья; а чрезъ то здѣлались они въ состояніи учинить тысячѣ человѣкамъ дикихъ желаемое сопротивленіе, а особливо, когда выгодными мѣстами, коихъ занятіе отъ нихъ самихъ зависѣло, пользоваться не оставятъ.

Я уже выше сказывалъ, что молодой человѣкъ, коего мать съ голоду умерла, остался и съ служанкою своею у меня на кораблѣ. Сія дѣвка была изряднаго воспитанія и хвалы достойнаго поведенія, а постоянствомъ своимъ пріобрѣтала себѣ отъ всѣхъ почтеніе. По прибытіижъ на островъ, видя наблюдаемой на немъ порядокъ и благорастворенной онаго воздухъ, разсуждая и о томъ, что ей въ восточной Индіи нѣчего дѣлать, начала у меня просить позволенія вступить въ число поселянъ моихъ, чему я сперва и удивлялся: но какъ помянутой ее господинъ о томъ же мнѣ предложеніе здѣлалъ, то на оное согласясь, отвелъ имъ землю, и построилъ три такіе шалаша, что всякой изъ нихъ составлялъ особливой покой. Безпокойные Агличане вздумали также

пе-

перемѣнить свои жилища, и подвинуться къ сей новой парѣ, а чрезъ то разделялось всегда селенїе мое только на три части.

Гишпанцы съ отцемъ Пятницынымъ и своими невольниками остались въ старомъ моемъ близъ горы лежащемъ замкѣ, которой по справедливости главнымъ моего владѣнїя городомъ и назвать было должно; ибо они его такъ разпространили, что уже могли жить въ немъ безъ всякаго утѣсненїя, и снаружи разсаженными вкругъ онаго деревьями столь прикрылись, что во всемъ свѣтѣ подобнаго и безопаснаго отъ непрїятельскихъ нападенїевъ, и лѣсомъ огражденнаго города нѣту, по чему и увѣряю, что естьлибъ и 1000 человѣкъ для сыску онаго послано было, то бы хотя и цѣлой мѣсяцъ по острову ходили, безъ подводу найти его не умѣли, за тѣмъ что деревья окружающїе замокъ были часты, и вѣтьвями своими сплетясь, со всѣмъ закрывали пребыванїе поселянъ моихъ, къ томужъ и дорогъ, которыми жители въ оной входили и выходили, было только три: одна выше часто упоминаемаго въ первой части малаго залива; другая по ту сторону горы, по которой доходя до плетня, переходили они чрезъ оной посредствомъ лѣсницы, какъ я о томъ уже выше сего сказывалъ. Да сверьхъ того посадили Гишпанцы и позади горы множество деревъ, а въ сей рощѣ здѣлали они такую малую тропу, по которой съ нуждою одному человѣку пройти было можно.

Другое селенїе составлялъ Вильгельмъ Аткенсъ съ своимъ товарищемъ и съ фамилїею на сраженїи убитаго Агличанина. Въ томъ же мѣстѣ засѣли два плотника и слѣсарь, также помянутой молодой человѣкъ съ своею служанкою, коего я до выѣзду моего изъ государства имѣлъ удовольствїе на ней женить. Наконецъ третье селенїе составляли два смирные Агличанина.

Чтожъ касается до свадьбы помянутаго молодаго человѣка, то оная учинена по Аглински безъ всякихъ церьковныхъ церемонїй, за что и имѣлъ я съ находящимся со мною Французскимъ священникомъ не малой споръ. Сей хотя и былъ Римско-Католицкаго закона, однакожъ я не смотря и на то, что предпринимая выхвалять смиренство его, трону тѣмъ может быть нѣкоторыхъ протестантовъ, а особливо когда скажу, что похваляю не только Папскаго сообщника, но что еще больше и Француз-

цузскаго священника: но не обинуясь и предъ самими ревнителями протестантства признаюсь, что добрыя его качества заслуживали справедливаго отзыва, ибо онъ былъ дѣйствительно воздержной и подлинной Христіанинъ, а при томъ священникъ примѣрнаго житія, человѣколюбія и поведенія. Первой разговоръ имѣлъ я съ нимъ о вѣрѣ, въ которомъ защищая Католицкой законъ, оказалъ онъ довольную въ словахъ умѣренность.

Государь мой! сказалъ онъ мнѣ тогда, положа на себя при начинаніи разговора крестное знаменіе, вы допущеніемъ Всевышняго не только спасли жизнь мою, но еще дозволили мнѣ съ собою ѣхать; а во время пути нашего снисходительно принимали меня, такъ какъ своего пріятеля, дозволяя говорить обо всемъ и безъ всякаго опасенія. Платье мое доказываетъ, какова я закону, а природа свидѣтельствуетъ о разности онаго съ вашимъ, по чему бы и должность моя была при всякомъ случаѣ употреблять возможныя старанія къ приведенію васъ къ Католицкой вѣрѣ, и дѣлать вамъ познаніе о томъ, что я почитаю ее справедливою; но теперь будучи въ числѣ вашихъ домашнихъ, и наслаждаясь ва-

шими благодѣяніями, почитаю за должность ни во что безъ позволенія вашего не вступатся; а особливо не осмѣливаюсь я спорить съ вами о вѣрѣ, о которой не только мы, но и церькви наши не могутъ согласиться.

Я отвѣчалъ ему на то, что въ такомъ поведеніи его заключаются немалые знаки разума и умѣренности. А хотя я и изъ числа тѣхъ, коихъ церьковь ваша почитаетъ еретиками, и мнѣ всѣхъ Римско-Католицкихъ защитниковъ безмѣрная къ вѣрѣ ревность несносна, однакожъ надѣюсь, что вы по привычной вамъ умѣренности будете о таковыхъ матеріяхъ говорить со мною съ желаемымъ порядкомъ. Священникъ обѣщался удовольствовать меня въ моемъ желаніи, а въ разговорѣ своемъ показалъ онъ не только довольной разумъ, но и въ наукахъ знаніе.

По окончаніи котораго разсказалъ онъ мнѣ свои похожденія, наполненныя разными чрезвычайными приключеніями, а между множествомъ въ короткіе годы странствованія его ему случившихся перемѣнъ, достоинъ былъ примѣчанія послѣдней вояжъ его, во время котораго хотя и принужденъ онъ былъ пять разъ переходить съ корабля на корабль, однакожъ ни на одномъ изъ

нихъ не доѣхалъ онъ до намѣреннаго имъ мѣста.

Сперьва говорилъ священникъ вздумавшим ѣхать въ Мартинику, сѣлъ я для того въ Сантъ-Мало, на отправляющееся туда судно, но оно за противными вѣтрами принуждено будучи войти въ рѣку Таіо, брошено тамъ погодою на берегъ, откуда его безъ выгрузки товаровъ на глубину и свести было не можно; для чего пересѣлъ я на отъѣзжающей изъ Лиссабона въ острова Мадерскіе корабль: но шкиперъ его судна будучи въ мореплаваніи и въ дѣлѣ своемъ не искусенъ, помѣшавшись въ изчисленіи, зашелъ вмѣсто того въ Фіаль, гдѣ по щастію продавши хлѣбъ свой, перемѣнилъ и намѣреніе итти къ помянутымъ берегамъ, и нагрузившись на островѣ Маіѣ солью, пошелъ до Терры Невы или новой земли.

При такихъ обстоятельствахъ принужденъ былъ и я повиноваться его волѣ. Путь продолжался до самыхъ песчаныхъ банковъ. Тамъ пересѣлъ я на нѣкоторой Французской корабль, идущей въ Мартинику: но по прибытіи въ Квебекъ, куда судно зайти было должно, умеръ онаго шкиперъ, за чѣмъ и мнѣ должно было тамъ остаться. Я видя

видя такія въ предпріятіяхъ своихъ помѣхи, отложилъ прежнее намѣреніе, и переѣхалъ на корабль во Францію возвращающейся, но и сей послѣдней згорѣлъ на дорогѣ, и такъ съ прочими взятъ я къ вамъ на корабль, въ восточную Индію назначенной. Такимъ образомъ въ одинъ вояжъ пять разъ перемѣняя суда, не удалось мнѣ исполнить своего желанія.

По прибытіи на островъ, имѣлъ я съ нимъ о всякихъ матеріяхъ многіе разговоры, а наконецъ разумные его совѣты побудили меня приложить стараніе въ истолкованіи закона всѣмъ находящимся въ числѣ поселянъ моихъ идолопоклонникамъ, между которыми и жены моихъ Агличанъ счислялись, коихъ мужья уже честными и добрыми людьми здѣлались, къ чему не мало и говоренныя имъ безпрестанныя проповѣди способствовали. И такъ начали мы всѣхъ ихъ обращать на путь спасенія. Агличанъ обвѣнчали по закону, такожъ выдали за мужъ и Сусанну (имя служанки молодаго человѣка). Сей бракъ и прозьба молодаго ея мужа о отводѣ ему въ точное его владѣніе пристойнаго на поселеніе мѣста, побудили меня для предупрежденія всѣхъ междуусобныхъ

ныхъ случиться могущихъ браней, назначить каждому изъ поселянъ особую землю.

Сію коммисію поручилъ я Аткенсу, а онъ будучи уже честнымъ, воздержнымъ, и въ землемѣріи искуснымъ человѣкомъ, исправилъ ее такъ изрядно, что раздѣломъ его были всѣ весьма довольны, и просили, чтобъ я утвердилъ оной собственноручнымъ подписаніемъ; по чему написавши, и назнача границы каждой плантаціи, отдалъ я островъ свой поселянамъ онаго въ вѣчное и потомственное владѣніе, предоставя себѣ надъ ними вышнюю власть съ такимъ договоромъ, чтобъ они по прошествіи одиннатцати лѣтъ мнѣ или наслѣдникамъ моимъ, или оказавшимъ на оной законной къ овладѣнію видъ, не отреклись платить обыкновенно на селеніи налагаемую подать. Чтожъ принадлежитъ до формы правленія и до законовъ, то я позволилъ имъ имѣть оныя по своему благоизобрѣтенію, желая предъ всѣмъ того, чтобъ они жили въ добромъ согласіи и сосѣдствѣ.

Еще есть нѣчто касающееся до острова, что не можно предать мнѣ забвенію. Понеже поселяне мои составляли нѣко-

нѣкоторую республику, а при томъ имъ во всегдашнихъ трудахъ быть надлежало, то бы весьма было смѣшно, естьлибъ я между ими оставилъ тритцать семь человѣкъ дикихъ, почти пищею продовольствоваться и общей пользѣ способствовать могущихъ, и для того предложилъ Гишпанскому Коменданту, чтобъ онъ сходилъ къ нимъ съ отцемъ Пятницынымъ, и представилъ имъ, не хотятъ ли они съ прочими поселянами соединясь о заведеніи для себя нужнаго стараться, илибъ когда собою жить не пожелаютъ, тобъ для прокормленія своего имъ служить согласились, однакожъ съ тѣмъ, чтобъ не быть ихъ невольниками; ибо я о томъ и слышать не хотѣлъ, чтобъ въ государствѣ моемъ такіе бѣдные люди были, къ томужъ мнѣ въ противность учиненной съ ними капитуляціи того и здѣлать было не можно.

Они съ радостію приняли такое предложеніе, и тотчасъ оставили свои жилища, выключая четверыхъ, которые хотѣли жить своими домами, прочіе же согласились на то, чтобъ ихъ раздѣлили по всѣмъ моимъ поселянамъ во услуженіе. Такимъ образомъ здѣлались изъ трехъ селеніевъ два: первое состояло изъ Гишпанцовъ, оставшихъ въ моемъ

моемЪ замкѢ, имѢвшихЪ пашни свои кЪ западной сторонѢ вдоль по заливу до загороднаго моего дому; другое изЪ Агличанъ, кои жили кЪ НордЪ-Весту, гдѢ АткенсЪ сЪ его товарищами сперва было поселился. Пашни ихЪ простирались отЪ Зюйда до ЗюйдЪ-Веста, позади Гишпанскихъ земель.

Восточную же часть острова оставили со всѢмЪ впустѢ, для того что бы дикіе могли прїѢзжать туда безЪ всякаго отЪ поселянЪ моихЪ помѢшательства, для чего запретилЪ я не мѢшаться вЪ дѢла ихЪ, а особливо, когда они сами ничего начинать не станутЪ; а хотя они туда Ѣздить и не перестали, однакожЪ никогда не отваживались нападать на поселянЪ моихЪ. ЧтожЪ принадлежитЪ до приведенія вЪ Христїанскую вѢру помянутыхЪ притцати семи дикихЪ, то мы ихЪ всячески кЪ тому привлечь стараясь, употребили уже вЪ вѢрѢ утвержденныхЪ женЪ АгличанЪ нашихЪ, такожЪ и отца слуги моего Пятницы, и тѢмЪ вЪ короткое время привели всѢхЪ кЪ принятїю Христїанства, кЪ чему и утвержденная между Сусанною и женою Аткенсовою прїязнь не мало помоществовала; ибо она вЪ обхожденїи своемЪ

своемЪ сЪ сею дикою, дѢлала ей всякїя о томЪ истолкованїя.

Я уже столько о сей женщинѢ добра сказалЪ, что не могу преминуть, чтобы не объявить и прежде сЪ нею случившагося. Выше сего упомянуто, вЪ какой крайности находилась она тогда, какЪ умерла сЪ голоду госпожа ея, и какЪ мы нашли на нещастной корабль ихЪ. Будучи же на острову, и разговаривая сЪ нею о семЪ ея нещастїи, спросилЪ я у ней, можетЪ ли она мнѢ описать, и здѢлать мнѢ понятїе о томЪ, сколь то несносно есть умирать сЪ голоду; а она вЪ удовольствїе мое начала свою повѢсть слѢдующимЪ образомЪ.

Мы хотя и во все время нашего вояжа имѢли вЪ сЪѢстныхЪ припасахЪ крайней недостатокЪ, однакожЪ не такой, чтобЪ онЪ намЪ былЪ несносенЪ. А какЪ уже весь оной изошелЪ, и у насЪ только сахарЪ, вино и вода осталась, да и того весьма мало; то вЪ первой день моего поста почувствовала я вЪ вечеру отЪ пустаго желудка крайнюю боль, а кЪ ночѢ тогожЪ дня сдѢлалось у меня несказанное зеванье. Выпивши же рюмку вина уснула, и тѢмЪ нѢсколько ободрилась; но скоро по томЪ началась преж-

прежняя въ желудкѣ боль, при чемъ хотѣлось мнѣ очень спать, однакожъ заснуть была не въ состояніи, послѣ пришла въ слабость, и чувствовала прекрайней въ груди ломъ, а въ животѣ рѣзъ. Тожъ и на другой день продолжаясь, перемѣнилось наконецъ въ неописанную жадность. А понеже мнѣ голоду утолить было нѣчемъ, то начало меня тянуть такъ, какъ будто бы принимала я рвотное. Къ вечеру того дня выпила я вмѣсто всего кушанья рюмку воды, и легши въ постелю заснула, а во снѣ видѣла, будто бы нахожусь въ Барбадѣ на сытномъ рынкѣ, и накупивши всего съѣстнаго, обѣдаю съ великимъ апетитомъ за однимъ столомъ съ своею госпожею; но проснувшись досадывала на обманувшую меня мечту, и для утоленія крайней жадности выпила послѣднюю рюмку вина, отъ чего сдѣлалась безчувственно пьяною.

Въ третей день лежала въ постелѣ, и имѣя злорныя сновидѣнія, почувствовала такой нестерпимой голодъ, что естьлибъ я тогда родила, илибъ имѣла при себѣ дѣтей своихъ, то бы думаю не удержалась отъ того, чтобъ не нажраться ихъ мяса. Такое бѣшенство продолжалось часа съ три, въ которые, какъ мнѣ о томъ господинъ

динъ мой сказывалъ, бѣгая будто съ ума шедшая по каютѣ, наконецъ отъ качанья корабля пошатнувшись упала, и разшибла себѣ носъ о постелю госпожи своей; отъ вышедшей же отъ сего удара крови, хотя и пришла въ прежнюю память, однакожъ чувствовала несказанной въ груди ломъ и крайнюю слабость, а отъ того впала наконецъ въ такой обморокъ, что всѣ почитали меня уже умершею. Яжъ къ вечеру опамятовавшись, выпила рюмку воды съ сахоромъ разведенную, но желудокъ не могущей удержать въ себѣ сію сладость, извергъ оную въ тужъ минуту, и тѣмъ привелъ меня еще въ горшее безсиліе. Тогда видя приближающейся конецъ нещастной своей жизни, и будучи по состоянію внутренности своей точно увѣрена, что мнѣ отъ того избавиться не можно, пришла отъ предстоящей мнѣ смерти въ несказанную трусость. А какъ между тѣмъ и сонъ на меня напалъ, то засыпая думала, будто бы уже умираю, однако проспавши всю тую ночь до самаго утра, проснулась, и чувствовала въ себѣ крайнюю охоту плякать.

По томъ началъ меня по прежнему мучить нестерпимой голодъ; тогда думала напасть на лежащую при смер-

пти госпожу свою, и наѣсться ее мяса. Но примѣтя, что она жива, хотѣла ѣсть свою руку, вспомняжъ вышедшую за день передъ тѣмъ изъ носу кровь, бросясь на оную, сожрала всю безъ дальней противности. Но сїе помогло мнѣ весьма мало, ибо отъ того не только голодъ мой не утолился, но еще здѣлался къ тому въ груди превеликой ломъ, а послѣ такая тоска, какая бываетъ у людей нечистою совѣстью умирающихъ; а на конецъ впала въ безпамятство, отъ котораго очувствовалась начавшимся на кораблѣ крикомъ. Матросы наши увидѣвши корабль, съ радости какъ бѣшеные бѣгали по борду, и кричали безпрестанно, слава Богу, слава Богу, еще мы не со всѣмъ погибли и прочее. По слабости моей лежала я у постели госпожи своей, и не могла быть участницею сей радости; однакожъ повторенныя ими восклицанїя подали мнѣ столько силы, что могла поднять свою голову и взглянуть на умирающую госпожу свою. Она была въ такой слабости, что не можно было примѣтить, жива ли еще или уже умерла. Сїя великодушная женщина весьма любила своего сына, презирала для него жизнь свою, и опредѣля себя на смерть, отдавала ему и свою

пищу,

пищу, и тѣмъ избавила его отъ мучительнаго конца.

Въ такой крайности находились мы тогда, какъ вы прїѣхали на наше судно. Не удовольствуясь симъ описанїемъ, спрашивалъ я еще о томъ же и ее мужа, которой расказалъ мнѣ почти то же, съ тою только отмѣною, что онъ помощїю подаваемыхъ ему матерью его остатковъ, не имѣлъ столько мученья, сколько сїя бѣдная претерпѣла, которой крѣпкое сложенїе тѣла не мало помогло къ претерпѣнїю голода, и естьлибъ мы по щастїю скоро на нихъ не наѣхали, то бы не только она, но и всѣ корабельные служители померли, илибъ за неимѣнїемъ пищи другъ друга поѣли; да и сїя бы крайняя помощь не могла имъ столь долго служить, чтобъ они добрались до берегу, по тому что находились отъ онаго весьма далеко.

Окончавши сїе кажется время приступить къ описанїю того, какїя здѣлалъ я на острову учрежденїя. Не сказалъ поселянамъ моимъ о привезенной мною шлюбкѣ, а оставилъ ее на кораблѣ, для того, чтобы пресѣченїемъ всѣхъ къ выѣзду съ острова служащихъ имъ способовъ побудить ихъ къ единодушному и непремѣнному на ономъ сожитїю;

глав-

главнаяжъ причина сей уплайки была, что я разсказанныя мнѣ и до сего происходимыя на острову междоусобія, взявъ въ уваженіе, заключилъ, естьли оныя паче чаянія снова начнутся, то слабая сторона не могущая противустоять своимъ непріятелямъ, не захочетъ сносить оныхъ обиды, а паче имѣя способъ помощію шлюбки отъ нихъ избавиться, не замедлитъ пользоваться симъ случаемъ, и оставя островъ можетъ переѣхать въ близъ лежащія Европейскія селенія. А отъ безпокойныхъ Агличанъ лучше того и ожидать было нѣчего, какъ только, чтобы они имѣя шлюбку, привычны будучи жить въ свѣтѣ на щетъ другихъ, начали на ней разбойничать, и тѣмъ бы здѣлали островъ мой вертепомъ разбойниковъ; для того же не оставилъ я имъ и привезенныхъ съ собою пушекъ: ибо и безъ того было у нихъ столько ружей, что могли ими вести оборонительную войну, съ пушкамижъ можетъ быть и завоеванія дѣлать вздумалибъ, и тѣмъ себя наконецъ до неминуемаго паденія довели.

Вотъ все то, что я могъ сказать о своихъ паселянахъ. На острову пробылъ я двадцать пять дней, по прошествіи которыхъ принужденъ былъ ево оставить.

вить. Поселяне мои обѣщались на немъ жить до тѣхъ поръ, пока мнѣ самому свести ихъ за благо не разсудится; въ утѣшеніе же далъ имъ обѣщаніе прислать къ нимъ изъ Бразиліи коровъ, овецъ, свиней и лошадей; а сіе столь ихъ порадовало, что они единодушно заклялись о возвращеніи въ отечества свои и не думать. Чтожъ принадлежитъ до взятыхъ мною изъ Англіи для поселянъ двухъ коровъ, то мы, какъ я о томъ выше сказывалъ, принуждены были употребить ихъ себѣ въ пищу еще тогда, какъ по выходѣ нашемъ изъ Англіи случившіеся противные вѣтры занесли насъ въ Ирляндію.

Наконецъ простился я съ своими подданными; они желали мнѣ щастливой путь, и просили, чтобъ я ихъ не предалъ забвенію. На другой день по пріѣздѣ моемъ на корабль, снялись мы съ якоря и отдавши острову честь пятью пушечными выстрѣлами, пустились въ море; а въ двадцать два дни пришли щастливо въ Бразилію, гдѣ и вошли на рейдъ всѣхъ святыхъ. Во времяжъ сего нашего вояжа, кромѣ нижеслѣдующаго ничего намъ не случилось.

Въ третей день нашего отъ острова отбытія здѣлалась великая морская тишина, при чемъ примѣчено къ Нордъ-

 Весту

Востру сильное теченїе воды. Не имѣя вѣтру принуждены были повиноваться оному ; а между тѣмъ находящейся на мачтѣ часовой началъ кричать, что видитъ землю, а матерой ли кряжъ или островъ, того за дальностїю различить было не можно. Мы видя бѣду свою, не могли однакожъ отвратить сего нещастїя, а въ терпѣнїи ожидали способнаго хотя малаго вѣтра. Послѣ того началъ помянутой же часовой еще кричать, что видитъ нѣчто черное къ намъ приближающееся. Мы почли такой рапортъ его сумозброднымъ, и послали къ нему шипера съ зрительною трубою; а сей точно увѣрилъ, что приближается къ намъ великой лодошной флотъ. Всѣ приняли извѣтъ его такимъ же, какъ и матроской, хотя оный и въ самомъ дѣлѣ былъ правильной, что мы послѣ и сами увидѣли.

Сїя вѣдомость привела племянника моего въ крайнее смятенїе. Онъ въ бытность свою на острову, о жестокости въ сихъ мѣстахъ, въ коихъ мы тогда находились, живущихъ Американцовъ наслышавшись, и не имѣя никогда съ ними дѣла, не зналъ что начать при семъ случаѣ, да и я принявъ въ разсудокъ продолжающуюся морскую тишину, и усиливающееся на берегъ теченїе,

видя точно на насъ идущую Американскую морскую силу, началъ приходить въ ужасъ ; однакожъ скрывая страхъ свой, бодрился и совѣтовалъ бросить якорь, и подобравши парусы сойти на шлюбки съ ружьями, и ими не допускать дикихъ до того, чтобы они могли приближась къ кораблю зажечь его. Естьли же варвары усилившись судно наше зажигать станутъ, то велѣлъ тушить пожаръ сей швабрами, коихъ и приказалъ спустить по одной на человѣка.

Въ такомъ положенїи дожидались мы своихъ непрїятелей, а хотя шиперъ въ щетѣ пловущихъ на насъ лодокъ и обманулся, по тому что ихъ вмѣсто сказанной имъ 1000, было только лодокъ съ двѣсти ; однакожъ въ каждой находилось человѣкъ до 18. Они раздѣляясь на четыре эскадры, дѣлали видъ, будто бы думаютъ атаковать насъ со всѣхъ сторонъ. Примѣтя такое злое ихъ намѣренїе, приказалъ я находящимся на шлюбкахъ стрѣлять по нихъ тогда, какъ они близко подбираться станутъ. А дикїе приближась къ намъ перестали гресть, и остановя свои лодки, начали бросать изъ пращей камни и ранили тѣмъ одного матроса, для чего и принужденъ я былъ спустить на

шлюбки доски, и приказать оными закрываться.

Сперьва не хотѣлось мнѣ пуститься на погубленіе сего глупаго народа, но наконецъ опасаясь, чтобы приближась не зажгли корабль, принужденъ былъ поступить съ ними какъ съ своими непріятелями, а особливо разъярился тогда, когда они высланнаго отъ меня на бордъ для спрашиванія, за что они съ нами такъ поступаютъ, вѣрнаго моего слугу Пятницу по учиненіи на вопросы его мерзскихъ насмѣшествъ пущенными по томъ стрѣлами на смерть ранили. И такъ конецъ сего моего товарища, слуги и друга, подвигнулъ меня на отмщеніе, я приказалъ стрѣлять по дикимъ изъ заряженныхъ дробью пушекъ.

Первыми выстрѣлами разбили мы 14 лодокъ, сидящія въ нихъ, иные потонули, а другіе успѣли доплыть до ближнихъ лодокъ. Уронъ, какъ можно думать, былъ у нихъ чрезвычайной, а страхъ столь великой, что многіе въ безпамятствѣ гребли къ кораблю нашему и шлюбкамъ, чего матросы наши на шлюбкахъ находящіеся въ скорости не понявши побили ихъ изъ ружей, прочіе же единственно о отдаленіи своемъ отъ корабля помышляя, шли туда, куда только

только поворотиться были въ силахъ, и такъ весь сей до сего соединенной флотъ въ полчаса разсыпанъ, и мы захватили одного плѣннаго. Ему нещастіе его столь было чувствительно, что не хотѣлъ не только ни ѣсть, ни пить, но старался, чтобы чѣмъ нибудь уязвить себя, для чего держали мы его нѣсколько дней подъ карауломъ; а послѣ приказали бросить въ воду. Дикой видя, что его щадить не думаютъ, ухватясь за привязанную къ кормѣ шлюбку, началъ жалостнымъ голосомъ кричать, и какъ видно просилъ о принятіи себя на корабль, и захватывая рукою воду лилъ ее себѣ на голову, дѣлая тѣмъ въ послушаніи своемъ обѣщаніе. Я видя такой поступокъ, приказалъ взять его на корабль и привести предъ себя, а онъ по входѣ на судно здѣлался послушливѣе прежняго, говорилъ однакожъ такимъ языкомъ, что никто разумѣть не могъ, а по томъ проголодавшись началъ ѣсть подаваемую ему пищу, кою до сего и принимать не думалъ.

На мѣстѣ сего сраженія пробыли мы за случившеюся тишиною нѣсколько дней, а по томъ при востаніи благополучнаго вѣтра снялись съ якоря. Всѣ опричь

меня

меня радовались тому, что избавляются от сего опаснаго мѣста; я жъ жалѣя о вѣрномъ слугѣ своемъ Пятницѣ, котораго на другой день его смерти, положа въ гробъ при выстрѣлѣ нѣсколькихъ разъ изъ пушекъ опустили въ море, не могъ чувствовать сей всеобщей радости. Племянникъ мой старался всячески утѣшать меня въ моей печали, а какъ плѣнникъ нашъ по многомъ моемъ стараніи столько по Аглински научился, что сталъ отвѣтствовать на мои вопросы, то я упражняясь въ обученіи его, и провождая тѣмъ свою скуку, спрашивалъ, въ какомъ умыслѣ атаковали они наше судно. А изъ отвѣту его понялъ, что были между тѣмъ три разныя націи, и пріѣхали сперьва къ намъ только съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть оное, а потомъ какъ имъ матросы наши блиско подъѣзжать не велѣли, то почтя сіе за обиду вздумали насъ взять въ полонъ, и овладѣть нашею горою, такъ называлъ онъ корабль.

Между тѣмъ продолжая при благополучномъ вѣтрѣ путь нашъ, приѣхали мы въ двенатцатой день послѣ побоища къ берегу къ Нордъ-Весту простирающейся Америки, и идучи четверы сутки, близъ онаго дошли до мыса святаго

таго Августина; а въ третей день вобрались на рейдъ всѣхъ святыхъ, мѣсто изъ котораго до сего выѣхавши былъ я крайне нещастливъ. По прибытіи нашемъ туда, ѣздилъ я въ городъ и просилъ у Губернатора онаго позволенія произвести мѣну своимъ товарамъ; но онъ здѣлалъ намъ такое запрещеніе, что не дозволилъ ни кому и на берегъ съѣзжать.

Я сыскалъ прежняго моего въ семъ городѣ находящагося товарища и сосѣда, о коемъ въ первой части похожденіевъ моихъ упомянуто. Онъ такъ разторговался, что былъ уже тогда богатымъ и знатнымъ человѣкомъ, но не смотря и на то не могъ мнѣ исходатайствовать позволенія торговать съ городскими жителями. Наконецъ приступили старые знакомцы мои къ игумену Августинскаго монастыря, которому подарилъ я пять сотъ муадоровъ. Сей честной старецъ вступясь въ мою бѣдность, принялъ на себя трудъ сходить къ Губернатору, и испросилъ у него, что намъ позволено было пробыть въ городѣ нѣсколько дней.

Пользуясь симъ случаемъ, и подкупя приставленныхъ за нами досмотрщиковъ, свезъ на берегъ нѣсколько кусковъ сукна, штофу и полотна. Ими подарилъ

рилъ я прежняго своего товарища, а вмѣсто сего подарка получилъ отъ него такой, которой конечно превосходилъ цѣну всѣхъ привезенныхъ къ нему моихъ товаровъ, выключая еще что на щетъ оныхъ же взялся онъ собрать и вооружить тое шлюбку, которую взялъ я для поселянъ своихъ. И такъ сколь строго ни старался Губернаторъ, чтобъ мы товаровъ своихъ въ городъ не провезли, удалось намъ однакожъ столько ихъ промѣнить, сколько состоянїе и польза наша дозволяла; ибо таможенные надсмотрщики до тѣхъ только поръ строжатся, пока имъ самимъ довольныхъ подарковъ не дойдетъ.

О вооружаемой мною для посылки на островъ шлюбкѣ услышалъ находящейся на нашемъ кораблѣ матросъ. Онъ будучи до сего на поселенїи въ Марїи Ландѣ, и научась содержанїю разныхъ плантацїевъ, вздумалъ поселиться и жить на моемъ острову. Взявъ сїе намѣренїе, просилъ меня о своемъ на оной отправленїи, съ тѣмъ, чтобъ я снабдилъ его всѣми для востановленїя сахарныхъ заводовъ нужными вещьми. Яжъ будучи тому весьма радъ, далъ ему тогдажъ письмо къ Гишпанскому Комендангу, чтобъ онъ дѣлалъ въ намѣренїи его всякое вспомоществованїе, купилъ по данному

ному отъ него регистру все для того нужное, а при томъ въ награжденїе за его охоту обмундировалъ сего матроса съ ногъ и до головы, чему онъ весьма радуясь, обѣщался научить искуству своему всѣхъ поселянъ моихъ. А понеже взятой при послѣднемъ съ дикими сраженїи мой невольникъ къ услугамъ моимъ былъ неспособенъ, то я и его сему новому заводчику отдалъ.

Тѣмъ еще не окончалось умноженїе поселянъ моихъ; ибо будучи въ гостяхъ у прежняго моего товарища, провѣдалъ я о нѣкоемъ Португальцѣ, что онъ по доносу приходскаго священника за тайное отправленїе Калвинскаго закона отверженъ отъ церкви, и что инквизицїя конфисковавши все имѣнїе, ищетъ и его взять подъ караулъ. А понеже сей бѣднякъ скрывался въ домѣ его, то я имѣлъ случай съ нимъ повидаться, и представя ему опасность, въ коей онъ находился, подговорилъ его къ поселенїю на моемъ острову. Онъ и всѣ домашнїе его весьма радовались сему щастливому случаю, помощїю котораго могли они избавиться отъ безчеловѣчныхъ нападковъ жестокой инквизицїи. И такъ оставя во владѣнїе оной все свое имѣнїе, перевезся онъ и со всѣмъ своимъ домомъ на нашъ корабль. По томъ какъ

уже шлюбка вооружилась, то я снабдя для заводу нужнымъ, велѣлъ перевезти его на оную.

Шиперомъ опредѣлилъ я на новое судно своего штурмана, и далъ ему шесть человѣкъ матросовъ, которыхъ нанялъ мнѣ бывшей мой товарищъ. Съ ними отпустилъ я еще трехъ женщинъ, для живущихъ на острову холостыхъ Португальцовъ, а за тѣмъ оставшїе холостые три Гишпанца, могли жениться на дочеряхъ отправленнаго къ нимъ помянутаго Португальца; ибо у него было ихъ три. Еще исполняя данное поселянамъ своимъ обѣщанїе, о присылкѣ къ нимъ на заводъ всякаго Европейскаго скота, послалъ я онаго разныхъ сортовъ довольное число. По данному описанїю прибыла шлюбка моя на островъ скоро и благополучно; а приходомъ своимъ причиняла поселянамъ несказанную радость. Число ихъ съ прибывшими на ней состояло, выключая малолѣтныхъ, и съ женщинами отъ 60 до 70 человѣкъ.

Симъ оканчиваю я описанїе о своихъ поселянахъ, о которыхъ по возвращенїи моемъ въ Англїю получаемыми чрезъ Португалїю письмами увѣдомился, что они живутъ въ цвѣтущемъ состоянїи.

Теперь

Теперь прошу читателя предать оное забвенію, вмѣстожъ того снисходительно сносить слѣдующую повѣсть о безумствахъ такова всесвѣтнаго бродяги, которой ни своими собственными нещастїями происходимыми отъ бѣшенаго желанїя къ странствованїю, ни злополучїемъ съ прочими отъ тогожъ случившимися, доживъ до старости, не научился знать, сколь безразсудны бываютъ таковыя предпрїятїя. Двадцатиосьмилѣтнее мое на острову пребыванїе, терпѣнїе крайней бѣдности, взятье въ полонъ морскими разбойниками, и безчисленныя опасности, отъ которыхъ не инако какъ промысломъ Всевышняго избавлялся: всѣ сїи бѣды по щастливомъ своемъ минованїи не представлялись мнѣ столь ужасными, чтобъ могли отвратить меня отъ предпрїятїя новѣйшихъ странствованїевъ.

Не лучшелибъ было, естьлибъ я по чрезмѣрной любви къ прежней своей пустынѣ, для которой и посѣщенїя оставшихъ въ ней поѣхалъ съ племянникомъ своимъ изъ Англїи, остался жить въ покоѣ на острову своемъ. Не могъ ли бы я по прибытїи на оной, и съ тѣмъ намѣренїемъ съ поселянами своими разставшись, чтобъ снабдить ихъ не-

необходимо нужнымъ по удовольствіи себя оными, на отъѣзжающей своей шлюбкѣ къ нимъ возвратиться, и воставя во владѣніи своемъ доброй порядокъ, предать себя со всѣми моими подданными покровительству и защищенію Аглинской короны. А по исходатайствованіи отъ правительства на владѣніе онаго грамоты, выписать изъ отечества своего всякихъ заводчиковъ и рукомесленниковъ, построить крѣпость, и снабдя оную всею военною аммуниціею, основать себѣ безопасное и спокойное жилище. А послѣ купя корабль, завести съ ближними Аглинскими и прочими селеніями торги, и тѣмъ доставлять для работъ нужныхъ невольниковъ. Но мнѣ таковыхъ разумныхъ разсужденіевъ и въ голову не приходило. Не трогала меня отъ твердаго поселенія произойти могущая знатная польза; ибо вселившейся, такъ сказать, бѣсъ бродяга къ расположенію таковыхъ мыслей не допуская, побуждалъ меня только таскаться по всему свѣту, и такъ овладѣлъ мною, что я презря всѣ выше упомянутые полезности, вдался при старости своей новѣйшимъ опасностямъ.

Правду сказать, думалъ я иногда и о томъ, чтобы во владѣніи своемъ заве-

завести правленіе по Аглинскимъ законамъ, но и то отмѣнилъ наконецъ, за тѣмъ что не хотѣлось подвергнуть мнѣ подданныхъ своихъ нѣкоторой неволѣ, по чему и желалъ вмѣсто оныхъ возставить между ими древнее патріаршество, и вложить въ нихъ, чтобы они отъ меня не по преимуществу моему, но по мѣрѣ чинимыхъ имъ мною благодѣяніевъ, и прилагаемаго о общей пользѣ старанія зависѣли, слѣдовательно изъ единой благопристойности мнѣ повиновались. Сіе предпріятіе можетъ быть и удалось бы мнѣ произвести въ дѣйство, еслибъ я на острову жить остался. Но понеже страсть моя къ предпріятію дальнѣйшихъ странствованіевъ, отвлекла меня отъ исполненія онаго, то за невведеніемъ въ обычай намѣреннаго и за ненаблюденіемъ подлежащей строгости, должно было сіе воставленное мною общество само собою рушиться, какъ то и сдѣлалось; ибо по выѣздѣ моемъ начались у нихъ междоусобія, своевольства и ссоры, сильные причиняли слабымъ всякія насилія и обиды. Излишество нужныхъ вещей здѣлалось началомъ лѣности и роскошей, а наконецъ частые набѣги отъ Американцовъ, причиняемыя ими поселянамъ разоренія, и безпрерывныя безпо-

кой-

койствія, учинили имъ жизнь ихъ до сего покойную столь горестною и противною, что Гишпанцы уѣхали въ близъ лежащія Европейскія селенія, а Агличане и прочие просили меня чрезъ письма, чтобъ я имъ хотя умереть въ отечествахъ ихъ дозволилъ.

По описанію вышесказаннаго, прошу читателя войти въ разборъ всѣхъ обѣщевающихъ мнѣ отъ поселенія острова полезностей, такожъ и того, сколь вредно есть отдаваться во власть страстей своихъ. Мое бѣшеное желаніе къ странствованію можетъ въ томъ служить живымъ примѣромъ; ибо предавшись власти оной здѣлался отъ того не только я одинъ нещастливымъ, но вергъ во оное и всѣхъ поселянъ своихъ, а по случившимся во время моего вояжа новымъ бѣдамъ, не только лишился я способовъ пещися о ихъ пользѣ, но часто доходилъ до такой крайности, что и самъ себѣ помогать былъ не въ состояніи. И такъ безпутно промѣнивши покой на безпокойствія, и видимую пользу на безпутныя склонности, стыжусь и упоминать о разрушившемся отъ того новомъ своемъ заведеніи, и предавъ оное забвенію при описаніи слѣдующихъ приключеніевъ больше о томъ и упоминать не стану.

При-

Приступая же къ обьясненію оныхъ, долженъ обьявить, что часто упоминаемой Французской священникъ, услышавши о изготовляющемся въ Лиссабону изъ Бразиліи караблѣ, перебрался на оной, и тѣмъ пресѣкъ себѣ путь къ исполненію принятаго имъ намѣренія. Онъ звалъ меня съ собою, но я видно для того, что бы имѣть случай наполнить здорными расказы вторую часть моихъ похожденіевъ, влекомъ былъ въ другую сторону, и раставшись съ нимъ, отправился изъ Бразиліи къ мысу Доброй Надежды, куда и прибыли мы безъ дальнихъ помѣшательствъ. А понеже корабль нашъ нагруженъ былъ купеческими товарами, то находился съ нами отъ хозяевъ оныхъ канторщикъ; по предписанію котораго должны мы были учреждать путь свой.

При означенномъ мысѣ удовольствуясь водою и протчимъ, отправились мы по совѣту помянутаго канторщика, къ Короманделькимъ берегамъ, а въ разсужденіи тогда между Англіею и Франціею бывшей войны, и полученной въбытность у помянутаго мыса вѣдомости о отправившихся до насъ не задолго тудажъ подъ прикрытіемъ военнаго корабля, двухъ большихъ Французскихъ купеческихъ судовъ, находились мы въ край-

ней

ней опасности, чтобы не попасться въ руки своимъ непрїятелямъ, и для того перемѣня путь свой, вздумали подойти къ острову Мадагаскару. Народъ онаго жестокъ, и къ войнѣ склоненъ, оружїе имѣетъ дротики и стрѣлы, луками и пращами своими дѣйствуетъ весьма проворно, въ обхожденїи съ иностранными учтивъ, за чинимыя же имъ обиды мстителенъ, и въ гнѣвѣ своемъ неукротимъ; а торги свои производитъ слѣдующимъ образомъ: Сколь скоро иностранной народъ на берегъ къ нимъ съѣдетъ, то долженъ сломить съ дерева нѣсколько сучковъ, и уступя отъ взморья воткнуть оныя въ землю, по примѣру которому втыкаютъ и онѣ такїежъ сучки съ своей стороны, такъ чтобы между воткнутыми отъ иностранцовъ, и отъ нихъ тѣмъ же назначенной границѣ площадь осталась. На ней производятъ они мѣну, оставляя ружье свое близь тѣхъ сучковъ, которые сами воткнутъ, для того, чтобы въ случаѣ насилїя имѣть оное подъ рукою.

Я услышавши о такомъ ихъ обыкновенїи отъ нашего канторщика, вздумалъ ѣхать на берегъ и посмотрѣть обычай сего дикаго народа. Въ прїездъ нашъ на островъ стояло ихъ на берегу весь-

весьма много. Сперьва не смѣли мы на оной выттти, по тому что казалось, будтобы они торговать съ нами не намѣрены. Но наконецъ осмѣлясь выслали трехъ матросовъ, коимъ по совѣту канторщикову приказали нарѣзавши зеленыхъ вѣтвей посадить оныя, уступя отъ взморья двѣсти саженъ. Дикїе смотря на нихъ, нарѣзали также зеленыхъ сучковъ и воткнули ихъ въ землю столько же, сколько и нашихъ знаковъ было, по томъ брося свое оружїе вышли на площадь между посаженными вѣтьвями находящуюся. Такой ихъ поступокъ видя выступили и мы на берегъ, и получили отъ нихъ за ножи, ножницы и прочїя подобныя тому безделки трехъ быковъ и множество другой скотины.

Я видя ихъ дружеское съ людьми нашими обхожденїе, вздумалъ попользоваться хорошимъ островскимъ вечернимъ воздухомъ. Между тѣмъ приносили къ намъ женщины молоко, коренье, цвѣты и прочее, и съ крайнимъ удовольствїемъ мѣняли оное на иголки и булавки; словомъ, все происходило съ такимъ добрымъ согласїемъ, что я вздумалъ переночевавъ на острову, ѣхать на корабль по утру. Для сего приказалъ себѣ здѣлать шалашъ, гдѣ и легли было

ло

ло мы спать: но въ полночь проснувшись чувствовалъ внутреннее безпокойствïе, и ворочаясь съ боку на бокъ, не могъ уже заснуть. Между тѣмъ вздумалось мнѣ, что оное причиняютъ мнѣ комары, которыхъ въ шалашъ нашъ вобралось весьма много. И такъ разбудивши матроса, вздумалъ спать на шлюбкѣ; а дабы выгнавшïе изъ шалаша непрïятели меня и тамъ не безпокоили, приказалъ отдать конатъ, и опуститься далѣе въ море.

Но только уклавшись засыпать было сталъ, какъ здѣлался на берегу великой крикъ. Вскоча съ постели услышалъ я жалостной вопль отъ оставшихъ тамъ служителей. Они просили, чтобъ мы притянулись къ берегу; а между тѣмъ стрѣляли изъ ружей, отбиваясь отъ напавшихъ на нихъ дикихъ, коихъ было, какъ мы о томъ послѣ свѣдали, болѣе 400 человѣкъ. Наконецъ будучи не въ состоянïи противиться сей великой силѣ бросясь въ море приплыли къ намъ на шлюбку. Но и тутъ принуждены мы отъ бросаемыхъ въ насъ дикими изъ пращей каменьевъ защищаться банками, и случившимися на шлюбкѣ досками, можетъ быть тѣмижъ, которыя спущены были съ корабля для прикрытïя матросъ отъ напавшаго на насъ Американскаго флота.

Въ сей крайности находясь, стрѣляли мы изъ своихъ ружей болѣе для того, чтобы показать свою опасность находящимся на кораблѣ нашимъ товарищамъ, нежели для отгнанïя отъ себя напавшихъ на насъ непрïятелей. По щастïюжъ нашему сïи выстрѣлы имѣли какъ въ томъ, такъ и въ другомъ удачливой успѣхъ. Дикïе перестали за случившеюся въ ту ночь темнотою бросать каменья, а старались разведя на берегу великой огонь узнать мѣсто нашего положенïя; а тѣмъ, такожъ и повторяемыми нами безпрестанными ружейными выстрѣлами, побужденъ племянникъ мой сняться съ якоря и подойти къ сему разведенному ими пожару. Онъ подошелъ къ берегу весьма близко. Сколь же скоро успѣли мы заѣхать на другую сторону корабля, то выстрѣлено по непрïятелѣ изъ нѣсколькихъ дробью заряженныхъ пушекъ.

Избавившись столь великой опасности, старались мы сыскать причину, для чего дикïе принявши насъ прежде вѣжливо и обходясь добросердечно, столь скоро взбѣсились и такое плутовское нападенïе на насъ учинили. Честной ихъ поступокъ на канунѣ предъ тѣмъ наблюдаемой, не подавалъ намъ ни малой причины къ подозрѣнïю, чтобы

бы они наруша свято наблюдаемой свой порядокъ, такое нечаянное на насъ нападенїе учинили. Канторщикъ, въ сихъ мѣстахъ до сего бывшей, почиталъ насъ начинщиками сей ссоры, а безъ того, говорилъ онъ, дикїе принявши васъ въ прїязнь свою столь безсовѣстно съ вами не поступилибъ. Онъ говорилъ правду; ибо по спрашиванїи служителей нашлось, что при учиненномъ на насъ отъ дикихъ первомъ нападенїи, пропавшей безвѣстно матросъ, Еферїй называемой, былъ начинщикомъ сего здору. Онъ, расказывали его товарищи, еще по утру тогожъ дня, схватя пришедшую съ старухою дѣвку изъ рукъ ее вырвалъ, и затащивши въ лѣсъ оную обезчестилъ. По чему обруганная дѣвка вырвавшись изъ рукъ его, расказала о томъ своимъ однородцамъ, которые и собрались на отмщенїе сему нарушителю ихъ обычаевъ.

Сей нещастной убитъ тогда, какъ онъ услышавши шумъ идущихъ къ нимъ дикихъ, изъ шалаша выскочилъ, прочїе же на берегу бывшїе служители спаслись всѣ безъ всякаго вреда. Сперьва не знавъ мы куда дѣвался сей Еферїй, послали шлюбку искать его на берегу; но всѣ напрасны были труды наши. А хотя

хотя онъ самъ былъ причиною своего нещастїя, однакожъ оставленїе Христїанина въ варварскихъ рукахъ казалось мнѣ крайнимъ беззаконїемъ: и для того вздумалъ я ѣхать ночью на берегъ, и стараться всякими образы захватить хотя одного Мадагаскарца, дабы на онаго вымѣнить пропавшаго матроса; но по прибытїи и по выходѣ на островъ не видали мы ни одного дикаго кромѣ убитыхъ, которыхъ было человѣкъ больше тритцати.

Для сего предпрїятїя выбралъ я при отъѣздѣ моемъ съ корабля 20 человѣкъ самыхъ смѣльчаковъ. Вотъ еще начало непростительной глупости, въ какую впалъ я по неразсудку своему; ибо выбравши сихъ головорѣзовъ, позабылъ я просить у Капитана приказанїя, чтобъ имъ въ бытность на берегу находиться въ точномъ моемъ повелѣнїи, и ничего не предпринимать безъ моего согласїя. По выходѣ съ ними въ десять часовъ въ вечеру весьма тихо на берегъ, раздѣлился я на двѣ партїи; при одной остался самъ, а другою командовалъ ботсманъ. Ночная темнота воспрещала намъ вдаваться въ опасности, и для того сшедшись вмѣстѣ, положили дожидаться луннаго сїянїя. А какъ

 насъ

насъ оное освѣтило, то увидѣли вышеупомянутыя мертвыя тѣла, коихъ было весьма много.

По осмотрѣ сего плачевнаго позорища, хотѣлъ я возвратиться на корабль; но ботсманъ уговорясь съ другими, вздумалъ итти далѣе въ островъ и искать жилища дикихъ, и естьли удастся посѣтить и самую Мадагаскарскую столицу. Я опасаясь, чтобъ они при такомъ отважномъ предпріятіи всѣ не пропали, унималъ ихъ сколько моихъ силъ было: но чинимыя мною запрещенія были ни мало не дѣйствительны; а наконецъ когда я отважился ихъ отъ того силою удерживать, то ботсманъ наглымъ образомъ объявилъ, что онъ меня слушаться не будетъ, и подзывая съ собою товарищей, уговорилъ всѣхъ матросовъ къ сему покушенію, ободряя ихъ къ послушанію своему, тѣмъ особливо, что они могутъ получить тамъ великую прибыль.

Канторщикъ нашъ, бывшей тогда съ нами, также отъ нихъ отступился, и совѣтовалъ мнѣ возвратиться на шлюбку. Къ намъ присталъ одинъ матросъ, и такъ раставшись съ своими ослушниками, пошли мы на шлюбку. Отважнаяжъ шайка увѣряла насъ, что возвратятся весьма скоро. Тщетно старался я представить имъ еще, что сей ихъ поступокъ и предпріемлемое кровопролитіе какъ предъ Богомъ, такъ и предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ оправдаемъ быть не можетъ; но слова мои возбудили въ нихъ одни насмѣшества; всѣ единодушно называли меня трусливымъ, говоря, чтобы весьма были нещастливы, естьлибъ надъ собою такого командира имѣли; а теперь прощаясь, продолжали они рѣчь свою, намъ до васъ нѣтъ нужды, изволте итти куда вы хотите, и въ покоѣ дожидаться, пока мы къ вамъ назадъ не придемъ.

Такимъ образомъ надо мною насмѣхаясь, пошли они наконецъ въ путь свой. У нихъ было по ружью и по парѣ пистолетъ, да кромѣ того у троихъ матросовъ по топору, а у ботсмана сабля, да еще двенатцать гранатъ; словомъ сказать, никогда думаю столь малое число людей, хотя и съ ногъ до головы вооруженныхъ, таковаго отважнаго дѣла не предпринимывали, какое начинали сіи къ полученію великой добычи ободряемые отваги, но въ томъ обманувшись въ такую пришли ярость, что выжгли весь Мадагаскаръ, а жителей

телей онаго отъ стараго и до малаго на голову побили.

Продолжая путь свой, подошли они къ нѣкоей небольшой деревушкѣ, такъ какъ шалашахъ въ пятнатцати состоявшей. Ее почли они сперьва самымъ городомъ: но послѣ разсмотря малое селеніе, заключили объ ней инако. Долго разсуждали они, атаковать ли имъ сей хуторъ или нѣтъ; многіе совѣтовали разорить и побить жителей онаго, дабы тѣмъ пресѣчь всѣ способы, по которымъ бы о предпріятіи ихъ въ городѣ могло извѣстно учиниться, такожъ чтобы въ случаѣ неудачи не имѣть въ семъ мѣстѣ непріятелей, которыебъ могли препятствовать въ ретирадѣ ихъ на шлюбку. Но какъ ходя по деревнѣ примѣтили они, что жители оной спятъ, то оставя варварское свое предпріятіе, пустились далѣе въ путь. Между тѣмъ идучи по лѣсу, нашли привязанную къ дереву корову. Ботсманъ приказалъ отвязать ее. Сія скотина, говорилъ онъ, конечно хлѣвъ свой сыщетъ; естьли она изъ той деревни, которую мы прошли, и туда итти оборотится, то мы поимавши ее по прежнему привяжемъ, и послѣ идучи назадъ съ собою возмемъ. Когдажъ она изъ другаго мѣста, а можетъ

жетъ быть и изъ самаго городу, то пойдемъ за нею; она приведетъ насъ въ желаемое нами мѣсто. По сему совѣту спущенная съ аркану корова пошла впередъ, и здѣлавшись проводникомъ нашихъ воиновъ, довела ихъ до города.

Въ немъ было все въ глубокой тишинѣ, и жители не опасаясь неожидаемаго нападенія наслаждались покойнымъ сномъ. По приближеніи къ сему мѣсту имѣли матросы военной совѣтъ, на которомъ положили обойти съ четырехъ сторонъ городъ, и зажечь крайніе домы онаго, а при томъ безъ всякаго шума; выбѣгающихъ же изъ нихъ людей вязать и оставлять на улицахъ. Чтожъ въ случаѣ сопротивленія ихъ дѣлать было должно, о томъ и безъ приказу всѣмъ было извѣстно. Такимъ образомъ уговорившись, раздѣлились они на четыре партіи. Но въ самое то время, какъ по назначеннымъ въ совѣтѣ мѣстамъ расходиться стали, увидѣли нѣкоторые изъ нихъ убитаго своего товарища, Ѳому Еферія. Онъ повѣшенъ былъ за руку на деревѣ, стоявшемъ близъ нѣкотораго большаго дому.

Сіе жалости достойное позорище возбудило въ матросахъ несказанную

ярость.

ярость. Увидя сїе заклялись они отмстить смерть нещастнаго своего товарища, и не щадя ни кого побивать всѣхъ, кто имъ только въ руки попадется. Выговоривши сїе принялись въ тужъ минуту за исполненїе сего злаго своего намѣренїя. А понеже домы у Индѣйцевъ строются низкїе, а покрываются тросникомъ, которой отъ великихъ въ сихъ мѣстахъ бываемыхъ жаровъ весьма высыхаетъ, то и не трудно было здѣлать въ короткое время и въ разныхъ мѣстахъ множество пожаровъ. Наконецъ не оставили они таковымъ же посѣщенїемъ и помянутаго дому, близъ котораго повѣшенъ былъ за руку Ѳома Еферїй. Въ семъ домѣ жилъ самъ Король Мадагаскарской, въ переднемъ же покоѣ находились тогда всѣ знатнѣйшїе сего народа особы. Они собраны были на совѣтъ, какъ бы учинить на насъ нападенїе; но не удалось имъ исполнить сего своего намѣренїя; ибо и съ Королемъ своимъ сгорѣли они во дворцѣ его; а другїе осмѣлившїеся выйти изъ онаго изрублены ботсманомъ, стоявшимъ съ саблею въ тѣхъ дверяхъ, коими имъ выходить было надобно; многїе же изъ нихъ побиты брошенною въ домъ гранатою, а другїе бросались отъ нее сами въ огонь.

Во

Во время сего великаго кровопролитїя не нужно было стрѣлять изъ ружей, чего нападающїе и остерегались для того, чтобы не разбудить еще спящихъ городскихъ жителей; но усилившейся пожаръ началъ выгонять оныхъ изъ жилищъ ихъ, по чему уже и принуждены были матросы приступить къ убїйствамъ, а отъ того началась почти непрерывная стрѣльба.

Яжъ будучи на шлюбкѣ, и видя великой пожаръ, которой по случаю темной ночи еще ужаснѣе казался, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ, а по томъ и начавшаяся ружейная стрѣльба причиняла мнѣ такое беспокойствїе, что не зналъ какъ о томъ подумать. Племянникъ мой не вѣдая также о причинѣ онаго, и опасаясь не здѣлалось ли мнѣ и канторщику какого нещастїя, собралъ еще тритцать человѣкъ матросъ, и вооружа ихъ поѣхалъ къ намъ на помощь. По прибытїижъ на островъ крайне удивился, видя насъ обѣихъ только съ двумя матросами въ шлюбкѣ сидящихъ.

Мы разсказали ему о всемъ съ нами случившемся, такожъ и о томъ, что матросы не послушавшись меня, а выбравши себѣ командиромъ ботсмана, пошли атаковать Мадагаскаръ, и теперь

какъ

какъ видно зажегши сей городъ, дерутся съ жителями онаго. Капитанъ хотя и досадывалъ на своихъ подкомандующихъ; однакожъ почелъ за должность подать имъ руку помощи. Я представлялъ ему возможнымъ образомъ, чтобъ онъ оставилъ такое глупое предпрїятїе, которое могло ввергнуть все его судно въ крайнюю опасность; но слова мои говорены были не понимающему пользу оныхъ. Какъ мнѣ оставить, отвѣчалъ онъ на всѣ мои предложенїя, въ погибели людей своихъ! какой я буду командиръ, когда не войду въ бѣдность своихъ подкомандующихъ, и не постараюсь избавить ихъ отъ сей бѣды моими совѣтами.

Такимъ образомъ отвѣтствуя на мои слова, жалѣлъ о томъ, что не взялъ съ собою еще больше людей; наконецъ послалъ онъ елботъ, и приказалъ съѣхать на берегъ двадцати человѣкамъ, изъ которыхъ шестерымъ велѣно было остаться для обереженїя шлюбки, а протчимъ итти къ городу, куда и я по любви моей къ племяннику моему отправился, а по пожару пришли мы на мѣсто баталїи. Частые ружейные выстрѣлы, и умножающїйся часъ отъ часу пожаръ приводилъ насъ въ крайней ужасъ,

ужасъ, но того страха, какой мы по прибытїи въ городъ, видя безчеловѣчной матросовъ нашихъ поступокъ, чувствовали, и изъяснить не можно.

А понеже я при осадѣ городовъ и при взятьѣ оныхъ штурмомъ не бывалъ, а только слыхалъ о разоренїи лежащаго въ Ирландїи города Дрогеды, коего жители всѣ отъ мала до велика побиты по повелѣнїю Оливїера Кромвеля, такожъ читалъ взятье Графомъ Тилли города Магдебурга, и о истребленїи всѣхъ онаго жителей, то и не знаю съ чѣмъ бы лучше сравнять Мадагаскарское народное истребленїе, а думаю только, что жители сего мѣста были нещастливѣе Дрогедскихъ и Магдебургскихъ. Частое и сухое строенїе, кривыми улицами расположенное, отъ зажиганїя оныхъ съ обѣихъ концовъ, обхватило всѣхъ въ срединѣ оныхъ находящихся жителей; а хотя многїя изъ нихъ сквозь пламя и пробѣгали, однакожъ выходили всѣ огорѣлые; не смотря и на то бѣшеные нашии матросы лишали и ихъ жизни; протчїежъ всѣ отъ дыму задыхаясь падали и згорали на улицахъ, а иные въ домахъ своихъ. Словомъ, вездѣ видны были слѣды такого несказаннаго варварства и безчеловѣчїя, что и повѣрить было

было не можно, чтобы тому люди наши притчиною были.

Между тѣмъ пожаръ и крикъ нещастныхъ Индѣйцовъ часъ отъ часу умножался, и тѣмъ приводилъ насъ всѣхъ въ крайней ужасъ. А какъ мы къ сему въ пепелъ обращающемуся городу приближились, то выбѣжали изъ онаго четыре женщины и 16 человѣкъ мущинъ, а за ними гнавшїеся матросы, будучи не въ состоянїи нагнать, стрѣляли по ихъ изъ ружей, и убили почти предъ ногами нашими троихъ изъ сихъ нещастныхъ. Оставшїя же усмотрѣвши насъ, отъ страху не знали, что дѣлать; а наконецъ будучи со всѣхъ сторонъ злодѣями своими окружены, какими они и насъ почитали, начали жалостнымъ воплемъ, бросясь передъ нами на колѣни, просить у насъ, какъ то изъ всѣхъ дѣянїевъ ихъ примѣтить было можно, помилованїя. Я давалъ знаки, чтобъ они насъ не боялись, и показывая за собою мѣсто, ободрилъ ихъ тѣмъ, что они осмѣлились пользоваться моею милостїю.

Свѣтъ въ глазахъ моихъ меркъ, когда я взиралъ на сїе народное истребленїе; ибо у оставшихъ отъ побїенїя у иныхъ сожжены были руки, у иныхъ ноги; словомъ, всѣ спасшїеся отъ смерти Индѣйцы

дѣйцы имѣли на тѣлѣ своемъ такїе знаки варварства матросъ нашихъ, которые имъ по смерть свою позабыть было не можно. Все сїе приводило меня въ несказанную ярость, и естьлибъ тогда бѣшеные наши матросы, по бѣгущимъ къ намъ бѣднякамъ стрѣлять не перестали; то бы неусумнился я вступиться за Индѣйцовъ, и стать противъ людей своихъ; но они прогнавши бѣгущую сїю шайку, возвратились въ городъ, и зажигая повсюду, упражнялись только въ убїенїи жителей онаго.

Бѣгущїе изъ города и избавившїеся отъ пожару Индѣйцы, видя стоящихъ за нами своихъ однородцовъ, начали къ нимъ собираться; а наконецъ столько ихъ умножилось, что принужденъ я былъ пришедшимъ со мною и съ Капитаномъ людямъ приказать не расходиться, и не начиная больше ничего съ Индѣйцами послать въ городъ къ своимъ товарищамъ, чтобы они наискорѣйшимъ образомъ въ поле выбирались. Но въ ту минуту выбѣжалъ изъ улицы ботсманъ съ четырмя матросами, и увидѣвши Капитана восклицалъ побѣду. Ахъ! господинъ Капитанъ, говорилъ кровью съ ногъ и до головы обрызганный сей тигръ, какъ я тому радъ, что вы насъ не позабыли. Съ помощїю вашею

 совер-

совершу я начатую мною побѣду и столько побью сихъ бездѣльниковъ, сколько у бѣдняка Еферія на головѣ волосовъ было. Пойдемъ и истребимъ убійцовъ земляка нашего; его увидите вы не далеко отсюда зарѣзаннаго и на деревѣ висящаго.

Всѣ пришедшіе съ нами матросы бросились за ботсманомъ, и усмотря въ самомъ дѣлѣ за руку повѣшеннаго своего товарища, вошли въ такую ярость, что мои къ удержанію ихъ отъ омщенія говоренныя слова здѣлались безплодными; и самъ Капитанъ, племянникъ мой, пришедъ въ великое сердце, далъ служителямъ своимъ въ разореніи города и убіеніи жителей онаго полную власть. Они будучи участниками Еферіевой смерти, говорилъ онъ, должны быть за то и наказаны. Матросы, пришедшіе съ нимъ вслушавшись въ такое командира своего разсужденіе, разсыпались по городу, и возобновили почти утухающей пожаръ.

Я видя, что совѣты мои ничего не дѣйствуютъ, и будучи не въ состояніи смотрѣть на бѣшеныя и безчеловѣчныя поступки разъяренныхъ матросовъ и слышать жалостной вопль нещастныхъ Мадагаскарцовъ, досадуя притомъ на своего племянника за то, что

что попущеніемъ его сіе народное истребленіе возобновилось, подозвавъ съ собою канторщика и двоихъ матросовъ, возвратился на шлюбку. Тогда уже начало свѣтать, а распространившейся слухъ о разореніи города побудилъ живущихъ близъ онаго Индѣйцовъ собраться у той деревни, которую идучи въ городъ оставилъ ботсманъ неразоренную. По щастію нашему миновали мы сіе опасное мѣсто и пришли благополучно на шлюбку, на которой отъѣхалъ я на корабль; а дабы воины наши въ случаѣ нужды имѣть могли готовыя къ принятію ихъ суда, то послалъ ее обратно къ берегу.

По входѣ на судно увидѣлъ я, что пожаръ началъ утухать; вскорѣ по томъ слышанъ былъ ружейной салфъ; сей учиненъ по собраннымъ близь помянутой деревни Индѣйцамъ, которыхъ было хотя и весьма много, однакожъ въ такой трусости, что не отважились учинить на людей нашихъ и тогда нападенія, когда они отъ исполненія варварства своего къ шлюбкамъ возвращаясь, по разнымъ мѣстамъ разсѣявшись въ безстройствѣ и безпорядочно лѣсомъ пробирались. Ибо нечаянно учиненнымъ на городъ нападеніемъ, а при томъ случившеюся тогда ночною темнотою,

отъ которой сей и безъ того ужасной пожаръ причинялъ еще больше страху, также и тѣмъ, что куда они ни бросались, вездѣ отъ разсѣянныхъ по городу матросовъ побиваемы будучи, пришли они въ такую трусость, что почитали себя погибшими.

Наконецъ пріѣхали воины наши на корабль. Я весьма былъ сердитъ на всѣхъ ихъ, а особливо на своего племянника, котораго и укорялъ жестокостію. Онъ отвѣтствовалъ на всѣ мои укоризны съ учтивостію, и извинялся тѣмъ, что видъ нещастнаго и столь безчестно убитаго Еферія подвигъ его на сіе безчеловѣчіе. Тѣмъ же бранилъ я и всѣхъ матросовъ: но они будучи не въ моей командѣ, на слова мои и не смотрѣли; а только досадно было имъ, что вмѣсто желаемой добычи перемарали свое платье; другіе же и со всѣмъ его лишились. Въ томъ же ни мало не раскаивались, что безсовѣстно и безвинно, а при томъ мучительски жителей сего нещастнаго города истребили.

Съ тѣмъ отправились мы въ путь свой, по чему уже и знать не могли, какіе въ нещастномъ Мадагаскарскомъ народѣ отъ варварства нашего произошли слѣдствія. Матросы щитали убитыхъ до полуторараста человѣкъ мущинъ, жен-

щинъ и дѣтей. Чтожъ принадлежитъ до города, то не оставили въ немъ ни единаго дому. Бѣднаго Еферія снявши съ дерева погребли на томъ же мѣстѣ. А хотя почитая сей поступокъ свой справедливымъ, и не думали чтобы имъ за такое ихъ безчеловѣчіе какое либо возмездіе слѣдовать могло; однакожъ я разсуждая о томъ безъ всякаго пристрастія, и будучи точно увѣренъ, что доброе добромъ награждается, а за зло зломъ платится, говорилъ всегда, что имъ Мадагаскарское кровопролитіе безъ наказанія не пройдетъ. Такіе часто чинимые матросамъ напоминовенія привели нѣкоторыхъ изъ нихъ въ раскаяніе; другіе же извинялись тѣмъ, что побивая Индѣйцовъ наказывали Еферіева убійцу. Жестокосердные же наконецъ такъ на меня озлобились, что словъ моихъ и слушать не хотѣли: но я не смотря ни на что, не укоснялъ бранить и казывать ихъ варварами.

Ботсманъ, коего я такимъ же образомъ укорять не оставлялъ, приносилъ въ томъ слѣдующее оправданіе: Хотя, говорилъ онъ, и кажется, будто бы воставленной по пріѣздѣ нашемъ на островъ съ Индѣйцами миръ нарушилъ убитой матросъ Еферій, однакожъ и то

 правда,

правда, что войну начали Индѣйцы, а при томъ безъ всякой основательной къ тому причины. Они бы видя только одного договоровъ нарушителя, могли всѣхъ насъ просить, чтобы мы его за то наказали, а не мстить за причиненную имъ дѣвкѣ ихъ наглость всѣмъ намъ. А понеже его сами смертно казнили, то намъ уже столь отъ нихъ обиженнымъ должно было за себя вступиться и наказывать своихъ непрїятелей; а особливо за то, что они вздумали побить насъ тогда, когда мы, надѣясь на ихъ честное въ содержанїи договоровъ данное намъ слово, въ безопасности находились.

Ктобъ по сему ботсманомъ приносимому оправданїю повѣрилъ, чтобы онъ былъ начальникомъ Мадагаскарскаго побоища, или кто бы подумалъ, чтобъ купецкаго корабля служители на цѣлое государство наступить осмѣлились, и столь малымъ числомъ людей пространной Мадагаскаръ разорили. Все сїе столько же было вѣроятно, сколько и мои слова, коими предсказывалъ я матросамъ, что мы за безчеловѣчїе ихъ безъ наказанїя не останемся. Слѣдствїи показали исполненїе моего пророчества; ибо по приходѣ въ Бенгальской заливъ, пропали у насъ безъ вѣсти пять человѣкъ матро-

матросовъ, посланныхъ за свѣжею водою. Я услышавши о томъ, и вспомня прежнїя слова свои, называлъ сїе началомъ наказанїя, какое дѣлается намъ за Мадагаскарское кровопролитїе; но ботсманъ всегда противящейся словамъ моимъ говорилъ: Вамъ, государь мой, будетъ доказать оное весьма трудно, а особливо когда возмете въ разсудокъ, что пропавшїе наши люди при истребленїи Индѣйцовъ и не бывали, а находились во все то время на кораблѣ; когдажъ неотмѣнно слѣдовать имѣло какое либо наказанїе, то оное должно бы упасть на тѣхъ, которые при дѣлѣ были, а не на такихъ, кои въ грѣхѣ семъ, естьли оное такъ назваться можетъ, не имѣютъ ни малѣйшаго участїя.

Сїи колкїя предики, кои я матросамъ говаривалъ, здѣлались имъ наконецъ несносными, а мнѣ столь вредными, что я принужденъ былъ чувствовать оныхъ силу. Правду сказать, при говоренїи ихъ не думалъ я никогда, чтобъ они возъимѣли столь дурныя слѣдствїя; однакожъ сверьхъ моего чаянїя здѣлалось мнѣ болтанье мое вреднымъ. Ибо бывшей начальникъ Мадагаскарскаго кровопролитїя, помянутой пустыми отговорками оправдающейся бот-

ботсманъ подошедши ко мнѣ, началъ весьма не учтиво выговаривать: Напрасно ты, государь мой, о сей матерiи такъ часто упоминая, укоряешь насъ вредными и неосновательными о семъ дѣлѣ мнѣнiями, коими уже до того довелъ, что весь корабль тобою недоволенъ; я же особливо за то, что ты называешь меня начальникомъ сего злодѣянiя; чегобъ тебѣ, продолжалъ онъ рѣчь свою, будучи нашимъ пасажиромъ, и говорить не надлежало. Что тебѣ до того нужды, правы ли мы въ томъ или виноваты? или ты вздумалъ здѣлаться судьею дѣлъ нашихъ? Когдажъ намъ и Капитанъ нашъ не говоритъ о томъ ни слова; то какое имѣешь ты право безпрерывно укорять насъ истребленiемъ сего варварскаго народа? или ты вздумалъ здѣлаться доносщикомъ, въ чемъ насъ всѣхъ поступки твои и увѣряютъ? Естьли же ты столь золъ, что мыслишь, возвратясь въ Англiю отдать насъ подъ судъ, то вѣдай, что мы при первомъ случаѣ оставимъ корабль, и лучше желаемъ странствовать въ дикихъ сихъ мѣстахъ, нежели сносить отъ тебя столь несносныя и пустыя укоризны.

Выслушавши терпѣливо такiя ругательства и угрозы, сказалъ я ботсману:

Мадагаскарское народное истребленiе, кое никогда инако называть не буду, было мнѣ на всегда столь противно, что я взирая на почтенную твою особу, столько же, какъ и на другихъ при томъ бывшихъ смертоубiйцовъ, бранилъ ихъ всѣхъ безъ изъятiя. А хотя никакой команды надъ кораблемъ вашимъ и не имѣю, коей никогда и не требовалъ, такожъ и того, чтобъ вы меня предъ другими отмѣнно почитали; однакожъ всегда имѣю я власть говорить о вещахъ, до всѣхъ равно касающихся, столько же вольно, сколько и ты господинъ ботсманъ осмѣливаешься теперь дѣлать мнѣ въ томъ запрещенiе. И такъ говоря правду, не признаюсь предъ вами виноватымъ. А понеже въ кораблѣ вашемъ есть большая половина моего грузу, то въ разсужденiи сего еще и долгъ имѣю напоминать вамъ вашу должность, въ случаѣжъ ослушанiя, и угроженiя вамъ дѣлать. Напротивъ того ты и служащiе на немъ за наши деньги товарищи твои не должны требовать отъ меня въ словахъ моихъ ни малѣйшаго отчету. Когдажъ ты столь продерзливъ и осмѣливаешься дѣлать мнѣ ругательствомъ наполненные выговоры, то знай, что за сiю наглость безъ наказанiя не останешься. Все сiе, говорилъ я съ нѣкоторою

торою запальчивостїю. А понеже ботсманъ отходилъ отъ меня молчанїемъ, то по сему его поступку и заключилъ, что здоръ сей тѣмъ уже и кончалъ.

Тогда, какъ оное происходило, стояли мы на Бенгальскомъ рейдѣ, по чему желая видѣть гавань и на берегу нѣсколько часовъ повеселиться, а притомъ не представляя себѣ отъ ботсмановыхъ угрозъ ни какихъ дурныхъ слѣдствїевъ, поѣхалъ на оной съ нашимъ канторщикомъ, но въ вечеру, какъ приготовлялся я ѣхать на корабль, то пришелъ ко мнѣ матросъ, и сказалъ, чтобъ я къ пристани итти не трудился; ибо гребцы имѣютъ приказанїе оставить васъ на берегу. Тронутъ будучи симъ грубымъ извѣтомъ, оторопѣлъ. Опамятовавшись же нѣсколько, спросилъ у него, кто ему о такой глупости сказывать мнѣ приказывалъ? Ботсманъ, отвѣчалъ онъ. Я услышавши сїе, и заключа по такому его поступку, что на кораблѣ конечно бунтъ здѣлался, просилъ канторщика съѣздить туда хотя въ Индѣйской лодкѣ, и спросить у Капитана, что онъ мнѣ при семъ случаѣ дѣлать прикажетъ.

Но того, чтобъ мнѣ на берегу не остаться, уже перемѣнить было не можно;

можно; ибо ботсманъ, канаперъ и всѣ начальные люди, тогдажъ еще, какъ я съ корабля на шлюбку сошелъ, вышли на верьхъ со всѣми матросами, и подъ словоначальствомъ перьваго, которой говорилъ всѣхъ ихъ получше, приступили къ Капитану, и упомянувши ему о всемъ со мною бывшемъ объявили, какъ они тому весьма ради, что я безъ принужденїя ихъ съ корабля съѣхалъ, а безъ тогобъ, говорили они всѣ единодушно, мы его и сами къ тому понудить не оставили. Сперьва думали было мы отъ васъ разбѣжаться, но наконецъ разсудили, что вы тому не виноваты, и для того давши слово служить подъ командою вашею, хотимъ со всякою точностїю исполнять свое обѣщанїе. Естьли же дядя вашъ добровольно на берегу не останется, или вы его къ тому не принудите, то мы далѣе путь свой продолжать съ вами не намѣрены. Выговоривши сїе оборотился ботсманъ къ собраннымъ у гротъ мачты матросамъ, а они единогласно заклялись не отставать другъ отъ друга.

Племянникъ мой будучи нетороплйвъ и на выдумки скоръ, притворялся, будто бы принимаетъ такїя слова шутошными, и улыбаясь, обѣщался о томъ подумать, а теперь же невидавшись со

мною,

мною, сказать имъ на то ничего не можетъ. Но матросы слыша мое имя, ударили въ присудствіи его межъ собою по рукамъ съ тѣмъ, что пойдутъ всѣ съ корабля, естьли онъ меня на оной впуститъ. Такое бѣшенство ихъ привело Капитана въ сердце. Не зная же чѣмъ отвратить сіе нещастіе, угрожалъ мятежникамъ за то наказаніемъ, когда они оставятъ на берегу такова человѣка, которому большая часть корабельнаго грузу принадлежитъ. Яжъ лучше потеряю корабль, говорилъ онъ, нежели соглашусь здѣлать дядѣ своему такую великую обиду; ступайте бѣшеные и дѣлайте что хотите, только знайте, что вамъ бунтъ вашъ даромъ не пройдетъ: Тыжъ, господинъ ботсманъ, поѣзжай со мною на берегъ, и старайся примириться съ симъ почтеннымъ старикомъ.

Ботсманъ выслушавши такое приказаніе былъ тѣмъ весьма не доволенъ, и явнымъ образомъ приглашая себѣ сообщниковъ, говорилъ, что онъ съ крайнимъ огорченіемъ видитъ себя принужденнымъ противиться повелѣніямъ такова человѣка, котораго онъ слушаться обѣщался. По поощренію его всѣ матросы закричали наконецъ, что ни на кораблѣ, ни на берегу со мною дѣла имѣть не желаютъ, и ботсмана отъ себя не отпу-

отпустятъ. Когда такъ, отвѣчалъ имъ Капитанъ, то я поѣду одинъ и переговорю о семъ дѣлѣ съ дядею. И въ самомъ дѣлѣ онъ пріѣхалъ тогда, какъ мнѣ помянутой огорчительной комплементъ отъ ботсмана сказывали. Не видя Капитана, опасался я по большой части, чтобы матросы брося его въ море, не ушли съ кораблемъ и со всѣми моими пожитками, и тѣмъ бы не привели меня до такова состоянія, въ какомъ я и въ бытность мою на острову не находился.

Но неучтивство ихъ столь далеко не простиралось, и такъ я несказанно пріѣздомъ племянника моего былъ обрадованъ. Онъ расказалъ мнѣ все, въ отбытіе мое на кораблѣ произшедшее. А какъ дошло до того, коимъ образомъ корабельные служители, оставя службу, со онаго сойти заклялися, естьли я къ нимъ возвратиться вздумаю; то просилъ я племянника своего о томъ не беспокоиться, а прислать на берегъ мое платье и столько денегъ, чтобъ я ими въ Англію возвратиться могъ; да и глупобъ было, естьлибъ при такихъ обстоятельствахъ я самъ на корабль ѣхать вздумалъ; ибо огорченные матросы моглибъ, опасаясь за востаніе свое наказанія, убить меня и съ Капи-

таномъ

тономъ до смерти, а по томъ овладѣвши кораблемъ, на ономъ итти на разбой. Что предупреждая и надлежало мнѣ повиноваться судьбѣ своей.

А хотя Капитану растаться со мною и не хотѣлось, однакожъ сїе было необходимо. По чему возвратясь на корабль сказалъ онъ матросамъ, что я, естьли они только платье мое ко мнѣ пришлютъ, и самъ съ ними жить не желаю. Всѣ на то согласясь, и несказанно благодарили Капитана, что онъ ихъ избавилъ отъ моихъ ругательствъ, и обѣщались служить ему по прежнему. При возстановленїи сего всеобщаго покою находился только я одинъ не довольнымъ своею судьбою: ибо принужденъ былъ остаться въ такомъ мѣстѣ, которое отъ отечества моего еще три тысячи миль, далѣе того было, нежели отстоялъ отъ онаго мой островъ. Капитанъ выгрузилъ мои товары, и оставя мнѣ въ услуженїе собственнаго своего малаго, да для исправленїя дѣлъ моихъ комисарскаго писаря, простясь со мною, возвратился на корабль; а я съ крайнимъ неудовольствїемъ увидѣлъ наконецъ, что судно его брося, такъ сказать, настоящаго своего хозяина, пошло въ море.

Въ нещастїи своемъ утѣшался я только тѣмъ, что не одинъ, но съ товарищами

варищами въ семъ отдаленномъ мѣстѣ оставленъ съ ними, нанялъ я у нѣкоей Агличанки изрядной покой, у ней же въ домѣ жило много Французскихъ и Италїанскихъ купцовъ. Въ Бенгалѣ пробылъ я цѣлые девять мѣсяцовъ, разсуждая, какоюбъ дорогою спокойнѣе и безопаснѣе возвратиться въ свое отечество. А понеже у меня было весьма много денегъ и товаровъ, ибо племянникъ мой оставилъ мнѣ тысячу червонныхъ и вексель на толикуюжъ сумму; то и не могло быть мнѣ ни въ чемъ недостатка, а особливо когда я товары свои съ рукъ зживши, и дабы не имѣть во время пути отъ множества денегъ безпокойствїя, на выученныя за оныя деньги бралїянтовъ и прочихъ дорогихъ каменьевъ столько накупилъ, сколько мнѣ оныхъ за дешевую цѣну достать было можно, то уже тогда и богатымъ человѣкомъ назваться могъ.

Живучи въ Бенгалѣ, подружился я съ нѣкоторымъ стоявшимъ со мною въ одномъ домѣ Аглинскимъ купцомъ. Сей пришедши нѣкогда ко мнѣ, началъ говорить: любезной землякъ, я пришелъ сказать вамъ о своемъ предпрїятїи, которое думаю и вамъ покажется. Мы, продолжалъ онъ рѣчь свою, остались здѣсь, вы по нещастїю, а я по соб-

ственному моему произволенію. А хотя и находимся въ отдаленнѣйшемъ отъ людей мѣстѣ; однакожъ въ такомъ, гдѣ знающіе комерцію люди трудами своими обогащаются. Положимъ, чѣмъ намъ жить въ праздности, по тысячи фунтовъ стерлинговъ, наймемъ корабль, и поѣдемъ торговать въ Китай. Мнѣ уже сидѣть здѣсь поджавши руки весьма наскучило, для чего намъ глохнуть и дѣлаться лѣнивцами, коихъ въ свѣтѣ и безъ насъ весьма много. Послушайся моего совѣту, и согласись еще отвѣдать своего щастія, ты будешь на кораблѣ Капитаномъ, а я твоимъ канторщикомъ. Сїе предложенїе его мнѣ весьма показалось, а особливо, что оное происходило отъ чистосердечїя, а при томъ сходствовало съ моею природною къ волокитѣ склонностїю. И въ самомъ дѣлѣ оно возбудило во мнѣ прежнюю мою охоту къ странствованїю; по чему совѣтомъ его будучи весьма доволенъ, на оной тотъ же часъ и согласился. Между тѣмъ прошло нѣсколько времени, пока мы нашли желаемое нами судно; наконецъ попалось одно, однакожъ безъ матросовъ, но и за ними долго у насъ не стало; ибо я поощряемъ буйнымъ своимъ желанїемъ видѣть все, что есть на свѣтѣ, а онъ предстоящимъ умноженїемъ

женїемъ богатствъ своихъ, крайне старались о произведенїи въ дѣйство своего предпрїятїя; а наконецъ и выискали изъ Агличанъ штурмона, ботсмана, кананера, да Голландскаго плотника и трехъ Португальскихъ матросовъ, а прочихъ морскихъ служителей набрали мы изъ Индѣйцовъ, коихъ находится въ Бенгалѣ всегда довольно.

Такимъ образомъ вооружась и нагрузившись пристойными по намѣренїю своему товарами, отправились мы въ путь свой. А понеже и безъ меня о тѣхъ земляхъ, въ которыхъ мы на новомъ кораблѣ своемъ находились, довольно есть описанїевъ, то чтобы въ должность географа вступя читателю не наскучить, за довольное почитаю сказать ему, что пошли мы сперьва на островъ Суматру, а оттуда были въ Сїамѣ, гдѣ и промѣняли товары свои на такїе, съ которыми надобно было ѣхать въ Китай.

Будучи въ Англїи слыхалъ я, какъ земляки мои дивятся чрезвычайному счастїю, какое прїобрѣтаютъ посылаемые отъ компанїи въ Остъ-Индїю повѣренные, и какъ они въ короткое время наживаются, что мнѣ тогда и самому весьма непонятно казалось. Будучи же нынѣ въ сихъ мѣстахъ узналъ,

что въ разсужденiи множества областей, въ которыхъ Аглинские торги производятся, сiе весьма не удивительно, а особливо когда возмешь въ разсудокъ, что тамъ самыя безделки можно менять на драгоценнейшiя въ свете вещи, и оныя по томъ за великiя деньги продавать въ ближайшихъ же Европейскихъ селенiяхъ.

И такъ, какъ бы кто въ томъ ни сумневался, однакожъ то останется всегдашнею правдою, что я въ сей вояжъ нажился несказанно, а при томъ и научился съ лучшимъ успехомъ отправлять торги свои; и естьлибъ дватцатью годами былъ помоложе, тобъ разбогателъ тамъ не хуже другихъ. А понеже имелъ я уже тогда не такiе годы, чтобъ мне въ излишнихъ трудахъ обращаться, а при томъ и такое богатство, что и изъ отечества своего, не для прiобретенiя онаго, но для удовольствiя бешеной своей охоты, къ странствованiю выехалъ, то и не старался употребить въ пользу сего новаго своего знанiя, а думалъ только бродить по свету, и смотреть, что въ посещаемыхъ нами при отправленiи торговъ областяхъ делается, но и въ томъ принужденъ былъ наконецъ согласиться съ Соломономъ, что око зренiемъ

насытиться не можетъ. Ибо не смотря и на то, что уже, такъ сказать, почти все примечанiя достойныя вещи въ свете виделъ, любопытство мое однакожъ и тогда еще не умаляясь, побуждало меня къ сысканiю новыхъ предметовъ.

Товарищъ же мой имелъ при томъ съ моими совсемъ несходныя и по намеренiямъ своимъ столь искусно расположенныя мысли, что лучше оныхъ для умноженiя богатствъ его и требовать было не можно. Онъ думая о действительномъ наполненiи своего кармана, противности въ томъ не находилъ, чтобы въ одно место три или четыре раза заехать. Не скучно было ему и десять разъ во оныя заглядывать, только съ темъ, чтобы получить отъ того прибыль. Мнежъ напротивъ того было весьма несносно ехать туда, где мы уже однажды были. А отъ того, что часто принужденнымъ себя находилъ противъ моихъ склонностей за нимъ следовать, куда его только прiобретенiе сокровищъ влекло, то новыя поездки мои наконецъ такъ мне наскучили, что я почувствовалъ въ себе крайнюю охоту возвратиться въ свое отечество.

Но въ то самое время, какъ я въ изысканіи къ тому всякихъ способовъ обращался, вселились въ голову товарища моего новыя предпріятія. Онъ вздумалъ ѣхать на Манильскія острова, и коснуться другимъ близъ оныхъ лежащимъ мѣстамъ. Ни отсовѣтованія мои, ни представляемыя опасности, въ кои могли мы впасть отъ торгующихъ тамъ и всѣмъ завидящихъ Голландцовъ не могли его удержать отъ исполненія сего намѣренія; и такъ принужденъ былъ и я на тожъ согласиться. А хотя Голландцы и крѣпко смотрятъ, чтобы въ принадлежащихъ имъ мѣстахъ кромѣ ихъ никто торговъ отправлять не осмѣливался; однакожъ намъ удалось, правда что не безъ труда, окончать вояжъ свой, и щастливо возвратиться въ Бенгалу.

Какъ мы по пріѣздѣ въ Бенгалу барышамъ своимъ щетъ дѣлали, то товарищъ мой взглянувъ на меня улыбнулся, и укоряя меня природнымъ моимъ къ собранію сокровищъ нерачѣніемъ, сказалъ: видишь ли ты, государь мой, пользу отъ купечества происходящую, и признаешься ли теперь, что лучше торговать, нежели странствуя по свѣту примѣчать обычаи людскіе? Я никогда не надѣялся, отвѣтствовалъ ему,

ему, пріобрѣсти такое множество богатства, какое нынѣ мы имѣемъ, и для того божусь тебѣ, естьли мнѣ удастся овладѣть своею лѣнью, то я не смотря на свою старость, и тебѣ жаждущему къ сокровищамъ, побужденіемъ моимъ къ странствованію наскучу. И въ самомъ дѣлѣ обольщенъ будучи новыми пріобрѣтеніями, вздумалъ купить себѣ корабль, и торговать на немъ до тѣхъ поръ, пока найду случай въ Европу возвратиться.

Къ исполненію сего моего намѣренія услышалъ я о пришедшемъ на Бенгальской рейдъ Голландскомъ кораблѣ, о которомъ по городу пронесся слухъ, что Капитанъ онаго набогатившись думаетъ продавши свое судно возвратиться въ Европу. Товарищь мой былъ на оное согласенъ, и такъ купили мы его за дешевую цѣну, съ тѣмъ договоромъ, чтобы оставшіе на немъ служители съ нами одну компанію прослужили; но плутцы получа за корабль деньги разошлись въ разныя стороны. Долго не знали мы куда они дѣвались, но наконецъ провѣдали, что они пошли въ Агру, столицу великаго Могола, съ тѣмъ, чтобы оттуда добравшись до Сусаты, возвратиться въ Европу. Притчина ихъ побѣгу была та, что назав-

назвавшейся Капитаномъ и продавшей намъ подъ симъ именемъ корабль, былъ онаго канаперъ. Онъ по нѣкоторому случаю лишась настоящаго своего командира, о коемъ при случаѣ упомянется, подговорилъ матросовъ, и здѣлавшись ихъ начальникомъ, нѣсколько лѣтъ съ ними разбойничалъ, а по томъ учинившись уже всѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ торгующимъ народамъ извѣстнымъ, избѣгая наказанія, пришелъ въ Бенгалу, гдѣ и удалось ему сыскать двухъ глупцовъ, коимъ судно свое и продалъ. А хотя онъ былъ и обманщикъ, но мы о томъ со всѣмъ не вѣдая, заплатившѝ свои деньги, довольное имѣли право къ овладѣнію корабля. Правду же сказать, здѣлали въ томъ большую ошибку, что не освѣдомились о состояніи продавцовъ своихъ, до чего бы легко добралися, естьлибъ ихъ разспрашивать, илибъ показанной ими при продажѣ корабля паспортъ, въ которомъ именовался нѣкто Емануель Клостергофенъ называемой, поострожнѣе разсматривать стали. Но мы по простотѣ своей купили его безъ всякаго сомнѣнія.

Такимъ образомъ получа собственное, а при томъ не малое судно наняли еще Аглинскихъ и Голландскихъ матросовъ, и вздумали вторично ѣхать къ Филиппинскимъ и Молукскимъ берегамъ. А дабы не наскучить читателю описаніемъ о маловажныхъ приключеніяхъ намъ во время сего нашего вояжа случившихся, и за остаткомъ примѣчанія достойныхъ нашихъ случаевъ, скажу однимъ словомъ, что въ восточной Индіи пробылъ я шесть лѣтъ, обращаясь въ весьма прибыльныхъ торгахъ, кои и побудили меня ѣхать въ Китай.

Во времяжъ сего путешествія будучи за противными вѣтрами принуждены ходить въ проливахъ Молукскихъ островов, примѣтили въ кораблѣ своемъ великую течь, и не сыскавъ мѣста, которымъ въ него вода входила, вздумали войдя въ какую нибудь рѣку осмотрѣть и починить свое судно. Товарищъ мой будучи о областяхъ, въ коихъ мы тогда находились, больше моего свѣдомъ, совѣтовалъ Капитану войти въ рѣку Камбодію. Я говорю Капитану, по тому что мы избавляясь отъ излишнихъ въ командованіи кораблемъ трудовъ, выбрали въ сей чинъ своего штурмана Томзона. А какъ я по входѣ въ рѣку на берегъ съѣхалъ, то въ бытность мою тамъ, подошедъ ко мнѣ незнаемой человѣкъ, началъ говорить съ нѣкоторою торопливостію. Онъ былъ, какъ я о томъ послѣ свѣдалъ, помощ-

никъ

никъ кананерской, тогда на якорѣ въ той же рѣкѣ ближе къ городу Камбодію стоявшаго Аглинскаго корабля.

Государь мой, сказалъ онъ мнѣ по Аглински, вы хотя меня и не знаете; однакожъ я имѣю сказать нѣчто важное и вамъ нужное. Посмотрѣвши на него прилѣжнѣе, показалось мнѣ, будто бы я его гдѣ нибудь видывалъ, но въ томъ обманулся, по чему и отвѣчалъ на слова его слѣдующимъ образомъ: естьли то до меня принадлежитъ, и ты ни малою въ томъ корыстію не запутанъ, то буду тебѣ за то обязанъ благодарностію. Я побужденъ къ тому, говорилъ онъ крайнею опасностію, угрожающею жизни вашей. Опасность моя видима, сказалъ я ему на то; она состоитъ въ томъ, что въ кораблѣ нашемъ здѣлалась необычайная течь, для чего мы его осмотрѣвши исправить вздумали. Государь мой! естьли вы себя любите, то о томъ до времяни думать забудьте, а выслушайте слова мои Знаете ли вы, что отсюда находится не далеко городъ Камбодія, и что близъ его лежатъ на якорѣ два Голландскихъ и три Аглинскихъ корабля. Да что они мнѣ здѣлаютъ, спросилъ я его? Какъ! что, перервалъ онъ рѣчь мою, сходно ли то съ разумомъ, чтобъ человѣкъ такой,

такой, каковъ вы есть, странствуя по свѣту, вошелъ въ гавань не освѣдомившись прежде, нѣтъ ли въ ней его непріятелей. Ваши слова приводятъ меня въ удивленіе; говорите яснѣе, а я васъ увѣряю при томъ, что ни малой не предвижу причины опасаться Аглинскихъ и Голландскихъ кораблей, понеже я не нарушитель морскихъ уставовъ, и запрещенными товарами не торгую. Очень изрядно, отвѣчалъ онъ нѣсколько улыбнувшись; естьли вы въ безопасности, то можете здѣсь остаться: но мнѣ весьма досадна излишняя ваша на себя надежда; знайтежъ, что нападутъ на васъ пять вооруженныхъ шлюбокъ, и что уже между ими соглашенось, побѣдивши всѣхъ васъ перевѣшать.

Я было думалъ искренностію своею заслужить отъ васъ лучшаго пріятія. Когдажъ я въ томъ обманулся, то оставайтесь въ покоѣ во ожиданіи судьбы своей. Я никогда не былъ неблагодарнымъ, показующимъ мнѣ услуги: но слова твои, отвѣчалъ я, мнѣ со всѣмъ не понятны, такожъ и то, по какой причинѣ, и съ какова умыслу обо мнѣ думаютъ такъ мои однородцы; однакожъ быть по твоему. Я стану, не смотря на мою невинность пользоваться твоимъ совѣтомъ, и тотчасъ пойду

пойду въ море : но скажи мнѣ между тѣмъ, государь мой ! не можете ли вы изъяснить подробнѣе слова свои ? Я о томъ мало знаю , отвѣчалъ мнѣ незнакомецъ ; а есть здѣсь со мною нѣкоторой Голландецъ , которой вамъ , когда время допуститъ , все оное раскажетъ , къ чему извѣтъ мой клонится. Слова мои вамъ не понятны быть не могутъ; или вы въ Суматрѣ не бывали, и тамъ Капитана вашего и съ нимъ трехъ человѣкъ матросовъ островские жители у васъ не убивали, или хотите отпираться отъ ремесла своего, перестаньте притворничать ; а скажите мнѣ не вы ли атаманъ сего судна. Всѣ уже знаютъ , что оно разбойническое, и для того можете ли вы быть здѣсь въ безопасности.

Вы очень чисто по Аглински говорите , сказалъ я ему на то , за что вами весьма и доволенъ ; а хотя мы въ затѣянномъ на насъ беззаконіи участія и не имѣемъ : однакожъ для избѣжанія предсказаннаго нещастія возьму я возможную осторожность. Наилучшая осторожность есть, вскричалъ онъ , бѣжать всѣхъ опасностей , и спасать жизнь свою , естьли она вамъ и подкомандующихъ вашихъ не наскучила ; велите тотчасъ при прибылой водѣ съ якоря сниматься , и пользуясь приливомъ убираться

раться въ море. А понеже непріятели ваши стоятъ отсюда въ двадцати миляхъ , то вы тѣмъ у нихъ и передъ возмете. Государь мой , вы показавъ мнѣ такую услугу, думаю изъяснитесь чѣмъ я долженъ платить вамъ за сіе намъ весьма полезное извѣстіе. Можетъ быть вы мнѣ еще не вѣрите , сказалъ онъ, а думаете , будто бы я васъ обманываю , то для увѣренія того я отъ васъ не отстану. Когдажъ исполненіе словъ моихъ увидите , то заплатите мнѣ за девять мѣсяцовъ заслуженное мое на оставляемомъ теперь мною кораблѣ денежное жалованье, а Голландцу товари у моему за шесть мѣсяцовъ ; за нашужъ ложь не давайте намъ ни полушки.

Я тотчасъ на то согласился, и приказалъ обоимъ имъ ѣхать съ собою на корабль. Товарищъ мой увидя насъ выбѣжалъ на бордъ , и съ великою радостію сказывалъ мнѣ, что дыру нашли, и уже законопатили. Слава Богу , отвѣчалъ я ему ; такъ пожалуй прикажи поднимать якорь. Для чего такъ скоро? спросилъ онъ , что значитъ такая торопливость ? Оставьте вопросы , перервалъ я рѣчь его; а велите всѣмъ итти къ шпилю , и не теряя времени работать. Хотя онъ такому приказанію и

и крайне дивился; однако же призвавъ къ себѣ Капитана, объявилъ ему мое повелѣнїе. И такъ мы пользуясь воставшимъ съ берегу вѣтромъ, отправились безъ всякой остановки въ море. Тогда кликнувъ къ себѣ своего товарища, разсказалъ ему притчину сего скораго отправленїя, кою объяснили ему новопринятые наши матросы.

Между тѣмъ, какъ они ему о томъ сказывали, пришелъ къ намъ въ каюту посланной отъ Капитана съ извѣстїемъ, о гонящихся за нами пяти вооруженныхъ шлюбкахъ. Тогда не оставалось уже о сказанной помянутымъ Агличаниномъ правдѣ ни малѣйшаго сомнѣнїя. Услышавши о сей погонѣ, приказалъ я собрать служителей, и объявилъ имъ, коимъ образомъ мы у всѣхъ торгующихъ въ сихъ мѣстахъ народовъ разбойниками прославились, и въ какихъ мысляхъ за нами сїя погоня чинится, и для того, говорилъ я имъ, вы будучи честными людьми, долженствуете защищать жизнь свою. Матросы выслушавши слова мои, обѣщались всѣ единодушно защищаться до послѣдней капли крови. По сему оставалось только спросить у Капитана, какъ онъ думаетъ обороняться? а онъ отвѣчалъ мнѣ на то, что твердо намѣренъ не допускать ихъ

ихъ къ кораблю артиллерїею, а по томъ, естьли паче чаянїя близко подойдутъ, стрѣлять изъ ружей. Естьли же и то не поможетъ, выттти всѣмъ на бордъ, и до тѣхъ поръ драться, пока они всѣхъ побьютъ до смерти. По томъ приказали мы кананеру перевезти на корму двѣ пушки, и зарядить ихъ дробью, и тѣмъ въ случаѣ нужды очищать руль.

Въ такомъ положенїи ожидали мы своихъ непрїятелей. Пользуясь же способнымъ вѣтромъ убирались между тѣмъ въ открытое море. Наконецъ начали насъ шлюбки нагонять. Они были весьма великїя и людьми наполненныя. Двѣ изъ нихъ, какъ мы то помощїю нашихъ зрительныхъ трубокъ точно могли видѣть, были Аглинскїя, и часъ отъ часу приближаясь, брали у прочихъ передъ. Мы выстрѣлили по нихъ холостымъ зарядомъ, въ знакъ того, что съ ними намѣрены сойтиться, а при выстрѣлѣ подняли бѣлой флагъ; но они ничего на то не отвѣтствуя, прибавляли парусы и подошли еще ближе; для чего подняли мы при вторичномъ выстрѣлѣ красной флагъ, но и то неустрашило ихъ продолжать пути своего; ибо они надѣясь на приближающуюся къ нимъ помощь, подбирались подъ нашу корму, и думали съ сей стороны учинить на насъ нападенїе.

По

Помянутымъ выстрѣломъ отбили мы руль у шлюбки, и приготовились тѣмъ же подчивать ближнихъ гостей своихъ. Одна слѣдующая за разбитою бросилась ей на помощь и приняла къ себѣ людей оной. Мы видя ихъ крайность начали вторично говорить съ ближними, и спрашивали о причинѣ чинимаго ими на насъ нападенія: но они не отвѣтствуя на наши вопросы, старались только подойти ближе, для чего и принуждены были мы еще по нихъ выстрѣлить. Но канаперъ впрочемъ въ дѣлѣ своемъ человѣкъ искусной въ нихъ не потрафилъ, и тѣмъ подалъ непріятелямъ причину надъ нами насмѣхаться. Сею наглостію ихъ наконецъ огорчившейся пушкарь употребилъ все свое искусство, и началъ цѣлить лучше прежняго; а хотя въ первой разъ въ самой корпусъ шлюбки и не попалъ, однакожъ здѣлалось такъ, что ядро пошло вдоль оной и по головамъ матроскимъ, и причинило имъ несказанной вредъ. Потомъ слѣдующими тремя выстрѣлами разбилъ одну шлюбку почти всю въ щепы, и принудилъ тѣмъ непріятелей помышлять не о завоеваніи корабля, но о собственномъ своемъ спасеніи.

Уви-

Увидѣвши такую ихъ пагубу, приказалъ я, однакожъ съ ружьями, сойти нѣкоторому числу матросовъ въ елботъ, и спасать непріятелей отъ потопленія, а при томъ поступать проворнѣе, дабы между тѣмъ и заднія шлюбки насъ не нагнали. Посланные исполнили мое приказаніе, и поймали трехъ человѣкъ. По привезеніи ихъ на корабль пошли мы подъ всѣми парусами въ море, и тѣмъ избавились отъ своихъ злодѣевъ. Есть ли же бы оставшія три шлюбки за передними и на насъ напавшими успѣвать могли; то бы намъ конечно отъ рукъ ихъ спастись было не можно. Но отъ непроворства оныхъ убѣгли мы такой ни мало неожидаемой опасности; а дабы со всѣмъ отъ непріятелей своихъ скрыться, то перемѣня курсъ свой, пошли мы въ западную сторону Азіи, такимъ путемъ, которымъ никогда ни одинъ Европейской корабль не ходитъ.

Такимъ образомъ будучи уже въ безопасности, спрашивалъ я у гостей своихъ о притчинѣ учиненнаго на насъ отъ вышеупомянутыхъ шлюбокъ покушенія. Они объяснили мнѣ всѣ онаго обстоятельства слѣдующимъ образомъ: Продавецъ вашего корабля есть самой тотъ плутъ, которой овладѣлъ онымъ по смерти своего Капитана, коего уби-

ли

ли съ тремя матросами Индѣйцы тогда, какъ они выходили на берегъ нѣкоего острова, чегобъ и ему миновать было не можно: но онъ ушелъ съ оставшими товарищами въ лѣсъ, гдѣ отъ нихъ и отсидѣлся, а наконецъ нѣкоторымъ чудомъ, доплывши до шлюбки изъ Китая идущаго Голландскаго корабля, по щастiю его тогда тамъ стоявшаго, привезенъ на судно, гдѣ не дожидаясь на острову оставшихъ своихъ товарищей отправился въ море. Изъ нихъ шиперъ съ двумя матросами спасся же на помянутой корабль и по прибытiи на немъ въ Батавiю, разгласилъ, что канаперъ его овладѣвши судномъ пошелъ разбойничать, а послѣ слышалъ я тамъ же, что онъ его продалъ въ Бенгалѣ разбойнической же шайкѣ, которая на немъ разбила два Голландскихъ корабля съ богатымъ грузомъ.

Сiи послѣднiя его слова причинили намъ крайнее безпокойствiе. А хотя мы о несправедливости сего разглашенiя и точно были увѣрены; однакожъ довольно видѣть могли, что естьлибъ попались въ руки за нами столь сильно гнавшимся, то бы невинностiю своею, а особливо предъ такими людьми, которые столь дурно объ насъ уже предупреждены, оправдаться были не въ силахъ. Предстоящая опасность побудила моего товарища помышлять, не заходя ни въ какую гавань, о возвращенiи къ Бенгалѣ. Тамъ можемъ мы, говорилъ онъ, во всемъ и безъ всякаго труда оправдаться; покажемъ точно, гдѣ мы были, когда купленное судно наше пришло въ городъ, отъ кого мы и какимъ образомъ его купили. А хотя бы дѣло наше дошло и до худаго, однакожъ насъ безъ суда не повѣсятъ. Здѣсь же сколь скоро Голландцамъ или Агличанамъ въ руки попадемся, то уже отъ нихъ помилованiя не будетъ.

Я сперьва согласился было съ его мнѣнiемъ, но по томъ оное отставилъ, для того, что возвращаясь въ помянутой городъ должно было проходить Малакской проливъ, въ коемъ конечнобъ съ нами Европейскiя суда повстрѣчались, а слухъ о затѣянномъ на насъ бездѣльничествѣ, и дурной прiемъ напавшимъ на насъ шлюбкамъ нами учиненной побудить могъ всѣхъ Европейцовъ къ отмщенiю; такожъ скорое наше въ Бенгалу возвращенiе могло бы почесться такимъ, будто бы мы отъ бѣдъ своихъ бѣгствомъ спасаемся, и всему затѣянному на насъ злу притчиною. Сiе мнѣнiе объявилъ я предостерегшему насъ Агли-

Агличанину, а онъ почитая его основательнымъ, совѣтовалъ итти къ Тонквинскимъ берегамъ, а оттуда въ Китай, отправляя между тѣмъ во всѣхъ мѣстахъ, куда заходить будемъ, торги свои, послѣжъ продавши корабль возвратиться на какомъ либо Китайскомъ суднѣ въ Бенгалу. Такія намѣренія казались безопаснѣйшими, такъ въ сходство оныхъ пошли мы къ Нордъ-Весту, отдалясь однакожъ отъ обыкновенной дороги болѣе пятидесяти миль.

Но сія осторожность ввергла насъ въ нѣкоторыя безпокойствія: ибо въ пути нашемъ здѣлались противные вѣтры, а наконецъ и недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ оказался. Впрочемъ же и того опасаться было должно, чтобъ корабли разбитыхъ нами шлюбокъ тудажъ итти не вздумали, и съ намибъ тамъ не встрѣтились. Всѣ сіи произойти могущія опасности завсегда себѣ воображая, находился я въ крайнемъ безпокойствіи: ибо не бывавъ въ жизнь свою ни плутомъ, ни разбойникомъ, долженъ былъ ежеминутно висѣлицы опасаться. Горесть моя умножилась тѣмъ еще больше, что ни малѣйшаго не было способу доказать мнѣ свою невинность, за тѣмъ, что всѣ обстоятельства затѣяннаго на насъ злодѣянія казались всѣмъ вѣроятнымъ.

Товарищь мой видя меня отъ того въ крайнюю задумчивость впавшаго, хотя тѣмъ же и самъ страдалъ; однакожъ началъ ободрять всѣхъ своими словами, и описывая мнѣ въ сей сторонѣ находящіяся пристани сказалъ, что онъ намѣренъ искать убѣжища своего въ Кохинхинѣ или въ Тонквинскомъ заливѣ, оттуда можемъ мы итти въ Макао городъ до сего Португальцамъ принадлежавшей, а изъ Макао пойдемъ въ Китай. Мы приняли его резолюцію, и по окончаніи весьма скучной дороги, во время которой претерпѣвали крайней въ съѣстныхъ припасахъ недостатокъ, увидѣли Кохинхинской берегъ, и вздумали было зайти въ небольшую ему извѣстную рѣчку, но за мѣлководіемъ не могли исполнить сего своего намѣренія; почему послали елботъ провѣдать, не стоитъ ли въ ней какой либо Европейской корабль.

Осторожность, съ которою мы вошли наконецъ въ сію рѣку, избавила насъ отъ нашего нещастія; ибо на другой день прошли мимо насъ весьма близко два Голландскихъ корабля, а третье безъ флагу, кое почли мы также Голландскимъ. По полудни тогожъ числа про-

прошли тоюж дорогою два Аглинских судна. Таким образом находясь в крайней опасности ожидали мы судьбы своей, и только было по отдалении оных начали наслаждаться покоем, то восстало на нас новое нещастие. Область, в коей мы тогда находились, обитаема лютейшими варварами. Их ремесло грабить и брать в полон от потопления спасающихся на берег их людей. Мы зная такой зверей сих обычай, крайне остерегались не начинать с ними никакого дела; но они привязались к нам следующим образом.

Выше сего сказывал я о начавшейся в корабле нашем течи, которую мы по щастію нашему тогда, как на нас Аглинскія и Голландскія шлюбки нападеніе учинили, хотя несколько и уняли, однакож не со всем, по чему и вздумали при сем случае выбрать из него весь тяжелой груз, и опрокинувши на бок вычистить и осмотреть, не можно ли будет найти место сей течи. Жители Кохинхинскіе проезжаясь по реке, и видя опрокинутой корабль, подумали, будто бы его со всем на берег выбросило. По чему будучи в таком чаяніи возвратились в свои жилища, и часа чрез три пріехали к нам в двенатцати людьми наполненных лодках. По приближеніи же к кораблю смотрели на нашу работу и не показывая ни малаго виду злаго своего предпріятія, долго стояли и без всякаго дела на одном месте. А потом разсудя конечно, что мы находимся в крайней опасности, бросились на находившихся в шлюбках людей.

Работники наши видя в великом множестве приближающихся к себе непріятелей, начали было робеть, и спрашивались меня, что им делать. Я приказал было находящимся на подмостках войти в корабль, а бывшим на шлюбках объехавши на другую сторону тож зделав, крайне стараться поставить судно на фарватер; но никто из них не исполнил моего приказанія, а варварскія лодки подошед к елботу, успели между тем схватить в нем бывших. Первой попался им в руки Агличанин, мужик крепкой и храброй. Он брося ружье свое в шлюбку, схватил дикаго за волосы, и вытащивши его из лодки в елбот, расшиб о борд его череп. Сперва почитал я поступок сей крайнею глупостію, но видя такое его в руках проворство, был тем доволен. В тож время Голландец близ его стоящей

ящей взявши брошенное имъ ружье за дуло, началъ имъ отмахиваться, и збилъ пять человѣкъ дикихъ покусившихся брать его въ полонъ; но тѣмъ не можно было удержать всѣхъ непріятелей. Ибо въ елботѣ находилось только пять человѣкъ матросовъ; но по щастію самой смѣшной способъ помогъ намъ одержать надъ дикими совершенную побѣду.

Конопатчикъ приготовляясь смолить корабль, спустилъ цѣлой котелъ кипящей смолы въ елботъ. Помощникъ его имѣя въ рукахъ своихъ мазилку, вздумалъ обмакивая оную въ смолу, обрызгивать ею голыхъ Кохинхинцовъ, и тѣмъ принудилъ ихъ въ воду бросаться. Изрядно Иванъ, вскричалъ видя успѣхъ сего дѣла конопатчикъ; знать имъ сіе вравно, подчивай ихъ сею похлебкою. Иванъ услышавши сей приказъ, схватилъ швабру и окунувши ее въ смолу, кропилъ оною нагихъ воровъ, а стоявшей близъ его матросъ поливалъ ихъ изъ ополовника тѣмъ же соусомъ, а отъ того во всѣхъ трехъ непріятельскихъ приближившихся къ елботу лодкахъ не осталось ни одного человѣка, которой бы не почувствовалъ силы кипящей смолы нашей. Ибо точно могу увѣрить, что я въ жизнь мою не слы-

живалъ

живалъ такого ужаснаго крику, какой производили тогда нещастные Кохинхинцы.

Такимъ образомъ отбивши отъ себя своихъ непріятелей, и избавившись горячею смолою отъ угрожаемаго намъ нещастія, старались поставить корабль на фарватеръ, а Кохинхинцы видя свой обманъ, больше на насъ нападать не отважились, а думали только какъ бы нибудь удалиться, чему я былъ и весьма радъ; а особливо, что сія смѣхотворная баталія безъ дальнаго кровопролитія окончалась. Опасаясь же вторичнаго отъ нихъ нападенія, отъ коегобъ намъ уже смолою избавиться было не возможно, приказалъ въ тотъ же вечеръ внести въ корабль вынесенныя на берегъ вещи, а на разсвѣтѣ вышедъ въ устье рѣки стали на якорь, гдѣ будучи въ добромъ къ оборонѣ состояніи, сихъ непріятелей не страшились. На другой день окончавши дѣла свои, и видя унявшуюся въ кораблѣ течь, отправились дѣйствительно въ путь свой. Очень хотѣлось намъ зайти въ Тонквинской заливъ, и провѣдать, куда пошли Голландскіе вышеупомянутые корабли; но примѣтя, что воономъ много Европейскихъ судовъ находится, итти туда не отважились, а пошли къ острову Формозѣ.

стра-

страшаеѣ ихѣ такѣ, какѣ торгующїе вѣ Средиземномѣ морѣ суда боятся Алжирскихѣ морскихѣ разбойниковѣ.

Сперьва шли мы кѣ Нордѣ-Весту, кѣ Манильскимѣ или Филипинскимѣ островамѣ, и старались отдалиться отѣ обыкновенной Европейскихѣ судовѣ дороги; а наконецѣ поворотя кѣ сѣверу, пришли кѣ острову Формозѣ. Тамѣ стали на якорь для доставленїя себѣ свѣжей воды и сѣѣстныхѣ припасовѣ, чѣмѣ насѣ и снабдилѣ изобильно тамошней народѣ. Онѣ показался намѣ честнымѣ, и во всѣхѣ бывшихѣ сѣ ними торгахѣ весьма вѣрнымѣ, станется отѣ того, что они сей доброй поступокѣ, и сїю честность заняли отѣ Христїанства, до сего посредствомѣ Голландскихѣ проповѣдниковѣ тамѣ засѣяннаго. Мысль сїя раждаетѣ во мнѣ о Христїанской вѣрѣ такое мнѣнїе, что она вездѣ, гдѣбѣ принята ни была, производитѣ благословенные плоды свои, даже и вѣ тѣхѣ мѣстахѣ, гдѣ до дальнаго дѣйствїя не допускается; исправляетѣ она нравы, и перемѣняетѣ вѣ добрые до сего злые обычаи. Оттуда пошли мы кѣ сѣверу, придерживаясь Китайскихѣ береговѣ, и такимѣ образомѣ миновали всѣ обыкновенно Европейскими народами посѣщаемыя пристани. Дошедѣ до 33 граду-

градуса широты, вздумали войти вѣ гавань, и для того начали приближаться кѣ берегу. Тогда подошла кѣ намѣ малая барка сѣ Португальскимѣ лотсманомѣ. Сей увидѣвши корабль, прїѣхалѣ показать намѣ свои услуги. Мы весьма были ради такому проводнику; а онѣ услышавши о томѣ, отпустилѣ барку свою на берегѣ.

Такимѣ образомѣ могли мы уже входить во всѣ мѣста и безѣ всякой опасности. По чему и приказалѣ я старику, такѣ называю я Португальскаго прибывшаго кѣ намѣ лотсмана, вести себя вѣ Нанквинской заливѣ. Входѣ вѣ него мнѣ точно извѣстенѣ, отвѣчалѣ онѣ на то, однакожѣ я не понимаю, для чего вы туда итти намѣрены. Тамѣ думаю распродать я свои товары дороже другихѣ мѣстѣ, сказалѣ я ему, и накупить вмѣсто того фарфору и всякихѣ Китайскихѣ рѣдкостей, сученаго и сырцоваго шелку. Для сего не выберете вы лучше Макао, гдѣ можете сѣ барышомѣ продать свои, а на мѣсто оныхѣ купить Китайскїе товары, кои тамѣ дешевлѣ Нанквинскихѣ.

Чтобѣ окончать плодовитой лотсмановѣ разговорѣ, сказали мы ему, что ѣздимѣ не только для одного купечества, но чтобы смотрѣть свѣтѣ, по чему

чему и намѣрены побывать въ Пекинѣ, и видѣть дворъ Китайскаго Монарха. Для сего лучше вамъ итти въ Никапо, перервалъ онъ рѣчь нашу, оттуда можете по впадающей при семъ городѣ въ море рѣкѣ доѣхать до славнаго Китайскаго канала, проведеннаго почти срединою всего государства, и идущаго перебивая многія рѣки и горы до самаго Пекина. Это очень изрядно, господинъ Португалецъ, отвѣчалъ я ему; однакожъ не о томъ дѣло, мы спрашиваемъ тебя, можешь ли ты насъ провести въ Нанквинъ, откуда уже мы и сами дорогу до Пекина сыщемъ. Весьма легко, увѣрялъ старикъ; я недавно провелъ туда Голландской корабль. Такой извѣтъ былъ мнѣ со всѣмъ непріятенъ; ибо я лучше хотѣлъ встрѣтиться съ дьяволомъ, нежели съ какимъ нибудь Голландскимъ или Аглинскимъ кораблемъ.

Старикъ примѣтя, что мнѣ имя Голландскаго корабля противно, спросилъ у меня, не боитесь ли вы ихъ, или не знаете, что они ни съ кѣмъ войны не имѣютъ? Это правда, отвѣчалъ я ему, въ Европѣ они смирны, здѣсь же не знаю, какъ съ нами поступать станутъ. Этова бояться нѣчего, вы вить не разбойники, а купцы, коимъ за то, что безъ нарушенія общаго покою торги

ги отправляютъ, никакова зла и дѣлать не должно. Но я вижу, что васъ слова мои безпокоятъ, и что попался не въ такое мѣсто, куда мнѣ хотѣлось; однакожъ быть такъ; теперь я въ вашихъ рукахъ, извольте продолжать путь свой куда вы намѣрены, а я уже всюду долженъ показывать вамъ мои услуги. Сказать правду, господинъ Португалецъ, я и самъ не знаю, куда мнѣ лучше ѣхать; а особливо, что вы теперь упомянули о морскихъ разбойникахъ, коихъ я въ разсужденіи малаго числа людей своихъ весьма опасаюсь. Это пустое, уже пятнатцать лѣтъ не было здѣсь ни одного такова мошенника, выключая малаго суднишка, кое назадъ тому съ мѣсяцъ времени видѣли въ Сіамскомъ заливѣ; но и о томъ извѣстно, что пошло къ Зюйду, а при томъ, какъ сказываютъ, оно къ сему дѣлу и не способно, а только говорятъ, что матросы лишась на острову Суматрѣ своего Капитана, вдались въ сію шалость.

Какъ! сказалъ я притворясь, будто бы о томъ со всѣмъ не знаю, сіи бездѣльники убили своего командира. Я не могу сказать, отвѣчалъ онъ, что они его сами убили; но то извѣстно, что они завладѣли кораблемъ, и по тому кажется,

жется, что и смерти его причиною. Какъ бы то ни было, однакожъ они заслуживаютъ за то смертную казнь. Конечно, отвѣчалъ старикъ, сколь скоро въ руки къ Англичанамъ или Голландцамъ попадутся, то по достоинству своему и накажутся; ибо торгующіе здѣсь всѣ положили, поимавши ихъ перевѣшать. Какъ же они надѣются поимать ихъ, когда уже его въ здѣшнемъ морѣ нѣтъ. Такъ увѣряютъ, сказалъ онъ, и заподлинно говорятъ, что сіе разбойническое судно входило съ рѣку Камбодію, гдѣ стоявшія Европейскіе корабли вздумали было его арестовать, чтобы и сдѣлалось, естьлибъ посланные отъ нихъ шлюбки были всѣ проворны, но разбойники видя только двѣ изъ нихъ за собою гонящіяся, разбивъ ихъ ушли въ море; однакожъ по описанію его вездѣ узнаютъ.

Такъ по этому намѣрены они казнить всѣхъ и безъ всякихъ распросовъ? Какіе распросы хотите вы дѣлать явнымъ плутамъ? довольно и того, что тѣмъ ихъ избавятся. Яжъ зная, что сему старому лотсману съ корабля нашего сойти не можно, сказалъ ему горделивымъ голосомъ, это самое побуждаетъ и меня просить тебя отвести насъ въ Нанквинъ, а не въ Макао, или въ другую какую

какую нибудь Агличанами и Голландцами непосѣщаемую гавань. Знай, что сихъ націевъ корабельные командиры, о которыхъ ты говоришь, люди бѣшеные и безразсудные, и со всѣмъ божественнаго и естественнаго закона незнающіе, по тому что не хотятъ войти въ обстоятельства людей имъ озлословенныхъ. Богъ допуститъ дожить мнѣ до того, чтобъ встрѣтиться хотя съ однимъ изъ сихъ злобныхъ шиперовъ въ Европѣ, гдѣ я могу показать имъ, какъ надлежитъ во всѣхъ мѣстахъ наблюдать справедливость.

По томъ изъяснясь ему, что корабль нашъ есть самой тотъ, которой ими былъ атакованъ, разсказалъ, какимъ образомъ мы купили его у нѣкоторыхъ Голландцовъ; и послѣ свѣдали, что они продали оной по смерти своего Капитана, въ Суматрѣ дикими убитаго тогда, какъ онъ съ корабля своего на берегъ съѣхалъ; а чтобъ мы разбойничали, то сіе есть со всѣмъ выдуманное дѣло; по чему непріятели наши лучшебъ здѣлали, естьлибъ о подлинности онаго основательнѣе провѣдали, и до тѣхъ бы поръ намъ ни чѣмъ не угрожали, пока не справятся о справедливости нашего объявленія: ибо за пролитіе ме-

неповинной нашей крови будутъ они конечно предъ Богомъ отвѣтствовать.

Старикъ весьма дивился сему моему объявленію, и выслушавши оное началъ совѣтовать, чтобъ мы держались къ сѣверу. Тамъ можете вы, говорилъ онъ, продать корабль свой и купить или построить вмѣсто онаго другой, хотя и не столь большой, однакожъ довольной къ перевезенію васъ безъ всякой опасности со всѣми людьми вашими въ желаемой вами портъ. Но вы, сказалъ я ему на то, говорили прежде, что тамъ корабль нашъ узнаютъ; и такъ естьли я последую вашимъ совѣтамъ, то подвергну честныхъ людей своихъ неминуемой погибели, и здѣлаюсь ихъ смертоубійцею. Я знаю способъ, чѣмъ отвратить сїе несчастїе, отвѣчалъ мнѣ на то старикъ; корабельные командиры всѣхъ здѣсь торгующихъ судовъ мнѣ знакомы. Имъ, естьли какой въ Нанквилѣ случится, постараюсь я разсказать вашу невинность; а въ разсужденіи моихъ часто показуемыхъ имъ услугъ надѣюсь ихъ увѣрить, что они напрасно васъ почитали безчестными. Чтожъ принадлежитъ до случившейся вашей въ Сїамскомъ проливѣ обороны, то скажу имъ, какъ вы то принуждены были здѣлать, избавляясь

ляясь своего нещастія, а во всей вашей невинности прошу я писменнаго засвидѣтельствованія, дабы они мнѣ въ томъ лучше повѣрили. Я послушавши его, и описавши подробно все, для чего я принужденнымъ себя нашелъ обороняться отъ напавшихъ на меня шлюпокъ, изъясня несправедливость, ими мнѣ учинить намѣренную, окончалъ оное тѣмъ, что естьли по щастію найду случай видѣть ихъ въ Англіи, что за оное конечно, когда законы отечества моего въ упадокъ не пришли, отмстить не оставлю.

Старой лотсманъ читалъ и перечитывалъ сїе письмо нѣсколько разъ, а наконецъ спросилъ меня, могу ли въ томъ стоять, что я написалъ. Я увѣрялъ его, что не только стоять, но и до послѣдней капли крови защищать сїю справедливость не оставлю, и найду способъ довесть господъ корабельныхъ командировъ до того, что они о принятомъ противъ насъ злостномъ своемъ намѣреніи раскаиватся станутъ. Но не было мнѣ случая послать съ симъ письмомъ стараго Португальца, куда мнѣ хотѣлось, какъ то изъ нижеслѣдующаго усмотрится. Между такими разговорами приближались мы часъ отъ часу къ Нанквину, и по прошествіи 13 дней,

дней пришли къ большему сей гавани заливу, и услышали, что передъ нами прошли мимо онаго два Голландскихъ корабля, коимъ бы мы, естьлибъ еще на дорогѣ не промедлили, конечно въ руки попались.

Посовѣтуя о семъ проклятомъ своемъ состоянiи съ товарищемъ, которой також как и я былъ въ крайней печали, спрашивалъ у стараго лотсмана, нѣтъ ли кромѣ того какова рейда или гавани, въ которой бы мы безъ опасности быть и съ Китайцами торговать могли. Естьли вы согласитесь итти къ Зюйду, отвѣчалъ онъ, еще отсюда миль сорокъ, то тамъ есть гавань, Квингангъ называемая, куда обыкновенно прiѣзжаютъ только одни проповѣдники изъ Макао въ Китай; хотя въ самомъ дѣлѣ сiе мѣсто большихъ торговъ и не производитъ, однакожъ бываютъ тамъ на ярмонкѣ Японскiе и Китайскiе купцы. Мы всѣ согласились итти въ сiю гавань. Имя оной можетъ быть написано здѣсь и неправильно, по тому что книжка, въ коей съ прочими для памяти званiе сего города записано было, при нѣкоторомъ случаѣ такъ помокла, что я послѣ записки своей и разобрать не могъ, о чемъ ниже сего объявлено будетъ.

На другой день взявши въ томъ точную резолюцiю, подняли якорь и отправились въ путь свой. Между тѣмъ случившiеся въ пути нашемъ противные вѣтры не допускали насъ долго войти въ помянутую гавань; но на конецъ въ пятой день удалось намъ благополучно выйти въ ней на берегъ. Я видя себя на земли и восхищаясь радостiю возсылалъ усердныя мольбы къ Вышнему, точно намѣренъ будучи не входить никогда на сiе нещастное судно, естьли намъ только товары свои, хотя и не съ большею прибыльцою, съ рукъ збыть случится.

Не могу здѣсь не напомнить, какъ во всѣхъ нещастныхъ обстоятельствахъ, въ каковыхъ бы человѣкъ ни находился, всегдашней страхъ ввергаетъ его больше въ унынiе, нежели самая крайность, отъ которой онъ страждетъ. Онъ лишаетъ насъ всякаго утѣшенiя, подавляетъ разумъ и истребляетъ въ сердцѣ природную бодрость, коею мы въ нещастiяхъ обыкновенно подкрѣпляемся. Вообраｗенiе мое симъ лютымъ тираномъ объятое, представляло мнѣ опасность мою еще больше, нежели она была въ самомъ дѣлѣ, а Аглинскихъ и Голландскихъ корабельныхъ командировъ людьми никакихъ оправданiевъ не принимающими

и не умѣющими различать честныхъ съ ворами, выдуманную въ обманъ ихъ басню съ справедливою исторіею, которуюбъ мы разсказать имъ могли о нашихъ вояжахъ, и о предпріемлемыхъ и въ дѣйство произведенныхъ нами дѣлахъ; а что мы напрасно названы морскими разбойниками, то не доказывали ли находящіеся въ кораблѣ нашемъ товары. А Голландцы, какъ то сказывали, зная всѣхъ прежнихъ купленаго нами корабля служителей, не должнылибъ были при первомъ съ нами свиданіи примѣтить, что у насъ изъ нихъ ни одного не осталось, да и то не изъявляло ли нашу честность, что экипажъ нашъ собранъ былъ изъ людей разныхъ народовъ Агличанъ, Португальцовъ и Индѣйцовъ; Голландцовъ же было только двое; а сіе все не свидѣтельствовало ли, что между нами не осталось ни одного изъ тѣхъ, которые брося своего Капитана бѣжали.

Но страхъ такъ наполнилъ нашу голову, что мы и самое въ наше оправданіе служить могущее почитали неосновательнымъ, и зная, что Агличане и Голландцы, а особливо послѣдніе, услыша о имени морскаго разбойника всегда тѣмъ тамъ огорчеваются, чтобы не приняли отъ насъ ни малаго оправданія, а

а толькобъ за точное доказательство всѣхъ мнимыхъ бездѣльничествъ почли фигуру корабля нашего, которая имъ была примѣтна; къ томубъ и бѣгство наше съ рѣки Камбодіи служить могло къ опроверженію нашихъ оправданіевъ, такъ что я часто себя увѣрялъ, естьлибъ былъ въ ихъ мѣстѣ, то бы и самъ поступилъ конечно по ихъ принятому противъ насъ намѣренію.

Между тѣмъ какъ мы находились въ семъ безпокойствіи, товарищъ мой и я видѣли только во снѣ будто бы насъ ведутъ уже вѣшать, и тому подобное, а во мнѣ такой страхъ возбуждалъ разсужденія о прошедшей моей жизни, и какъ я сорокъ лѣтъ обращаясь во всегдашнихъ трудахъ и опасностяхъ, и находясь уже у пристани, до которой всѣ смертные достигать стараются, то есть до спокойнаго излишества, оставя оное отдался самопроизвольно такимъ безпокойствамъ, изъ которыхъ не инако какъ особливымъ щастіемъ выдраться было должно. Какая горесть представлялась мнѣ избавившемуся отъ бѣдъ видѣть предстоящую поносную себѣ смерть, а при томъ за такой грѣхъ, къ коему не имѣлъ я ни малой склонности. Съ сими столь огорчительными мыслями слѣдовали иногда набожныя мнѣ-

денегъ , а салдатамъ давать въ день порцію. Мы вошли въ помянутую гавань хотя и по окончаніи бываемой въ городѣ ярмонки; однакожъ застали тамъ на рейдѣ три Китайскія и два Японскія судна, пришедшія туда для взятья съ собою купцовъ своихъ. Лоцманъ познакомилъ насъ съ тремя проповѣдниками , оставшими въ семъ мѣстѣ для обращенія жителей онаго въ Христіанскую вѣру. Между ими былъ Французъ, человѣкъ веселаго и добраго нраву , а при томъ хорошаго обхожденія; онъ назывался Симономъ. Товарищи его, одинъ природою Португалецъ , а другой Генуезецъ , были люди уединенные и къ порученной имъ должности весьма усердные , всячески старались входить въ нравы городскихъ жителей , и приводить ихъ къ принятію Христіанскаго закона. Я имѣлъ удовольствіе обѣдать съ сими духовными особами , и узнать, какимъ образомъ отправляютъ они въ сей землѣ свое апостольство. Правду же сказать , оно есть весьма отдалено отъ того , какъ обращали людей на путь спасенія святые Христовы Апостоли ; ибо все Христіанство , что сіи отцы въ Китайцовъ влагаютъ , состоитъ только въ томъ , что они выучиваютъ ихъ называть имя Іисусъ Хри-

стово,

стово , читать нѣсколько молитвъ на Латинскомъ языкѣ , котораго они совсѣмъ не разумѣютъ , и класть на себя крестное знаменіе , а за то даютъ они имъ во всѣхъ грѣхахъ ихъ упущеніе ; чѣмъ ласкаясь сластолюбивые Китайцы и превращаются весьма охотно въ Католики.

Священникъ же Французской Симонъ называемой, со всѣмъ о томъ не старался , а имѣлъ повелѣніе ѣхать въ Пекинъ , столицу Императора Китайскаго ; оставался же въ семъ маломъ городѣ для того только , чтобъ дождаться своего товарища которой имѣлъ туда прибыть изъ Макао. Всякой разъ моего съ нимъ свиданія уговаривалъ онъ и меня съ собою ѣхать въ Пекинъ, обѣщаясь показать тамъ знатныя и примѣчанія достойнѣйшія вещи, такожъ и великолѣпіе всего Китайскаго государства , а особливо величайшей во всемъ свѣтѣ городъ , коего , говорилъ онъ , естьлибъ Лондонъ и Парижъ свести вмѣстѣ , составить былобъ не можно. И въ самомъ дѣлѣ городъ сей есть весьма великъ и многолюденъ; однакожъ не таковъ, какъ мнѣ описывалъ его отецъ Симонъ. Между тѣмъ будучи нѣкогда за столомъ съ помянутыми Католицкими священными особами, и слыша ихъ

 край-

крайнее желанïе отправить въ товариществѣ нашемъ отца Симона, вздумалъ съ ними пошутить и спросить о причинѣ сего ихъ несказаннаго къ намъ усердïя. Для чего вы отецъ Симонъ, спросилъ я его, желаете быть въ нашемъ обществѣ? или вы не знаете, что мы еретики, а по тому можете ли вы насъ любить, и находить въ обхожденïи нашемъ желаемое вами удовольствïе? Я васъ люблю, отвѣчалъ онъ, для того, что вы можетъ быть здѣлаетесь со временемъ Католиками. Дѣло мое состоитъ обращать идолопоклонниковъ на путь спасенïя; ктожъ за то поручится, чтобъ слова мои не открыли и вамъ ересью ослѣпленные глаза ваши, и не побудилибъ васъ обратиться на таковой же, на коемъ я нахожусь? Очень изрядно, отецъ Симонъ, сказалъ ему на то, я милости прошу намъ въ дорогѣ предикъ не сказывать, по тому что я мши вашей слушать не охотникъ. Для чегожъ такъ? или вамъ законъ нашъ кажется несправедливымъ. Не трогайте закона, отецъ Симонъ, отвѣчалъ я ему; ибо намѣренъ умереть въ томъ, въ которомъ я воспитанъ. Онъ мнѣ кажется Христïанскимъ, и для того по чему бы не почитать намъ себя Христïанами. Пускай вы Католикъ, а

а я Реформаторъ, что до того нужды Китайцамъ, толькобъ мы были честные люди, на которомъ основанïи со всѣми въ свѣтѣ обходиться не дурно.

Отецъ Симонъ видя напрасные труды свои, перемѣнилъ тотчасъ разговоръ, и увѣряя насъ, что онъ то говорилъ въ шуткахъ, началъ подзывать меня въ Пекинъ; но намъ не исправя нуждъ своихъ не возможно было такъ скоро, какъ ему хотѣлось, исполнить его желанïя; ибо хотѣлось не только что продать свои товары, но старались при томъ збыть съ рукъ и судно, что въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отправлялись малые торги, скоро исправить было не можно. По томъ открылся ко всему тому слѣдующей случай.

Въ нѣкоторой день привелъ къ намъ Португальской лоцманъ Японскаго купца смотрѣть наши товары. Сей тогдажъ купилъ у насъ опïумъ, и заплатилъ за то изрядную цѣну. Во время сего торгу вздумалось мнѣ у него спросить, не купитъ ли онъ у насъ и корабля нашего. Онъ услышавши о томъ, пожалъ плечами; а на другой день пришелъ съ однимъ изъ помянутыхъ проповѣдниковъ, и чрезъ него здѣлалъ намъ предложенïе, заплатить за всѣ оставшïе у насъ товары деньгами; а о

корабль изъяснился, естьли мы оставимъ на немъ своихъ матросовъ, говорилъ сей Японецъ, то охотно найму ихъ въ Японію, гдѣ нагрузивши товарами, отправлю въ Филипинскія острова, а по возвращеніи заплатившы имъ за проѣздъ, и корабль у васъ куплю. Я не только съ прилѣжностію слушалъ сіе его предложеніе, но мой къ странствованію склонной нравъ вложилъ въ мысль мою и то, чтобъ мнѣ самому туда ѣхать, и побывать на Филипинскихъ островахъ По чему спросилъ я купца, не хочетъ ли онъ нанять корабль такъ, чтобы по приходѣ къ помянутымъ островамъ заплатить за него деньги. Онъ отвѣтствовалъ мнѣ, что не возвратясь оттуда въ Японію платить ему будетъ нѣчемъ. Товарищь мой услышавши о томъ, крайне старался отвратить меня отъ сего здорнаго предпріятія, и представляя мнѣ опасность, отъ коей мы избавились, также плутовской и мошеннической поступокъ Японцовъ, и обманы Гишпанцовъ Филипинскихъ жителей, успѣлъ наконецъ уговорить меня, чтобъ я отложилъ сіе намѣреніе. Онъ разсуждалъ разумно, и по совѣту его должно было, не заключая съ Японцомъ о продажѣ корабля договоровъ, спросить у Капитана и у служителей онаго,

онаго, хотятъ ли они предпринять путь сей. Между тѣмъ, какъ мы въ разведываніи мнѣніевъ ихъ упражнялись, пришелъ ко мнѣ молодой данной мнѣ племянникомъ моимъ въ товарищи дѣтина. Онъ увѣрялъ меня, что сей вояжъ обѣщаетъ несказанную прибыль, и естьли вы туда сами не поѣдете, говорилъ онъ, то здѣлайте меня своимъ канторщикомъ. Я къ обѣщаюсь вамъ, по возвращеніи въ Англію, подать о всей сей прибыли вѣрной щетъ, по которому вы меня тогда по мѣрѣ своего щедролюбія и наградить можете.

Мнѣ хотя и не хотѣлось съ нимъ разстаться, но видя великую прибыль, неминуемо отъ сей поѣздки слѣдуемую, и разсуждая о способности сего молодаго человѣка, положилъ ввѣрить ему сіе дѣло однакожъ не прежде, пока не посовѣтую о томъ съ моимъ товарищемъ, о чемъ и обѣщался дать ему на другой день точной отвѣтъ Товарищь мой, съ коимъ я о томъ переговорилъ, тогдажъ на то согласился, сказавъ мнѣ, корабль нашъ будучи намъ такъ не крѣпокъ, что мы на немъ сами торговать больше и не осмѣливаемся, можетъ безъ того со всѣмъ пропасть, по чему лучше отдать его на отвагу сего молодаго человѣка, нежели лишиться положеннаго на

на свой капитала; а при томъ естьли щастливо пойдемъ, то и онъ обогатится; ибо я думаю отдать ему изъ прiобрѣтеннаго половину. Я не желая быть скупѣе своего товарища, на то согласился, а особливо, что сей молодецъ достоинъ былъ въ разсужденiи добронравiя своего всякаго благополучiя. Корабельные служители были также согласны, и видя предстоящую отъ сей поѣздки прибыль, обѣщались съ нимъ служить до тѣхъ поръ, пока онъ самъ вздумаетъ отпустить ихъ. И такъ пустили мы его къ себѣ въ половину, взявши при томъ письменное обязательство, чтобъ онъ по прiѣздѣ въ Англiю далъ отчетъ во всемъ прiобрѣтенномъ.

Японской купецъ сѣлъ съ нимъ на нашъ корабль, и показывалъ себя, какъ мы о томъ послѣ свѣдали, совершенно честнымъ человѣкомъ; защитилъ канторщика нашего въ Японiи, и исходатайствовалъ ему позволенiе торговать въ семъ государствѣ, хотя того нѣсколько лѣтъ съ ряду ни съ какимъ иностранцомъ не бывало; заплатилъ ему договоренную наемную сумму безъ всякихъ отговорокъ; и нагрузя Японскими и Китайскими товары, отправилъ корабль съ своимъ повѣреннымъ къ Филип-

пин-

пинскимъ островамъ. Тамъ промѣнивши товары на Европейскiе, возвратились они съ великою прибылью въ Японiю. А понеже новому купцу нашему за наемъ точно и богато платили, то и не захотѣлось ему въ сей прiѣздъ продавать корабля своего, а вздумалъ нагрузить его купленными на свои собственныя деньги товарами. Ихъ продалъ онъ съ несказаннымъ барышемъ на Манильскихъ островахъ, а на конецъ, помощiю прiобрѣтенныхъ себѣ повсюду друзей, довелъ до того, что судно наше объявлено повсюду не подозрительнымъ. На конецъ Губернаторъ Гишпанскихъ восточныхъ селенiевъ нанялъ его для отвозу въ Акапулко собственнаго своего экипажа, и одобря въ данномъ о пропускѣ его письмѣ, позволилъ ему продать тамъ свое судно. Канторщикъ пользуясь Губернаторскою милостiю, и окончавши данную отъ него коммисiю, продалъ въ Акапулкѣ корабль, и дошедши сухимъ путемъ до Порто Бело, нашелъ случай доѣхать до Ямайки, а оттуда прибылъ съ несказаннымъ богатствомъ въ Англiю и данною ему изъ того половиною разбогатѣвши, здѣлался не послѣднимъ купцомъ. Такимъ образомъ удалось мнѣ наградить моего Бенгальскаго товарища.

Еще

Еще позабылъ я упомянуть о тѣхъ двухъ матросахъ, которые насъ остерегли отъ нашихъ непріятелей въ рѣкѣ Камбодіи захватить насъ намѣрившихся. А хотя они, правду сказать и не изъ любви къ намъ, но по склонности своей къ разбойничеству то учинили: ибо почитая насъ морскими разбойниками, хотѣли быть нашими сообщн ками; однакожъ, какъ бы то ни было, они избавили насъ отъ крайней опасности; къ т мужъ обѣщался я имъ показать за то мою благодарность, и заплатить заслуженное ими на оставленныхъ корабляхъ жалованье, коего Агличанинъ требовалъ за девять, а Голландецъ за семь мѣсяцовъ Все оное имъ сполна выдавши, далъ сверьхъ того изрядную плату, коею были они весьма довольны, а при томъ пожаловалъ Агличанина кананеромъ, а Голландца ботсманомъ, въ коихъ должностяхъ показывали они себя весьма исправными и порядочными людьми, за что и получили отъ канторщика нашего такое награжденіе, которымъ, по возвращеніи своемъ въ отечество, честно вести себя здѣлались въ состояніи.

Чтожъ до насъ принадлежитъ, то остались мы въ отдаленнѣйшемъ отъ отечества нашего мѣстѣ, будучи въ Бенга-

Бенгалѣ, откудабъ мнѣ за деньги мои весьма легко до онаго доѣхать было можно, отчаявался я видѣть любезную свою Англію. Тогдажъ, что должно было о томъ мыслить, когда я на нѣсколько тысячь миль, будучи въ Китаѣ, далѣе отъ онаго находился, нежели какъ я былъ отъ него отдаленъ, живучи въ Бенгалѣ. Отпустивши корабль, крайне сожалѣлъ, что на немъ самъ не поѣхалъ; но сего перемѣнить было уже не можно. А понеже въ семъ городѣ всякіе шесть мѣсяцовъ ярмарка бываетъ, то положилъ я дожидаться сего полезнаго для меня случая, и надѣясь, что на оную конечно и Европейскіе корабли придутъ, на которыхъ будучи уже по продажѣ корабля своего ни мало подозрительнымъ, вздумалъ переѣхать въ Бенгалу, а оттуда и въ Англію. Во ожиданіи же приходящаго времени вздумали мы прогуливаться и посмотрѣть Китайскіе вкругъ нашего мѣста лежащіе города. Сперьва поѣхали мы въ Нанквинъ, городъ достойный примѣчанія построенъ порядочно, улицы имѣетъ на подобіе полуцыркуля, къ украшенію онаго не мало служащія. Соображая же народъ, житье, правительство и великолѣпіе Китайское съ Европейскими, осмѣливаюсь сказать,

что все оное, въ разсужденіи нашихъ примѣчанія достойныхъ вещей, не стоитъ и того, чтобы о томъ хотя съ малою похвалою говорено было. Правда, что я тѣмъ трогаю многихъ во описаніи сего пространнаго государства трудившихся людей, которые всему ими въ Китаѣ видимому приписываютъ несказанную хвалу; что однакожъ дѣлать, я съ ними не согласенъ. Мнѣ кажется, будто бы они о томъ больше говорили, нежели все величество, богатство, великолѣпіе, купечество, морская и сухопутная силы, строеніе; словомъ, обычаи Китайскіе въ самомъ дѣлѣ того стоятъ.

Ежели посмотрите, любезной читатель, на ихъ архитектуру, то точно увидите, можно ли сравнять великолѣпными названные строеніи ихъ, съ удивленія достойными Европейскими дворцами? Можетъ ли подобиться купечество ихъ съ Аглинскимъ, Голландскимъ, Французскимъ или Гишпанскимъ? Города ихъ равняться съ нашими силою, богатствомъ, покоемъ и веселіемъ изобилующими; гавани, въ которыхъ находится только малое число юнкъ и другихъ тому подобныхъ и неспособныхъ къ мореходству судовъ съ нашими, коихъ великое множество торговыхъ

выхъ и военныхъ, подаетъ мнѣ смѣлость безъ повреждения справедливости сказать, что въ городѣ Лондонѣ больше торговъ отправляется, нежели во всемъ обширномъ Китайскомъ государствѣ, и что одинъ военной линейной корабль Аглинской, Голландской или Французской, въ состояніи всей морской Китайской силѣ не только спорить, но и сокрушить ее до основанія.

По той мѣрѣ, какъ я сказалъ о ихъ флотѣ, разумѣйте и о ихъ арміи. Правда, что они могутъ собрать до двухъ миліоновъ руженосцовъ; но сія по числу своему ужасная армія служить будетъ только къ разоренію собственныхъ областей своихъ, коими до непріятеля своего итти будетъ надобно. Притомъ же она ни атаковать крѣпость, ни въ порядкѣ драться не умѣетъ, такъ что малое число Европейской конницы можетъ разбить всѣхъ ихъ всадниковъ, а тритцать тысячь регулярной пѣхоты безъ отваги можно пустить на миліонъ вооруженныхъ ихъ пѣшеходцевъ. Есть то, что и они берутъ иногда крѣпости, однакожъ такія, которыя въ старину строивались въ Европѣ, для защищенія границъ отъ набѣговъ нестройныхъ и огнестрѣльнаго оружія не имѣющихъ народовъ. Чтожъ

 ка-

касается до находящихся внутри Китая крѣпостей, то во всемъ обширномъ Китайскомъ государствѣ нѣтъ ни одной, которая бъ отъ Европейской регулярной атаки хотя мѣсяцъ устоять могла. Огнестрѣльное оружие имѣютъ столь тяжелое и неспособное, что пушки ихъ почти безъ употребленія. Ружья по большой части безъ кремней; салдаты военнаго порядка не знаютъ, строиться, атаковать, порядочно отступать и безъ замѣшательства биться не умѣютъ. А все сіе, въ справедливости чего я довольно увѣренъ, возбуждаетъ во мнѣ несказанной смѣхъ, слыша похвалами наполненные расказы неустыжающихся присвоивать много излишняго симъ въ мысляхъ ихъ славнымъ, но въ самомъ дѣлѣ глупымъ невольникамъ, подверженнымъ соотвѣтствующему ихъ остроумію и склонностямъ правительству.

О! естьлибъ сіе богатое государство не отдалено было отъ Европейцовъ, или бы пограничныя мѣста оныхъ населены были, то бы тритцатью тысячами пѣхоты и десятью кавалеріи можно было здѣлать тамъ великія завоеванія, и получить одною компаніею неищетную прибыль. Но заведеніе магазиновъ, безъ которыхъ войску пробыть

быть не можно, прежде основательнаго учрежденія помянутыхъ селеніевъ быть не можетъ; содержаніе же съ крайнимъ убыткомъ на границахъ Китайскихъ войска, побудитъ только ихъ къ збереженію областей своихъ и къ умножению на оныхъ военнаго народа довольство, которыхъ по обычаю ихъ воевать и при томъ учреждать въ завоеванныхъ мѣстахъ селенія имъ столь убыточно и быть не можетъ, сколько не возможно есть привозить изъ дальнихъ, а при томъ почти нехлѣбородныхъ мѣстъ провіантъ на границы назначеннаго мною числа войска.

Инако о Китаѣ и ихъ порядкахъ думать почитаю я за великое беззаконіе. Чтожъ до наукъ ихъ касается, то есть у нихъ Глобусы, Сферы и нѣкоторое начало Математики; но когда войдете внутрь ихъ ученія, то и тутъ найдется глупость, простирающаяся до такого смѣху достойнаго градуса, что они думаютъ, будто бы солнце доходя до Эклиптики, отъ нападающаго на него тамъ ужаснаго змія, хотящаго пожрать оное, бываетъ подвержено крайней опасности, по чему въ сіе время во всемъ Китаѣ збирается народъ въ кучи, бьетъ въ барабаны, въ бубны и сковороды; словомъ, всѣ дѣлаютъ

ютъ тогда великой стукъ, и пугаютъ тѣмъ чудовище, избавляя отъ челюстей его сїе небесное свѣтило.

Вотъ вамъ, любезной читатель, описанїе о славныхъ Китайцахъ. А хотя я прежде и обѣщался было не вступать въ дѣла, не до меня, но до публичныхъ Географовъ принадлежащїя, однакожъ осмѣлился при семъ случаѣ вступить въ первые и въ послѣднїе въ ихъ должность. Возвратясь въ Нанкинъ крайне захотѣлъ я и самъ видѣть Пекинъ, и для того безпрекословно послушался усердныхъ прозьбъ отца Симона. Товарищь его тогда уже изъ Макао въ сей городъ прїѣхавшей, принялъ къ отъѣзду точноежъ намѣренїе. А между тѣмъ открылся намъ случай приставать къ свитѣ нѣкоего Мандарина, тогда изъ провинцїи своей въ Пекинъ же ѣхать намѣрившагося. Сїи Мандарины суть намѣстники Королевскїе или провинцїальные Губернаторы. Они имѣютъ великую знать и чрезвычайное отъ народа почтенїе, вмѣсто котораго бываютъ имъ только въ тягость; ибо надлежитъ оныхъ всегда и со всею свитою въ проѣздъ ихъ въ Пекинъ довольствовать, что бываетъ всякой годъ одинъ, а иногда и два раза.

Сви-

Свитажъ его состоитъ всегда не менѣе двухъ сотъ человѣкъ.

Мы приняты въ число его домашнихъ, и такъ не было намъ во всю нашу дорогу ни въ пищѣ, ни въ фуражѣ ни малаго недостатка. Все получали отъ жителей проѣзжаемыхъ нами мѣстъ безъ платы; а сїе было намъ весьма показалось: но наконецъ дворецкой господина Мандарина, пришедъ на второмъ наслѣгѣ, началъ у насъ требовать за все полученное нехристїанскую плату, и принудилъ узнать, что мы имѣемъ честь не даромъ называться Мандаринскими служителями.

Въ Пекинъ прїѣхали мы въ 26 той день. Мѣста проѣзжаемыя нами были чрезвычайно населены, но вездѣ и все было въ несказанномъ небреженїи. Экономїя Китайской черни весьма дурна, а житье въ разсужденїи тиранскаго господъ съ крестьянами своими поступка несносное. Но сїи о точномъ благоденствїи, какимъ благонравные Европейскїе народы наслаждаются, несвѣдомые люди живутъ за ними не только безъ малѣйшаго огорченїя, но еще думаютъ при томъ, что ихъ во всемъ свѣтѣ нѣтъ никого лучше. Безмѣрная и врожденная гордость всему тому причиною. Народъ сей въ роскошахъ утопленной,

при

при самой своей сущей нищетѣ почитаетъ себя богатымъ, и есть, по мнѣнію моему, нещастливѣе самыхъ дикихъ Американцовъ, по тому что послѣднія ничего не имѣя ничего и не желаютъ, а Китайцы посреди неимущества стараются перещеголять другъ друга, хотя въ самомъ дѣлѣ смѣшнымъ, однакожъ по обычаю ихъ уборнымъ платьемъ. Строеніе и содержаніе великаго множества людей при дворѣ Китайскихъ помѣщиковъ служащихъ показываетъ довольно ихъ пустое тщеславіе. Такіе безпорядки и глупости ихъ на конецъ такъ мнѣ омерзѣли, что я съ лучшею пріятностію препроводилъ путь свой въ степяхъ великой Татаріи, нежели въ семъ гордостію безъ достоинствъ наполненномъ Китаѣ; ибо гордой, властолюбивой и грубой онаго народъ посреди бѣдности и въ самомъ невѣжествѣ своемъ такъ о себѣ мыслитъ, будто бы ихъ въ цѣломъ свѣтѣ никого нѣтъ умнѣе, чему мы не мало смѣялись съ отцемъ Симономъ, а особливо когда наѣхали на нѣкоего Китайскаго изъ высокомудренныхъ ихъ дворянина. Экипажъ его былъ со всемъ Донъ-Кишотской, и точная смѣсь великолѣпія и бѣдности; кафтанъ богато вышитой и весь замасленой, показывалъ, будто бы его преизящ-

изящность гдѣ нибудь ложкомоемъ быть изволилъ. Лошадь точная копія славной Розинанты, стара, худа и на силу могущая тащить свои ноги, и не больше стоила своей кожи. За нею слѣдовали двое берейторовъ, имѣющихъ въ рукахъ своихъ по изрядной плети, коими возбуждали они бодрость славнаго коня гордаго своего господина, а сей для прогнанія смиренства, тишину и покой любящаго своего и бодрости отъ недостаточно получаемаго корма, лишающагося лошака, уцѣломудрился также взять въ руки свои изрядной величины кнутъ, коимъ и напоминалъ переду коня своего, что онъ везетъ на себѣ Китайскую особу.

Въ прибавокъ всего сего великолѣпія слѣдовали за осломъ еще человѣкъ двенатцать невольниковъ, а изрядство убора ихъ соотвѣтствовало платью ихъ господина. Сей изволилъ ѣхать въ свою на полмили отъ города лежащую столицу. Мы остановились въ близъ находящейся отъ оной малой деревнѣ, по тому, что въ преславномъ его домѣ не надѣялись получить того удовольствія, какое намъ сія, хотя малая деревушка, обѣщавала, по чему онъ насъ опередя успѣлъ пріѣхать въ свой замокъ. А въ проѣздъ нашъ мимо онаго сидѣлъ онъ подъ деревомъ,

ревомъ, но не смотря и на то, мы бы въ ней не остались, естьлибъ не увидѣли сїю тучную скотину, гордящуюся тамъ своимъ дворянствомъ. А хотя сквозь густые сучья и листья онаго солнечные лучи до лица господина Китайца и не проходили, однакожъ позади креслъ поставленъ былъ надъ головою его древней подсолнешникъ, усугубляющей смѣшной порядокъ сего позорища и прикрывающей отъ тлѣтворныхъ вѣтровъ развалившуюся Китайскую сїю тушу. Сему бесѣдующему подъ тѣнью Дону носили на стоящей предъ нимъ столъ кушанье двѣ изрядныя невольницы, а другїя двѣ по сторонамъ креслъ его бывшїя, отправляли должность, какую, думаю, никто изъ Европейскихъ дворянъ отъ служителей своихъ не потребуетъ, а именно: одна ложкою клала ему въ ротъ кушанье, а другая избавляла бороду отъ невмѣщающихся въ ротъ и упадающихъ на оную и на кафтанъ его крошекъ. Наскучивши смотрѣть на его глупость, поѣхали мы въ путь свой, оставя тамъ отца Симона для дальнѣйшаго примѣчанїя дурачествъ гордящейся руками своими скотины. Сей удостоился отвѣдать его кушанья. Оно было, по увѣдомленїю его, столь дурно, чтобы ни одна Аглин-

Аглинская голодная собака съ охотою онаго ѣсть не стала. Не смотряжъ и на то его Китайское благомудрїе, не только гордился имъ предъ всѣмъ народомъ, но еще изъ великаго тщеславїя и отвѣдывать оное дозволилъ. Выключаяжъ помянутыхъ женщинъ, стояли позади креслъ его шесть весьма тощихъ невольниковъ, о довольствїи которыхъ можно разсудить по кушанью ихъ господина.

Чтожъ принадлежитъ до нашего Мандарина, то великолѣпїе его сходствовало нѣсколько съ его знатью. Ему отдавали вездѣ королевскую честь. Онъ окруженъ былъ дворянами и своими офицерами, такъ что и я принужденъ бывалъ, ѣдучи въ его свитѣ, смотрѣть на его превосходство изъ дали. Въ прочемъ лошади новаго нашего патрона не лучше были нашихъ. Различїе состояло въ томъ, что худоба господскихъ закрыта была попонами до самыхъ колѣнъ. Дорога, въ разсужденїи того, что я во время оной крайнихъ моихъ непрїятелей Голландскихъ и Аглинскихъ шкиперовъ не опасался, казалась мнѣ непротивною, и окончалась съ довольнымъ для меня удовольствїемъ, выключая что почти при окончанїи оной, переѣзжая нѣко-

нѣкоторую малую рѣчку, упала подо мною лошадь и сронила меня въ воду. А хотя было и не глубоко, однакожъ я обмочился въ ней съ головы и до ногъ, и испортилъ записную свою книжку, въ которой для памяти внесены были имена народовъ и городовъ, гдѣ я будучи въ Китаѣ находился.

На конецъ прiѣхали мы въ Пекинъ. Тогда у меня кромѣ даннаго мнѣ племянникомъ моимъ слуги никого не было, коимъ находился я весьма доволенъ, а свита товарища моего состояла также въ одномъ лакеѣ, природномъ Агличанинѣ; еще былъ съ нами часто упоминаемой лотсманъ, которому также захотѣлось посмотрѣть Китайскаго двора. Его содержали мы на своемъ囗 коштѣ; за то служилъ онъ намъ вмѣсто переводчика, а переводилъ съ Китайскаго на Французской, которой языкъ я хотя и по нуждѣ, однакожъ разумѣлъ.

Въ прочемъ оказывалъ онъ несказанные знаки своей къ намъ склонности, и старался всячески о нашей пользѣ. Въ сходство чего недѣлю спустя по прiѣздѣ нашемъ въ Пекинъ, ходилъ онъ на рынокъ, и возвратясь оттуда весьма веселъ, началъ мнѣ говорить: Вы, господинъ Агличанинъ, о томъ не знаете, что

что я къ вамъ принесъ прiятную вѣдомость. Я ни дурныхъ, ни весьма добрыхъ вѣдомостей въ сей землѣ ожидать не надѣясь, слыша сiе оказалъ на то нѣкоторое удивленiе. А я васъ напротивъ того увѣряю, перервалъ онъ рѣчь мою, что она вамъ будетъ весьма прiятна. Стараясь же окончать извѣтъ свой, сказалъ онъ мнѣ, что въ городѣ находится множество Московскихъ и Польскихъ купцовъ, приготовляющихся ѣхать въ свои отечества, куда дѣйствительно хотятъ они отправиться недѣль чрезъ шесть, по чему я и не сомнѣваюсь, продолжалъ онъ рѣчь свою, чтобъ вы не употребили въ свою пользу сего удобнаго для васъ случая.

Признаюсь, что такая вѣдомость была мнѣ весьма прiятна. Желанiе возвратиться въ свое отечество, и радость, происходящая отъ открывающагося мнѣ къ тому способа, такъ мною овладѣла и въ такое привела восхищенiе, что я долго не могъ отвѣтствовать на слова сего старика. Но на конецъ опамятовавшись спрашивалъ у него, по чему онъ то знаетъ, и правду ли мнѣ о томъ сказываетъ. Точную правду, отвѣчалъ онъ. Сего дня по утру встрѣтился я на улицѣ съ нѣкоторымъ стариннымъ своимъ знакомцомъ, природнымъ Армяниномъ.

номъ. Онъ пріѣхалъ сюда изъ Астрахани съ тѣмъ, чтобъ ѣхать въ Танквинъ, гдѣ я его и напредь сего видывалъ; но нынѣ отложилъ свое намѣреніе, и думаетъ съ помянутымъ караваномъ отправиться въ Москву, а оттуда Волгою въ Астрахань. Выслушавши сіе, благодарилъ я Португальца за принесеніе столь пріятной вѣсти, и обнадеживалъ служить ему за то моимъ карманомъ.

По томъ призвалъ къ себѣ на совѣтъ своего товарища, и увѣдомя его о всемъ мнѣ Португальцомъ сказанномъ, спросилъ, согласенъ ли онъ ѣхать въ Россію; а онъ въ томъ не спорилъ, по тому больше, что Бенгальское его сокровище оставлено было въ такихъ добрыхъ рукахъ, что о умноженіи капитала и сомнѣваться ему было нѣчего. Когдажъ при томъ, говорилъ онъ, пріобрѣтенное въ послѣднюю поѣздку можемъ мы промѣнить на Китайской шелкъ, то я съ радостію возвращусь въ Англію, а оттуда легко и въ Бенгалѣ побываю.

И такъ твердо въ томъ положивши, намѣрились мы взять съ собою и стараго лотсмана, и отвезти его на своемъ содержаніи въ Россію или въ Англію; а за тѣмъ, что показалъ онъ намъ не только на морѣ, но и на сухомъ пути знат-

натныя услуги, и прилѣпился къ интересамъ нашимъ съ крайнею преданностію, то сіе стоило сего, чтобы мы его чѣмъ нибудь подарили, и для того сложась вмѣстѣ, дали ему 175 фунтовъ стерлинговъ, и обѣщались его до желаемаго имъ мѣста доставить. Для сего позвали мы его къ себѣ, и объявили ему сіе наше намѣреніе: Я слышелъ, говорилъ ему, что вы жалуетесь на свою бѣдность, и что вамъ нѣчемъ отсюда ѣхать. Мыжъ, какъ вы знаете, вздумали съ караваномъ возвратиться въ Европу; поѣдемте съ нами, естьли вамъ то не противно. Доброй старикъ, слыша сіе предложеніе, повѣсилъ голову, а по томъ сказалъ намъ, дорога сія весьма длинна, я не имѣю столько денегъ, чѣмъ бы себя содержать во время сего продолжительнаго путешествія, а при томъ мнѣ и тамъ, куда вы меня привезете, жить будетъ нѣчемъ. Мнѣ довольно извѣстны ваши обстоятельства, для поправленія которыхъ намѣренъ я здѣлать вамъ нѣкоторую услугу, и показать, сколь чувствительно намъ ваше усердіе. По окончаніи сихъ словъ объявилъ о нашемъ ему назначенномъ подаркѣ. Чтожъ принадлежитъ, говорилъ я, до нужнаго въ пути содержанія, то мы обѣщаемся васъ до Россіи

сіи или до Англіи доставить на своемъ коштѣ, съ тѣмъ, чтобъ вы на подаренныя вамъ деньги купили себѣ товаровъ, и платили за провозъ оныхъ сами. Португалецъ принявъ предложеніе мое съ радостнымъ восхищеніемъ, обѣщался съ нами край свѣта ѣхать. И такъ начали мы къ отъѣзду приготовляться. Но отправленіе наше изъ Пекина здѣлалось сверьхъ чаянія весьма продолжительно. Тожъ самое препятствіе причинилось по нещастію нашему и прочимъ купцамъ; ибо вмѣсто того, что мы всѣ надѣялись въ пять или шесть недѣль въ путь отправиться, принуждены были употребить на свои зборы цѣлые четыре мѣсяца, да и тутъ на силу могли совсѣмъ исправиться.

На конецъ выѣхали мы изъ Пекина въ Февралѣ мѣсяцѣ. А между тѣмъ, какъ къ отъѣзду приготовились, ѣздили товарищь мой съ лотсманомъ въ Нанквинъ, и распродали тамъ остатокъ товаровъ, а я въ отсудствіи ихъ познакомясь съ Китайскимъ купцомъ, подрядилъ у него все, что намъ съ собою изъ Китая взять было должно. Сей, еще до прибытія моего товарища въ Пекинъ привезъ оное все въ Китайскую столицу. Товаровъ купили мы на три тысячи на 500 фунтовъ стерлинговъ, экипажъ

экипажъ состоялъ въ 26 верблюдахъ и лошадяхъ, а весь караванъ помнится мнѣ въ 300 вьючныхъ верблюдахъ, кромѣ лошадей, на которыхъ ѣхали купцы съ своими служителями, коихъ было до 200 человѣкъ. А понеже Азіатскіе караваны подвержены бываютъ всегдашнимъ отъ Татаръ нападеніямъ, то путешественники наши снабдились всѣмъ къ оборонѣ нужнымъ. Большая часть была Рускихъ и по крайней мѣрѣ человѣкъ съ 60 однихъ Московскихъ жителей, между которыми находились 5 человѣкъ Шотландцовъ, весьма богатыхъ и въ комерціи знающихъ людей.

Въ первой день путешествія созвали провожатые наши всѣхъ купцовъ и пассажировъ на совѣтъ. Въ семъ собраніи далъ имъ всякой нѣкоторое число денегъ для покупки фуража и другихъ нужныхъ вещей, при чемъ учредили мы путь свой, назначили себѣ командировъ и прочихъ чиновныхъ людей, дабы въ случаѣ какого либо на насъ нападенія къ оборонѣ быть готовыми; а все сіе дѣлалось по всеобщему выбору путешественниковъ.

Область, коею мы сперьва ѣхали, была весьма населена, а особливо много тамъ горшешниковъ и фарфоровой посуды мастеровъ, въ чемъ Китайцы столь

искусны, что во время нашего путешествія видѣли мы въ сихъ мѣстахъ цѣлой изъ фарфору здѣланной домъ, достойной смотрѣнія; для сего чуднаго зданія думалъ было я на нѣсколько отбыть отъ каравана. Но караванной командиръ приказалъ мнѣ не отставать отъ товарищей, и для того съ крайнимъ неудовольствіемъ, не здѣлавъ ни малѣйшаго примѣчанія, принужденъ былъ оное оставить. А хотя я и мало имѣлъ времени обозрѣть сію диковину, однакожъ долженъ признаться, что въ такихъ рукодѣліяхъ Китайцы весьма искусны; хотя и то правда, что они о себѣ много лгутъ. Ибо я слышалъ, будто бы нѣкто изъ нихъ здѣлалъ себѣ фарфоровой, со всѣми ко оному принадлежащими мачтами, парусами, веревками, а при томъ такой величины корабль, что въ семъ скудельничемъ сосудѣ до пятидесяти человѣкъ вмѣститься, и на немъ въ Японію ходить и торговать могли.

Помянутая диковинка удержала меня при себѣ до тѣхъ поръ, пока прошелъ мимо меня весь караванъ, за что принужденъ былъ нести денежной штрафъ, съ тѣмъ, что естьли я такъ останусь, проѣхавъ Китайскую стѣну, то за оное штрафованъ буду противъ сего въ трое, а при томъ принужденъ просить у всѣхъ прощеніе. Сей выговоръ дѣлалъ мнѣ коварной командиръ, которому и обѣщался я впередъ точнѣе повиноваться, а наконецъ и самъ могъ видѣть, что сія строгость сопряжена съ собственнымъ моимъ интересомъ. Ибо по выѣздѣ за Китайскую стѣну отъ многихъ находившихся въ дорогѣ воровскихъ Татарскихъ партій отставать отъ каравана было весьма опасно. На третей день нашего изъ Пекина отъѣзда пріѣхали мы къ славной каменной Китайской стѣнѣ, служащей сему государству защитою отъ набѣговъ Татарскихъ. Она стоила несказанныхъ трудовъ, а ведена безъ всякихъ нуждъ чрезъ бугры, каменныя и безъ того непроходимыя горы, коими въ иныхъ мѣстахъ не только лошадямъ, но и пѣшкомъ пройти не можно. Простирается на тысячу Аглинскихъ миль, а прикрываетъ не болѣе пяти сотъ въ ширину имѣющую область.

Между тѣмъ, какъ караванъ нашъ проходилъ ворота сего укрѣпленія, могъ я тамъ и не нарушая караваннаго учрежденія остаться на часъ времени, и разсмотрѣть оную столько, сколько мнѣ возможность допускала. Китайской проводникъ, оставшейся со мною и расказы-

ваю-

вающей о томъ, яко о нѣкоемъ всесвѣтномъ чудѣ, при семъ случаѣ крайне желалъ вѣдать, какъ я о сей стѣнѣ мышлю. Я отвѣчалъ ему, что противъ Татаръ лучше и строить было не надобно. Онъ же не понявши мою насмѣшку, былъ тѣмъ весьма доволенъ. Старой лотсманъ не былъ столькожъ простъ, каковъ Китаецъ. Въ вашихъ рѣчахъ заключается хитрость, сказалъ мнѣ сей грызунъ. Хитрость! перервалъ я рѣчь его, какую вы въ нихъ примѣтили? Я хочу сказать, отвѣчалъ онъ, что слова ваши значатъ иное, нежели вы о томъ въ самомъ дѣлѣ думаете, и что учтивство смѣшено въ нихъ съ насмѣшествомъ. Вы называя оную отъ Татаръ защитою, даете знать, что она только для удержанія ихъ, а не другихъ народовъ служить можетъ. Господинъ Китаецъ, принимаетъ ихъ въ одномъ, а я будучи тѣмъ же доволенъ, беру ихъ въ другомъ разумѣ. Но не правду ли я сказалъ въ обѣихъ разумахъ, какъ бы вы слова мои ни приняли, перервалъ рѣчь его, и не думаете ли вы, чтобы она могла устоять противъ Европейской доброю артиллерїею и искусными инженерами снабдѣнной армїи. Китаецъ весьма хотѣлъ вѣдать сей нашъ разговоръ; но я приказалъ лотсману разска-

сказать ему о томъ тогда, какъ намъ до нихъ не будетъ ни малой нужды, что онъ и учинилъ пять дней по томъ спустя; а Китайцы услышавши такое наше о удивительной ихъ стѣнѣ мнѣнїе, повѣся головы и сердясь на насъ, больше хвастать и не осмѣлились.

Проѣхавши сїе великолѣпное и ни что значущее укрѣпленїе, Китайскою стѣною называемое, и на здѣланную Римлянами противъ Пиктовъ въ Нордъ-Гумберландїи стѣну похожее, ѣхали мы мало населенною областїю. Жители оной заперты, такъ сказать, въ укрѣпленныхъ своихъ мѣстахъ, въ которыхъ кроются они отъ частыхъ Татарскихъ набѣговъ. Тогда узналъ я совершенно, сколь нужно есть не отлучаться отъ своего каравана. Татарскїя насъ окружающїя и къ намъ подъѣзжающїя воровскїя шайки, дѣлали намъ частыя безпокойствїя, разсуждая же по ихъ нестройству и убору, почти на военную стать похожему, весьма дивился, какъ могло быть завоевано столь пространное Китайское государство такими презрительными тварьми, каковы они мнѣ быть казались безъ всякаго порядка военной дисциплины, и почти безъ оружїя. Лошадей имѣли худощавыхъ и со всѣмъ неъѣзжаныхъ; словомъ,

комъ, они ни къ чему больше не годились, какъ только къ разбитiю малыхъ, а не такихъ каравановъ, каковъ былъ нашъ, что и имѣлъ я случай видѣть въ самомъ дѣлѣ. Сколь скоро мы только проѣхали Китайскую стѣну, то тогдашней нашъ командиръ позволилъ намъ отъѣхать на охоту за дикими баранами; ихъ было въ виду цѣлое стадо. Вмѣсто сихъ барановъ наѣхали мы на партiю Татаръ, состоящую человѣкъ въ сорокъ. Они выѣхали также на охоту, однакожъ на отмѣнную отъ нашей; ибо сколь скоро насъ увидѣли, то начали трубить въ роги. Мы тотчасъ догадались, что они призываютъ къ себѣ товарищей; а сiя наша догадка была не напрасная, по тому что чрезъ малую четверть часа увидѣли мы еще въ толикомъ же числѣ изъ лѣсу выѣхавшую шайку Татаръ.

По щастiю былъ съ нами Шотландской купецъ, а Московской житель. Онъ услышавши позывной ихъ голосъ, приказалъ намъ построившись ударить на сихъ бездѣльниковъ. Татары смотря на такую нашу отвагу, не думали ни мало о порядкѣ, и по приближенiи нашемъ къ нимъ, пустили въ насъ изъ своихъ луковъ много стрѣлъ; однакожъ ими никого изъ насъ не ранили, не

отъ того, чтобъ дурно мѣтили, но причиною тому было наше отъ нихъ отдаленiе; естьли же бы мы къ нимъ хотя на полъаршина ближе были, то бы они хотябъ насъ и не побили, однакожъ всѣхъ переранили. Видя такую ихъ ошибку, дали по нихъ залпъ, и послали имъ вмѣсто стрѣлъ пули, а выстрѣливши изъ ружей, поскакали на нихъ по приказу нашего храбраго Шотландца съ пистолетами, и по приближенiи къ нимъ, здѣлали вторичной залпъ; а послѣ вынувши сабли, бросились въ ихъ кучу, однакожъ напрасно. Ибо мошенники тотчасъ обратились въ бѣгство, куда и выѣхавшiе же на зовъ ихъ Татара товарищей своихъ бѣгущихъ видя убралися.

Такимъ образомъ окончалось наше сраженiе, во время котораго принуждены мы были упустить пойманныхъ нами барановъ. У Татаръ было пять человѣкъ убитыхъ; чтожъ принадлежитъ до раненыхъ, то я о томъ подлинно сказать не могу, по тому что они ихъ увезли съ собою. Пять дней по томъ спустя, въѣхали мы въ безводную степь, и для того принуждены были везти съ собою воду, а наслѣги имѣть подобные тѣмъ, какiе имѣютъ вояжиры, проѣзжающiе Аравiю. Сiю пустыню чи-

таютъ къ Китаю, но они ее и защищать не думаютъ, по чему проѣздъ чрезъ оную есть отъ набѣговъ Татарскихъ весьма опасной; а особливо въ маломъ числѣ людей состоящимъ караванамъ. Мы же будучи многолюдны, сихъ бездѣльниковъ не боялись; случилось же съ нами то, что они побудили насъ къ осторожности, однакожъ безъ дальнихъ хлопотъ, а только подстрѣлили лошадь, которую мы и бросили имъ на съѣденіе.

Послѣ того ѣхали мы цѣлой мѣсяцъ со всѣмъ безопасною дорогою, и нѣкоторымъ образомъ Китайцамъ подвластною землею Тамъ было нѣсколько деревень, и отъ нападеніевъ Татарскихъ укрѣпленныхъ замковъ. По пріѣздѣжъ къ городу Науму случилась мнѣ нужда въ верблюдѣ, коихъ приводятъ въ сіе мѣсто для продажи проѣзжающимъ. Я бы могъ достать его не ходя самъ за сею скотиною. Но какъ старой дуракъ вздумалъ побывать и тамъ, гдѣ ихъ отъ Татаръ прячутъ, съ собою подозвалъ я и старика лоцмана. Съ нимъ дошли мы до помянутаго города, лежащаго въ низкомъ и болотномъ мѣстѣ, и окруженнаго набросанными въ великія кучи каменьями. Въ немъ находился Китайской гарнизонъ, изъ

числа котораго стоялъ у воротъ сей крѣпости часовой, похожей на корчебныхъ крючковъ. Купивши верблюда, и возвращаясь въ провожаніи Китайца, сей скотины хозяина въ караванъ, атакованы были Татарами. Ихъ было пять человѣкъ; двое изъ нихъ отняли у Китайца верблюда, а послѣдніе бросились на меня и лоцмана. Мы не успѣли еще и шпагъ своихъ вытащить, и не имѣя къ защищенію своему отъ сей кавалеріи удобнаго оружія, ожидали конца судьбы своей, а между тѣмъ ударилъ меня Татаринъ по головѣ саблею, и лиша памяти, сшибъ съ ногъ. Португалецъ, видя меня упавшаго, выхватя пистолетъ, у него въ карманѣ случившейся, убилъ моего злодѣя, а по томъ вынувши свою саблю, безъ которой онъ и на сторону не хаживалъ, ранилъ лошадь, на него напавшаго другаго вора, коя збѣсившись потащила ѣздока своего въ лѣсъ, а на конецъ и со всѣмъ его съ себя збивши придавила. Китаецъ, у коего отняли верблюда, побѣжалъ къ лежавшему подъ лошадью Татарину, и вынувши егожъ саблю, разрубилъ ему голову. Храброму старику моему должно было управляться съ третьимъ Татариномъ, коего видя сверьхъ чаянія стоящаго еще на мѣстѣ, угрожалъ своимъ пистолетомъ.

летомъ. Но разбойникъ не дожидаясь вторичнаго выстрѣла, поскакалъ въ лѣсъ, и бѣгствомъ своимъ вручилъ старику совершенную побѣду.

Между тѣмъ началъ приходить я въ чувство, и будто отъ глубокаго сна пробужаясь, чувствовалъ въ головѣ несказанную боль: но не могъ вспомнить, отъ чего упалъ я на землю, и отъ чего у меня сія боль происходитъ. А какъ приходя въ чувство схватился за голову, и замаралъ въ крови руку, то вспомня о произшедшемъ, началъ было вынимать шпагу, но и то оставилъ за низложеніемъ всѣхъ моихъ непріятелей; ибо близъ меня лежалъ изъ пистолета убитой Татаринъ; подлѣ тѣла его стояла лошадь, которую я схватя, на силу могъ оттащить отъ ее господина.

Португалецъ видя меня на ноги вставшаго, съ радостнымъ восторгомъ обнимая, восклицалъ побѣду, и осматривая мою рану, увѣрялъ меня, что уже нѣтъ ни малой опасности, и что непріятели наши уже со всѣмъ прогнаны. Отъ сей побѣды не имѣли мы большаго убытка; ибо лишась верблюда, получили вмѣсто того Татарскую лошадь. Ее хотѣли мы отдать Китайцу, вмѣсто отнятаго у насъ Татарами верблюда; но онъ о томъ не хотѣлъ

хотѣлъ и слышать, а требовалъ отъ меня договоренную за скотину свою плату. Сперьва смѣялся я такому его требованію, но на конецъ принужденъ по приговору судьи находящагося въ той деревнѣ, гдѣ тогда для отдохновенія караванъ нашъ стоялъ, заплатить ему полную за оного сумму. Судъ же между мною и Китайцовъ производился слѣдующимъ образомъ: Судья выслушавши Китайцовъ доносъ, и учиненной мною на то отвѣтъ, спросилъ, кто изъ васъ велъ верблюда? Я отвѣчалъ, Китаецъ. По прозьбѣ иностранца, купившаго мою скотину, взялся проводить его до сей деревни; и такъ ты былъ на сей случай его слугою, а за слугу, яко невольника, другой не отвѣтствуетъ, и за причиненной имъ постороннимъ людямъ вредъ никто не платитъ, кромѣ того, которому онъ служитъ. Слѣдовательно вы, господинъ иностранецъ, бывшей на помянутой случай Китайцовымъ помѣщикомъ имѣете за него отвѣтствовать, и за потеряніе имъ верблюда, заплатить хозяину сей скотины договоренную между вами за оную цѣну. Выговоривши сіе, спросилъ онъ у насъ, довольны ли мы его приговоромъ; а хотя Китайцу и досадно было называться моимъ слугою,

одна-

однакожъ сносилъ сей титулъ для получения отъ меня требуемыхъ имъ денегъ.

Я не могъ противорѣчить мнѣнiю сего судьи, для чего и заплатилъ безъ всякихъ отговорокъ договоренную за верблюда цѣну, и приказалъ къ себѣ привести еще другова. Можно повѣрить, что я уже вторично за нимъ итти не вздумалъ; ибо потерянные мои деньги и разбитая голова, были наставленiемъ къ дальнѣйшей отъ того предосторожности. Между тѣмъ подъѣзжали мы къ пограничному Китайскому городу, отъ всѣхъ Крѣпостью называемому. Но я будучи хотя и мало въ искуствѣ укрѣплять города свѣдомъ, не беру на свою совѣсть именовать ее такою. Ибо сей городъ окруженъ былъ только каменною стѣною, которую въ разсужденiи живущихъ въ сихъ мѣстахъ и огнестрѣльнаго оружiя не имѣющихъ Татаръ, не только посредственною, но и со всѣмъ непобѣдимою назвать хотя и можно; однакожъ она въ число и малыхъ Европейскихъ замковъ не войдетъ. Въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ сего пограничнаго Китайскаго мѣста повстрѣчался съ нами курьеръ, изъ онаго къ намъ на встрѣчу посланной. Губернаторъ Китайской разослалъ ихъ по всѣмъ дорогамъ, во осто-

осторожность проѣзжающимъ, съ такимъ приказанiемъ, чтобъ дожидались для провожанiя въ городъ посланныхъ отъ него конвоевъ; ибо по другую сторону крѣпости появились нѣсколько тысячь Татаръ.

Сей честной Губернаторской поступокъ былъ намъ хотя весьма прiятенъ; однакожъ по полученной чрезъ курьера, о приближенiи къ городу Татаръ вѣдомости, не знали мы что дѣлать, остановились по приказанiю Губернаторскому въ угодномъ для насъ мѣстѣ, и дожидались обѣщаннаго отъ него конвою, которой въ числѣ 500 Китайскихъ салдатъ скоро по томъ къ намъ и прибылъ, по чему и отважились мы продолжать путь свой. Учредили изъ нихъ аванъ и арiергарды, каравану же приказали итти въ срединѣ. Въ такомъ порядкѣ будучи къ бою готовыми подъѣзжали къ городу. Первой день походу нашего шло порядочно, и къ принятiю непрiятеля было все въ готовности; но на другой день приняло оное со всѣмъ иной видъ, и отъ приближающихся Татаръ произошло въ салдатахъ, защитникахъ нашихъ, крайнее нестройство.

При входѣ въ помянутой городъ должны мы были переправляться чрезъ рѣку, при чемъ бы Татары, естьлибъ хотя

хотя мало догадливы были, могли всѣхъ насъ по рукамъ разобрать, а особливо, когда при переправѣ каравана аріергардъ нашъ на другой сторонѣ помянутой рѣки находился: но тогда непріятелей нашихъ и въ виду не было, а показались они часа чрезъ три послѣ того, какъ мы уже въ степь вѣзжать начали, гдѣ узнали объ нихъ по восходящей вверьхъ пыли. Сіе видя составляющіе авангардъ Китайцы, за день предъ онѣмъ несказанно храбровавшіе, начали ежеминутно назадъ оглядываться. Старой лотсманъ примѣтя ихъ трусость, просилъ меня, чтобъ я ободрялъ сихъ бездушныхъ тварей. Они, говорилъ онъ, побѣгомъ своимъ приведутъ и насъ въ замѣшательство. Не лучше вашего и я объ нихъ думаю, отвѣчалъ ему на то; но чѣмъ пособить сему нещастію? По моему мнѣнію, перервалъ онъ рѣчь мою, надлежитъ стать намъ самимъ по флангамъ, и подкрѣплять сихъ бездѣльниковъ, а отъ того можетъ быть и они удержатся на своемъ мѣстѣ. Я выслушавши сей полезной совѣтъ его, поскакалъ къ караванному командиру, и объявя ему о томъ, построилъ своихъ людей по ботсманову намѣренію, а оставшимъ отъ того ста человѣкамъ, приказалъ составить для подкрѣпленія флан-

фланговъ запасной корпусъ. Въ такомъ порядкѣ продолжали мы путь свой, приставя 200 человѣкъ Китайцовъ къ охраненію нашихъ верблюдовъ и вьючныхъ лошадей.

Скоро по томъ подскакали къ намъ и Татары. Ихъ было нѣсколько тысячь. По приближеніи къ намъ, отдѣлили они отъ себя не малой корпусъ, конечно осмотрѣть, въ какомъ идемъ мы порядкѣ. Командиръ нашъ видя приближающихся непріятелей, и не дождавшись отъ нихъ нападенія, приказалъ съ произвожденіемъ огня на нихъ ударить. Татары ни мало не обороняясь, поворотили къ главному своему корпусу; а сей услышавши о учиненномъ отъ насъ на товарищей ихъ нападеніи, весь остановился; по томъ давъ намъ дорогу, подался въ лѣвую сторону, и открывши тѣмъ свободной путь, безпрепятственно и безъ всякаго бою пропустилъ насъ въ городъ, въ которой мы на третей день и пріѣхали. За высланныхъ къ намъ изъ крѣпости салдатъ должно было подарить Губернатора, також и трудившихся для насъ служивыхъ, коихъ въ командѣ его было болѣ девяти сотъ человѣкъ. Правду сказать, Губернаторъ заслужилъ себѣ нашу благодарность. Чтожъ принадлежитъ до сего

его солдатъ, что не стояли они ни малаго награжденія; однакожъ, что дѣлать, надобно было и ихъ удовольствовать, и для того собравши 200 ефимковъ поднесли ихъ командиру.

Отдохнувши въ сей крѣпости нѣсколько дней отправились мы въ путь свой, въ которомъ должно было переѣзжать намъ множество великихъ рѣкъ, и двѣ степи. Сія земля, какъ уже выше сказывалъ, была со всѣмъ пустая, и ни кому не принадлежащая. 13 Марта прибыли на Россійскія границы, естьли не обманываюсь въ городъ Аргунъ, на рѣкѣ тогожъ имяни лежащей. До того видѣли мы только идоловъ, и народъ обоженіемъ проклятыхъ дѣлъ рукъ своихъ оскверняющей службу Творцу ихъ должную. По пріѣздѣжъ на помянутыя границы, наѣхали людей прославляющихъ имя Господне. Въ радости своей о расширяющемся въ сихъ мѣстахъ Христіанскомъ законѣ, почиталъ я себя будто бы между однородцевъ своихъ находившимся, и благодарилъ Бога за избавленіе отъ неисчислимыхъ во время странствованія мнѣ случившихся бѣдъ.

Впрочемъ во всей сей землѣ не нашли мы ничего достойнаго примѣчанія, кромѣ того, что рѣки оной текутъ въ восточ-

восточное море, большая изъ нихъ называется Амуръ. Изъ Аргуна поѣхали мы въ самую нутрь Сибири; а между тѣмъ случилось мнѣ видѣть въ нѣкоторой въ пути нашемъ лежащей деревнѣ слѣдующее: Жители оной намѣрены были въ день нашего къ нимъ пріѣзда приносить жертву, стоявшему внѣ жилищъ ихъ на пнѣ, деревянному и ужасному идолу. Онъ былъ таковъ, что естьлибъ кому нарисовать вздумалось дьявола, то лучшей къ тому копіи сего ужаснаго чудовища искать былобъ не надобно. Голова его не походила ни на какую звѣриную, уши величиною съ козьи рога, глаза съ тарелку, а ротъ подобной львиной пасти, съ кривыми и такими клыками, какія у кабановъ бываютъ, одѣтъ въ сходственность своею дурною фигурою; станъ его покрытъ былъ бараньими кожами, вверьхъ шерстью повороченными, а на головѣ имѣлъ Татарскую шапку и два великіе рога; вышиною футовъ въ восемь, впрочемъ безъ рукъ и безъ ногъ.

Услышавши о ихъ жертвоприношеніи, изъ любопытства ходилъ я смотрѣть сіе чудовище, и засталъ предъ нимъ 16 или 17 человѣкъ животныхъ; женщины ли то были или мущины, по одинакому платью ихъ разобрать было

было не можно. Всѣ они лежали ницъ, и молились помянутому безобразію, а при томъ столь неподвижно, что я почиталъ ихъ таковыми же статуями, какова и сія была мерзость; а какъ подошелъ къ нимъ ближе, то вскочили съ несказанною торопливостію и съ ужаснымъ крикомъ, подобной собачьему вою, побѣжали, какъ будто съ ума сшедшія, въ деревню.

Не далеко отъ идола находился шалашъ, покрытой коровьими кожами и овчинами. Во дверяхъ онаго стояли три человѣка, коихъ почелъ я живодерами. Въ рукахъ имѣли они большіе ножи, а въ срединѣ шалаша ихъ лежали три барана и молодой зарѣзанной быкъ, по видимому принесенные на жертву помянутому уроду. Сіи показавшіеся мнѣ живодерами были жрецы его, а означенные 17 человѣкъ приносители жертвы.

Грубость идолопоклонства ихъ такъ меня огорчила, что я таковой досады и въ жизнь мою никогда не чувствовалъ. Какъ можетъ статься, говорилъ я, чтобъ предъ всѣми тварьми для познанія и прославленія Творца своего разумнымъ духомъ одаренной человѣкъ покланялся сему безобразію? Такимъ образомъ, взирая на сію самымъ демономъ въ

въ людей ему покланяющихся для отвращенія ихъ отъ Бога, вкорененную службу, пришедъ внѣ себя, и въ иступленіи своемъ прискакавши къ идолу разрубилъ ему голову, а отъ сего дѣйствующаго во мнѣ Христіанства произошло во всей деревнѣ несказанное востаніе. Въ одну минуту окружили меня человѣкъ сто Татаръ, отъ коихъ, хотя и на силу спасшись, однакожъ намѣренъ былъ посѣтить еще разъ ихъ идола.

Тогда остановился караванъ въ четырехъ верстахъ въ лежащемъ отъ сей деревни городѣ. Товарищи мои думали пробыть тамъ нѣсколько дней, и перемѣнить отъ худой дороги испорченыхъ лошадей своихъ. А сей растахъ подалъ мнѣ случай исполнить мое предпріятіе, которое открылъ я нѣкоторому изъ моихъ товарищей природному Шотландцу, увѣрившему меня при разныхъ случаяхъ о своей предпріимчивости. Онъ выслушавши чинимое мною о томъ предложеніе нѣсколько усумнился, и выхваляя мою къ вѣрѣ горячность, спросилъ, на какой конецъ намѣренъ я вдаваться въ видимую опасность. Чтобы отмстить, отвѣчалъ я ему, сею дьявольскою службою, нарушаемую честь Божію, и отвратить бѣдныхъ людей отъ ихъ крайняго невѣжества. Для сего

то бы надлежало вложить имъ, говорилъ Шотландецъ, нѣкоторое о Богѣ понятіе. Низложеніемъ же идола произвести въ нихъ можно одно противу Христіанъ востаніе; ибо они никого, кромѣ ихъ, притчиною разоренія службы ихъ не почтутъ; утушеніе же онаго безъ кровопролитія не пройдемъ, за что будете вы предъ Богомъ отвѣтствовать. А притомъ естьли вы къ нимъ въ руки попадетесь, то здѣлается съ вами то же, что терпѣлъ отъ нихъ нѣкоторой насмѣявшейся идолу ихъ Христіанинъ. Его, раздѣвши Татара нагова, посадили на свое чудовище, и окружа со всѣхъ сторонъ, до тѣхъ поръ въ него стрѣляли, пока здѣлали на немъ изъ стрѣлъ такъ какъ щетину, послѣ оныя зажгли; и такъ принесли его идолу своему на жертву. Я дивился такому ихъ безчеловѣчію, и подговаривалъ его къ отмщенію за сего невиннаго.

Онъ согласившись на конецъ на мое предложеніе, подозвалъ съ собою въ товарищество ѣхавшатожъ съ нами изъ Китая Аглинскаго Капитана Рихардсона. Сей былъ человѣкъ отважной; и такъ положили мы трое итти въ помянутую деревню. Къ тому приглашалъ я и своего товарища; но онъ опасаясь, чтобы отъ того не лишиться своихъ сокро-

сокровищъ, отъ насъ отказался, обѣщаясь въ случаѣ нужды дѣлать намъ всякое вспоможеніе. Въ предпріятіи твердой, и въ исполненіи онаго проворной Шотландецъ принесъ ко мнѣ Татарское платье, лукъ и стрѣлы, чѣмъ обмундировалъ онъ и Капитана Рихардсона. А сей будучи искусной феерверкмейстеръ, надѣлалъ намъ множество такихъ составовъ, коими начиня идола, здѣлали мы изъ него изрядную иллюминацію. А дабы имѣть способъ убраться изъ города, то положили исполнить сіе намѣреніе въ ту самую ночь, въ которую на разсвѣтѣ намѣренъ былъ караванъ нашъ въ походъ выступить. Въ прибавокъ къ фееверочнымъ составамъ взяли мы еще два горшка смолы.

Такимъ образомъ всѣмъ снабдившись, пошли по закатѣ солнца въ помянутую деревню. Умѣренная ночная темнота способствовала намъ къ исполненію нашего предпріятія. Идолъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, а въ деревнѣ находились всѣ въ глубокомъ снѣ, выключая, что въ шалашѣ, въ коемъ я жрецовъ видѣлъ еще не спали. Мы опасаясь того, чтобы они намъ не помѣшали, вздумали было, отнести идола въ лѣсъ, тамъ исполнить свое предпріятіе: но сіе должно было за тяжели-

ною

ною сей статуи оставить. Капитанъ Рихардсонъ совѣтовалъ зажечь шалашъ, и не выпуская находившихся въ немъ Татаръ, побить ихъ до смерти; но я не согласуясь на такое кровопролитїе, вздумалъ здѣлать свидѣтельми сокрушаемаго нами ихъ идола, и для того подошедъ къ дверямъ, началъ стучаться. На стукъ нашъ выскочилъ изъ шалаша Татаринъ, коего мы схватя тотчасъ связали, и положа ему въ ротъ кляпъ, отнесли предъ идола. Между тѣмъ, нѣсколько по томъ спустя, вышелъ другой, и имѣлъ ту же участь. На вторичной нашъ стукъ, вышли еще двое, съ коими поступили мы также, какъ съ ихъ товарищами. Къ оставшимъ въ шалашѣ бросили гранату, и такъ въ немъ надымили, что не привычные къ пороху Татара попадали на землю, и безъ всякой обороны дались намъ вязать себя.

Слуга мой, коего я взялъ съ собою, отводилъ и клалъ ихъ одного подлѣ другаго лицами прямо къ идолу. По окончанїи сей церемонїи принялись мы за идола, облили его и все платье смолою, набили ему въ ротъ, уши и въ глаза пороху, и фееверчныхъ составовъ, и обрывши со всѣхъ сторонъ соломою, подняли жрецовъ и жертвоприноси-

носителей онаго, коихъ увѣряя въ тлѣнности мнимаго ими Бога, зажгли его со всѣхъ сторонъ. Пожаръ начался безъ всякаго шуму, сколь же скоро дошло до пороху и фееверчныхъ составовъ, то начало статую рвать, и здѣлало изъ нее дурной и безобразной обрубокъ. А чтобы стоявшїе свидѣтели сего крушенїя въ огонь не побросались, и съ идоломъ своимъ не згорѣли, что весьма могло статься, то принуждены мы были до тла зжечь сїю статую.

Тѣмъ окончавши свое предпрїятїе возвратились въ городъ въ самое то время, какъ дорожнїе наши къ отъѣзду приготовляться начали, а по тому, что мы между собирающимися въ дорогу первые были, не можно было и догадаться, что идольскому сокрушенїю мы притчиною. А хотя насъ въ томъ никто и не подозрѣвалъ, однакожъ сїя проказа добромъ не кончилась; ибо по выѣздѣ нашемъ изъ города собралось предъ стѣны онаго великое множество Татаръ, и приступая къ воеводѣ, требовали отъ него, чтобъ онъ выдалъ имъ виноватаго, и угрожая наглымъ образомъ, хотѣли напасть на Христїанъ, заклинаясь единодушно отмстить всѣмъ за учиненную Хамхитонгу,

гу, живущему въ солнцѣ, непростительную обиду.

Многолюдствомъ ихъ устрашенной воевода старался ласкою успокоить бунтующихъ, и увѣря, что въ ту ночь ни одинъ команды его салдатъ за городъ не выхаживалъ, отвелъ ихъ отъ себя, а наконецъ успокоилъ ихъ тѣмъ, что обратилъ всю сїю вину на насъ. Такое предложенїе успокоило нѣсколько Татаръ, а воевода обѣщаясь имъ послать за нами, и возвратить виноватаго, приказалъ имъ во ожиданїи онаго итти въ свои жилища. Собравшаяся Чудь была тѣмъ весьма довольна. Городской же командиръ прислалъ къ намъ разсылщика съ приказанїемъ, чтобы караванъ какъ возможно поскорѣе убрался въ какую нибудь крѣпость, и тамъ бы до тѣхъ поръ пробылъ, пока Татара со всѣмъ успокоятся.

Сїе благоразумное воеводское приказанїе побудило насъ день и ночь продолжать путь свой, и быть во всегдашней отъ нападенїя непрїятелей нашихъ готовности: виноватымъ же никто изъ насъ не признавался. На третей день форсированнаго нами маршу, увидѣли мы позади себя великую пыль, а къ вечеру по другую сторону озера, близъ котораго мы тогда ѣхали, множество

ство конницы. На другой день по томъ съѣхались мы съ непрїятелями нашими весьма близко, для чего и остановились въ выгодномъ для насъ мѣстѣ, на рѣкѣ Удѣ. По одну сторону находились у насъ горы, по другую болото, а позади густой лѣсъ, изъ котораго здѣлали себѣ засѣку.

И только успѣли такимъ образомъ укрѣпиться, какъ прислали къ намъ оступившїе насъ Татары своихъ посланцовъ, и требовали выдачи обидившаго ихъ Хамхитонгу, дабы принести его за такое дерзновенїе на жертву ихъ идолу, устращивая при томъ, естьли мы винныхъ не выдадимъ, побрать всѣхъ насъ въ полонъ. Весь караванъ дивился такому ихъ требованїю и безпутнымъ угрозамъ, и увѣряя въ невинности своей Татарскихъ посланцовъ, отвѣтствовали, что до тѣхъ поръ будемъ защищаться, пока силы нашей станетъ. Татара будучи тѣмъ не довольны, начали насъ атаковать; но укрѣпленное натурою мѣсто, не допустило ихъ ворваться въ нашъ корпусъ. Между тѣмъ подъѣхалъ къ караванному командиру провожающей насъ казакъ и прося за труды, увѣрялъ его, что онъ можетъ обратить непрїятелей нашихъ къ Селенгинску. Мы обѣща-

обѣщались дать ему за то довольную плату; а казакъ схватя лукъ и стрѣлы поскакалъ въ поле, и объѣхавши стороною вмѣшался въ Татарскую шайку.

А понеже онъ былъ самъ изъ Татаръ, то разумѣлъ языкъ ихъ такъ, какъ и Руской. Татары увидѣвши его, тотчасъ схватали, и стали спрашивать, откуда онъ ѣдетъ. Казакъ сказался посланнымъ отъ воеводы въ Селенгинскъ, съ тѣмъ, чтобы остеречь живущихъ тамъ Татаръ, отъ нѣкоторыхъ бездѣльниковъ сокрушившихъ Хамхитонгу, и намѣрившихся тамъ зжечь другаго Татарскаго идола, Шализара называемаго. Татара услышавши о томъ, здѣлали ужасной вой, и оборотясь поскакали въ Селенгинскъ, а казакъ возвратился къ намъ въ караванъ, и получилъ за выдумку свою довольную плату.

Симъ казацкимъ вымысломъ, отъ крайней опасности избавившись, прїѣхали мы на конецъ въ городъ Россїйскимъ гарнизономъ снабдѣнной. Тамъ отдыхали отъ понесенныхъ во время безпокойнаго нашего пути трудовъ цѣлые 5 дней, и въ разсужденїи того, что должно было переѣзжать еще великую степь, купили мы себѣ полатки,

да для запасу взяли 16 телѣгъ, изъ коихъ составляя вагенбургъ, въ покоѣ, спали въ своемъ лагарѣ; а наконецъ прїѣхали въ Тобольскъ, главной Сибирской городъ, гдѣ и принужденъ я былъ сверьхъ моего чаянїя прожить долгое время. Въ сей городъ прибыли мы изъ Пекина въ девятой мѣсяцъ.

По прїѣздѣ нашемъ въ Тобольскъ, наступила прежестокая зима. Весь караванъ отправился въ Москву, а я съ товарищемъ своимъ, въ разсужденїи того, что мнѣ тамъ дѣлать нѣчего было, остался въ Сибирѣ, и помышляя о своемъ отечествѣ, положилъ ѣхать при наступленїи весны къ городу Архангельскому. Такимъ образомъ находился я съ климатомъ моего острова со всѣмъ въ противномъ мѣстѣ. Тамъ не было мнѣ и въ платьѣ нужды, здѣсь же принужденъ здѣлать себѣ двѣ фуфайки, камзолъ и длинной кафтанъ; а все оное подбить мѣхомъ. Аглинской каминъ будучи не въ состоянїи съ Рускимъ холодомъ боротся, мнѣ былъ не надобенъ, а довольствовался я хотя въ самомъ дѣлѣ и неудѣльною, однакожъ теплою Рускою печью.

Зимнее время препроводилъ я тамъ безъ всякой скуки, по тому что помянутой Шотландской купецъ, а Москов-

скоеской житель познакомилъ меня съ Тобольскими обывателями, а особливо съ нѣкоторымъ тогда въ сей городъ сосланнымъ до сего весьма знатнымъ, а при томъ разумнымъ человѣкомъ. Онъ разсказалъ мнѣ свою исторію. Нещастіе его было мнѣ весьма чувствительно. Я сказывалъ ему и о своихъ приключеніяхъ; а какъ дошла рѣчь до того, что я нѣкогда былъ самовластнымъ правителемъ, то онъ сперьва тому весьма дивился; а по томъ по изъясненіи всѣхъ до того касающихся обстоятельствъ, здѣлалась ему сказка моя пріятною. Такимъ образомъ препровождали мы свою скуку; а на конецъ съ симъ нещастнымъ человѣкомъ такъ я подружился, что крайне не хотѣлось мнѣ съ нимъ разстаться, и естьлибъ не собственное его упрямство препятствовало, то бы я конечно избавилъ его отъ заключенія. Но сей въ свѣтѣ искусившейся нещастливецъ и слышать о томъ не хотѣлъ, чтобы ему еще во оной пуститься.

Нѣкогда будучи въ цѣлой компаніи, гдѣ и онъ находился, разсказывалъ я свою повѣсть, коею всѣ были весьма довольны; а особливо, когда дошло мнѣ говорить о бывшемъ моемъ на острову самовластіи, то сей разумной мужъ вздохнувши, сказалъ на то, что подлинное

ное величество человѣка состоитъ во владѣніи самимъ собою, и въ пріобрѣтеніи самовластія надъ страстьми своими; что онъ во уединеніи своемъ находитъ больше благополучія, нежели его имѣлъ, находясь въ знатномъ достоинствѣ; и что по его мнѣнію вышняя степень разума человѣческаго есть умѣніе умѣрять свои желанія и страсти, и располагать оныя по тому состоянію, въ кое насъ всевышнее провидѣніе преобразить за благо разсудитъ.

Въ первые дни моего здѣсь пребыванія, продолжалъ онъ рѣчь свою, мнимое нещастіе было мнѣ несносно, рвалъ на себѣ волосы, дралъ платье; словомъ, я былъ человѣкъ отчаянной, но по прошествіи нѣкотораго времени, разумныя разсужденія побудили меня войтить въ разборъ самаго себя и всѣхъ окружающихъ меня предмѣтовъ. Разумъ мой, получившей волю разбирать подробность жизни и свойство помощи отъ свѣта заимствующей, показалъ мнѣ путь къ достиженію вещественнаго благоденствія, независящаго отъ ударовъ судьбы и сходствующаго съ общимъ всѣхъ намѣреніемъ; помощію его въ короткое время понялъ я, что здоровой воздухъ сего мѣста, простая пища для содержанія жизни; для прикрытія

крытія тѣла отъ безпокоющаго насъ воздуха, способное платье, вольность мыслей, необходимыя тѣлодвиженія, могутъ подать больше способовъ къ удовольствію моего человѣчества, нежели коварная свѣтская политика, въ вихряхъ которой напередъ сего я находился. Правда, что знать, великомочіе, богатство и отъ того произходящія удовольствія, коихъ напередъ сего имѣлъ съ излишествомъ, могутъ намъ произвесть тысячу пріятностей: но всѣ сіи веселостей источники имѣютъ ужасное вліяніе на мерскія наши страсти, и угобждая, такъ сказать, наше славолюбіе, надмѣнность, скупость, сластолюбіе дѣлаютъ насъ только порочными. А сіе сходствуетъ ли съ дарованіями украшающаго разумнаго человѣка? и съ добродѣтельми приличествующими доброму Христіанину. Лишенъ же нынѣ будучи всѣхъ пороками избыточествующихъ щастіевъ, отдаленъ отъ пустаго его блистанія, взираю на него съ настоящей стороны темноты его, и совершенно увѣренъ, что не сіе ослѣпленіе, но единая добродѣтель дѣлаетъ человѣка разумнымъ, великимъ и богатымъ, приготовляетъ его къ наслажденію вѣчныхъ благоденствіевъ. Въ таковыхъ мысляхъ, говорилъ

рилъ онъ, нахожусь я въ сей пустынѣ щастливѣе всѣхъ моихъ непріятелей, хотя въ совершенномъ владѣніи богатствѣ и достоинствѣ моихъ живущихъ, и по тому спокойными себя почитающихъ, что получили то, чего я лишась нахожусь ихъ щастливѣе.

Вы можетъ быть, государь мой, прибавилъ онъ къ тому, подумаете, что я уже принужденъ, и притворно вхожу въ такія разсужденія, дабы облегчить состояніе, всѣми бѣднымъ называемое. Но по чести васъ увѣряю, что естьлибъ меня во всѣ мои достоинства возвратить вздумали, то бы конечно оныя охотно не принялъ; ибо такую чрезвычайную мыслей перемѣну уподобляю я бездѣльству, отъ тѣлеснаго заключенія уже избавившемуся человѣку, кой вкуся небесныхъ благъ, желаетъ возвратиться къ тлѣнной человѣческой жизни.

Хотя я прежде сего былъ и самъ нѣкоторой властитель, какъ уже о томъ и объявлялъ вамъ, говорилъ я сему разумному; однакожъ, что до васъ принадлежитъ, то вы не только въ бывшей моей власти со мною равняетесь, но еще меня и превосходите, по тому что одержавшей побѣду надъ бунтующимъ страстьми своими и покорившей волю

волю свою разуму, заслуживаетъ имя побѣдителя больше, нежели сокрушитель многихъ стѣнъ города ограждающихъ. Но покорно прошу, государь мой, позвольте мнѣ спросить васъ, будете ли тогда таковыжъ, каковы вы теперь есть, когда позволится вамъ оставить сїе уединенїе. Надлежитъ прилѣжно о семъ подумать, отвѣчалъ онъ, чтобы порядочнымъ отвѣтомъ удовольствовать ваше желанїе. Ни что въ свѣтѣ не можетъ побудить меня къ старанїю о избавленїи отъ моей неволи, кромѣ двухъ слѣдующихъ причинъ, а именно: Удовольствїе видѣть моихъ родственниковъ, и желанїе жить въ лучшемъ, нежели въ здѣшнемъ мѣстѣ, а безъ того божусь вамъ, что естьлибъ мой Монархъ вздумалъ возставить меня на высоту прежняго моего достоинства и въ сопряженное со онымъ безпокойствїе, то бы я не вздумалъ бросить сїи дикїя мѣста, сїи степи и сїи замерзлыя навсегда воды, для пустаго блистанїя чести и богатства; словомъ, я ни за что не перемѣню своего состоянїя.

Но можетъ быть, сказалъ я ему, вы не только лишены чина и богатствъ вашихъ, но еще и всего того, что составляетъ жизнь посредственнаго человѣка.

Вы

Вы отгадали, отвѣчалъ онъ, что я лишенъ и того; но не смотря и на то, осталось у меня еще, чѣмъ могу прожить до конца своего, а особливо, что на содержанїе мое исходитъ здѣсь весьма мало.

Пространнобъ было вмѣстить здѣсь всѣ случившїеся между нами разговоры, и для того прекратя оные приступаю къ окончанїю своихъ собственныхъ похожденїевъ. Я выше уже сказывалъ, что мы препровождали скучное время, посѣщая другъ друга. Впрочемъ не имѣли мы здѣсь во всемъ къ содержанїю жизни человѣческой необходимо нужномъ ни малаго недостатка. Между тѣмъ наступилъ Мартъ мѣсяцъ; дни здѣлались длиннѣе, а холодъ умѣреннѣе. Оставшїе отъ зимняго каравана купцы приготовлялись отправиться по послѣднему пути въ Москву. Чтожъ до меня принадлежитъ, то я, опасаясь холоднаго времяни, а при томъ будучи извѣстенъ, что къ городу Архангельскому приходятъ корабли поздно, вздумалъ дожидаться тепла.

Такимъ образомъ уѣхали изъ Тобольска всѣ купцы, бывшїе мои сотоварищи. При наступленїи же Маїя мѣсяца началъ и я укладываться и приготовляться въ дорогу, а между тѣмъ взду-

малось

малось мнѣ избавить отъ неволи помянутаго нещастливца, и не взирая ни на какія отъ того произойти могущія дурныя слѣдствія, будучи нѣкогда съ нимъ въ компаніи, здѣлалъ ему о томъ предложеніе. Старикъ съ крайнею прилѣжностію выслушивалъ слова мои, а я говоря ему о томъ, примѣчалъ, не будетъ ли въ лицѣ его какихъ отъ того перемѣнъ. Но твердость духа его помогла ему слушать слова мои безъ всякаго поколебанія. Дивясь постоянству его, сталъ было просить, чтобъ онъ возпользовался столь щастливымъ для него случаемъ; на конецъ тронули его слова, въ лицѣ здѣлалась перемѣна, и казалось, будто бы ему совѣтъ мой не противенъ; но скоро по томъ оправясь, перервалъ онъ рѣчь мою. Когда уже и друзья мои, возопилъ онъ, мнѣ вѣрить не хотятъ, то можетъ ли кто нибудь быть нещастнѣе меня на свѣтѣ. Но я утѣшаюсь моею чистою совѣстію, и укрѣпляясь въ своей добродѣтели, постараюсь презрить уловляющія оную прелестью наполненныя слова ваши. Выговоривши сіе, и принявъ на себя спокойной видъ, продолжалъ рѣчь свою: почто вы, другъ мой, вздумали испытывать мою твердость, или думаете, что сплелъ я сію басню для вашего обмана? раз удитежъ,

тежъ, на какой бы конецъ то я дѣлалъ, и какаябъ могла произойти мнѣ отъ того прибыль?

Тѣмъ окончавши рѣчь свою, укорялъ меня моимъ недовѣреніемъ, а я всячески старался увѣрить сего старика, что къ помянутому моему предложенію побудило меня жалкое его состояніе, а при томъ отъ тогашнаго обхожденія утвержденная между нами пріязнь, и что по мнѣнію моему, долженъ онъ совѣтъ мой почитать ниспосылаемою для избавленія его Божескою помощію. Вы будучи честной и разумной человѣкъ, имѣете пользоваться симъ случаемъ, дабы живучи въ свѣтѣ лучше могли употреблять ваши дарованія. Кто можетъ, сказалъ на то старикъ увѣрить меня, чтобъ я почиталъ слова ваши званіемъ Всевышняго къ приведенію меня въ предлагаемое состояніе, и не сходнѣе ли мнѣ думать, что завидящей нынѣшнему моему благоденствію дьяволъ, влагая въ васъ такую мысль, старается привести обѣихъ насъ въ искушеніе? Могу ли я за себя поручится, чтобъ гордость, славолюбіе, жадность къ богатству, сластолюбіе и прочіе страсти, бывшіе сердца моего правителями, и нынѣ не со всѣмъ еще изъ онаго истребленные его злодѣи, имъ овладѣть не

не усилились, что въ свѣтской жизни весьма легко здѣлается, а тогда какъ будетъ съ видимымъ вами въ уединенiи, своимъ душевнымъ спокойствiемъ наслаждающимся невольникомъ; и для того прошу васъ, государь мой, оставте меня въ моей на самаго себя недовѣренности.

Я слыша такiя слова его замолчалъ, и не имѣя сказать въ опровержение твердыхъ его мыслей ничего основательнаго, просилъ у старика прощенiя въ томъ, что я ему усердiемъ моимъ причинилъ такое безпокойствiе. Послѣ того мы съ нимъ разстались, а чрезъ полчаса пришедъ паки въ мою квартиру говорилъ: Правда, что слова ваши, государь мой, не поколебали моей твердости, чему вы, какъ искренной мой другъ, конечно радоваться не оставите, и по растанiи нашемъ поминайте, что вы оставили друга хотя въ неволѣ, однакожъ владѣющаго страстьми своими. Выговоривши сiе началъ онъ лобызать меня съ несказанною нѣжностiю, а по томъ, въ знакъ утвержденной между нами дружбы, принудилъ меня взять пару богатыхъ соболей, и множество другихъ мѣховъ. Вмѣсто того послалъ я къ нему чаю, двѣ штуки китайки и нѣсколько золотыхъ Японскихъ денегъ.

Чай, китайку и для рѣдкости одинъ изъ помянутыхъ золотыхъ онъ принялъ, прочiя же отослалъ ко мнѣ обратно, сказавъ слугѣ моему, что сiя вредная монета въ нынѣшнемъ его состоянiи больше ему пользы не приноситъ.

Между тѣмъ въ бытность свою у меня, и благодаря за мое усердiе, началъ просить, чтобъ прежде обѣщанное ему исполнилъ я не съ нимъ, но съ человѣкомъ ему весьма надобнымъ. Я было сперьва на то не согласился; но какъ онъ представилъ мнѣ своего сына, обще съ нимъ страждущаго, и тогда въ Тобольскѣ повидаться съ нимъ прiѣхавшаго, то обѣщался показать старику мою услугу. Радость его была несказанная, въ восторгѣ своемъ не зналъ онъ что дѣлать, а на конецъ пришелъ въ себя, а я познакомясь съ его сыномъ, которой былъ также молодецъ разумной, начали обще думать, какимъ безопаснѣйшимъ путемъ доѣхать намъ до города Архангельскаго, и какъ бы намъ миновать находящiяся по сей дорогѣ заставы.

Тогда представилъ намъ молодой господинъ нѣкоего Сибиряка, на вѣрность котораго онъ совершенно могъ положиться. Сей Сибирякъ будучи, такъ сказать, съ нимъ воспитанъ, и тогда, какъ они

еще въ благополучіи находились, отъ господъ своихъ по разнымъ причинамъ въ Сибирь посылаемъ, зналъ всѣ дороги, и увѣрялъ насъ, что мы можемъ безъ малѣйшей опасности доѣхать до города Архангельскаго. И такъ тогдажъ учредили мы путь свой, и начали приготовляться къ нашему отъѣзду. Молодой господинъ долженъ былъ отправиться напередъ, и отъѣхавъ отъ Тобольска 100 верстъ насъ дожидаться. А понеже онъ имѣлъ позволеніе на 50 верстъ вкругъ Тобольска на охоту ѣздить, то отецъ его и разгласилъ по городу, что онъ поѣхалъ на ловлю звѣрей.

Такимъ образомъ простясь съ новымъ своимъ другомъ, и обѣщаясь ему имѣть крайнее о состояніи сына его попеченіе, отправился я къ городу. Караванъ нашъ состоялъ въ тритцати вьючныхъ лошадяхъ, между которыми одиннатцать принадлежали молодому господину. Мы наѣхали его дожидающаго насъ въ назначенномъ мѣстѣ. Тамъ соединясь шли пустыми и почти непроходимыми дорогами, а наконецъ, по претерпѣніи крайнихъ безпокойствъ и опасностей, прибыли къ городу Архангельскому, а оттуда пошли на кораблѣ въ Гамбургъ, куда и пріѣхали уже безъ малѣйшей въ пути остановки.

Тамъ

Тамъ продали мы дорогою цѣною Сибирскіе свои товары. Молодой избавленной мною отъ неволи господинъ отправился въ Вѣну, а я пріѣхалъ чрезъ Нѣмецкую землю и Голландію въ свое отечество, гдѣ и услышалъ о худомъ состояніи поселянъ моихъ, исправленіе которыхъ и приведеніе ихъ въ лучшей порядокъ положилъ я на своего племянника, тогда изъ Лондона въ западную Индію отправляющагося. Онъ между тѣмъ, какъ я въ Азіи находился, возвратился оттуда благополучно, и съ великою прибылью въ Европу, а честнымъ своимъ поступкомъ пріобрѣлъ себѣ во многихъ капиталистахъ желаемую довѣренность, и будучи въ похожденіяхъ своихъ щастливѣе меня, имѣлъ уже тогда и свой немалой достатокъ. Дѣти мои были живы, и подъ смотрѣніемъ часто упоминаемой выше сего старухи, воспитаны въ сходственность моего желанія.

И такъ находясь уже въ своемъ отечествѣ, точно намѣрился не предпринимать на себя больше въ исканіи, бродя по свѣту чудными приключеніями сопряженнаго несноснаго труда. Ибо наступило уже в емя приготовляться къ отъѣзду такою дорогою, которая всѣхъ тѣхъ длинняе, кои въ семьдесятъ

сятъ двухъ лѣтнюю великимъ множествомъ различныхъ нещастiевъ наполненную жизнь свою имѣлъ я случай объѣздить, и на конецъ собственнымъ своимъ безпокойствiемъ научиться: Сколь неоцѣненно есть сiе сокровище, чтобы живучи въ уединенiи, и наслаждаясь благоденствiемъ приготовлять себя къ полученiю вѣчнаго блага, о чемъ всякой разумной человѣкъ помышляя, долженъ стараться, дабы тѣмъ получить жизни своей честной

КОНЕЦЪ.

